

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

ПРОЙТИ ПУТЯМИ ПУГАЧЕВЩИНЫ —
ЗНАЧИТ УВИДЕТЬ РУССКИЙ БУНТ

Алексей Иванов

Алексей Иванов

ВИЛЫ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУВИНОЙ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И20

Оформление переплёта
Александр Чёрный, Андрей Фerez

Иванов, Алексей Викторович.
И20 **Вилы / Алексей Иванов.** — Москва : Издательство АСТ :
Редакция Елены Шубиной, 2016. — 574, [2] с. — (Новый
Алексей Иванов)

ISBN 978-5-17-097944-8

«Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный», — написал Пушкин в «Капитанской дочке»... и убрал из романа главу с этими словами. Слова прекрасные, но неверные. Русский бунт вовсе не бессмысленный. Далеко не всегда беспощадный. И увидеть его — впечатление жестокое, но для разума и души очистительное.

Бунт Емельяна Пугачёва сотрясал Российскую империю в 1773—1775 годах. Для России это было время абсолютизма и мирового лидерства. Но как Эпоха Просвещения породила ордынские требования восставших? В пугачёвщине всё очень сложно. Она имела весьма причудливые причины и была неоднородна до фантастичности. Книга Алексея Иванова «Вилы» — поиск ответа на вопрос «что такое пугачёвщина?».

Этот вопрос можно сформулировать иначе: «а какова Россия изнутри?». Автор предлагает свою методику ответа: «наложить историю на территорию». Пройти сейчас, в XXI веке, старинными дорогами великого бунта и попробовать понять, кто мы такие на этой земле.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097944-8

© Иванов А.В.
© ООО «Издательство АСТ»

Оглавление

Пролог. История и территория	7
Часть первая. «...Бородами и морями...»	
Кзаки против казаков	12
Часть вторая. «...Всякими вольностями...»	
Крестьяне против рабочих	129
Часть третья. «...Подобны степным зверям...»	
Башкиры против государства	278
Часть четвёртая. «...Ловить, казнить и вешать...»	
Каждый за себя	419
Эпилог. Девочка из Татищево	565

ПРОЛОГ

ИСТОРИЯ

И ТЕРРИТОРИЯ

Н а излёте блистательного XVIII века чудовищный народный бунт, возглавленный казаком Емельяном Пугачёвым, словно бы поднял Россию на вилы, но до сих пор никто не знает, что же такое пугачёвщина.

В городе Оса, в старом парке на берегу реки Камы стоит странный памятник великому мятежу: каменный обелиск с часами, у которых одна стрелка указывает XX век, а другая — XVIII. Что он символизирует? Непонятно. И с пугачёвщиной до сих пор слишком много непонятого. Вернее, России многое непонятно с самой собою, а потому уже — и с пугачёвщиной.

Вроде бы, события бунта известны, версий о причинах — множество, но в том-то и беда: ни одно толкование не объясняет всего. Какие-то важные особенности этого восстания обязательно противоречат стройной концепции историка.

В XVIII веке российская власть расценила пугачёвщину как «воровство», то есть криминал. Дело это было признано позорным, а потому — предано забвению.

С подачи Пушкина к бунту отнеслись внимательнее. Стало ясно, что народ схватился за вилы не из корысти. XIX век счёл пугачёвщину войной черни против знати.

XX век пересмотрел такой вывод, хотя и упростил ситуацию в угоду вульгарному марксизму. Для советских историков пугачёвщина стала крестьянской войной, то есть борьбой эксплуатируемых с эксплуататорами. Победил классовый подход.

Но так и не появилось уверенности, что исследователи добрались до сути. Пугачёвщина лишена романтики, тут не бросают красавицу «в набежавшую волну». Но в пугачёвщине есть особая, страшная ирреальность. Ощущения от неё Пушкин передал в образе дьявольского бурана. Что это за «внутреннее пространство» пугачёвщины, непонимание которого так будоражит до сих пор?

XXI век потащил в интернет-форумы скороспелые доктрины, в которых глобализм причудливо сливается с конспирологией. Дескать, пугачёвщина — одна из фаз вечной борьбы Леса и Степи, Европы и Азии, колоний и метрополии... Ну, да. И что из этого? Можно свести пугачёвщину к любому историческому тренду, но не находится тренд, из которого обязательно выводилась бы пугачёвщина.

Где искать прошедшее время? Только там, где оно прошло.

Ещё не опробованный ключ к амбарному замку пугачёвщины — пространство. Что поймёшь, если пройдёшь по всем дорогам бунта? Если совместишь историю и территорию? Окажется, что пугачёвщина — борьба за идентичность.

Памятник пугачёвщине в городе Оса

Пугачёв придумал объявить себя царём. С этой идеей он двинулся по России. А Россия — комплекс разных идентичностей, как Европа — комплекс разных стран. И каждая российская идентичность на идею самозванца отреагировала по-своему.

Что такое идентичность? Это не язык, не конфессия, не государственность, не география, даже не культура. Идентичность — это система ценностей.

Огромную Россию можно разделить на примерно-однородные зоны. На регионы. И для каждого найдётся свой способ наиболее эффективного освоения. Этот способ будет вырабатывать моральные нормы для того социума, который и практикует данный способ освоения региона.

Например, степь. В России степи — жаркое и плодородное поречье на южной границе. Наиболее эффективно осваивать эти территории могли хуторские и станичные хозяйства. Такой способ освоения сформировал социумы — казачьи войска. И у них казачья идентичность: тип жизнеустройства, характерный только для казаков.

Или другой пример: Урал. Горы, леса, реки, месторождения руд. Наиболее эффективно осваивать эту территорию могли горные заводы и рудники. Такой способ освоения сформировал социум — «горнозаводскую державу». И в ней воцарилась рабочая идентичность: набор поведенческих стратегий, характерных для рабочих.

И так далее.

Империя подавляла эти идентичности, а пугачёвщина их активировала.

В казачьем мире Яика пугачёвщина стала корпоративной войной: яицкие казаки не хотели жить так, как оренбургские, потому и забунтовали. И Пугачёв в первом же манифесте обозначил, что «яицким казакам надобно»: реки и моря, крест и бороду. Оренбургские казаки в том не нуждались.

В рабочем мире Урала пугачёвщина стала гражданской войной: крестьяне не хотели работать для заводов и пошли их жечь, а рабочие поднялись на защиту своих

предприятий. Стравливая рабочих и крестьян, самозванец соблазнял пахарей «всякими вольностями» от заводской работы.

В Башкирии пугачёвщина стала национально-освободительной войной: башкиры требовали от русской власти соблюдения их родовых интересов. Пугачёв призывал башкир к тому, к чему они и сами стремились два века — вернуть себе древнюю традицию полукочевья: «бутте подобны степным зверям!».

В крестьянском мире Поволжья пугачёвщина стала криминальной войной: крестьяне грабили своих хозяев и мстили за притеснения. И злодей Емельян самым страшным своим манифестом направил мятежников «ловить, казнить и вешать» дворян — владельцев земных богатств.

Так что тайное «внутреннее пространство» пугачёвщины — это сама Россия, не осознанная собственными гражданами. А «наложить историю на территорию» — значит, «увидеть русский бунт».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«...БОРОДАМИ И МОРЯМИ...»

КАЗАКИ ПРОТИВ КАЗАКОВ

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

В своём космическом вращении планета Земля словно шаркнула по эклиптике выпуклым боком — и протёрла на нём полосу Великих Степей Евразии. Ковыльные пространства соединили Карпаты и Алтай. Здесь горячие ветра гонят по солончакам клубки перекасти-поля, а вдоль караванных дорог, словно остовы кораблей, лежат скелеты лошадей и верблюдов. Здесь весной долины полыхают алым опиумным маком, а летом реки делятся на белые и чёрные — которые в жару пересыхают до белой сухой корки или только до чёрной жирной грязи.

Историю Степи творили суровые кочевые народы. Две с лишним тысячи лет назад владыками равнин были сарматы. Они завоевали Евразию медными мечами. Их смуглые женщины сражались наравне с мужчинами и носили чешуйчатые костяные доспехи, наструганные из конских копыт, а чернокосые дочери не выходили замуж, пока не убьют первого врага. От сарматов в сте-

ии остались «усатые курганы» — рукотворные холмы с длинными каменными насыпями.

Потом тревожные глубины Востока извергли неисчислимые орды гуннов. Их вожди после смерти уезжали в курганы на колесницах, а жрецы пасли в небесах стада облачных баранов. Отбитые Китаем, гунны перекатились через вселенную, по пути истребили сарматов и уже на излёте разрушили Рим. Похоже, сарматы были арийцами, а гунны — тюрками. Но в Великой Степи жили они одинаково. Великая Степь всегда переделывает всех под себя. Это закон.

На восемь веков брюхо Евразии стянул тюркский пояс, причудливо расширенный узорами многих государств. Под прикрытием Кавказа от Каспия до Азова в камышах приморских низменностей стояли твердыни Хазарского каганата, выстроенные из сырцового кирпича. На высоких ярах вдоль Волги шумели каменные города богатой Волжской Булгарии. Опушку непроходимой сибирской тайги и степи Иртыша стерегли бревенчатые крепости Ишимского царства.

А потом по бескрайним просторам тюрков, наводя ужас, пошли монгольские тумены Чингисхана. Их кибитки прокатились от Каракорума до Киева. Земли от Тобола до Терека стали улусом хана Джучи, сына Чингиза. При внуках Чингиза улус Джучи отложился от империи монголов и превратился в Золотую Орду.

Степная каменная
баба из музея
Челябинска

Орда поглотила почти всю Древнюю Русь и даже не насытилась.

Но и Орда тоже оказалась не вечна. По её золоту ударил железный Тимур. Монгольский улус раскололся на татарские ханства, как льдина на куски. Линии разломов прошли по Великой Степи примерно там, где прежде были границы исчезнувших тюркских держав. Казанское ханство легло поверх Волжской Булгарии. Астраханское ханство покрыло земли Хазарского каганата. Сибирское ханство утвердилось на царстве ишимских татар. А кочевой Ногайской орде досталось Дикое Поле печенегов и половцев.

**СТЕПЬ — ЭТО ОБРАЗ ЖИЗНИ И ТИП ЛИЧНОСТИ.
ЭТО ОСОБОЕ ПОНИМАНИЕ ПУТИ ВО ВСЕЛЕННОЙ:
ВЕЧНОЕ КОЧЕВЬЕ ПО ВСЕГДА НЕИЗМЕННОМУ,
ВСЕГДА ОДНОМУ И ТОМУ ЖЕ КРУГУ БЫТИЯ.
ЭТО СТРАННОЕ СОЧЕТАНИЕ НЕСОЧЕТАЕМОГО —
ОГРАНИЧЕННОСТИ И БЕСКОНЕЧНОСТИ**

На татарские государства Волги зарился ханский Крым, а его подзуживала Турция. Крымские ханы Гиреи потихоньку прибирали к рукам Астрахань и Казань. Но Иван Грозный беспощадно отрубил Бахчисараю руки и забрал Казань и Астрахань для Руси. А русские казаки разгромили татарские города на Иртыше и Яике.

От тридцативековой истории Великой Степи, как от пересохшего моря, остались только рифы могильных курганов. Их здесь называют «марами»: Высокий Мар, Двуглавый Мар, Семиглавый Мар...

Курган Дедуровский мар

Однажды некий яицкий казак, распарившись в жаркий полдень, присел на склон мара отдохнуть и перекусить. Над рыжими сыртами стоял зной, стрекотали кузнечики. Рассёдланный конь шумно рвал жухлую траву. Рядом с казаком из норки вылез суслик. Добродушный казак отломил кусочек хлеба и бросил соседушке. Суслик схватил угощение и утащил к себе. Казак грыз горбушку, оглядывал горизонты. И тут суслик опять вылез из норки и вынес казаку древнюю монетку: заплатил за добро из своих сбережений. В тёмных недрах мара скрывалась сарматская сокровищница, до которой дотянулись ходы хозяйственного суслика.

Клады кажутся единственным, что Великая Степь сохранила от своего прошлого. Но путачёвский бунт показал, что это не так. Золото курганов — не главное наследие Улуса Джучи и Золотой Орды. В мареве над марами дрожал призрак степного государства — но невидимый, как электронная программа.

УЛУС ПУГАЧЁВА

Карл Маркс считал, что Пугачёв строил «христианскую казачью республику». В Германии это похоже на правду, а в Оренбуржье, на Урале и на Волге — нет.

«Христианская»? Башкиры и татары составляли половину бунтовщиков, но были мусульманами. Калмыки — буддисты. Черемисы и чувашаи — язычники.

«Казачья»? Пугачёв лишь один раз провёл настоящий казачий круг, который его же и не поддержал. Станичные избы, которые вводил Пугачёв, суть обычное самоуправление общины, что у казаков, что у крестьян, — только название казачье.

«Республика»? Пугачёв правил единолично, как ордынский хан.

Хан Пугачёв казнил дворян от Терека до Тобола, даровал свободу веры, отменял прежние законы и иерархии. Он кажется реинкарнацией Джучи, великого чингизида. Улус Джучи простирался от Тобола до Терека, и здесь тоже царила свобода веры, прежние порядки были порушены, а власть принадлежала конной военной элите — монголам. Не отдавая себе в том отчёта, мятежные казаки Яика возрождали новый улус Джучи — улус Пугачёва. Конечно, казаки не знали истории, просто Великая Степь могла породить лишь один тип государства: как у сарматов, гуннов или ордынцев. Улус Джучи.

Пугачёвщина — дичайшая архаика для России, то есть для державы, которая выходила в мировые лидеры. Главной валютой тогда было не золото, а железо. Уральские заводы завалили им Европу. Русская армия одолела

всех противников от Стокгольма до Стамбула. Русские вельможи блистали во дворцах Парижа, Вены и Рима. Екатерина стала Великой, потому что Великим был Пётр, и теперь она дружески переписывалась с Вольтером, лучшим интеллектом эпохи. Откуда же тогда взялся монгольский откат пугачёвщины?

Откат — это когда есть импульс движения, а путь вперёд закрыт. Точнее, пути вперёд тогда просто не было, потому что некому было его указать. Путь вперёд указывает элита, которая формулирует смыслы и цели общества. Элиту порождают не богатства и власть, а знания и способности. Пётр I провозгласил элитой России дворянство. Но после смерти Петра дворянство решило, что его дело — дворцовые перевороты.

Заводы Урала, модернизированные Петром, изготовили столько пушек, что все опасные враги России стали не опасны. А нации рождаются в борьбе. Когда не оказалось внешнего врага, пришлось найти внутреннего. И нация объявила своим врагом свою элиту — дворянство, которое не исполнило своей исторической задачи.

Пугачёв решил заменить дворян на казаков. Всех мятежников он верстал в казаки. Казачество он объявил идеалом России. Элитой. Монголами. Конечно, в XVIII веке улус был государством нежизнеспособным. Но ведь нужно иметь какой-то образ новой державы, когда ломаешь старую.

Бунт Пугачёва был борьбой за новую элиту, а не за свободу. Казаки были свободными. Свободными были башкиры и калмыки. И поначалу Пугачёв не думал о свободе для нации. Он давал свободу лишь тем крестьянам, которые вступали в его войско и становились

Усыпальница Джучи в степях под Карагандой

казаками. Когда припекло, тогда Пугачёв и объявил свободными всех крестьян поголовно. Отмена неволи была не целью бунта, а средством борьбы мятежников со старой элитой — с дворянами.

Созревание элиты в России запоздало, потому что для дворянства не было стимула исполнять свою миссию. Дворянству и без миссии было комфортно: страна лидировала на мировых рынках, деньги текли рекой. Несовпадение целей элиты и нации — извечная драма России. В расцвете царствования Екатерины потребность нации в элите оказалась куда выше, чем потребность элиты в нации. И в этот зазор эволюций прорвался буран казачьей пугачёвщины — альтернативный проект России.

Чего не хватило дворянству в XVIII веке? Чести. Сословной спеси имелось в избытке, а вот чести не достало. Чести в понимании Петра: то есть гражданской ответственности за свою роль в обществе. «Береги честь смолоду», — согласился с нацией Пушкин. Его «История Пугачёва» стала историей страшной народной мести за утраченную честь элиты.

Пушкину ли не понимать проблему чести? В борьбе за свою честь он вышел на роковую дуэль с Дантесом. Тема чести стала последней в его судьбе и прозе. В «Капитанской дочке» только честь спасает Петрушу Гринёва и от Пугачёва, и от Екатерины. «Капитанская дочка» — символ веры в спасительность чести. А «История Пугачёва» — урок. Урок о том, что страна превращается в улус Пугачёва, когда у неё хватает пушек, но не хватает Пушкиных.

ЛЕТОПИСЕЦ БУРАНА

Пушкин оглянулся на Пугачёва после бунта военного поселения в Старой Руссе. Пушкина потрясла ордынская свирепость и бунтовщиков, и усмирителей. «Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы», — написал он другу. И поехал из столицы в далёкий Оренбург искать тайну русской «дурной бесконечности».

Пушкин ехал по степям Заволжья солнечным сентябрём 1833 года. Он не видел бесовских оренбургских буранов, а само слово «буран», ещё не известное читающей России, услышал от ямщиков. И дивное слово отчеканилось в памяти. Буран стал символом пугачёвщины. Ради него в «Капитанской дочке» снега разбушевались летом: ведь Петруша Гринёв попал в буран за три-четыре месяца до штурма Белогорской крепости, а крепость бунтовщики взяли в октябре. Слово, пой-

Дуб, с которого оренбургские барышни разглядывали Пушкина

манное в степи, Пушкин добросил до орбиты Земли — будто сам пушкинский тарантас превратился в аэрокосмический челнок «Буран».

Пушкин рассчитывал на гостеприимство оренбургского военного губернатора Василия Перовского, своего давнего друга. Крепость Оренбурга уже потеряла значение, её валы превратились в бульвары, но город

был полон солдат и офицеров, словно его по-прежнему осаждали пугачёвцы. Так пограничная Россия оберегалась от тревожной Великой Степи.

18 сентября Пушкин обнялся с Перовским. Первая оренбургская ночь Пушкина прошла на даче Перовского, уставленной рыцарскими доспехами. Днём Пушкин ездил по городу и окрестностям.

Второй ночлег Пушкина был у Владимира Даля. Даль тогда только задумывал свой знаменитый словарь, а пока считал себя доктором. Да он и был врачом — «второй хирургической перчаткой» России. В Оренбург Далья пригласил Перовский. На поле Бородинской битвы Перовского посекло картечью. Раненый, в Москве он попал в плен к французам, и освободили его уже в Париже. Остаток жизни его мучили боли. Доктор Даль умел их снимать.

Пушкин провёл с Далем чудесный вечер. Пылкие оренбургские барышни дознались, что в их город приехал знаменитый поэт, и прибежали к дому доктора. Одна из девушек отважно забралась на дуб, чтобы заглянуть в квартиру Даля, где гость беседовал с хозяином, и оба хохотали. В эту встречу Пушкин не успел перейти с Далем на «ты». «Ты» Пушкин скажет Дально только перед смертью, которую примет на руках оренбургского друга-доктора. Доктор Даль услышит последний вздох поэта Пушкина. В этот день Даль пополнит свой толковый словарь новой статьёй о слове «бессмертие».

А Пушкин отправился из Оренбурга в Уральск. Великий поэт ехал дорогой великого бунта. Дорога бежала по ковыльным склонам холмов, вдоль крутых красноватых откосов Яика-Урала, через мосты над буераками.

Скромные яицкие деревеньки оказывались бывшими крепостями. Никакой фортификации Пушкин в них не обнаружил, ведь со времён основания крепостей прошло уже восемьдесят лет.

Вечером тарантас Пушкина вкатился в Уральск — бывший казачий Яицкий городок. Наутро Пушкин обошёл немногие местные достопримечательности, сел в свой тарантас и уехал домой. Всё. Оренбургский вояж поэта занял три дня, если не считать дороги до Оренбурга и обратно. Однако этих трёх дней на осеннем Яике Пушкину хватило, чтобы потом написать два шедевра.

**КАЗАКИ, БУНТ, ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ — ЭТО ВАЖНО.
ОДНАКО НЕ МЕНЕЕ ВАЖНО, ЧТО ПО СЛЕДАМ
ПУГАЧЁВЩИНЫ НА ЯИК ПРИЕХАЛ ПУШКИН.
ЭТО ОН ВЕЛИКИМ СЛОВОМ ЗАВЕРШИЛ ВЕЛИКОЕ
ДЕЛО**

«Капитанскую дочку» публика встретила прохладно. «Слава г-на Пушкина давно отзвучала, и сейчас его сочинения читают разве что где-нибудь в Саратове», — свысока изрёк критик того времени. А «Историю Пугачёва» ущемила цензура. Пушкина не допустили к главному документу бунта — к протоколам допросов самого Емельяна Ивановича.

Император Николай, прочитав рукопись «Истории Пугачёва», настоятельно попросил сменить название на «Историю пугачёвского бунта». «У разбойника не может быть истории», — холодно заметил император. Но история есть у всего — и у бунта, и у Пугачёва. Не

Атаманский дом в Уральске, где останавливался Пушкин

всегда они тождественны друг другу. Хотя поначалу бунт и Пугачёв были вместе. И этот период Пушкин пояснял примером казаков Яика.

САРАЦИНЫ ДЛЯ РУССКИХ

Разгром Казани и Астрахани открыл русским лиходеям свободный путь по Волге в море Хвалынское. Его просторы бороздили богатые фелюги турков и персов с полосатыми парусами. Русским пиратам оставалось только кричать: «Сарынь на кичку!». Получилось, что Иван Грозный подарил казакам Каспий.

Однако требовалось надёжное убежище, чтобы «дуван дуванить». Дельту Волги могли обшарить царские стрельцы. И казаки приценились к далёкой дельте Яика, пока что недоступной для воевод. Там на протоках и старицах в камышах рычали тигры, хлопали крыльями фламинго, а среди лотосов плавали пеликаны.

Но в устье Яика стоял город Сарайчик: глинобитная столица Ногайской орды. Здесь мурзы держали на продажу полные зинданы рабов, на базарах торговались купцы из Багдада и Генуи, муэдзины кричали с минаретов, а дервиши кланялись святым могилам семи ханов Золотой Орды. Сарайчик надёжно запирали Яик с моря.

В то время с Каспия вверх по Яику, бурля, ходили густые косяки осетров и стерляди, белуги и севрюги. На протоках невольники строили загородки-учуги и развешивали на них рыболовные сети. От учугов город и получил своё название: Сарай-учуг, Сарайчик. «Сарай» — значит, дворец. Вторая твердыня улуса Джучи. А русские звали жителей Сарайчика сарацинами. Ногайцы Яика стали сарацинами Руси.

В 1580 году атаманы Нечай и Мещеряк атаковали Сарайчик с моря. Казачьи ватаги захватили город врасплох. Налётчики рушили мечети и жгли деревянные мосты через протоки, рубили сплеча всех подряд. Нечай и Мещеряк разнесли город так же свирепо и беспощадно, как почти за век до них это сделал Тамерлан. Дым горящего Сарайчика поплыл по керамически синему небу Азии.

Казаки сели в лёгкие лодки-чайки и угребли от Сарайчика вверх по Яику на триста вёрст. За жёлтым устьем реки Илек Яик разошёлся надвое, обтекая большой холмистый остров, покрытый дубравой. Остров казакам понравился. Они разбили здесь стан и начали строить городок: выкопали рвы, отсыпали валы и поставили частоколы. И остров, и городок казаки называли Кош-Яиком.

Но в Сарайчике в резне уцелел ногайский хан Урус. Он собрал по развалинам своих разбежавшихся воинов

Берег реки Урал возле раскопок города Сарайчик

и двинулся на Кош-Яик. Казаки бешено палили со стен из пищалей, а потом кинулись на сарацинов с пиками и саблями врукопашную. Ногайцы вновь бежали. Неукротимые казаки столкнули в Яик свои чайки и на вёслах догнали врагов. Отрубленные головы ногайцев раскатились по степи. Хан Урус опять еле спасся.

Оскорблённый, он покинул свой разрушенный город и увёл сарацинов на горькие реки Узени, где через два столетия начнётся и закончится путь Пугачёва. Руины Сарайчика затянуло травами. Теперь никто не мешал яицким казакам ходить на грабёж в Хвалынское море и привозить добычу в убежище Кош-Яика.

Кош-Яик стал вторым казачьим городком Руси. Первым был городок Раздоры, построенный на Дону, на острове Поречном, в 1571 году. И Яицкое казачье войско по старшинству следовало сразу за Войском Донским. Этот порядок во многом определит, почему же Пугачёв поднимать бунт с Дона явится на Яик. Дон-

ские казаки оказались русским заслоном от Европы, а яицкие казаки — от Азии. Донские казаки по духу тяготели к республике, а яицкие — к орде.

Но Москва не нуждалась в новой вольнице. И вскоре московские стрельцы согнали болотных черепах с развалин Сарайчика. Воеводы решили построить на месте ногайского города царскую крепость, чтобы отрезать наглый Кош-Яик от просторов Каспия. Казаки издалека злорадно смотрели, как стрельцы копают землю и таскают камни. Затея была бессмысленной. Наконец и воеводы поняли, что крепость им не по плечу. Плюнув, стрельцы бросили лопаты, сели в струги и подняли паруса. Стрелецкое войско исчезло среди синих волн Хвалынского моря.

Яицкие казаки вырубили себе место под солнцем. Сарачинов они прогнали, а Руси не хватило сил дотянуться до Яика. В 1591 году гордый собою Кош-Яик принял первых московских послов, которые смиренно попросили наглецов Яика пойти вместе с царскими полками в поход против хана Шамхала. Такая просьба означала то, что Яицкое войско признано государем: аминь!

«ОРЛЫ БРАДАТЫЕ»

По правому берегу Яика до самой Волги вздуваются ковыльные увалы Общего Сырта, рассечённые глубокими, извилистыми оврагами. Здесь шныряли степные лисы-корсаки, а бо-

ровые ручьи, журча, текли сквозь бобровые плотины. Эта сторона реки называлась Самарской. Другая сторона называлась Бухарской. Здесь в степях, где ветер шелушил лишай солончаков, паслись стада диких ослов и диких лошадей, а в раскалённой лазури неба плавали коршуны.

Рыжие отмели, багровые обрывы... Яик не выглядит великой рекой, хотя по длине он третий в Европе. Казаки уважительно звали его Урал-Горынычем. По Самарской стороне Урал-Горыныча кочевали ногайцы, по Бухарской — казахи. Второму поколению яицких молодцев надоело жить на границе посреди реки. И гонцы Кош-Яика отправились за благословением на Камынин остров.

Мутный Яик высыпал в Хвалынское море целый архипелаг. На каменистом и пустом острове Камынь в скитах поселились старые «лыцари»: ушедшие от мира основатели яицкого войска. В XX веке Каспий обмелеет, легендарный Камынин остров превратится в холм и затеряется на болотистой и тростниковой равнине побережья.

Молодые казаки Кош-Яика желали одобрения «лыцарей» на перенос городка. В протоке у Камынина острова гонцы встретили рыбацкую лодчонку с древним «лыцарем». Старик выслушал гонцов и сказал: отселяйтесь к устью Чагана. Будут на том месте бунты, пожары и кровопролития, но в итоге «узрите покой».

Драгоценное разрешение казаки принесли на Кош-Яик и в 1613 году спалили старые частоколы, а новый Яицкий городок основали на Самарской стороне при впадении в Яик реки Чаган. Только первый

пожар открыл казакам истину: подле острова Камынь гонцы встретили не «лыцаря», а митрополита Алексия, что почил в Москве ещё до Куликовской битвы. Мёртвый пророк, конечно, знал грядущее.

Казаки Яика дрались с казаками и сарачинами и ездили на службу к царю. Пасли скотину и поливали бахчи. Главным промыслом был рыбный, а его венцом стало январское багренье. Всё казачье войско расходилось по крещенскому льду Яика и сквозь проруби острогами таскало из омутов жирную снулую рыбу.

О зимнем багренье слышали даже в Зимнем дворце. В 1837 году губернатор Перовский привезёт на Яик цесаревича Александра, и наследник пожалует, что летом нельзя посмотреть знаменитый промысел. В России наследники престола считались Верховными атаманами всех казачьих войск империи. Хитрецы Яика сообразят, как утешить атамана. Цесаревичу сколотят плот с «прорубью», и двужильный казак-водолаз под водой станет ловко насаживать на августейший багор заранее приготовленных рыбин. Цесаревич будет в восторге.

**БЕЗЛЮДНАЯ ЖАРКАЯ СТЕПЬ, ЦИКАДЫ,
ОБРЫВИСТЫЕ БЕРЕГА РЕКИ, ПОКАТЫЙ
И ЗАРОСШИЙ УРЁМОЙ ОСТРОВ... ПАСТОРАЛЬ
И ГЛУХОМАНЬ. НЕ ВЕРИТСЯ, ЧТО ЧЕТЫРЕ ВЕКА
НАЗАД ЗДЕСЬ В СРАЖЕНИЯХ КОВАЛОСЬ РУССКОЕ
КАЗАЧЕСТВО — ФОРМАТ НАЦИОНАЛЬНОЙ
СВОБОДЫ**

На багренье 1773 года яицкому войску собирался объявиться и самозванец Пугачёв. Он уже заготовил

Береговой обрыв реки Урал и остров Кош-Яик

историю: ему, гонимому государю, «турский салтан» растолковал, что русский царь всегда найдёт помощь на Яике у тамошних казаков, у «орлов брадатых». Но это багренье Пугачёв просидит в казанском каземате.

Яицкие старики рассказывали смуглым казачатам, что на их Яике киевский богатырь Добрыня Никитич истребил свою врагиню ведьму Кайдаловну, а Сарайчик разорил богатырь Василий Казберыч. Что три яицких «Ивана-лыцаря» — Шатало, Пужало и Клад — бились с Мамаем на поле Куликовом. Что колдунья Маринка Мнишек пряталась на Яике в глиняном городище и палила по московским воеводам из пушек и пистолетов, а её любовники затопили в Яике лодки с сокровищами. Что казак Харко в одиночку отогнал кочевников в степь и победил степного царя Чувака. Что казак Рыжечка под Полтавой на радость государю Петру проколол пикой бронированного шведского витязя, а потом с другом-калмыччином на царский кошт цельный год без единой передышки кутил по кабакам всей империи.

Яицкое войско принимало в себя татар, башкир и калмыков и потихоньку меняло разрез глаз. Но далёкий Яик крепил свой русский дух тем, что вращал в русскую историю казачьими сказками. Хотя главное предание «орлов брадатых», мрачное пророчество острова Камынь, было ещё впереди.

ХИВА: КАЗАЧИЙ АРМАГЕДДОН

Яицкие казаки знали, когда грянет Судный день: когда русские возьмут Хиву, Иерусалим и Царьград и «обойдут свет кругом». Вот тогда и миру конец. Город Хива, столица оазиса Хорезм, — детонатор казачьего Апокалипсиса. Но почему?

Хивинцы не раз грабили русские караваны и рубились с казаками. С рынка Хивы у крепостных ворот Палван-Дарваза русские невольники навсегда уходили в жёлтые просторы Азии. Древняя Хива была врагом молодой России.

В 1713 году казанский губернатор Салтыков сообщил императору Петру, что некий туркмен открыл ему великую тайну Хорезма. Оазис питает река Амударья, которая течёт якобы из Арала в Каспий. А в водах Амударьи — золото, которое моют рабы хивинского хана. Хан не хотел, чтобы русские позарились на его золотоносную реку, и приказал в урочище Карагач засыпать Амударью песками и отсечь от Каспия.

Сухое русло Амударьи — это гигантская лощина Узбой. Миф об Узбое, по которому Амударья бежала из

Аральского моря в Каспийское, был жив даже в XX веке, и в XVIII веке ему верили безоговорочно. И в 1717 году Пётр I отправил в поход на Хиву отряд князя Александра Бековича.

Бекович должен был разгромить Хиву, прокопать плотину в Карагаче и снова пустить Амударью по Узбою в Каспий. В Карагаче для охраны Амударьи Пётр приказал князю возвести крепость. Строить на Каспии корабли был командирован морской офицер Кожин. Новенький русский флот проплывёт по возвращённой в Узбой Амударье из Каспия в Арал, а из Арала по Сырдарье — в Индию. В пути, если найдётся свободное время, Кожин приведёт в русское подданство и Бухару.

Отряд покорителей Хивы отплыл из Астрахани морем к устью Яика, в город Гурьев. Там к Бековичу и Кожину присоединились три полка яицких казаков: они будут растягивать Россию от Яика до Цейлона.

В урочище Карагач казаки разбили 24-тысячное войско хивинского хана и победителями вступили в крепость Ичан-Кала, тысячелетнюю цитадель Хивы. А ночью хивинцы пробрались в Ичан-Калу по тайному ходу и повязали всех русских. На площади у древней мечети Джумы с пленных казаков живьём содрали кожу. Отрезанную голову Бековича хорезмшах с поздравлениями послал хану Бухары.

Для казаков Яика эта беда раздулась в катастрофу. Император Пётр давно уже боролся с казачьей вольницей. На Дону против империи в 1707 году поднял восстание атаман Кондратий Булавин. Империя давила этот бунт два года и всё же подчинила Дон своим инте-

ресам. Теперь пришла очередь Яика. Разгром Бековича в Хиве для Петра стал удобным поводом разгневаться на яицких казаков. Пётр объявил их никудышными войсками и беглыми холопами, которых надо вернуть хозяевам, и двинул на Яик регулярные войска.

На Яике вспыхнул мятеж: свой император оказался не добрее чужого хана. Яицкие казаки решили драться, а не сбегать на Амударью под защиту Хивы, как донские казаки Игнатия Некрасова сбежали на Кубань под защиту Стамбула. Мятеж затянулся на пять лет. Полив степи кровью, Яик и Петербург замирились на том, что империя оставляет Яику казачье сословие, но казачий круг отменяется. Отныне атамана и старшин назначает императорская Военная коллегия.

С ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ХИВА ВЛАДЕЛА ПРОСТОРАМИ, ПО КОТОРЫМ ПРОЛЕГАЛИ КАРАВАННЫЕ ДОРОГИ АЗИИ. А ДИТЯ ПРОСТОРА — МИФ. И КАЗАЧИЙ ЯИК СОПЕРНИЧАЛ С ХИВОЙ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В сознании казаков Яика мощь чужой Хивы прочно сцепилась с гнётом своего Петербурга. Хива — индикатор. Когда Российская империя сможет покорить Хиву, тогда она сможет отменить казачество на Яике. Потому грядущее падение Хивы для яицких казаков и стало Армагеддоном.

В 1839 году в поход на Хиву солдат и казаков повёл самонадеянный граф Перовский, друг Пушкина и оренбургский губернатор. Казаки считали, что этот подвиг нужен графу для титула «генералмуса», а «генералмусы»

Древняя Хива

становятся императорами. Но подвига у Перовского не получилось. Он заморозил солдат в снегах у дикого плато Устюрт, а единственную атаку конных хивинцев отразил барабанщик, испугавший азиатов отчаянным треском «тревоги».

Но Хива не устоит перед Россией. Русские войска генерала Кауфмана возьмут её в 1873 году. Российская империя решительно запретит в Средней Азии рабство и урежет власть хивинского хана, однако хан всё же останется владыкой Хорезма.

Всё закончится в Гражданскую войну: Красная Армия разгромит и царства, и ханства. А заодно советская власть уничтожит и казачество. Для казаков Яика сбудется предсказание о падении Хивы и конце их света.

«БЕДНЫЕ РОДСТВЕННИКИ»

Яицкие казаки охраняли только нижнюю часть Яика, а Яик — очень длинный, и на всём протяжении он был границей между азиатской Россией и нероссийской Азией. В 1734 году началась долгая и кровавая Оренбургская экспедиция. Одной из многих её целей было возведение крепостей на верхнем Яике. К делу приступили с середины: в 1735 году на впадении в Яик реки Орь заложили крепость Оренбург. Эта крепость потом стала Орской.

Стройка нуждалась во всём, и в первую очередь — в хлебе. Его можно было привозить из тучных зауральских слобод на Верхояицкую пристань и сплавлять в Оренбург на судах вниз по Яику. Но дорогу из слобод на пристань следовало охранять от башкирского разбоя, и обозам требовался вооружённый конвой. Тракт из Зауралья на Яик тянулся вдоль реки Исеть и её притоков Течи и Миасса.

Недоверчивый Василий Татищев, начальник уральских заводов, превратил тракт в цепочку небольших крепостей — в Исетскую оборонительную линию. Она начиналась Шадринским острогом и заканчивалась Верхояицкой пристанью.

Крепости нового образца совсем не походили на старинные русские деревянные остроги. Это были окружённые рвами невысокие земляные сооружения со стенами-куртинами и бастионами. Иногда их облицовывали камнем или кирпичом, но чаще — плетнём или дёрном. Инженеры называли такие крепости ретраншементами, а солдаты говорили — «транжементы». Самым

знаменитым ретраншементом в России стала Петропавловская крепость в Петербурге, а последним — непокорная Брестская крепость.

В селениях, сквозь которые прошёл Верхояицкий тракт, насыпали типовые «траншементы». Их валы покрывали дёрном, закрепив его деревянными спицами: через год дёрн прижился, и насыпи держали форму. На бастионах «траншементов» выстроились чугунные пушки. И кто-то должен был нести службу у батарей.

В службу на «траншементах» набрали народишко с миру по нитке. Эту разношёрстную ораву в 1736 году решительный Татищев объявил Исетским казачьим войском. Так бывалым казакам Яика явились «бедные родственники» Исети.

Исетское войско получилось невеликим. Иметь казачий круг ему не дозволили, а командовал войском старшина, тянувшийся во фрунт перед любым офицером. Жалованье казакам дали грошовое: главной платой были земельные наделы. Исетские витязи остались довольны и этим. Они пахали и рыбачили, держали скотину, торговали с казаками и башкирами, на бесчисленных синих озёрах ловили перелётных птиц, развешивая по деревьям рыболовные сети.

Самой большой крепостью Исетской линии стала Челябинская, а попросту — Челяба. Её в 1736 году основал полковник Алексей Тевкелев, главный российский знаток «восточного вопроса». Вместе с несчастным князем Бековичем он ходил в поход на Хиву, но уцелел, потому что на полпути, на Каспии, его корабль штормом забросило в плен к персам. Тевкелев был идеологом Оренбургской экспедиции.

Макет въездной башни крепости Челябинска из музея в Челябинске

Тевкелев указал начальству два сосновых бора на берегу реки Миасс: Каштак и Челябинска-карагай. Здесь сходились древние караванные дороги, что вели в Сибирь из Персии и Бухары. На этом перекрёстке русские воздвигли бревенчатый острог старого типа — единственное столь архаичное укрепление среди приземистых земляных «транжементов».

Иван Неплюев, последний командир Оренбургской экспедиции, наконец-то выстроил город Оренбург и в 1748 году учредил Оренбургское казачье войско. Он растолкал сонных исетских казаков и записал их в новое войско на правах автономии. Вскоре войсковую избу Челябины осенило знамя, а вместо старшины, штопавшего зипун, прибыли бравый атаман, усатые сотники, есаулы с пистолетами и хорунжие с пиками.

Челябинская крепость превратилась в центр обширной Исетской провинции, которая простиралась от Яика до Тобола. В Челябине возвели собор и ратушу, здесь сел воевода. В его провинции насчитали 55 тысяч жителей, подлежащих обложению налогами. По нынешним меркам это немного: численность скромного райцентра. Но в середине XVIII века во всей бескрайней России проживало только 12 миллионов человек: меньше, чем в одной лишь Москве начала XXI века.

Челябу усилили. Вокруг старого бревенчатого острога насыпали новый вал, срубили стены-городни с крытым боевым ходом и три высоких башни: первый ярус — проезжие ворота, второй ярус — пушки, на шатрах — двуглавые орлы. Подступы утыкали кольями и надолбами. Так на реке Миасс воцарилась самая мощная крепость южного Урала.

В пугачёвщину падение могучей Челябины станет главной военной победой мятежников. «Бедные родственники» не выстоят.

«МЕНЬШИЕ БРАТЬЯ»

Река Уй впадает в Тобол, река Сакмара — в Яик, река Самара — в Волгу. На этих реках за десять лет яростных боёв с башкирами Оренбургская экспедиция выстроила сотню крепостей и редутов: гигантский узел из шести оборонительных линий с центром в Оренбурге. Службу на линиях несли казаки.

Оренбургский губернатор Иван Неплюев не стал верстать всякую голытьбу, как на Исети сделал Татищев. На линии Оренбурга Неплюев перевёл станичников Яика, Уфы, Самары, Волги, Дона. А вместе с ними — верных калмыков и татар. В 1748 году Неплюев добился учреждения Оренбургского казачьего войска. Это было первое полноценное казачье войско России, которое не зародилось само собой, а было целенаправленно создано властью. А у казаков Яика появились не только «бедные родственники», но и «меньшие братья».

Яицкое войско сложилось до реформ патриарха Никона и сберегло отчую веру «лыцарей» острова Камынь: оно осталось раскольничьим. А вот Оренбургское войско сложилось уже «никонианским». Потому «меньших братьев» не заманит обещание Пугачёва наградить «бородами», то есть — разрешить старообрядчество.

Атаманом в новое войско назначили молодого самарского казака Василия Могутова. Тридцать лет он будет крепко держать казаков в своём кулаке. Во время осады Оренбурга он возьмёт под командование самый трудный участок обороны города — вал и бастионы от Орских ворот до Сакмарских. Подмётными письмами Пугачёв станет склонять Могутова к измене, однако

Николаевская казачья крепость оренбургского войска. 1836 год

атаман лишь расхохочется, читая эти грамотки: самозванец сулит ему кафтан и бороду, а Могутов уже и сам дворянин и помещик, он и сам кому хошь может подарить кафтан или выдрать бородёнку.

Для чего же потребовалось Оренбургское войско? Для усмирения непокорных башкир. Два века рассадником смуты за Волгой была Башкирия. Обратить башкир в крепостное состояние Россия не решилась: это означало проглотить бомбу. Башкиры бились за свои земли с калмыками. Не пускали к себе заводчиков. Не признавали административных границ, кочуя из губернии в губернию, — такое было запрещено. И ещё башкиры воевали с казаками. Это и определило их судьбу.

В 1731 году агент Коллегии иностранных дел Алексей Тевкелев привёл казахов в русское подданство. Никто казахов в Россию особенно-то не звал, да и сами они не рвались, но хитрый Тевкелев уговорил их, на-

обещав золотые горы. Он привёл бы в русское подданство даже чертей, лишь бы сделать карьеру. Присяга казахов окончательно загнала башкир в ловчую яму Российской империи. Башкиры восстали, и против них двинулась Оренбургская экспедиция.

Идеей экспедиции был прорыв в Среднюю Азию. За минаретами Хивы и Бухары российским императрицам мерещились сказочные города Индии и Китая с их шелками и пряностями, жемчугом и алмазами. Но пока башкиры и казахи нападали друг на друга, путь на восток был закрыт: торговые караваны гибли в схватках по обоим берегам Яика. Башкир надо было изолировать — и сразу ото всех.

Казанский губернатор Волынский, оберегая татар, построил Черемшанскую линию крепостей. Горный начальник Урала Татищев, оберегая заводы, построил Исетскую линию крепостей. Кирилов, первый командир Оренбургской экспедиции, оберегая калмыков, построил Самарскую крепостную линию. А Иван Неплюев, последний командир Оренбургской экспедиции, завершил грандиозную блокаду Башкирии, утыкав крепостями Яик и Тобол с их притоками.

Защитить затеи империи от неуправляемых башкир солдаты не могли. Это могли сделать только казаки. Солдаты — пешие, а казаки, как и башкиры, — конные. Солдаты — подневольные, казаки и башкиры — свободные. Солдаты на казённом коште, казаки и башкиры — на своём. Однако при явном сходстве казаков и башкир главным их отличием было то, что все свои выгоды казаки имели от покорности престолу, а башкиры — от непокорности.

Во времена Пугачёва на Яике жило около 14 тысяч казаков — исетских, оренбургских и яицких. Казаки были антиподами башкир. Но Пугачёв сумел объединить их в общее дело бунта.

ПЕРВЫЙ ГРОМ

Казачьи общины появились на Руси как форма отторжения людей от государства. В Оренбурге Российская империя начала творить чудеса: создавать новых казаков уже себе в поддержку. На Яике подчинение казаков казённому уставу называли «регулярством». «Регулярство» отменяло многие вольности и тем самым консервировало сложившееся положение дел: богатые богатели дальше, а голь продолжала нищать, потому что повинностей с неё не снимали. Но власть не могла потерпеть своеволия среди тех, кому поручила охранять свой интерес.

Старое казачество Яика империя поставила перед выбором: либо принять казённый оренбургский образец, либо сгинуть в борьбе за былые права. Яицкие казаки долго костерили «регулярщиков», но богатые старшины и не почесались, чтобы защитить свою го-лытьбу. И тогда в 1770 году яицкие казаки отказались идти на Терек, куда их посылала власть. Началась казачья забастовка.

В Яицкий городок, распустив нагайки, прискакала следственная комиссия. Пока она судила и рядила, с Общего Сырта в Джунгарию потекла орда калмыков,

бегущих из России. Комиссия приказала казакам Яика лететь в погоню за калмыками, а казаки залезли на печи. Комиссия схватила зачинщиков за бороды и поволокла в оренбургскую тюрьму. Терпение казаков лопнуло.

В степях замертво остывал январь 1772 года. В иорданиях реки Чаган горел пунцовый закат. Над частокколами и кровлями Яицкого городка заколотился набат. Забастовка переросла в усобицу между двумя казачьими войсками. Через полтора года Пугачёв переформирует эту усобицу в бунт против всей державы.

В 1999 ГОДУ В ОРЕНБУРЖЬЕ НА ИСТОРИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТАХ СНЯЛИ ФИЛЬМ «РУССКИЙ БУНТ» — ЭКРАНИЗАЦИЮ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ». ПОЧЕМУ-ТО СОБЫТИЯ ПУГАЧЁВЩИНЫ ВСЕГДА ХОЧЕТСЯ ПЕРЕИГРАТЬ ТАМ, ГДЕ ОНИ И ПРОИСХОДИЛИ: ВДРУГ НА РЕАЛЬНОМ МЕСТЕ ПРОЯСНИТСЯ ТО, ЧТО УСКОЛЬЗАЕТ ОТ ПОНИМАНИЯ?

Генерал Траубенберг крикнул выкатывать пушки на площадь. Разжиревшего атамана Тамбовцева верные старшины с натугой подсаживали в седло. Но к плацу войсковой канцелярии по улочкам Яицкого городка неслись не лапотники с палками, а бывалые рубаки с клинками наголо и на конях. Грянул залп. Сквозь казачью лавину просвистели ядра. Но казаки насыпались на врагов, рассекая саблями ненавистные мундиры. Пуля сбила Траубенберга с крыльца канцелярии. Атамана Тамбовцева мятежники пиками выну-

Декорации Белогорской крепости для фильма «Русский бунт»

ли из седла и сунули в петлю на воротах. Артиллеристов покололи, старшин затоптали конями.

«Регулярство» на Яике было свергнуто. Наладить новые-старые отношения с властью в Петербург поехало посольство казака Максима Шигаева. А в столице вместо Зимнего дворца послы угодили в Петропавловскую крепость.

Максим Шигаев был добрым человеком. В Яицком городке он спас офицера, и потому через полгода его выпустят из каземата Петропавловки. Однако домой он вернётся всё равно мятежником, потому что личная удача для него не оправдывает общую несправедливость. Жалостливый Шигаев и потом будет заступаться перед Пугачёвым за правых и виноватых, но в итоге всё равно повиснет в петле над плахой, залитой кровью четвертованного Емельяна.

Зиму и весну Оренбург и Яицкий городок готовились к схватке. Из Москвы пришёл карательный корпус генерала Фердинанда Фреймана. Переждав паводок, в середине мая Фрейман двинулся из Оренбурга вниз по Яику. Оренбургские казаки сошлись в бою с яицкими братьями на степной речке Ембулатовке. Три тысячи всадников замесили Ембулатовку в кашу из воды, земли и крови. Ласточки в небе сходили с ума в клубах дыма от артиллерийских залпов. Знамя мятежников упало в свежую траву. Его подобрал, сорвал с древка и спрятал за пазуху казак Иван Зарубин. Через год он отдаст спасённое знамя Пугачёву, который заявится на Яик, услышав гром канонады над речкой Ембулатовкой.

Под барабанный бой корпус генерала Фреймана вошёл в угрюмо затихший Яицкий городок. Бунтовщиков скрутили и отправили в Оренбург. Тамошняя тюрьма не вместила всех, и арестантов посадили в кирпичную громаду Менowego двора. Охрану, злорадствуя, несли оренбургские казаки. Суд заседал день и ночь. Зачинщиков бунта заколачивали в цепи и отправляли на каторгу в Сибирь. Остальным мятежникам экзекуторы полосовали спины кнутами.

Перед сенокосом битых бунтовщиков освободили. На Меновом дворе они рассаживались по телегам, чтобы ехать восвояси. «То ли ещё будет, — угрожающе бурчали они в отросшие раскольничьи бороды. — Ещё тряхнём вашей Москвою!» «Молчать, курвины дети!» — рыкали в ответ оренбургские казаки.

«НАБЕГЛЫЙ ЦАРЬ»

Комендантом Яицкого городка назначили подполковника Ивана Симонова, упряма и пьяницу. Яицкие казаки понимали, что их уклад попирает не Симонов. Настоящий враг — он в Оренбурге, где гнездо «регулярства». Но требуется скопить силы для атаки на Оренбург и смастерить таран для оренбургских ворот.

Осенью 1772 года по Яицкому городку прополз слух о царе Петре Фёдоровиче. Якобы царица хотела ступить снова мужа, да он утёк и долго скитался по миру, пока турецкий салтан не направил его на Яик. Здесь «набеглый царь» на время приютился в баньке у казака Дениса Пьянова. Дошлый казак раскусил гостя, когда подслушал, как тот в уединении читает заздравный канун наследнику Павлу Петровичу и называет царевича своим ненаглядным любезным чадом. Уходя, таинственный странник обещал, что вернётся на багренье в январе 1773 года. Но вернулся он только в августе. По форпостам Яика разнеслась весть, что где-то на Узеньях или на Таловом умёте сидит воскресший император Пётр III.

Узени — странные пространства вокруг рек Узеней, Большого и Малого. Эти реки берут начало на склонах Общего Сырта, долго-долго бегут к Каспию, но так и не добегают, теряясь в Рын-песках, в солончаках и меж горьких озёр. Здесь ручьи вымывают кости древних носорогов и монеты забытых царств. Здесь громоздятся мары, поросшие травой, высохшей от жары, как бумага. На диких Узеньях вокруг одинокой крепости Узень прятались раскольничьи скиты из саманного кирпича, ста-

Река Большой Узень

новища разбойников и умёты — постоянные дворы. Узени укрывали многих беглецов. Где пропадали огромные реки, легко мог пропасть и маленький человек.

А на Таловый умёт съехались четыре казака. Двое из них — Максим Шигаев и Ванька Зарубин по прозвищу Чика — станут ближайшими сподвижниками «набеглого царя». На умёте они увидели бывшего гостя Дениса Пьянова: крепкий мужик со смоляной бородой, загорелой рожей и тёмным взглядом. Мужик, усмехась, сказал, что он — Пётр III.

Казаки не путали жеребца с мерином и сразу опознали в человеке ровню. Самозванец и не отпирался. Он — донец Емельян Пугачёв. Услышал про бунт на Яике и явился, штоб занять товарищей и уйти с ними на Кубань, где живут вольные «игнат-казаки». А царём назвался — дак кто ж его иначе послушает? Яицкие казаки жили своим умом. Им неважно было, зачем этот Емельян принял имя царя. Зато самозванец станет тараном, который выбьет ворота Оренбурга. Если что, тем же самозванцем можно откупиться от возмездия за бунт. Дескать, чёрт попутал: поверили вору, что государь. Рожа, вроде, схожа. И четыре первых казака присягнули Пугачёву.

Но предателей хватало. Подполковник Симонов вскоре узнал о самозванце, и на Таловый умёт поскакала юнинская команда. Она опоздала. Казаки уже усадили Пугачёва на коня и по умётам двинулись к реке Чаган, собирая войско для бунта. Отряду зачинщиков встретился казак Скворкин, посланный «шпионничать», и его повесили. Так первой казнью бунта стала казнь своего брата-казака.

17 сентября 1773 года мятежники заняли Чаганский форпост. Форпост — это казачья деревня. Мятежники — полсотни казаков с восемью знамёнами, беглый смутьян и мальчишка-писарь. Но с куриного переполоха в казачьей деревушке на Чагане начался замах तोпора, едва не срубившего древо Российской империи.

**ТАИНСТВЕННАЯ РЕКА БОЛЬШОЙ УЗЕНЬ ТЕЧЁТ
СКРЫТНО, ВРОВЕНЬ С НИЗКИМИ БЕРЕГАМИ,
МОХНАТЫМИ ОТ ЗЕЛЕНИ. В ЭТИХ СТЕПЯХ —
ЗАЗЕРКАЛЬЕ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ. НАПОКАЗ
У ДЕРЖАВЫ — РАБСТВО И ГРОМКАЯ СЛАВА,
А ЗДЕСЬ — СВОБОДА И ГЛУХАЯ БЕЗВЕСТНОСТЬ**

Яицкий городок зашумел, предчувствуя новую беду. Пронёсся слух, что капитану Крылову доставили бунтовщицкий манифест. Казаки ждали, что офицер зачитает его всем и объяснит, что за черти мутят воду в Чагане. А капитан молча сложил лист в четвёртую долю и опустил в карман.

У драгунского капитана Андрея Крылова в Оренбурге оставалась семья — жена Мария и четырёхлетний сын Ваня. Они стойко пережили все тяготы осады, по-

ка Андрей Прохорович будет защищать Яицкий городок. Через много лет Иван Андреевич Крылов станет великим русским баснописцем.

Но в самом начале бунта мелкое высокомерие капитана Крылова показало казакам общую нестерпимую несправедливость их положения. И казачья команда, высланная комендантом Симоновым против мятежников, на окраине Яицкого городка переметнулась к самозванцу. Вскоре за Чаган потянулись и другие перебежчики. Кое-кого из казаков товарищи уводили силой — тянули их коней за узду. 11 таких несогласных отказались присягать Пугачёву, и их тоже казнили.

Подполковник Симонов мог раздавить бунт в зародыше. Гарнизон Яицкого городка насчитывал 2000 человек при 22 пушках. Но Симонов приказал занять оборону. 19 сентября на штурм Яицкого «транжемента» от Чагана поскакало только пять сотен бунтовщиков с пиками. Конечно, их легко отбили пальбой. Однако в этой победе не было чести, потому что подполковник Симонов не решился выйти из крепости на бой в открытое поле. И в результате через полгода сто тысяч мятежников едва не обрушили устои всего государства.

БЕРЕГ УТОПИИ

Мятежные казаки не отвлеклись на осаду «транжемента» Яицкого городка. Их целью был Оренбург. К вечеру они уже ускакали на двадцать вёрст вверх по Яику. На ночлег

встали в урочище Белые Берега. Самозванца казаки несли как куклу, как жертву. Но Пугачёв пришёл на Яик не с пустой головой. Он принёс замысел: подцепить Россию с краю, с Яика, и перевернуть вверх дном. Сделать Россию не дворянской державой, а казачьей, где все равны, все свободны, все — казаки. Конечно, это полная утопия. Но зато понятно, чего надо.

Главная ценность казаков — равенство. В реальности, конечно, его никогда не было, но как ценность идея равенства определяла всю жизнь казачества. Делом казаков была воинская служба, и её все несли по очереди. В таком порядке жизни у казаков и воплощался принцип равенства. Но Яик оказался исключением. Здесь казаки, не желавшие служить, выплачивали жалованье за службу тем, кто служить желал, или тем, кто не мог откупиться от службы. Поэтому главной ценностью Яика было не равенство, а справедливость: каждому воздаётся по его вкладу. «Регулярство» не смотрело на вклад и нарушало справедливость. Ради восстановления справедливости казаки Яика поднялись на бунт 1772 года.

На грохот того бунта прибежал Пугачёв — и получилось, что для исполнения замысла казачьей державы он выбрал самое неподходящее казачество России: он, донской казак, думал о равенстве, а яицкие казаки думали о справедливости.

На Белых Берегах мятежники устроили казачий круг — первый после бунта 1772 года. Мятежники решали, что им делать дальше. Пугачёв объявил, что надо идти в поход на Москву. Ведь не ради Оренбурга Емельян поставил на кон всё и превратился в самозванца, обречённого на смертную казнь. В густой сентябрьской

ночи столбами горели костры. По чёрной воде Яика разбегалась алая рябь. Казаки орали, били шапками о землю, хватались за сабли. Жёлтые степные лисицы в эту ночь не осмелились покинуть логовища. А казачьи кони равнодушно спали стоя. Казачий круг постановил: идём на Оренбург. Поход на Оренбург — это поход за справедливостью. А на Москву — за равенством.

«Поход на Москву» станет недостижимой мечтой Пугачёва. И она не сбудется трижды. На Белых Берегах Пугачёва в этот поход не пустили яицкие казаки. На Царёво-Кокшайской дороге ему не хватит войска, разбега. А в Саранске иссякнет вера в успех. На казачьем круге Белых Берегов Пугачёв проиграл первый бой и понял: он — никто. Заложник. Орудие. Яицкие лидеры — его хозяева. «Улица моя тесна», — с горечью скажет потом Пугачёв.

И ещё на Белых Берегах он впервые воочию увидел, что его идея казачьего переустройства России не универсальна. Но не потому, что плохая, а потому, что Россия — разная. И каждая самодостаточная зона России будет прочитывать эту идею по-своему. Как ей понятно и выгодно. Так и случилось на Яике.

Если бы Емельян Пугачёв был глуп, он счёл бы яицких лидеров предателями — и потом их всех бы перерезал. Но Пугачёв был умён и понял, что ему нужна не поддержка яицких лидеров, а власть над ними. Под Оренбург Пугачёв пойдёт сражаться не за победу над «регулярством», а за победу над яицкими казаками. Он сам станет им Оренбургом.

Пугачёву повезло, что казачий круг выбрал атаманом Андрея Овчинникова. Андрей доверял не делу,

и человеку: если Емельян объявил себя царём и этим подписал себе смертный приговор, значит, Емельян не предаст, и ему можно верить. Овчинников был всего на год старше Пугачёва, но оказался куда более цельным человеком. Спокойный и надёжный, жестокий и смелый, он был предан бунту, как волк — свободе. Его слово казаки ценили выше, чем слово Емельяна, а он до самого конца не отступится от Пугачёва. Судьба его помилует: яицкий казак Андрей Овчинников не увидит поражения и погибнет в последней битве.

А для казаков Яика ещё придёт пора, когда равенство станет для них важнее справедливости. Это будет время Табынской Богородицы. Пугачёв просто явился на столетие раньше срока.

КРЕСТНЫЙ ДОЗОР

После пугачёвщины государство приравняет казачьи чины к офицерским и откроет казачьим лидерам путь в дворянство. Тем самым власть обретёт контроль над казаками через казачью элиту. Разница между оренбургской очередью, то есть равенством, и яицким взаимозачётом, то есть справедливостью, окажется уже не важной. Разделение на войска потихоньку станет формальностью, исторической памятью: казачий мир Яика будет един.

Единство закрепит общая святыня — табынская икона Божьей Матери. А культ материнской любви, одинаковой для всех чад, был культом общинного ра-

венства. Равенство и оренбургское «регулярство» победят казачью вольницу. Богородица Табынская не смотрела, как служат её дети: по найму или по порядку. Не смотрела, сколькими перстами они крестят лоб: двумя или тремя. Она тревожилась, чтобы все были живы. Судьба уберегла её в бунт, когда брат шёл на брата. Табынская крепость без боя сдалась пугачёвцам, а потом без боя вернулась под руку государыни.

Древняя икона была чудотворной уже давно. Однажды табынская крестьянка взяла в храм сына, а мальчишка пришёл с яблоком. Матушка шлёпнула сорванца по руке, чтобы убрал забаву. А когда служба закончилась, яблоко у мальчишки исчезло. «Всё-таки слопал в церкви, разбойник?» — сурово спросила матушка. «Не ел я! — поклялся мальчишка. — Тётенька себе попросила!» И указал на икону.

Подлинная её сила откроется в 1848 году. Беспощадные степи Азии то и дело облизывали русские границы смрадным языком эпидемий. На реке Белой большое пристанское село Стерлитамак будет вымирать от холеры. Изгонять дьявола призовут икону из Табынска. Дьявол сбежит от святого лика, и Стерлитамак исцелится.

Через пять лет холерой залихорадит Оренбург. Гибнущий город воззовет к табынской спасительнице. Икону принесут — и бесы отступятся от Оренбурга. Но чуду иконы найдётся и вполне рациональное объяснение. Городские власти Оренбурга стаскивали трупы умерших от холеры в огромный Караван-Сарай. Шедевр архитектора Александра Брюллова стал замком смерти. Но ненасытные интенданты Караван-Сарая тайком снимали с покойников одежду и продавали по

Храм в селе Табынское, где хранилась чудотворная икона

дешёвке: тем самым разносили заразу по городу. Когда в Оренбург вошла Богородица Табынская, жулики боялись грешить пред её образом, побоялись наживаться на мёртвых, и прекратили торговлю. Разбег заразы остановился.

Постепенно табынскую икону признают по всему Яику-Уралу, по всей огромной губернии. И сложится крестный ход через пограничные селения. Икона будет обходить Оренбургскую губернию по кругу, и этот крестный дозор будет длиться с весны до весны. Усталая Богородица разрешит себе отдыхать в своей церкви в Табынске только три недели в году.

По колеям пыльных степных трактов от форпоста к форпосту покатится карета — колёсный храм с пятью деревянными главками. В карете будет ехать икона: огромная, тяжёлая, чёрная доска с едва мерцающим образом Богоматери. В эту повозку будут запрягать лишь тех лошадей, которые никогда не возили на себе

всадника, — даже мальчишки в ночном не запрыгивали им на спины охлюпкой. Такие лошади умеют понимать желания чудесной иконы и сами выбирают, в какую деревню им свернуть и где остановиться.

Табынская Богородица, как мать, помогала всем — и казакам, и не казакам, и православным, и правоверным. Среди православных Табынскую Богородицу почитали и никониане, и раскольники, потому что образ её был дониконова письма. Казачья заступница объединяла всех.

Она будет в дороге пятьдесят лет, до самой Гражданской войны. Оставляя Оренбург большевикам, последний оренбургский атаман Александр Дутов увезёт казачью святыню в Сибирь. Оттуда разгромленные белоказаки через смертоносные льды хребта Боро-Хоро на руках вынесут икону в китайский город Кульджу.

В скромной русской церковке Кульджи Табынская Богородица будет утешать изгнанников ещё пятьдесят лет, до эпохи Культурной революции в Китае. А потом со смоляным дымом костра бесноватых хунвейбинов Божья Матерь Табынская тихо отступит в небо Поднебесной империи.

ВОЦАРЕНИЕ В ИЛЕЦКЕ

Первой на пути бунта к Оренбургу стояла крепость Илецкий городок. Здесь, на левом, «бухарском» берегу Яика у впадения степного Илека жили казаки, переселённые в Орен-

буржье из Малороссии. Они не получили от хозяев Яика рыбных промыслов и пахали поля. Поэтому их главные ценности были крестьянские — власть и собственность, а не казачьи — равенство и справедливость.

Четырьмя сотнями илецких казаков командовал атаман Лазарь Портнов. Увидев на горизонте тучу пыли от войска мятежников, он хотел спустить по Яику изготовленные плоты, чтобы они сшибли мост. Бунтовщики станут перебираться через Яик вплавь, и тогда их можно будет побить картечью. Но свои же товарищи не дали Портнову уничтожить переправу. Однако атаман Овчинников всё равно не рискнул переходить реку по мосту и перевёл отряд на левый берег по отмелям былинного острова Кош-Яик. Сияя осенними рощами, остров лежал посреди Яика, словно груда золота. Илецкий городок сдался без боя.

**ЯИК НЕ ШИРОК И НЕ ГЛУБОК, ПО НЕМУ НЕ ХОДЯТ
КОРАБЛИ, И КАК В НЁМ УТОНУЛ ЧАПАЕВ —
СОВЕРШЕННО НЕПОНЯТНО. НО ЯИК — РУССКИЙ
НИЛ: ОН ДАЛ ЖИЗНЬ ОКРЕСТНЫМ ПУСТЫНЯМ,
ОН УСТАНОВИЛ ХОД ВРЕМЕНИ, ОН ПРОЧЕРТИЛ
ГРАНИЦЫ МЕЖДУ НАРОДАМИ И ГОСУДАРСТВАМИ**

Бунтовщики разграбили дом Портнова. Деньги, пистолеты и сабли забрали себе. Висевший в горнице портрет императрицы истыкали пиками и выбросили на двор. В сундуках нашли атаманское платье. Емельян скинул пропотевший зелёный бешмет и дырявые сапоги и обрядился во всё новое. Вот теперь, в богатой бараньей шапке, он выглядел как настоящий царь.

Портнов провёл ночь в погребѣ под замком. Утром его вывели на площадь, где ветерок с Яика покачивал петлю виселицы. Самозванец важно восседал на жеребце Портнова, в атаманском седле и в атаманской одеѣ. Илецкие казаки покорно стояли на коленях с иконами в руках — присягали босяку. Держа Портнова за локти, казаки сунули ему к усам медный крест: целуй самозванцу! Атаман, ругаясь, забился в руках изменников и харкнул под копыта своему коню. «На релло!» — приказал Пугачѣв, указывая нагайкой на виселицу.

Емельян дерзко брал на себя грех казни атамана. Ему нужна была власть над казаками. Как её добиться? Бунт — это толпа. Она безымянна. Но все по имени запомнят того, кто отдаст приказ о казни. Власть над бунтом — это имя вожака. Присягой имя не укрепить: от неё казаки могут отречься, как уже отреклись от присяги Екатерине. И битвой имя не укрепить: с битвы могут убежать. А казнь назад не отыграешь. Кровью казней напится плоть имени.

На Илеке Пугачѣв одержал победу в личной борьбе за власть. Покорение крестьянского Илека потребовало демонстрации власти — крестьянской ценности. И сразу, как цепная реакция, началось «воцарение» Пугачѣва. 83-летний илецкий казак Фѣдор Дубовский при всѣм народе узнал в Пугачѣве царя Петра Фѣдорыча. Дубовский служил в столице и видел государя воочию. Казаки понимали: цари — они от бога, где бог — там чудо, и жители Илецка уже пересказывали друг другу чудо, случившееся с Петром Фѣдорычем. На мосту через Яик заупрямилась пушка — то колесом в щель провалится, то повернѣт не туда. Пѣтр Фѣдорыч велел

Илецкий портрет Пугачёва

отрубить пушке уши и сечь её плетями, и пушка закричала, как лошадь.

В Илецке Пугачёв сформировал новый полк, и его атаманом стал молодой илецкий казак Иван Творогов. Через год на Узеньях изменник Творогов погонится за Пугачёвым, чтобы связать и сдать властям: в душе Творогова крестьянская выгода победит казачье братство. Помилованный Екатериной, в ссылке в Пернове — эстонском городе Пярну — Творогов переживёт пугачёвщину на 45 лет.

Как царь, Пугачёв взял себе пажа — 11-летнего сына атамана Портнова. Этот мальчик пройдёт с Пугачёвым всеми дорогами бунта, а потом о брошенном сироте позаботится сама императрица. На попечении державы отрок вырастет и тоже будет служить казаком на Яике-Урале.

Илецкий богомаз Прохоров подобрал на атаманском дворе брошенный в грязь портрет Екатерины, почистил, заштопал и намалевал персону ожившего императора. В 1924 году этот портрет отыщется в запасниках Исторического музея. Реставраторы осторожно коснутся его щёточками — и над головой Емельяна из-под краски откроются очи Екатерины.

Жуткое супружество императрицы и самозванца в 1775 году наяву увидит в Петербурге Мартемьян Бородин, новый атаман Яицкого войска. Но за это свидетельство он расплатится жизнью.

МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ «ТРАНЖЕМЕНТОВ»

Войско Пугачёва поднималось по Яику, словно косяк на нерест. И речными порогами стояли на Яике крепости-«транжементы». Они были небольшие, размером с футбольное поле. Квадратом шла куртина: невысокий земляной вал с оградой поверху. Внизу — ров. По углам выдвигались плечи бастионов, каждый бастион — с чугунной пушкой. Особые выступы куртин назывались редантами, дощатые площадки на бастионах — барбетам. Внутри кре-

Мыс, где стояла Нижнеозёрная крепость

пости располагались казармы, цейхгаузы — склады оружия, пороховые погреба, храм и дом коменданта. Вроде бы — несерьёзное укрепление, но по степи не ходят пешком, а для всадников «транжемент» оказывался неприступным. Рядом с крепостями размещались форштадты — казачьи посёлки. Гарнизоны «транжементов» состояли из местных казаков и сменных солдатских рот.

Двигаясь на Оренбург, маленькая армия Пугачёва подступилась к маленькой крепости Рассыпной, которую защищал маленький гарнизон майора Веловского.

Бунтовщики поскакали на приступ. Крепостица звонко отлаивалась из четырёх пушчонок. Солдаты из ружей бабахали поверх брёвен ограды. Майор Веловский с бастиона махал платком, командуя залпами. Бунтовщики с гиканьем и пальбой носились вокруг крепости на конях, как на каруселях. Но за спиной у солдат крепостные казаки ломали ограду. И на оче-

редном обороте бунтовщики бросили коней в ров, разбрызгали осенние лужи, взлетели на взрытую куртину и ворвались в крепость. Пугачёв «взял на слом» Рассыпную.

Секунд-майор Иван Веловский и три офицера, отбиваясь штыками, отступили в избу. Распахнув окошки, офицеры отстреливались из пистолетов. Но казаки высадили шаткую дверь и вломились в горницу. Маленькую трагедию маленькой крепости высветил багрянцем огромный закат. Избитые и связанные офицеры видели, что их казаки-предатели уже на равных разъезжают среди бунтовщиков, а солдаты утрюмо стоят на плацу без шляп и париков, без ремней и ружей. Рядом — виселица. На коне бородатый самозванец, подбоченясь, ждёт присяги. Но человеку чести невозможно присягать самозванцу. Поп, атаман и офицеры вразнобой закачались над площадью в петлях, а солдаты покорно преклонили колени перед конём Емельяна Пугачёва.

История Рассыпной будет повторяться от крепости к крепости. Солдаты отбиваются, но казаки открывают бунтовщикам ворота. Крепость капитулирует, офицеров казнят. Маленькие трагедии Великой Степи.

В Рассыпной в плен к мятежникам попала жена майора Веловского Ирина. Она будет уговаривать солдат из бывшего гарнизона своего погибшего мужа бросить бунтовщиков и бежать в Оренбург. Но какой-то негодяй выдаст Ирину Веловскую, и потом, в Татищевой крепости, Пугачёв повесит жену офицера.

Нижнеозёрная крепость, ближайшая к Рассыпной, лежала на высоком мысу над Яиком. Она погибла так же, как Рассыпная. Комендант майор Захар Харлов

Мыс Нижнеозёрной крепости. Рисунок Пушкина

с горсткой офицеров из орудия вёл огонь по мятежникам. Но Пугачёв только усмехнулся, глядя на эту жалкую оборону. Стоя на виду у канониров крепости, он даже не пригнулся. «Разве на царей пушки льются?» — хмыкнул он товарищам.

Когда крепостные казаки открыли ворота, Харлов понял, что пропал, и начал скатывать бочонки с порохом с обрыва в Яик. Бунтовщики влетели на бастион. Один из них рубанул майора саблей. Харлов упал. Но он не успел умереть от потери крови: его на руках донесли до виселицы и сунули головой в петлю.

Историю майора Харлова и его молодой жены через 60 лет после бунта узнает Пушкин. Он выйдет из тарантаса и поднимется на заросшую травой куртину бывлой крепости. Над осенним Яиком, над Великой Степью будут плыть журавлиные клинья. Тени облаков будут тихо стекать по белёсым склонам прибрежных гор. Пушкин поймёт, что ни чертополох во рву, ни Российская империя уже не помнят об отваге и чести майора из дальней провинции, о тоске и ужасе его юной жены. И Пушкин им всем напомнит о маленьких трагедиях

«транжементов». В «Капитанской дочке» он делает захудалую Нижнеозёрную крепость Белогорской крепостью — главной крепостью русской литературы.

ТАТИЩЕВА КРЕПОСТЬ

Оренбургский губернатор Рейнсдорп давал бал. «Народ, который поёт и пляшет, зла не думает», — некогда поучала государыня. И вдруг посреди менюэта грянуло известие, что яицкие казаки опять взбунтовались, присягнули самозванцу, взяли Илецкую крепость и летят к Оренбургу. Офицеры кинулись в казармы, дам в обмороках разносили по каретам.

Через день из Оренбурга вышел отряд барона Христиана Билова: 200 солдат и 150 казаков сотника Тимофея Подурова. Но решимость барона кончилась за десять вёрст до Нижнеозёрной крепости. Билов послушал, как в осенней дали, в чистой тишине отчаянно грохочет пушка майора Харлова, и скомандовал ретираду в Татищеву крепость, самую надёжную в округе.

Эту крепость Оренбургская экспедиция заложила в 1736 году на впадении речки Камыш-Самарки в Яик. Здесь сходились три дороги: из Оренбурга, Самары и Яицкого городка. Татищев, командир экспедиции, приказал укрепить земляной «транжемент» бревенчатыми стенами и назвал крепость своим именем.

27 сентября 1774 года Татищеву крепость осадили мятежники Пугачёва. Из окон домов форштадта высу-

Ложбина на окраине села Татищево — бывшее русло Яика

нулись рыла бунтовских пушек. Гарнизон «транже-мента» командовал старый полковник Григорий Елагин. Солдаты Елагина и Билова и казаки Подурова заняли места на валах и батареях.

Восемь часов по улочкам Татищевой крепости катался гром канонады. Ядра мятежников перелетали через куртину и звонко лупили в брёвна цейхгаузов. По лужам во рву поплыли свежие жёлтые щепки. «Транжемент» трясся от обстрела как от ужаса, но не сдавался. Пугачёв разделил своё войско пополам и приказал штурмовать Татищеву крепость с двух сторон.

В исцарапанную, старую подозрную трубу полковник Елагин увидел, что толпа мятежников, пригибаясь, бежит по правому берегу Камыш-Самарки. Елагин требовательно глянул на Билова. Барон отрицательно покачал головой: биться в чистом поле своих солдат из крепости я не поведу, пускай идут казаки Подурова.

Казаки Подурова выехали из крепости и упрямо остановились посреди речки на виду у мятежников. «Против царя пошли, регулярщики?» — испытующе

крикнули из толпы бунтовщиков. Речка бурлила вокруг конских ног, сносила хвосты лошадей. «Петру Фёдоровичу предаёмся», — хмуро сказал Тимофей Подуров.

Пожилой оренбургский казак, он станет надёжным помощником Пугачёву. Умелым командованием он наведёт страх на гарнизон Оренбурга. Под горой Маяк он заманит в ловушку и сгубит симбирскую команду полковника Чернышёва. Однако через полгода князь Голицын разгромит бунтовщиков, и Подуров угодит в плен. А Пугачёв не вернётся отбивать сподвижника. Подуров проклянет Пугачёва. Но зимой 1775 года их обоих казнят в Москве на одном эшафоте.

Офицеров потрясла измена Подурова. А Пугачёв ухмыльнулся и отдал приказ о штурме. Казаки двинулись на крепость, толкая перед собой возы с горящим сеном: прятались от картечи в густом белом дыму. Обозлённые солдаты палили из пушек и ружей. Но вечерний ветер перекинул огонь с возов через куртину, и в крепости запылали крыши цейхгаузов. Солдаты бросились тушить пожар, оголив оборону. На опустевшем реданте напрасно бил тревогу барабанщик. Мятежники рванулись к воротам, вышибли створки и вломились в крепость.

Врукопашную отбивались только офицеры. Полковника Елагина и бригадира Билова ранили. Немца-барона казаки не удостоили и казни — докололи на улочке, как бешеного пса. А Елагина и других офицеров вздёрнули на виселице. Жена старого полковника Анисья Семёновна с воем вырывала окровавленного мужа из рук бунтовщиков, и бабе тоже накинута на шею петлю.

Заброшенный степной мост, по которому проезжал Пушкин

Дряхлые яицкие «лыцари» потом расскажут Пушкину, что мёртвого Елагина мятежники сняли с виселицы, освежевали, как борова, и его салом мазали свои раны. Пушкин поверит этой сказке: озверение — неизбежное следствие бунта. Но ужас смерти пугал и без страшилок. Дым разгромленной и сожжённой Татищевой крепости тонкой пряжей растянулся над остывающей степью.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Пугачёв сражался при Татищевой крепости дважды: в начале побед и в начале поражений. Пушкин тоже дважды посетил Татищеву: по дороге в Оренбург и по дороге обратно. Дорога вдоль Яика словно убеждала и Пушкина, и Пугачёва:

Татищева крепость — это очень важно. А что в ней важного? Важна судьба семьи полковника Елагина — простая и страшная. Такова вся жизнь человеческая, в которой страшнее всего делать очень простой выбор.

Псковский дворянин Григорий Елагин 37 лет оттрубил на службе, вышел в отставку, а денег не было. И он, полковник, согласился на майорскую должность коменданта крепости. В бунт ему стукнуло уже 56. За полгода до мятежа Елагин выдал 17-летнюю дочь Татьяну за 39-летнего майора Захара Харлова, коменданта соседней Нижнеозёрной крепости. Бравый майор Харлов вместе с молодой женой пригрел и её 11-летнего братишку Колю: растил генерала.

**СРАЗУ И НЕ ПОНЯТЬ, КАКОГО ЦВЕТА ОБЩИЙ
СЫРТ. БУРОГО? СИНЕГО? ЖЁЛТОГО? ЗЕЛЁНОГО?
ОБЩЕГО. ЭТИ ХОЛМИСТЫЕ СТЕПИ —
УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНИ
ДЛЯ ВСЕХ: ДЛЯ РУССКИХ И НЕРУССКИХ,
ДЛЯ КОЧЕВНИКОВ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ.
И ПУШКИНСКАЯ ИСТОРИЯ ТОЖЕ ОБЩАЯ**

Когда бунт подкатил к Нижнеозёрной, Харлов отправил Танюшу и Колю к отцу: Татищева крепость показалась Харлову надёжнее. Но бунтовщики взяли оба «транжемента». 26 сентября в петле погиб муж Татьяны, а 27 сентября на её глазах казнили отца и мать. На руках Танюши Харловой остался маленький брат.

Пушкину рассказали, что Танюша была невысокого роста, круглолицая и миловидная. В захваченной Татищевой крепости её приметил Пугачёв — мужик

с горячей кровью, сыгравший с жизнью в чёт-нечёт. Что на этом свете могло его попятить? Красивую офицерскую вдову Емельян прихватил с собой под Оренбург, а Танюша взяла и братика — с кем его оставишь в холодном, разорённом доме? Она была согласна на всё, даже на бесчестье, — ради братишки.

Через месяц Пугачёв перенёс лагерь бунтовщиков в Бёрдскую слободу. Бабу и мальчонку в телеге перевозили верные яицкие казаки. Но вдруг на полпути они остановили коней и велели офицерским детям сойти на дорогу. И потом с сёдел принялись палить по ним из пистолетов. Танюша и Коля повалились в грязь колеи.

Казакам лень было спешиваться, чтобы проверить, живы ли дворянчики. Покрутившись на конях вокруг упавших, казаки поскорей поскакали к Пугачёву — объявлять, что пленники сбёгли. А брат и сестра были только ранены. Но они боялись бунтовщиков и сползли с дороги, где их ещё могли бы подобрать добрые люди, спрятались за кустами, обнялись и на смерть вмёрзли в ледяную полночь степного ноября.

Потом Пугачёв узнал, что побега не было. Но сделанного не воротишь. Детей офицера замело порошей, однако ещё долго той зимой проезжие останавливались на знакомом повороте тракта и ходили смотреть на убитых. Мёртвая Танюша Харлова обнимала брата крепче, чем живая Таня обнимала казака Емельяна.

Эта история добила Пушкина — и вместо задуманной «Истории Пугачёва» из-под его пера полетела «Капитанская дочка». Старый полковник Григорий Мироныч Елагин подарил прекрасной пушкинской Маше, возлюбленной Петруши Гринёва, фамилию Миронова.

Пушка пугачёвцев из музея города Троицк

А допросные листы Пугачёва донесли живую скорбь Емельяна по Тане: «убили её з братом за то, что я её любил. И я об ней сожалел». Пугачёв покаялся в своей вине за гибель полковницкой дочери, хотя мало ли у злодея-самозванца было грехов, чтобы сокрушаться ещё и об этом?

Казаки решили утешить Пугачёва и отправили к нему блудницу, которую взяли от гренадеров в обозе разгромленного генерала Кара. Пугачёв побаловался с девкой — и велел её повесить: потому что она «волочилась с конюхами и потом украла подсвешник серебряной».

Почему же казаки столь жестоко обошлись с Танюшей Харловой и Колей Елагиным? И почему безжалостный Емельян не отомстил убийцам? Да, мятежни-

ки вешали баб, даже беременных, но эти бабы, жёны убитых мужей, плевали в лицо самозванцу. А Танюша не плевала. Но её застрелили на грязной дороге. Всё потому, что у яицких казаков были свои планы на жену для казачьего императора.

Чувства Емельяна и офицерская вдова помешали планам казаков. И Танюшу принесли в жертву. А Емельян стерпел. Пока что яицкие казаки были его сильнее, и «улица» его оставалась «тесна». Чтобы победить казаков, ему надо будет потерпеть поражение от Оренбурга.

ОРЕНБУРЖЬЕ: КАЗАЧЬЯ РОССИЯ

От начала бунта прошло всего две недели, а бунтовщиков стало уже больше тысячи, у них было 20 пушек. Мятежники без боя прошли сквозь Чернореченский «транжемент», оставленный гарнизоном, и вышли к Оренбургу — главной крепости губернии, заполненной сбежавшими жителями посадов, войсками и артиллерией. Но Пугачёв сначала решил «зачистить» территорию вокруг города и прошёл по двум крупным селениям, что подпирали Оренбург плечами.

Слободу Каргалу в 1744 году основал губернатор Неплюев. Он поселил здесь торговых татар из-под Казани. Для Пугачёва татары на площади перед мечетью застелили осенние лужи коврами и распластались ниц, пока два знатных жителя под локотки бережно вели самозванца к царскому креслу. Так мусульмане встречают не батыра, имама или визиря, — так встречают падишаха,

Мечеть в Каргале, где Пугачёв принимал присягу татар

владыку улуса. «Жители встретили меня со всякою честью, яко царя, почему тут ни одного человека и не повесил», — скажет потом Пугачёв.

В Каргале к своим яицкому и илецкому полкам Пугачёв добавит татарский полк. Атаманом Каргалы станет ушлый местный купец Муса Улеев. Осадной зимой Пугачёв повадится шастать в слободу к радушному Мусе, у которого всегда будет хмельное на выбор: буйная татарская буза или весёлая русская кумышка.

После Каргалы Пугачёв двинулся в Сакмарский городок. Крепость близ впадения реки Сакмары в Яик яицкие казаки построили в 1720 году, ещё до Оренбургской экспедиции. Узнав о приближении Пугачёва, атаман городка сбежал в Оренбург. Сакмарцы звали его обратно, но он не вернулся. Бунтовщики выволокли из

церкви попа и велели зачитать бумагу, что пришёл царь Пётр Фёдорыч. Поп отнекивался — дескать, помер же царь, но попу ответили: жив он, «погребён вить другой». Поп, тоскуя, зачитал манифест Пугачёва. Казаки Сакмарского городка присягнули Емельяну. А Пугачёв назначил им атаманом попа.

У бунтовщиков была вера в казачью правду, а Христос её соблюдёт или Магомет — не важно. Имамов и попов пугачёвцы бестрепетно верстали в казаки. Однажды в крепости Бузулук атаман отправил местных попов исполнять своё поручение, а попы зароптали, отказываясь. «Ково же мне послать? — изумился атаман. — Неуж снова казаков нарядить, за которыми и без того много дела? А вас при всякой церкви по два и по три. Куда вас, дьяволов, беречь?»

Сакмарский поп прослужил атаманом недолго, сакмарцы упростили Пугачёва назначить им атаманом что-нибудь более похожее на казака. И Пугачёв отрядил в Сакмарский городок своего нового любимца — древнего старика Дубовского, который в Илецком городке признал в нём царя.

**СЛОБОДА ТАТАРСКАЯ КАРГАЛА БЫЛА
ОСНОВАНА КАК РУССКИЙ ГОНКОНГ
XVIII ВЕКА — ЦЕНТР ТОРГОВЛИ С ИСЛАМСКОЙ
АЗИЕЙ. КУПЦАМ РОССИИ ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК
СТАЛ ТАК ЖЕ НЕОБХОДИМ,
КАК ФРАНЦУЗСКИЙ — ВЕЛЬМОЖАМ**

В 1738 году Фёдор Дубовский служил атаманом станицы Дубовской на Волге, а станица была центром

Волжского казачьего войска. Но чёрт дёрнул Фёдора пожаловаться на воровство войскового атамана Персидского. Приехали ревизоры. Атаман подмазал их, и они объявили жалобу Дубовского наветом. Фёдора кинули под кнут, а потом навечно сослали на Илек простым казаком.

Пугачёв ещё возьмёт на Волге станицу Дубовскую и обрушит авторитет клана Персидских. Хотя старику Дубовскому от этого не станет легче. Он угодит в плен и сгинет на каторге. А несчастный сакмарский поп получит плетей, потом его лишат сана и определяют в церковные сторожа. Зато хитрый Муса Улеев, пугачёвский атаман Каргалы, вывернется из оренбургского каземата, отбоярится от следствия, вернётся домой и ещё долго будет торговать в Каргале как ни в чём не бывало.

Пока осада будет душить Оренбург, Пугачёв займётся переименованиями. Андрей Овчинников превратится в «графа Панина», Федька Чумаков — в «графа Орлова», Ванька Зарубин — в «графа Чернышёва». Сакмарский городок Пугачёв переименует в Петербург, Каргалу — в Киев, Бёрды, свою ставку, — в Москву. Так у «царя Петра Фёдорыча» появится собственная Россия. В конце XX века она сведёт с ума авторов «Новой хронологии».

Меняя названия, Пугачёв выстраивал параллельную реальность. Он словно форматировал мир, чтобы силой загнать действительность в уже готовую модель. Такой демиург, как самозванец Пугачёв, не мог не победить в информационной войне с императрицей Екатериной.

МАНИФЕСТ «РАЗБОЙНИЧЬЕЙ ПАРТИИ»

«Разбойничьими партиями» власть называла отряды пугачёвцев. Но обычные разбойники не рассылают письма с призывами к бунту, а Пугачёв с первых дней взрывал народный разум посланиями, которые именовал «манифестами». Власть боялась их, как чёрт ладана. Такую прокламацию добрые подданные подкинули государыне Екатерине прямо в Зимний дворец в Рождество 1774 года.

В пугачёвщину вся Россия от императрицы до холопа читала только два вида текстов: Часослов и манифесты Пугачёва.

Казак Пугачёв был неграмотным и скрывал это, потому что царь-то грамоту знать должен. Не раз атаманы пихали «царя» в бок локтями, когда он, делая вид, что читает, держал письмо вверх ногами. Сохранился удивительный документ, где накаляканы бессмысленные летские завитушки, «не изъясняющие никаких литер»: это попытка Пугачёва научиться подписывать свои грозные указы.

Ещё на Узеньях Пугачёв потребовал себе грамотея, и казаки нашли ему 19-летнего Ивана Почиталина, парня послушного и прилежного. На берегу степной реки Почиталин лёг пузом в некошеную траву и, высунув язык, сочинил первый манифест. Пугачёв полюбил своего усердного писаря и звал его ласково и по-отечески — Ванюшкой.

Ванюшка, титулуя самозванца, изощрялся как мог, чтобы убедить в его подлинности: «Я, великий государь анператор, жалую вас, Пётр Фёдарович», «Добро-

желатель, тысячью великой и высокой един великий император государь», «Российской державы содержа-тель».

Указы Ванюшки восходили к народным заветам: «Исправить бы тебе великому государю пять голубиц и тридцать бонбав, и ни жилеть бы тебе коний государевых. И никто же бы тебе за то не обидил, ни встрешнай, ни папиришнай. А ежели кто онаго обидит, тот примет от великаго государя гнев». «Голубицы» — это гаубицы. Похоже, что в конце манифеста губы Почиталина шептали «аминь!».

И всё ж Ванюшка чувствовал потребность в творческом росте. В октябре 1773 года, уже под Оренбургом, Максим Шигаев добыл переплетённые в книгу правительственные указы. Максим и Ванюшка заперлись в избе и неделю упражнялись в составлении манифестов, «выбирая лутчия речи». Их творческий дуэт Пугачёв усилил крестьянином Петровым из Белорецкого завода: Пугачёв подивился, как складно написана жалоба Петрова. Три грамотея открыли секрет императрицы: надо апеллировать к опыту Петра Великого. Теперь воззвания Ванюшки разили слушателей наповал.

Пугачёв прикажет возить его манифесты, держа над головой, а подавать на острие пики или на штыке. Когда после оренбургского разгрома Ванюшка попадёт в плен, его осудят на каторгу пожизненно, хотя он не держал ни ружья, ни сабли: Екатерина хорошо разбиралась в литературе и беспощадно разбиралась с литераторами. «Бунтовщиком хуже Пугачёва» она назовёт Александра Радищева, автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

Ванюшка строчил самозванцу указы, которые дворяне читали с хохотом, а простые мужики, «возникнув из мрака неведения», крестились и вставляли на смертный бой. Не случись пугачёвского бунта, быть бы Ванюшке Почиталину великим народным поэтом.

Манифесты Пугачёва стали первой информационной войной в истории России. За чтение манифеста полагался кнут, за переписку и передачу — каторга. Палачи публично сжигали манифесты у позорных столбов. Засекречены были и копии для суда над мятежниками, и даже разрешения на копирование. После боёв солдаты обшаривали карманы убитых бунтовщиков в поисках не денег, а бумаг, где написана «вся правда».

Для идеологической победы власть не сумела найти аргументов. 17 октября 1773 года, через месяц после первого манифеста Ванюшки, Сенат издал указ, объявляющий ложными абсолютно все обращения к народу и от лица императора, и от лица императрицы, если обращения зачитаны с рукописного листа. Контроль над печатным станком был признан делом государственной безопасности.

ОСЕНЬ В ОРЕНБУРГЕ

5 октября бунт подступил к Оренбургу. Своё войско Пугачёв повёл на штурм города шеренгой, чтобы казалось, будто мятежников много. Но с разбега приступ не удался, Оренбург отразил атаку: «начали из города жестоко картечами бить».

Губернатору Ивану Рейнсдорпу, датчанину, было 43 года. Он возглавлял губернию уже пять лет и зарекомендовал себя хорошим хозяйственником, но не знал особенностей пограничной службы и не доверял казакам. Свою карьеру Рейнсдорп сделал честно: выслужился из секунд-майоров в генерал-майоры и трижды был ранен в боях с пруссаками. Напрасно его потом обвинят в трусости. Скорее, он оказался служакой и тугодумом. Никакие артикулы не объясняли Рейнсдорпу, уже генерал-поручику, что делать, когда 2000 мятежников беспардонно берут в осаду крепость с гарнизоном из 1200 обученных солдат и офицеров, да ещё с 70-ю пушками. Как сражаться-то, если противник, вопреки всей военной науке, не ходит строем?

ОРЕНБУРГ СТАРАЕТСЯ УДЕРЖАТЬ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ В СВОЕЙ СТРУКТУРЕ. «ЛУЧЕВАЯ» ПЛАНИРОВКА ЦЕНТРА ОСТАЛАСЬ ОТ КРЕПОСТИ, ЗАРЕЧНАЯ РОЩА ПРЕВРАТИЛАСЬ В ПАРК, А В РАЙОНЕ ФОРШТАДТ В ГЕОМЕТРИИ ХАЙТЕКА ЗАКОДИРОВАНО ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЕННОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

Коли мятежники не понимают, что так воевать нельзя, значит, они — дикие животные. И генерал Рейнсдорп приказал насторожить вокруг города капканы. Казаки собрали их и написали Рейнсдорпу яростное письмо, в котором сообщили, что генерал «из бляди зделан». Тогда Иван Рейнсдорп предпочёл просто засесть за надёжными куртинами крепости и терпеливо ждать: пускай от начальства придёт кто-нибудь

поумней, чем он, и победит врагов, как положено по правилам войны.

Крепость Оренбурга лежала на плоской вершине большого холма над Яиком. Вершину опоясывал пяти-~~верст~~ный насыпной вал высотой в два человеческих роста. На равных расстояниях его разрывали 12 выступов-бастионов. С дощатых барбетов в бревенчатые амбразуры глядели пушки. В город вели четверо ворот: Водяные, Сакмарские, Чернореченские и Орские. Крепость сроят в 1864 году.

Все улицы внутри крепости пересекались под прямым углом. Роль цитадели играл кирпичный Гостиный двор, в котором наружные стены были с бойницами. Город был забит народом, бежавшим от бунта. Пугачёвцы встали на виду. С куртин крепости сквозь промозглую морось офицеры смотрели, как на поле за рвом бунтовщики пируют, джигитуют и милуются с казачками форштадта — жилого предместья.

7 октября офицеры потребовали от Рейнсдорпа действий. Вскоре под треск барабана из крепости вышла колонна солдат и двинулась на стан пугачёвцев. Но орда мятежников вмиг обратилась в войско: по солдатской колонне картечью ударили пушки и разметали строй. На толпу солдат понеслась гикающая конная лава. Служивые кинулись обратно к воротам. Атака осаждённых не удалась. На вечернем военном совете у губернатора 11 участников из 12 проголосовали за оборону без всяких вылазок и рейдов.

Теперь очередь была за осаждающими. В версте от крепости над рекой Сакмарой стояла покатая гора Ак-Тюбе. В XIV веке на ней располагалась одна из

Гора Маяк в Оренбурге, заросшая и застроенная гаражами

непрочных ногайских столиц, где правил хан Басман. Потом оренбургские казаки соорудили здесь «маяк»: вышку с помостом. Если дозорный видел на горизонте пыль степной орды, он зажигал сигнальный огонь. Теперь на ханское кладбище мятежники закатили пушки и расставили их меж могильных камней, покрытых арабской вязью. 22 октября Маячная гора обрушила на Оренбург поток ядер. Но дожди залили городские пожары.

Степи седели от инея. На Яике вдоль берегов заблестел ледяной припай. Белое небо проседало над Оренбургом от тяжести грядущих снегов. Надо было брать Оренбург — отбивать зимние квартиры.

2 ноября от горы Маяк к валам крепости по белым пятнам изморози, как по солончакам, двинулись чёрные толпы бунтовщиков с пушками. Они отбомбили вал, с криками посыпались в ров и полезли вверх на куртины, размахивая саблями. Гарнизон Оренбурга

истретил их в штыки. И ещё вдруг ожил левый, «бухарский» берег Яика, где кудрявилась заречная роща, и загрохотал артиллерией. Там с ночи в ломких зарослях прятались орудия и закочневшие егеря. Мятежников на скатах крепостных валов начало косить картечью, и они кубарем покатались обратно в ров. Оренбург устоял. С Общего Сырта к Яику плыли синие тучи зимы.

ИЗ ГЯЗИ В КНЯЗИ

К блокированному Оренбургу с разных сторон спешили войска государыни. Ближе всех оказался корпус генерал-майора Василия Кара. Из губернской Казани Кар вывел две тысячи солдат и ещё по пути собирал ополченцев. Он прошёл по Закамской линии крепостей до фельдшанца Кичуй, потом через Бугульму направился к верховьям речки Салмыш, вдоль которой и пролегалла дорога на Оренбург. Бравый генерал беспокоился лишь о том, чтобы разбойники до его прихода не разбежались кто куда, как крысы из горящего амбара.

Но разбойники и не думали разбегаться. Навстречу генералу Кару Пугачёв направил казачий отряд Андрея Овчинникова и Ваньки Зарубина по прозвищу Чика. «Чика» — значит: «головорез».

После поражения от «регулярщиков» Ваньку бросили под кнут на Меновом дворе Оренбурга. Казак — не мужик, такого не стерпит. Оскорбление отсекло Чике прежнюю жизнь. Домой он не вернулся, ушёл на Узени,

где и встретил Пугачёва, который говорил, что он царь. Он, понятно, врал, потому Ванька Чика и поверил ему: передал спасённое знамя погубленного бунта.

По дороге Чика и Овчинников встретили отряд атамана Хлопуши, который вёл под Оренбург полк и вёз пушки с Авзянских заводов. В ту эпоху пушка на поле боя по значению равнялась современному танку. Хлопуша щедро поделился пушками с казаками и дал в придачу авзянских бунтовщиков — умелых канониров.

Ноябрьская дорога, растоптанная войском до водяной черноты, длинными изгибами лежала на покатых белых склонах холмов. В ложине вяло журчал ещё не замёрзший Салмыш. Медное солнце остыло, как вчерашний самовар. Солдаты и казаки сошлись друг с другом 9 ноября на околице деревеньки Юзеевой.

Сражения XVIII века заключались в перестроениях войск. Это было важно, потому что ружья били метко лишь на сотню сажений, а перезаряжать их нужно было слишком долго: один «плутонг» — взвод — стрелял, три других возились с перезарядкой. Артикул предписывал солдатам ходить колонной, атаковать шеренгой и шагом. Запрещалось под картечью рассыпать строй, а при ружейной стрельбе стрелкам нельзя было даже поворачиваться боком. Барабанщики передавали команды офицеров треском барабанов как азбукой Морзе. Но балет под барабаны срабатывал в бою только тогда, когда и противник вёл себя подобным образом.

На ровных снежных лугах речки Салмыш генерал Кар выстроил свой безупречный парад, словно играл в солдатиков, а бунтовщики и не подумали ответить тем же. На окрестных высотах раззявили зевла авзянские

Река Салмыш у деревни Юзеево

пушки. Артиллеристы Кара отстреливались, но заводские канониры метко лупили по вражеским батареям, и разбитые пушки солдат валялись набок, словно убитые кони. А потом на солдат со всех сторон дьяволами налетели бешеные казаки с опущенными пиками.

Генерал Кар этого не ожидал. Он начал размеренно отводить свой корпус в деревню, но ядра бунтовщиков безжалостно взрыли Юзееву: расшвыривали бревёшки домишек, разбрасывали снопы камыша с кровель, распахивали улочки. И тогда войско побежало, бросив обоз.

Через три дня потрясённый Кар привёл свой разгромленный и помороженный корпус в Бугульму, как попало сдал солдат генералу Фердинанду Фрейману и самовольно уехал в Москву. Государыня была в бешенстве. Василия Кара вышибли из армии, не видя в нём впредь «прочности». Оставшиеся три десятилетия жизни покрытый позором генерал проведёт в мрачном затворничестве в своих имениях.

А в глазах Пугачёва Зарубин и Овчинников стали великими полководцами. Меньшими силами они раз-

били корпус российской армии, а российская армия была тогда лучшей в мире. Ванька Чика и Андрюха почитали усатого енераля с медалями, привезли обоз и пленных, — ай да казаки, ай да молодцы, любо!

Андрея Овчинникова Емельян Иваныч оставит при себе, а Ваньку Зарубина отправит на другой фронт. Пугачёв будет руководить бунтом от Яика до Волги, а Чика — от Камы до Тобола. Он станет фигурой, равновеликой Пугачёву.

ИЗ КНЯЗИ В ГРЯЗИ

В бою у деревни Юзеевой под ноги казакам бросил свою шпагу подпоручик Михаил Шванвич. Его бы закололи в горячке, но сдавшиеся солдаты схватили казаков за пики: пощадите ихнее благородие! Добрый человек молодой офицер!

Вскоре желторотого дворянчика поставили пред огненными очами Емельяна Пугачёва. «Поцелуй злодею ручку!» — шептали юному Шванвичу, как пушкинский Савельич шептал юному Петруше Гринёву. Шванвич поцеловал.

Он был не первым дворянином, который принёс присягу Пугачёву. Несколько дворян уже служили самозванцу. Пугачёв хотел иметь не только казачьи полки, но и солдатские, профессиональные. Под Оренбургом у него скопилось много взятых в плен солдат — им были нужны офицеры. 18-летний Шванвич приглянулся Емельяну более прочих: он не морщил нос и не

поучал. Потом следователь запишет слова Пугачёва о Шванвиче: «умеет говорить многими языками и может способной быть к установленной в то время злодейской коллегии».

У мятежников Шванвич быстро сделал карьеру. Пугачёв назначил его командиром всех своих солдатских полков, где служба строилась по армейскому образцу, а не по казачьему. Юнец проявил стальную выдержку, и никто не узнал, какие бури бушевали в его душе. Шванвич не сошёлся ни с кем: казачьи атаманы ему были не ровня, а с другими дворянами ему, видимо, было невыносимо стыдно.

Шванвич ощущал всю низость своего служения самозванцу Петру Фёдоровичу, ведь по дворцовой легенде императора Петра III ремнём ружья задушил его отец, гвардии поручик Александр Шванвич. Убийство царя организовал граф Алексей Орлов. Потом Александр Шванвич вызвал Орлова на дуэль, ранил, и за это был сослан в гарнизон захолустного Оренбурга.

В бессильной злобе юный Шванвич сочинил про Пугачёва издевательскую байку. Будто бы, обложив Оренбург, Пугачёв зашёл в Георгиевскую церковь предместья Форштадт. Храм был полон народа. Протолкавшись сквозь толпу, Пугачёв бесцеремонно впёрся в алтарь, уселся на престол и нагло заявил: «Давненько не сидел я на престоле!» Русский человек XVIII века не путал церковный престол и царский. Шванвич пытался выдать Пугачёва за дикаря, но Пугачёв не был «грядущим хамом».

Пушкин от души похохотал над этой сказкой, но не включил её в «Историю Пугачёва», хотя щедро вклю-

Дом казачьего офицера в Степной крепости

чал другие предания. Чутьё к правде было для Пушкина важнее «красного словца». Это чутьё к правде приведёт к тому, что Пушкин ради чести пожертвует жизнью. А вот Шванвич — не смог.

Когда дела мятежников пойдут плохо, офицеры, что служили самозванцу, затеют заговор. Их выдадут. Пугачёв прикажет вздёрнуть изменников на виселице. Но Шванвича среди них не будет. Он благоразумно уклонится от заговора. С хладнокровием самурая он дожждётся решительного разгрома бунтовщиков князем Голицыным под Татищевой крепостью, сбежит в суматохе общей паники и сдастся правительственным войскам.

Это спасёт ему жизнь, но не честь. По приговору Сената и самой государыни Михаила Шванвича лишат дворянства и навечно сошлют в Сибирь. Он молча доживёт свой век и умрёт в Туруханске в 1802 году. А вот его отец поручик Александр Мартынович после суда над сыном подаст прошение о возвращении на службу, хотя ему исполнится 50 лет, и до смерти, замаливая сыновий грех, будет служить командиром батальона в Кронштадте.

В советское время о Шванвиче говорили неохотно, с намёком, что Шванвич — прогрессивный дворянин, которому не хватило духа идти до конца, почти что декабрист. Пушкин сочувствовал Шванвичу: в «Истории Пугачёва» он писал о молодом подпоручике с тактом человека, который тоже может оказаться слабым. Но в «Капитанской дочке» Пушкин не уступил жалости. Да, судьба несчастного Шванвича породила историю Петруши Гринёва, но сам Шванвич стал прототипом не Гринёва, а подлеца Швабрина. Потому что никуда в жизни не деться от простого и беспощадного правила: береги честь смолоду.

БЁРДЫ: КАЗАЧЬЯ МОСКВА

В начале ноября войско Пугачёва, подгоняемое первой метелью, отошло от Оренбурга на пять вёрст и обосновалось в Бёрдской слободе. Здесь тоже был «транжемент» с бастионами и пушками. В то время река Сакмара текла прямо под крепостным валом. Ныне эта слобода — скромная окраина Оренбурга, а на полгода бунта Бёрды стали самым жутким селением России: чистилищем для дворян.

Чистилище заработало 14 ноября. В Оренбург прорывался корпус полковника Петра Чернышёва. Комендант Симбирска, Чернышёв вёл 1100 солдат при 15 пушках. Он совсем чуть-чуть не добрался до цели. Под Оренбургом к нему явился казак Подуров и пообещал указать корпусу дорогу, свободную от бунтовщиков.

Памятный знак в Бёрдах на месте «золотой избы» Пугачёва

Полковник поверил, ведь перед ним был оренбургский старшина, а не яицкий.

Подуров завёл корпус в засаду под горой Маяк. Мятежники рухнули солдатам на головы. Весь корпус угодил в плен. Полковника Чернышёва схватили «в сером кафтане, сидящего на козлах» — он успел переодеться в ямщика, но его опознали по белым дворянским рукам. Мглистым вечером на площади в Бёрдах мятежники повесили Чернышёва и 30 его офицеров.

В Бёрдах мятежники расстарались для самозванца: избу казака Ситникова оклеили золотой бумагой, взя-

гой в ограбленном бухарском караване, и на гвоздик подцепили патрет царевича Павла. Под ним время от времени Пугачёв плакал от горькой отеческой кручины. Стерегли «золотую избу» особые «гвардионцы» с топориком и булавой — ряженные из русских сказок. Российская элита не вывела народ из мифа — и получила Бёрды с «гвардионцами» и виселицами.

**НЫНЕШНИЕ БЁРДЫ — СКРОМНЫЙ ПОСЁЛОК
НА ОКРАИНЕ ОРЕНБУРГА, ТИХИЙ, ОДНОЭТАЖНЫЙ
И ЗЕЛЁНЫЙ. ТРУДНО ВООБРАЗИТЬ, ЧТО ЗИМОЙ
1773 ГОДА В ЭТОЙ СТАНИЦЕ МЯТЕЖНИКИ
ОТКРЫЛИ ВОРОТА В АД**

Пугачёв решил брать Оренбург осадой: не мытьём, так катаньем. Город со всех сторон стерегли разъезды конных башкир. А в Бёрдах несли караул казацьи пикеты — правда, пароля не было: пропускали всех, кто называл себя магическим словом «казак».

Пугачёв учредил «Государственную военную коллегию». Она ведала всеми делами бунта: боевыми действиями, порядком на станах и жалованьем казаков, если удавалось разжиться звонкой монетой. Войско составили два десятка полков: яицкий, илецкий, оренбургский, татарский, башкирский, калмыцкий, рабочий и другие. Походную канцелярию — главный штаб — возглавил Овчинников.

В Бёрдах Андрей Овчинников привёл к Емельяну «ворона» — яицкого казака Афанасия Перфильева, посланного убить Пугачёва самим графом Алексеем Орловым. Друг Андрюха убедил друга Афоню перейти на

сторону друга Емели. Перфильев станет полковником и дойдёт с Емельяном до последней битвы, а потом будет скитаться по степи и попадёт в плен. Его казнят вместе с Пугачёвым.

У «коллегии» Пугачёва был и суд, которым правил старый казак Витошнов. Он сам и его сын-есаул оказались у Пугачёва не по своей воле: в Яицком городке бунтовщики за узду утянули их коней к Чагану. Витошнов присягнул самозванцу, а сын — нет, и его казнили. И теперь суд Витошнова не знал пощады. Каждый день в Бёрдах вешали и вешали врагов — офицеров, солдат, казаков, мужиков и баб. Овраги вокруг слободы были завалены трупами. После оренбургского разгрома Витошнов будет схвачен властями, но сразу умрёт в тюрьме, не дожидаясь неизбежного четвертования.

Жизнь мятежников в Бёрдах наладилась, но Пугачёву всё было не по душе, и каждый вечер в «золотой избе» бушевали попойки. Лучины задыхались в угаре, пролитая брага текла по столам, атаманы сидели подле «царя» в шапках и пели тягучие бурлацкие песни. Это походило на чёрную мессу еретиков или на вой тоскующих смертников.

Через 60 лет в эту избу, наклонившись под притолокой, войдёт Пушкин. В Бёрдах Владимир Даль соберёт ему стариков. Червонцы растопят недоверчивость «лыцарей», и седые казаки расскажут о мятеже. Пушкин заслушается историями старой казачки Ирины Бунтовой, которая сама 13-летней девочкой видела все ужасы самозванца. Двужильная старуха Бунтова переживёт и Пушкина тоже — умрёт в 1854 году от холеры, которую остановит лишь Табынская Богоматерь.

Домик в Бёрдах на месте избы старухи Бунтовой

А наутро старики спохватятся. Кто же им платил? Чернявый, ногти длинные... Завязав пушкинские червонцы в платок, перепутанные «лыцари» посеменят к начальству, отдадут деньги и покаются, что согрешили, потому как приезжал к ним «должно быть антихрист». А кому ещё любо знать о Пугаче, сатанаиле, которого 10 декабря далёкого 1773 года отлучили от церкви и предали анафеме?

НЕВОЛЬНИКИ ЧЕСТИ

Оренбург звал на помощь, и помощь спешила со всех сторон. Пока пугачёвцы громили корпус полковника Чернышёва западнее Оренбурга, с востока, смяв пикеты Ваньки Чики, в город

прорвался отряд бригадира Алексея Корфа: 2500 солдат и 22 пушки. Пугачёв так разозлился, что едва не повесил Чику-Зарубина.

Корф пришёл из Верхнеозёрной крепости — главной на дистанции Оренбург—Орск. Крепость стояла у Маячной горы чуть в стороне от Яика. Здесь собирались правительственные команды из Челябинска, Орска и Тобольска. Пугачёв не мог не ударить по Верхнеозёрной. 18 ноября из-под Оренбурга выдвинулись два полка: три тысячи бунтовщиков. Их вели атаманы с прозвищами Хлопуша и Шара — один каторжник, другой пастух.

**В ПОКАТЫХ ОРЕНБУРГСКИХ СТЕПЯХ ВЫСЯТСЯ
КАЗАЧЬИ ГОРЫ-МАЯКИ, ВРОДЕ МАЯЧНОЙ ГОРЫ
У ВЕРХНЕОЗЁРНОЙ КРЕПОСТИ. ГОРИЗОНТАЛЬ
СТЕПИ БЕССМЫСЛЕННА БЕЗ ВЕРТИКАЛЕЙ ЭТИХ
ГОР, КАК ПРОСТРАНСТВО — НИЧЬЁ И НИКАКОЕ,
ЕСЛИ ЕГО НЕ ДЕРЖАТ ОТВАГА, ПРИСЯГА И ЧЕСТЬ**

Ещё два месяца назад калмык Шара был в Илецком городке крепостным батраком старшины Андрея Бородин. Бородин бежал в Оренбург. А Шара собрал по степи табун своего хозяина и пригнал Пугачёву 250 коней. Пугачёв произвёл Шару в полковники и назвал Андреем Бородиным. Шара обомлел. Никто доньше не считал его за человека, а тут сам царь Пётр Фёдорович сделал его сразу казаком!

Шара и Хлопуша прошли вверх по шумной реке Сакмаре, которая бурлила, сопротивляясь ледоставу. Вдоль гребня Гирьяльского хребта Шара и Хлопуша

Маячная гора у крепости Верхнеозёрной

выбрались в широкую долину Яика к Маячной горе и к строптивой крепости Верхнеозёрной.

Её комендантом был немолодой француз, военный инженер Отто де Марин. Под его командованием было 800 защитников при 19 пушках. С такими силами настоящий француз отобьётся от сатаны, а не только от бунтовской швали. И де Марин отважно отбивался. Огнём орудий и мушкетов разили четыре бастиона и оба реданта крепости Верхнеозёрной. Мятежники откатились. Это было 23 ноября.

Шара и Хлопуша написали Пугачёву донесение. 26 ноября сам Пётр Фёдорыч с войском пожаловал к «транжементу» француза. Пугачёв хотел мести. В Верхнеозёрной крепости под защитой де Марина осталась жена бригадира Корфа, который привёл подкрепление в блокированный Оренбург, и Пугачёв задумал казнить эту бабу: пускай бригадир Корф пожалеет, что ушёл из своего «транжемента».

Калмыку Шаре было стыдно, что государь наградил его честью, а он подвёл. Шара с саблей в руке первым кинулся на бастион, чтобы государь увидел его

преданность. В схватке у пушек штык канонира ударил Шаре в грудь. Обливаясь кровью, Шара упал на доски барбета. Де Марин отбил и второй штурм.

Пугачёв хмуро поглядел на неприступные куртины дерзкого француза и решил плюнуть на крепость Верхнеозёрную. Утром войско мятежников молча потекло в распадок горы Верблюжки, а вечером оно уже налетело на соседнюю крепость — Ильинскую. Туда только что вошла тобольская команда секунд-майора Ефрема Заева. Не сбросив походных ранцев, тобольские солдаты высунули ружья в амбразуры и пальбой отбросили атаку. Пугачёв взбесился.

29 ноября пушки мятежников исколотили Ильинскую крепость ядрами, потом казаки бросились к разрытым укреплениям. Ильинский «транжемент» дрался что было сил. Двести тоболяков упали убитыми на мёрзлую землю валов и бастионов, замертво скатились с откосов в стылые лужи. Казацкая сабля рассекла голову Ефрема Заева. Ильинская крепость пала.

Пугачёву привели взятых в плен офицеров. Среди них был и сын Заева недоросль Иван. Офицеры не могли предать своих погибших солдат, а сын не мог предать отца. Дворяне перекрестились и сказали, что Пугачёв — вор и самозванец. Их повесили.

А потом мятежники ушли. Верхнеозёрная до весны стояла под ударами из-под Оренбурга, но де Марин удержал крепость, как и требовала честь офицера и дворянина. В его крепости в плену умер от ран отважный калмык Шара, что за два месяца тоже прошёл свой путь чести. А в Оренбурге от голода умер хозяин Шары илецкий старшина Андрей Бородин.

После бунта французский офицер Отто де Марин купит себе сельцо возле Степной крепости и станет мирным русским помещиком Демариным. Память о нём и ныне хранит большое село Демарино в Челябинской области. Если бы все помещики державы оказались такие, как Демарин, в России не стряслась бы пугачёвщина.

ОБОРОНА ЧЕЛЯБИНСКА

Поход Пугачёва на Верхнеозёрную крепость принёс повстанцам совсем другую победу: победу над Челябинской крепостью.

В Гирьяльском редуте, на пути к твердыне де Марина, пугачёвцы окружили отряд исетских казаков из Челябы, которые шли на помощь Оренбургу. Челябинцы подумали и сдались: подняли пики и повязали своих атаманов. Снежные вихри с хребта Гирьял засветили вокруг новых виселичных столбов. А Челяба осталась без пушек и почти без войска — с одним лишь малым гарнизоном.

Челябинский воевода Алексей Верёвкин схватился за голову. Его крепость — центр огромной Исетской провинции. 50 тысяч рублей лежало в сундуках провинциальной канцелярии, и в гостином дворе — ещё на 150 тысяч товара. Кто будет защищать казну и добро?

Верёвкин боялся не Пугачёва, а Чику-Зарубина, который атаковал Уфу. Для охраны Челябы от Чики Верёвкин послал казаков в Чебаркульскую крепость

и в Кундравинскую слободу. Но казаки переметнулись к Зарубину. А Чике заниматься Челябой было недосуг. На Челябину Чика отправил полковника Ивана Грязнова.

Грязнов прошёл через Урал, как рыбацкий бредень: загребал всех, кто мог и хотел воевать. В слободах он набрал мужицкую пехоту, в башкирских аулах — конницу, на горных заводах — канониров с пушками.

Купцы, что укрылись в Челябине, упали Верёвкину на ноги: придумай хоть что-нибудь! И воевода на свой страх и риск принялся тормозить в Челябине все отряды, что проходили мимо на выручку Оренбургу. Так у Верёвкина появилась артиллерийская команда и рота тобольских рекрутов отважного поручика Федота Пушкарёва.

Но заговор зрел и в самой Челябине. Атаман Уржумцев и хорунжий Невзоров за углом воеводской канцелярии шептали исетским казакам, что им, «бедным родственникам», надо брать сторону яицких братьев. Увидев, что крепость копит силы для обороны, зачинщики ударили в набат. Молниеносным броском мятежные казаки захватили орудия и взяли в плен воеводу Верёвкина. Но Пушкарёв поднял своих рекрутов в ружьё. На площади у бревенчатой ратуши пушкари и пушкарёвцы сшиблись с казаками, отбили пушки и освободили воеводу. Улочки Челябины насквозь прожгла картечь. Мятежные казаки бросились вон из крепости. Атаман Уржумцев и ещё 67 бунтовщиков попали в плен.

Хорунжий Наум Невзоров привёл уцелевших казаков в войско Ивана Грязнова, который уже подходил к Челябине. А в крепости обезумевший воевода Верёвкин

исшал бунтовщиков и целый день без передышки пытал Уржумцева, пока атаман не умер в луже крови.

8 января 1774 года войско Грязнова с марша атаковало крепость Челябину, но тобольские рекруты поручика Федота Пушкарёва отбили штурм. Обмётанные инеем бревенчатые стены Челябины тарахтели с раскатов беглой ружейной пальбой. Двухъярусные башни из-под нахлобученных тесовых шатров громыхали орудийными залпами. Над шатрами в сизом небе зимы топырили крылья деревянные двуглавые орлы.

Три дня подряд Грязнов бросал свои отряды на приступ. В одну из ночей хорунжий Невзоров отправился к крепости уговаривать бывших товарищей сдаться и открыть ворота. Ворота открылись — Невзоров вошёл, ожидая покорности, — и его повязали; наутро его повесили. Челябина не желала капитулировать. А к ней сквозь бунтующую провинцию шагало сибирское войско генерала Деколонга.

Лифляндскому шляхтичу Ивану Деколонгу было 57 лет. За долгую службу он воевал с немцами, поляками и горцами, но талантов не проявил. Зато был честен, спокоен и разумен. И сибирский губернатор Денис Чичерин направил войска генерала Деколонга спасать оренбургского губернатора Ивана Рейнсдорпа.

12 января Грязнов отвёл свою армию в крепость Чебаркуль, а Деколонг вступил в Челябинскую крепость. Воевода Верёвкин снял с виселицы тело Невзорова, и «тот скверный труп с надлежащей народу публикацией» провезли в дровнях через всю крепость, полосуя кнутами, а потом бросили в ров без погребения. Воспрянувшие духом защитники Челябины уверовали, что

генерал Деколонт спас их крепость. Но получилось наоборот.

ПОДПОЛКОВНИК-ГРУБИЯН

Весь декабрь 1773 года Пугачёв провёл под Оренбургом. Бунт забуксовал: Оренбург держался стойко. Досаждало и то, что на задворках мятежа огрызался Яицкий городок, где в «транжементе» прямо в центре городка засел непокорный подполковник Иван Симонов с двухтысячным гарнизоном и 22 пушками. Пугачёв понимал, что может повести казаков на Москву, даже если Оренбург не покорится, но казаки никуда не уйдут с Яика, пока не покорён Яицкий городок.

В декабре пугачёвский атаман Михаил Толкачёв собрал по крепостям Нижне-Яицкой линии пушки и казаков и попробовал выкурить Симонова, но тот отбил. Ярким Рождеством 1774 года государь Пётр Фёдорович оставил Оренбург и явился в Яицкий городок личной венценосной персоной.

На «транжементах» Пугачёв научился ломать русскую дворянскую честь. Ему противостояли только датское солдафонство Рейнсдорпа и французская дерзость де Марина. Но русский офицер Иван Симонов, грубиян и пьяница, уже наплевал на дворянскую честь, когда 19 сентября, в самом начале бунта, не вышел на бой к Чагану. С таким противником Пугачёв ничего не мог сделать.

Дом «царского тестя» казака Кузнецова в Уральске

Симонов без всякого благоговения приказал стащить припасы и порох в подвал Михайло-Архангельского собора. На колокольне установил батарею, и храм поздравил паству не рождественским благовестом, а канонадой. Своим солдатам Симонов посоветовал жрать конину. Калёными ядрами он выжег в городке вокруг своего «транжемента» 255 казачьих домов с усадьбами, чтобы супротивник не подполз к обороне тайком.

Пугачёв послал Симонову приказ «выйти из кремля» и, не надеясь на сдачу гарнизона, распорядился рыть подкоп под батарею. Казаки взялись за лопаты. Через две недели подкоп был готов. 20 января подземный взрыв подбросил пушки «транжемента», словно лодки на волне. Пугачёв поднял над головой саблю и повёл казаков в атаку на куртины.

На колокольне хрипло орал небритый, похмельный подполковник в съехавшем набок парике. Колокольня, словно артиллерийская башня крейсера, извергала залпы. Солдаты стреляли из ружей, бежали, кричали, кидались в штыковые. Казаки под пулями забирались на бастионы — и скатывались обратно. «Транжемент» отбился.

Раздосадованный Пугачёв бросился в сани и на неделю уехал из Яицкого городка. Сапёры мятежников лихорадочно рыли новый подкоп — теперь уже под колокольню. В промёрзших землянках «транжемента» солдаты на кострах топили в котелках снег и варили сапоги. Грязный, нечёсанный Симонов, отогревая дыханием чернила на перо, писал донесения, не надеясь, что они будут донесены.

Пугачёв отметил своё возвращение гульбой — напоказ голодающим защитникам. «Транжемент» несколько раз гавкнул пушками. А 19 февраля новый взрыв потряс берег Чагана. Вороны, что отъелись на мертвечине, повалились с колокольни замертво. Однако Симонов уже знал от перебежчика, что мятежники рванут колокольню. Всю ночь солдаты выносили из подвала собора припасы и снимали пушки с верхотуры. Пустая колокольня от взрыва треснула, но не рухнула. Мятежники взвились на куртины, рассчитывая увидеть ужас и разрушения, а их встретили дружным огнём. Симонов опять отбился.

Мрачный Пугачёв уехал, и в третий раз вернулся только 8 марта. Дела шли плохо, и ему хотелось хоть какой-нибудь победы. Но ничего не изменилось. Грубиян Симонов встретил Пугачёва вылазкой голодных

Михайло-Архангельский собор в Уральске, который взрывали пугачёвцы

солдат. Вымещая гнев, Пугачёв сам рубил атакующих саблями.

14 марта со стороны Чагана в «транжемент» прилетел бумажный змей с письмом Пугачёва. Симонов прочитал послание и спокойно отметил в гарнизонном журнале: самозванец «угрожал зверояростию своею проклятою злобою». Вместо ответа «транжемент» бахнул из пушки. Пугачёв молча принял это и утром уехал.

«Транжемент» простоит в осаде ещё месяц, до подхода войск генерала Павла Мансурова. Осенью того же года Пугачёв снова увидит треснувшую колокольню Михайло-Архангельского собора: Пугачёва привезут в Яицкий городок связанного. А грубиян Симонов после пугачёвщины станет обер-комендантом губернского Белгорода и бригадиром.

АТАМАНСКАЯ ДОЧКА

Казаки желали сами верховодить бунтом, но Пугачёв набирал собственную силу. Разный мятежный народ, что приходил под Оренбург в Бёрды, не знал, кто в бунте первый, и служил не казакам, а самозванцу — то есть, Пугачёву. Емельяна следовало покрепче привязать к казачьему интересу. Для этого казаки решили женить Пугачёва: будто подменить царский венец брачным.

В жёны Емельяну яицкие хитрецы подобрали молоденькую девку Устинью Кузнецову. Её отец, отставной казак Пётр Михалыч, бунтовал в 1772 году и многим важным людям Яика приходился роднёй. Такой не предаст и проследит за новым зятем. Пётр Михалыч согласился с планом.

Емельян не был парнем, который женится по указке батюшки, но сейчас замысел казаков пришёлся ему по руке. К Оренбургу приближались войска князя Голицына, и Емельян тоже хотел породниться с казаками, чтобы те не выдали его князю, спасая свои головы. Пугачёв приехал в Яицкий городок брать «транжемент», а в доме Петра Михалыча ему приготовили смотрины Устиньи и сразу устроили сватовство.

Здесь неизвестно, кто кого переиграл: казаки — Пугачёва, или наоборот. На венчании не супруги клялись в верности друг другу, а вся свадьба клялась в верности бунту. Мрачный получился праздник. По степям свистела пурга, рвала на клочья дымы из печных труб. Пьяный городок пел и плясал — воистину, «последний раз гуляем». А посреди городка молча вздымались обледе-

Крепость Корела

невшие валы осаждённой крепости. Там люди умирали от голода, а здесь брага текла по усам.

Низкую горницу освещали церковные свечи, а собор стоял за картиной, и с коренастой колокольни чугунная пушка целилась в снежную крышу кузнецовского дома. Вместо венчального благовеста — картечный визг. Губы невесты холодны, как крест, который целуют перед казнью. И весёлые гости тотчас растерзают жениха, если он поступит по-своему или перестанет побеждать.

Невеста сидела, опустив глаза. С какой стороны ни глянь, жених уже был женат. У казака Емельяна была супруга Софья, у царя Петра Фёдорыча — супруга Екатерина. Но Пугачёв объявил, что десять лет живёт с Катеринкой порознь, а по-божески хватает и семи годов, чтобы считаться разведённым. И потом произвёл сестру Устиньи и её подружек во фрейлины и статс-дамы.

Емельян Пугачёв не был подлецом. Он взял от Устиньи то, что ему навязали, но ничего лишнего. Отношения Емельяна с Устиньей, похоже, сложились отчуждённо-сдержанные. Когда в марте Пугачёв ушёл из

Яицкого городка отражать атаку князя Голицына, Устинья осталась в отцовском доме. Больше она не увидит супруга: её арестуют в апреле, когда Емельян укроется в Башкирии.

Женитьбу «царя» народ расценил как признание в самозванстве. Простые казаки считали, что до свадьбы Пугачёв «воевал счастливо». Дескать, войска князя Голицына тоже сдались бы ему, как все прочие, но солдаты узнали про женитьбу — и поняли, что Пугачёв не Пётр Фёдорыч: от живой жены не женятся. Капитуляции теперь не жди.

У казаков Устинья будет виновата в разгроме. У мужа Емельяна — в смерти Татьяны Харловой. У государыни Екатерины — в самозванстве. У бога — в обмане венчания. Судьба атаманской дочки окажется не лучше судьбы капитанской дочки. И эта судьба не позволит Устинье пожаловаться хотя бы одним словечком.

ПУГАЧЁВЩИНА РАЗМЕТАЛАСЬ ПО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВУ. ДАЛЁКАЯ ОТ ЯИКА ПРИБАЛТИКА ПОМНИТ МУЧЕНИКОВ МЯТЕЖА, И СУРОВАЯ КРЕПОСТЬ КОРЕЛА, ПОСТРОЕННАЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ, — ТОЖЕ УЧАСТНИЦА ВЕЛИКОГО БУНТА

Власть не пощадит ни «царского тестя», ни «царицу-казачку». Пётр Михалыч умрёт в оренбургской тюрьме, а Устинью сошлют в крепость Кексгольм, в древнюю Корелу. Всю свою безрадостную жизнь Устинья проведёт на холодной Ладого в одном каземате с Софьей Пугачёвой.

Каземат семьи Пугачёва в крепости Корела

Через много лет после смерти Устиньи по Яику вдруг прошестелит слух, что в Кексгольме Устинья родила от Пугачёва сына. Ребёночка забрала Екатерина и «подарила» его какому-то бездетному королю, чтобы унаследовал престол. Эта наивная сказка — жалкая попытка народа переиграть печальную историю несправедливости по-хорошему.

ОСАДА ОРЕНБУРГА

Нынешний Оренбург — большой степной город, подпоясанный неширокой тёплой рекой и продутый горячими ветрами. Он весь в пыльной зелени, чуть смуглый от загара, ненавязчиво-многоэтажный, разнообразный лёгкой азиатской

пестротой. Он с достоинством изжил в себе травму бунта и ничем не похож на Оренбург образца 1774 года.

Тот город был обширным плоским селением высотой в один этаж. Зимой он был чёрно-белым, как голод и дисциплина. В осаде его держали не столько пугачёвцы, сколько дикие степные снега. Сквозь них можно было пробраться только по наезженным санным трактам, а на трактах дежурили конные разъезды башкир и калмыков, готовых в любой миг свистнуть подмогу из Бёрдов. Караульные солдаты Оренбурга утрюмо вышагивали по валам туда-сюда от бастиона до бастиона и смотрели, как по окоёмам ходят огромные сизые бураны.

Вопреки решению военного совета от 7 октября, губернатор Рейнсдорп несколько раз позволял своим офицерам вылазки против мятежников, но каждый раз это кончалось плохо. Мятежникам тоже было скучно, и они дрались охотно и с азартом.

Главный бой осаждённые решили дать, когда Пугачёв укатил в Яицкий городок. 13 января из Оренбурга, хрустя снегом, вышли три колонны: 1700 солдат и 400 казаков на отощавших лошадях. Канониры тянули 29 заиндевелых пушек. Войско медленно побрело к Бёрдам. Разбойничье гнездо оживилось: наконец-то потеха! Пугачёвские полковники Хлопуша, Максим Шигаев, Тимофей Подуров и Дмитрий Лысов второпях опохмелились и вскочили на коней. Мятежники потащили к оврагу пушки. Казаки шомполами выбивали лёд из стволов ружей и пистолетов.

Оренбургские колонны подошли к оврагу, что отделял Бёрды от Оренбурга. Солдаты глянули вниз и уви-

Восстановленные Водяные ворота Оренбурга

дели кучи мёрзлых трупов. И тут другой берег оврага взорвался залпом из шестидесяти орудий. Войско словно очутилось в лесу из снежных фонтанов. В овраг полетели оторванные ядрами руки и головы солдат. А едва фонтаны рухнули, во фланг колоннам врезалась конница мятежников.

Мятежники на пиках донесли солдат обратно до Оренбурга и бросили за ворота. На растоптанной дороге осталось три сотни убитых и 13 пушек. Валы и бастионы крепости заполошно затрещали ружейной пальбой, не давая мятежникам ворваться в город, но те и не думали, довольные одержанной победой. Больше осаждённые не пытались ударить по Бёрдам: «однакож свалки большой не было».

Рейнсдорп решил ждать избавленья извне, но и Пугачёв тоже ждал избавленья извне. Он знал, что его шаманы уже взяли Самару и Челябинск. Под угрозой

трепетали Екатеринбург и Тобольск. Чика осаждал Уфу, а Салават — Кунгур. Пугачёвская идея казачьего переустройства России кружила по огромным пространствам, а сам Пугачёв сидел возле Оренбурга, как пёс на цепи. Казаки Яика урезали Пугачёву поле свободы до своего огорода. Пускай тогда генералы разгромят казачий бунт на Яике, зато он, Пугачёв, вырвется на простор.

Взаимное терпение яицких казаков и Пугачёва лопнуло 1 марта. В этот день Пугачёв, Ванюшка Почиталин и атаман Митька Лысов ездили в Каргалу к хлебо-сольному Мусе и набрались по брови. Лысов, яицкий казак, был с Пугачёвым с самого начала, с Узеней. Но сейчас, как и многим на Яике, ему не нравилось, что в бунте самозванец стал самым главным. И на обратном пути из Каргалы пьяные Лысов и Пугачёв разодрались насмерть. Митька схватил пику и ткнул Емельяна в бок. На счастье Пугачёва, под шубой у него была надета кольчуга. Верный Ванюшка вцепился в пику Митьки, не давая снова ударить Емельяна.

В Бёрдах Пугачёв устроил суд над Лысовым. Суд оказался недолгим: яицкие казаки уговорили Емельяна простить Митьку. Пугачёв вроде как простил. А потом, уже на попойке, мигнул верным людям, и те, круша столы и лавки, повалили Лысова и уволокли из-за стола сразу на виселицу.

Пугачёв поднял руку на своего сподвижника. Это означало, что он больше не будет служить интересам Яика. Он берёт бунт за горло и дальше поведёт туда, куда сам считает нужным. Начиналась весна перемен, последняя весна в жизни Емельяна Пугачёва.

ОРЕНБУРГСКИЙ ФАУСТ

Восаждённом Оренбурге летопись обороны добросовестно писал старенький академик Пётр Рычков. Эту летопись потом прочитает Пушкин. Рычков попал на южный Урал в 22 года. Он был бухгалтером Оренбургской экспедиции. Тихий счетовод, он увидел древние сарматские курганы, яростные атаки батыров, сожжённые карателями аулы, залпы орудий с бастионов новых «транжементов». Рычков остался здесь навсегда.

Он работал с Кириловым, Татищевым, Неплюевым. Когда Иван Неплюев предъявил России Оренбургскую губернию, Пётр Рычков предъявил свой первый серьёзный научный труд: обзор губернии. Никакая другая российская губерния не создавалась с такой описательной базой.

В 1759 году вышло в свет капитальное исследование Рычкова «История Оренбургская», а в 1762 году — «Топография Оренбургская». За эти труды по настоянию Ломоносова Рычкова приняли в Академию наук.

Жизнь Рычкова проходила на степных ветрах. Рычков прокладывал дороги и чертил карты, собирал гербарии и минералы. В зарослях на дне оврагов он видел страшного зверя бабру — «отродие тигра», а на камышовых старицах Яика — лебедей, огромных, как волшебная птица Рух. Их всех потом перебили казаки.

Рычков первым рассказал о нефти Заволжья. Подземное нефтяное море простирается от Волги до Агидели под Татарией и Башкирией. А пугачёвский бунт таинственным образом обошёл это море по кругу.

Памятник академику Рычкову в Оренбурге

Академик Рычков оказался хорошим бизнесменом и чиновником: основал в Оренбуржье три медеплавильных завода и стал управителем конторы соляных дел. Этими делами он управлял так успешно, что бароны Строгановы, главные солеторговцы России, вскоре потеряли барыши и тоже принялись строить заводы.

Рычков был награждён селцом Спасское под Бугульмой. Здесь он построил завод и возвёл церковь, под алтарём которой его и похоронят.

Младший сын Петра Рычкова Николай продолжит отцовские дела в науке, а старший сын Андрей — в службе. Андрей Рычков будет жить в Симбирске. По-

Дом, где Рычков жил во время осады Оренбурга

После того, как пугачёвцы в Бёрдах казнили симбирского коменданта полковника Чернышёва, Андрея назначили новым комендантом. Командовать городом Рычков будет примерно полгода — летом 1774 года он погибнет в бою с мятежниками. Бунт отнимет у академика Петра Ивановича слишком многое: заводы сожгут, поместье разграбят, соляные промыслы разрушат, и ещё вот сына убьют...

Когда пленного Пугачёва привезут в Симбирск в клетке, Рычков-старший прорвётся мимо охраны к «злодею», чтобы спросить с него за сына. Но в итоге оба они, академик и бунтовщик, словно царь Приам и герой Ахилл, титаны троянской войны, только расплачутся друг у друга на плече. Жизнь несправедлива ко всем, что уж тут поделать.

Оренбург был замечён буранами и окружён бунтовщиками, и в голодающем городе старый степной ака-

Заброшенная церковь в селе Спасское, где похоронен Рычков

демик бросил вызов самому Господу Богу. Доктор Фауст хотел бессмертия и связался с дьяволом. А Рычков отверг приговор Всевышнего добывать себе пропитание «в поте лица своего».

На кровле его дома-лаборатории лежал толстый сугроб, а Рычков варил в тигле, травил кислотами, соединял с экстрактами бересту и щепки, солому и кости. С крепостных валов грохотали пушки, картечь неслась по улицам, а Рычков, не отвлекаясь, дерзал сделать несьедобное съедобным. Ведь питаются этой натурой другие живые твари — коровы, птицы, жуки. Если опыт удастся, Оренбург будет спасён. Да что там Оренбург! Всё человечество спасётся, когда перестанет молить небеса: «хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Ничего у Рыčkова не получилось. Но этого и поныне не получилось ни у кого. Однако в давно чужом окошке давно спасённого Оренбурга вечно горит лучина голодного академика.

В 1777 году Петра Рычкова назначат Главным начальником горных заводов Урала. В дороге от Оренбурга до Екатеринбурга старичок Рычков простудится и умрёт. Его отпоют Общий Сырт, река Яик и сказочный зверь бабра, отродие тигра.

«УЗКАЯ ДВЕРКА»

Посреди Великой Степи, где путь открыт на все четыре стороны, устье Яика оказалось той узкой дверкой, в которую толкались и хозяева, и захватчики этих просторов. Здесь наводили свои порядки хан Джучи и эмир Тамерлан, стояли ногайский город Сарайчик и генуэзский город Лазта.

Яицкие «лыцари» в скитах на острове Камынь недолго делили одиночество с жёлтыми камышовыми тиграми, что драли тюленей по каменистым отмелям Хвалынского моря. В 1640 году в полусотне вёрст от руин Сарайчика появился ярославский купец Гурий Назаров с тремя сыновьями. Гурий выпросил у сарачинов разрешение восстановить учуг через Яик. Городок подле учуга называли Гурьевым.

Яицкие казаки разъярились, потому что Гурий перехватил рыбный ход вверх по Яику. Атаманы трижды водили свои станицы в поход на Гурьев городок и сжигали учуг Назаровых. А Гурий, богатевший на осетрах и стерляди, бросил к ногам астраханского воеводы мешок с золотом, и в 1647 году в устье Яика началась большая стройка. На острове яицкой дельты вырос каменный

кремль с восемью шатровыми башнями, зубчатыми стенами и двумя десятками пушек. Кошель купца Гурия Назарова обязал казённый гарнизон из астраханских стрельцов охранять частные учуги сыновей Гурия.

Надёжный кремль приглянулся потом Степану Разину. В 1667 году Разин взял его приступом, порубил стрельцов и зазимовал в Гурьеве. Весной царское войско вошло в город и осадило кремль, но разбойники огнём пушек проложили себе путь от крепости к пристани, сели на струги, распустили паруса и сквозь «узкую дверку» яицкого устья усвистали через Хвалынское море грабить богатых толстопузых персов.

В 1689 году Назаровы разорились, и казна забрала себе их городок вместе с учугами. Жизнь в городке была шаткой и буйной. То сарачины нападали, то казахи, то яицкие казаки, а порой и царские воеводы, потому что Гурьев жил сам по себе, забыв о московском подданстве. По городку взад-вперёд катались бунты. При царе Петре князь Шереметев приводил вольный Гурьев к присяге, а князь Бекович собирал здесь войско для похода на Хиву. Но Каспий, море Хвалынское, не оскудевал рыбой, и российская держава желала владеть «узкой дверкой» Гурьева-городка.

Наконец дочь Петра императрица Елизавета всё-таки отдала Гурьев яицким казакам. Казаки выстроили «транжементы» от Яицкого городка до Гурьева, сожгли гурьевские учуги и с наслаждением снесли ветхий каменный кремль: ненавистную память о стрельцах, отнявших у них щедрый промысел.

Поднимая бунт, на случай разгрома Пугачёв предусмотрел и отступление мятежных казаков в Пер-

сию — по Яику и через море. Но из «узкой дверки» надо было убрать царскую стражу — гарнизон Гурьева.

Пугачёв дважды посылал на Гурьев своих атаманов, но всё без толку. В январе 1774 года на Гурьев пошёл сам Андрей Овчинников. Комендант Гурьева прапорщик Иван Мякишин поднял в ружьё полуроту солдат и казачью сотню. Гарнизон стойко оборонялся, даже гурьевский поп Димитрий палил по супостатам из пушки. Но Мякишина свалила пуля, а бунтовщики прорвались за укрепления.

**ЯИК-УРАЛ УДИВИТЕЛЕН. ЛЕТОМ, В МЕЖЕНЬ,
ОН МЕЛКИЙ И УЗКИЙ, А ВЕСНОЙ, В ПОЛОВОДЬЕ,
ПО ОБЪЁМУ ВОДЫ ОН ПРЕВЫШАЕТ ВОЛГУ.
ОН БЛУЖДАЕТ ПО СТЕПИ, ТЕРЯЯ СВОИ ПРИТОКИ,
И ВЫПУСКАЕТ ИЗ СЕБЯ СТРАННЫЕ РЕКИ-
«ОТТОКИ», УМИРАЮЩИЕ В ПЕСКАХ**

Офицеров и казачьих командиров повесили. Повесили и отца Димитрия. Трижды верёвка обрывалась, и Димитрий падал на землю, но всякий раз сам снова вставал под виселицу, не желая помилования, только выправлял из петли и раскладывал на груди свою бороду.

Атаманом Гурьева Овчинников назначил казака Евдокима Струняшева, который бунтовал ещё в 1772 году. Струняшев стерёг «узкую дверку» для Пугачёва, но Емельян ею так и не воспользовался. В мае 1774 года к мятежному городку подступила пришедшая из Астрахани команда подполковника Кандаурова. Гурьев капитулировал. Царский суд решил оставить городок и Струня-

шева без наказания. Ни к чему сеять новые обиды у защитников столь важного места.

Сейчас море отошло от Гурьева на тридцать вёрст. А Россия — ещё дальше. В 1991 году Гурьев и Уральск, бывший Яицкий городок, были отданы Казахстану. Гурьев-городок стал городом Атырау, что означает «дельта реки». «Узкую дверку» яицкого устья Россия беспамятно уступила соседу.

РАЗГРОМ

На косых плоскостях Общего Сырта крутились мартовские бураны. От Волги по всем дорогам вглубь степей двигались войска государыни, выбивая мятежников из крепостей в снега. Пугачёву следовало бы громить генералов на Сырте поодиночке, но казаки держали Пугачёва между Оренбургом и Яицким городком.

Пугачёв попробовал остановить врага у деревни Пронкиной под Сорочинской крепостью, но был разбит и откатился. Все царицены генералы сошлись в Сорочинской крепости, соединив свои силы. Эту армию возглавил и повёл на Оренбург молодой князь Пётр Голицын. Под его командованием было 6500 бойцов и 25 пушек.

Отступивший Пугачёв решил встретить Голицына в Татищевой крепости. Здесь собралось 9000 бунтовщиков с 36 пушками. Пугачёв сам шагами промерил вокруг крепости секторы обстрела и воткнул в сугробы колышки — ориентиры для артиллерии.

Пушка пугачёвцев из музея города Златоуст

22 марта колонны Голицына домаршировали до Татищевой. Казалось, что «транжемент» стоит пустой. Разведчиков Голицына в воротах крепости мирно встречала баба с хлебом-солью. Но разведчики заметили мятежников, которые прятались за куртинами и углами цейхгаузов. Разведчики метнулись прочь. Ловушка Пугачёва была раскрыта.

Голицын отреагировал мгновенно. Его лыжники-егеря по сугробам потащили пушки на окрестные высоты. Колонна генерала Павла Мансурова повернула к илецким воротам Татищевой крепости, а колонна генерала Фердинанда Фреймана — к оренбургским. Голицын взял Татищеву в клещи. С холмов загрохотали пушки. Мятежники сбились в «транжементе» в кучу, и ядра валили их целыми рядами. Из ворот крепости на колонны Голицына бросилась крестьянская пехота — и вся повисла на солдатских штыках. Казачья конница увязла в сугробах вокруг Татищевой, и её секла картечь.

Андрей Овчинников крикнул Пугачёву убежать в Бёрды, «чтоб не попался в руки» Голицыну. Сам Овчинников отступит в Илецкий городок, а Емельян пушай забирает тех, кто хочет сражаться, и прорывается к нему на илецкий плацдарм. С малым отрядом Пугачёв проломил строй солдат генерала Фреймана и помчался к Бёрдам. За снежными холмами утасал гром погибающей Татищевой крепости.

Овчинников дрался в «транжементе», «докудова все заряды не выстрелял», а потом, «падши на коней, пробился прямо сквозь каманду Голицына». Гренадеры и гусары князя уложили в Татищевой крепости полторы тысячи бунтовщиков, и почти две тысячи попали в плен ранеными.

А Бёрды раздирало паникой. Здесь Пугачёв оставил атаманом Максима Шигаева, но Шигаев заметался и не смог усмирить буйную толпу в двадцать тысяч человек. Пугачёв приказал вылить на улицу всё вино, швырнуть в толпу деньги казны и распустить всех с богом — но переколоть тех, кто побежит в Оренбург.

С двумя тысячами конных казаков Пугачёв рванулся в Илецкий городок по тылам князя Голицына. Но в этих тылах Переволоцкая крепость разослала по дорогам аванпосты егерей, и Пугачёв не решился на схватку.

Он отступил в Каргалу. Гостеприимный Муса уже исчез, успев сдать врагам атамана Хлопушу. Порубив местных татар, Пугачёв оставил в слободе заслон и отступил ещё дальше — к Сакмарскому городку. На середине дороги от слободы к городку, у мельницы на речке Каргалке, Пугачёв приказал занять оборону. Здесь мя-

тежники наморозили валы из речного льда и зарядили последние пушки.

Голицын смял заслон в Каргале и ударил по рубежу у мельницы. Ядра покрошили ледяные валы. В атаку ринулись гусары. Бунтовщики не выдержали. Восемь вёрст Сакмарской дороги гусары на всём скаку рубились с казаками и вместе вкатились в Сакмарский городок. По кровавым следам, хрипя, бежали батальоны. Солдаты похватили выбитых из сёдел атамана Подурова, поэта Ванюшку, старика Дубовского, судью Витошнова. От товарищей оттеснили Максима Шигаева, он бросился в Илецк и по пути угодил в плен.

За победу над бунтом Голицын заплатит жизнью. Его, победителя, на балу представят Екатерине. «Как он хорош! Настоящая куколка!» — лукаво скажет государыня о молодом князе. В мужчинах Екатерина разбиралась не хуже, чем Пугачёв — в лошадях. Тёмная туча найдёт на чело Григория Потёмкина, фаворита государыни. И вскоре родственник Потёмкина вызовет князя Петра Голицына на дуэль и сразит ударом шпаги.

Пугачёв сумел вырваться из бойни в Сакмарском городке. Он укрылся в деревне Ташла под заснеженным хребтом Накас. С ним было всего пять сотен казаков. А Оренбург праздновал освобождение после шестимесячной осады. За «славное и неувядаемое знамение верности» государыня на два года освободила город от налогов, а губернатор Рейнсдорп был награждён орденом Александра Невского. Иван Рейнсдорп и дальше останется губернатором и на своём посту умрёт в Оренбурге в 1781 году.

СИЛА СЛОВА

Генерал Деколонг вёл из Тобольска сибирские войска освобождать Оренбург, но на пути от Тобола к Яику застрял в Челябине. Пугачёвский полковник Иван Грязнов пропустил отряд Деколонга в ворота крепости — и обложил крепость осадой.

Главным трибуном полковника Грязнова был Григорий Туманов, мелкий служащий Воскресенского завода. Громовые послания Туманова на башкирских стрелах перелетали через стены крепости. «Думайте, что Челябинск славной по России город — отстоица? Не думайте, предел от бога положен!» — предупреждал Туманов защитников Челябины по-русски и на языке тюрки.

Генерал Деколонг не выдержал угроз канцеляриста. Сибирское войско зарядило мушкеты и двинулось на Грязнова, который стоял в деревне Першиной. 20 пушек мятежников злобно облаяли генерала, но солдаты в ярости раскатали Першину по брёвнышку. Генерал Деколонг вроде бы победил, но понял, что на самом деле проиграл: через такие свирепые деревни ему ни за что не пробиться в Оренбург.

А с севера генерала на помощь призывал погибающий Екатеринбург. Генерал поколебался, выбирая между Оренбургом и Екатеринбургом, и отправил на север две роты. Ослабив свой гарнизон, Деколонг уже не смог бы удержать Челябину: спасение Екатеринбурга стоило Деколонгу, который шёл спасать Оренбург, генеральской чести.

8 февраля башенные ворота Челябины раскрылись. Под барабанный марш, распустив знамёна, из крепо-

сти угрюмой колонной вышло войско Деколонга с ружьями наперевес и пушками наготове. Генерал решил отступить назад в Сибирь. Вслед за солдатами, нервно сжимая сабли, нестройно шагали 464 жителя Челябинца: купцы и чиновники. Повстанцы молча пропустили эту колонну и кинулись в оставленную крепость. Челябинца оказалась главной победой бунта — единственным крупным административным центром, который мятежники сумели взять.

Вскоре Пугачёв призвал Ивана Грязнова к себе, и, уходя, командиром Челябинца Грязнов назначил Григория Туманова — не вояку, а писаря и переводчика. Туманов оказался силен не только словом, но и делом. Он знал языки и умел убеждать: под его рукой башкиры и русские не ссорились, а воевали сообща.

В начале мокрого апреля с горных заводов на Челябинца двинулась команда секунд-майора Дмитрия Гагринна. Туманов направил отряды на перехват майора. На войско Гагринна обрушились летучие всадники — башкиры и казаки. Нападения следовали через каждые 10–15 вёрст. Гагринн выстраивал свою команду в каре и отбивался огнём. Но всё равно он увязал в атаках бунтовщиков сильнее, чем в подтаивающих колеях большака.

9 апреля у деревни Разлепихи грянула битва за Челябинца. Пушки повстанцев картечью истребили эскадрон гусар. Гагринн еле прорвался в деревню. А наутро её заблокировало войско Туманова. В атаку понеслись две тысячи конных башкир. С холма 20 пушек били по каре секунд-майора прямой наводкой. Гагринн указал саблём на батарею врага, и егеря по снежному склону полезли

в штыковую. Переколов канониров, егеря повернули пушки и ударили по мятежникам. Войско Туманова рассыпалось. По трупам бунтовщиков солдаты прорвалась на околицу Челябин. Туманов приказал оставить крепость и уходить.

Першино и Разлепиха, яростные деревни, сейчас уже поглощены гигантским Челябинском. Лощины стали улицами города, и по ним едут троллейбусы, а на полях и холмах громоздятся жилые комплексы и заводы. Новая индустриальная Челяба тяжеломерно надстраивает крижистый классицизм плоскостями хай-тека. Но в старом казачьем бору посреди мегаполиса по-прежнему щебечут птицы, а река Миасс отражает угловатую глыбу музея, возведённого по образцу крепости — в память о былой Челябине.

**КУВАНДЫКСКИЕ ГОРЫ ПОХОЖИ
НА МАРСИАНСКИЙ ЛАНДШАФТ... ТОЛЬКО
В ПЕЙЗАЖЕ ПОДЛИННОГО МЕСТА СОБЫТИЯ
МОЖНО ОЩУТИТЬ, НАСКОЛЬКО РЕАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ ЯРЧЕ И ПРИЧУДЛИВЕЕ ТЕХ
ВЫХОЛОЩЕННЫХ КАРТИН, ЧТО СОСТАВЛЯЮТ
СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНИКОВ**

Своих уцелевших бойцов Туманов привёл к Пугачёву, а сам через месяц угодил в плен. Летом казачий конвой повёз Туманова на суд и казнь в Оренбург. Дорога вела вдоль Яика. За Орской крепостью из марсианских лабиринтов Кувандыкских гор вылетели конные казахи и порубили конвой. Казахи не забыли толмача, который переводил им манифесты самозванца, и сде-

Кувандыкские горы

лали для Григория то, чего не сделали для Емельяна: спасли толмача, а не Пугача. След коня Григория Туманова затерялся в балках Айтуарской степи вольного Казахстана.

ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ

9 апреля 1774 года на Авзяно-Петровском заводе, лёжа в постели, Емельян Пугачёв встретил очередную свою любовницу-«невесту», и не последнюю. В этот же день в Бугульме генерал-аншеф Александр Бибииков, считавший, что Пугачёву конец, лёжа в постели, встретил свою смерть.

Три с половиной месяца назад боевой генерал Бибииков был назначен главнокомандующим всех войск, собранных против Пугачёва. Бибиикову было 44 года. Императрица не побоялась вручить ему целую армию:

артиллерийские команды и 11 пехотных, гренадерских, гусарских и казачьих полков. С такой силой можно было совершить государственный переворот и свергнуть саму Екатерину.

В декабре 1773 года Бибииков прибыл в Казань принимать полки и собирать ополчение. Бравый генерал решил, что победы Пугачёва объясняются трусостью его противников. «Скареды и срамцы здешние гарнизоны, сидят, как сурки, только рапорты страшные присылают», — гремел Бибииков в донесениях из Казани.

Генералу легко было метать молнии. Он привёз сундуки денег, чтобы платить ополченцам зарплату. Дворяне, почуяв доход, кинулись записываться в войско и толпами гнали своих крестьян в рекруты. Сама государыня, желая вдохновить подданных, объявила себя казанской помещицей и тоже выставила ополченцев.

Через полгода Пугачёв в клочья разметает всю эту дворянскую кодлу, но пока воинские команды «зачистили» Поволжье. В одну из команд вступил офицер Гаврила Державин. Ему было 29 лет. Родился он в Казани, а потому счёл своим долгом повоевать с мятежниками. Ко времени бунта офицер Державин уже был автором пары напечатанных стихов, а спустя годы он станет великим поэтом-классицистом и восхитится дарованием юного лицеиста Саши Пушкина.

Изучая молодость мэтра, Пушкин узнает, что Державин быстро понял, в чём же причина бунта. Державин написал казанскому губернатору смелое письмо: это вы, сударь, виноваты в мятеже, а не мужики. Но и мужиков Державин не щадил: разгонял саблей, карал кнутом, а порою и вешал «из поэтического любопыт-

Памятник Державину в Казани

ства». Переход от державинского любопытства к пушкинскому состраданию — путь сквозь буран, из которого русская литература вышла великой.

Бибииков скоординировал действия полков и направления ударов. Воинские команды пошагали на Самару, Кунгур, Уфу и Челябину. Главные силы Голицына двинулись на Оренбург. Свой штаб Бибииков перенёс в большую татарскую слободу Бугульму, где сходились

дороги из Оренбурга, Уфы и Казани. Здесь генерал Бибииков и подцепил холеру.

Мятежников разбили повсюду. В сырой постели Бибииков сгорал от болезни, но был уверен, что главное дело он сделал. И он ошибался. В одном из писем он написал: «Пугачёв — чучела, которою воры яицкие казаки играют». А Пугачёв не был «чучелой». И даже холеру Бибиикова народ истолковал в пользу Пугачёва: генерал признал в нём истинного царя Петра и с горя выпил яд «ис пуговицы».

Бибииков не понял характер пугачёвщины. Он думал, что бунт — перемещение массы народного гнева. А пугачёвщина по природе была близка к волне: перенос движения без переноса массы. Гнев имелся всюду, его не стоило переносить. Не хватало импульса. Им оказалась идея Пугачёва о новой России на казачий лад.

По приказу Бибиикова князь Голицын освободил энергию Пугачёва от вязкой материи яицкого казачества. Пугачёв больше не станет играть в казачьего вожака, как на Яике. Он начнёт всё решать сам, как хан своего улуса. Но для улуса он сохранит казачьи порядки: выборность атаманов на круге и станичные избы в мятежных селениях. Импульс Пугачёва, очищенный и отточенный Голицыным, вонзится в новую материю, и пугачёвщина забушует яростнее прежнего.

На Яике импульс Пугачёва породил казачий бунт. Яицкие казаки бились против оренбургских. Голицын утихомирил здесь стихию — «уложил воду ровно». Но волна-то уже укатилась дальше: на Урале крестьяне выходили биться против рабочих, башкиры выходили биться против государства.

После смерти Бибикова гасить бунт государыня назначила генерала Фёдора Щербатова. Генерал закончит позором, отставкой и опалой. «Вся королевская рать» так и не сможет поймать волну.

ЕМЕЛЬЯН И МАРТЕМЬЯН

Пугачёв уходил с Яика, но он ещё вернётся сюда — пленный. Из Яицкого городка в Москву Пугачёва будет сопровождать конвой старшины Мартемьяна Бородина. Потом, уже в Петербурге, Бородин удостоится высочайшей аудиенции, и его назначат атаманом Яицкого войска. И сразу после этого Бородин умрёт. Внезапная кончина атамана, да ещё в далёкой столице, породит жуткое предание о проклятии Пугачёва.

Будто бы в Яицком городке во дворе тюрьмы конвой Бородина перед долгой дорогой выпивал «на посошок», а рядом на телеге стояла клетка, в которой сидел Пугачёв. Пугачёв попросил налить чарку и ему. Бородин отказал. И тогда Пугачёв напроорочил: не увидеть ему, Мартемьяну, смерти Емельяна; всё будет наоборот.

Яицкие казаки уважали Бородина. А он отрёкся от товарищей, переметнулся к «регулярщикам» и в бунт командовал обороной Оренбурга на самом опасном участке. Пугачёв призывал Бородина уйти от Рейнсдорпа, но Бородин не ушёл.

И вот в Зимнем дворце, уже после казни Пугачёва, государыня ласково расспрашивала Мартемьяна про

бунт. Бородин рассказывал. И вдруг из-за трона, давясь от смеха, выбежал живой Пугачёв в красной рубахе. «Дак я ж и вправду ейный муж! — сказал он, утирая слёзы. — Дурак ты, Мартемьян!» Тут Бородин и грянулся на паркет с разрывом сердца.

Какая логика у этого странного предания? Логика такая. На Яике самозванец был нужен для того, чтобы яицкие казаки решили свою проблему с «регулярством». Если бы у казаков Яика была подлинная элита, выражающая их интересы, она бы решила вопрос мирно, в переговорах. Но элита предала яицкое казачество, как предал его Бородин, и вместо элиты появился «набеглый царь». Емельян заменил Мартемьяна.

Россия состоит из разных миров — столичного и провинциальных. Россия — супружество столицы-«царицы» и провинции-«царя». Если у провинции нет настоящей своей элиты, подлинного «царя», значит, «царица» замужем за самозванцем. И этот мезальянс всегда кровавый.

На яицкий бунт столица ответила не исправлением ошибки, а репрессией: ударом по идентичности. Вековое название «Яик» было велено забыть, а реку отныне именовать Урал. Яицкий городок стал городом Уральском. Идентичность сопротивлялась асимметрично: казаки шли под кнут, но не соглашались называть Пугачёва «казачишкой». Ладно, пускай вор и разбойник, но всё равно «казак»!

Яику была нужна своя элита — такая, как академик Рычков. И государство начало её создавать. В 1824 году в Оренбурге открыли казачье училище, которое потом преобразовали в кадетский корпус. Его назвали в честь

Памятник казачеству в Оренбурге

губернатора Ивана Неплюева. Здесь готовили казачьих офицеров для Великой Степи — именно для неё. «Неплюевцы» и стали элитой, которая в империи мирно оберегала казачью идентичность Яика.

Выпускником и преподавателем неплюевского кадетского корпуса был Александр Дутов, последний Верховный казачий атаман России. Человек чести, в Гражданскую войну он спас Оренбург от большевистского разгрома — отказался вести уличные бои, когда на город надвигались красные бронепоезда, и увёл свою

армию в Верхнеуральск. А там атамана Дутова предали новые Мартемьяны. Дутов с верными полками отступил в Китай и унёс с собой казачью святыню — икону Богоматери Табынской.

В 1921 году в китайском городке Суйдун атамана застрелил басмач, завербованный ЧК. Чтобы доказать чекистам свой подвиг, убийца, подождав несколько дней, ночью разрыл могилу Дутова и отрезал мёртвому атаману голову. Убитый, а потом обезглавленный Дутов неудержимо рифмуется с Пугачёвым, обезглавленным, а потом живым.

Тёплые южные реки России, и Яик в их числе, были казачьей державой. Казаки — носители идентичности этого региона. Советская власть «расказачила» их — лишила огромную провинцию самой себя. Без казаков даже пушкинский гений не смог удержать местную идентичность. Забыв о «Капитанской дочке», которая навсегда закрепила название «Оренбург», с 1938 по 1957 годы город назывался Чкаловым, хотя великий лётчик не только никогда здесь не жил и не бывал, но и в здешнем небе не пролетал.

Над багровыми ярами Яика давно уже отгремели канонады бунта, но, как и в старину, в России поспрашивание идентичности чревато бедой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«...ВСЯКИМИ ВОЛЬНОСТЯМИ...»

КРЕСТЬЯНЕ ПРОТИВ РАБОЧИХ

АРАБСКОЙ ВЯЗЬЮ

Тюрки, дети Великой Степи, не испугались Великого Леса.

Больше тысячелетия назад из южных степей они двинулись на север, в тайгу Сибири. В XI веке на реке Ишим появилось первое сибирское государство тюрков — Ишимское ханство. Его подданных впервые называли сибирскими татарами.

Ишим — приток гигантского Иртыша, который берёт начало на Монгольском Алтае. В своём движении на запад монголы не миновали Иртыш. На его берегах белели ханские юрты великого Джучи. При Джучи Ишимское ханство разрослось до Тюменского, столицей его был город Чинги-Тура на месте нынешней Тюмени. Когда же удар Тимура на куски развалил Золотую Орду — бывший улус Джучи, Тюменское ханство отползло к северу и превратилось в Сибирское ханство со столицей в городке Искер.

Средневековый
сибирский воин
в бронированном тулупе.
Реконструкция из музея
в Ханты-Мансийске

При Тимуре сюда, в дикие леса Иртыша, обращать татар лицом к Мекке пришёл проповедник Багауддин, а с ним 366 бухарских шейхов и войско. Татары дрались с яростью язычников. Триста шейхов легло в могильные ямы под священные шестигранные срубы-астаны, однако в 1395 году Сибирское ханство стало мусульманским.

Азиатские походы Тимура оборвали караванные нитки Великого Шёлкового пути. А шелка Китая были мировой валютой наравне с золотом и пряностями. Чем же тогда Азии торговать с Европой? И шелкам подобрали замену: меха Сибири. В один миг всеми подзабытое Сибирское ханство превратилось в пушной Кувейт эпохи Возрождения.

На ханскую кошку Сибири тотчас отыскались претенденты: Москва и Бухара. Бухара оказалась проворней. Из Арка, бухарской цитадели, гремя копытами по кирпичам пандуса, выехало конное войско. Его вёл решительный хан Кучум, прямой наследник Чингисхана, до этого тихо живший при бухарском хане Абдаллахе II. Бухарцы Кучума пролетели через пустыни и степи и прорубились сквозь тайгу. На берегу Иртыша они разметали батыров сибирского владыки Едигера. Бухарский чингизид Кучум в городке Искер сел на белый

войлок Сибирского ханства, а пушной трафик из Сибири потёк в Бухару. Вот так вышло, что предыстория горных заводов Урала была написана арабской вязью.

Но Руси пушнина была нужна позарез. На русских землях не было ни единого месторождения золота. Всё золото, что лежало в сундуках царя и бояр, привозили из иных государств в обмен на пушнину. А без золота экономика державы умирала. Хитрый царь Иван Грозный задумал отбить Сибирь у татар. Скудной русской казны на войну изначально не хватало. И Грозный поступил с византийским лукавством. Он принялся дарить восточные земли Руси новгородским солепромышленникам Строгановым.

За двадцать лет на реке Каме у Строгановых выросла целая империя с крепостями, монастырями, солеварнями и крепостным людом: первый промышленный холдинг в истории России. Однако Грозный ещё и превратил вотчины Строгановых в подобие Ост-Индских компаний, до которых Европа додумалась только через сорок лет. Царь даровал купцам право изготовлять порох, держать войско, крестить инородцев и захватывать чужие земли. Наконец, в 1574 году Грозный «подарил» Строгановым Сибирь. Это была провокация на войну.

Царь не зря откармливал купцов. Война разразилась, когда Кучум попытался разрушить строгановские форпосты. Строгановы развязали кошель, а звон золота приманил ватаги казаков с Волги и Яика. Это было в 1579 году. Одну из ватаг привёл атаман Ермак. Он стал лидером разбойной дружины, которая получила от Строгановых вполне разбойный заказ: разгромить

Кучума, конкурента Строгановых. И грянула великая эпопея «Сибирского взятия».

Восемь сотен казаков Ермака от Камы перевалили Уральский хребет и прорвались к Иртышу, а здесь разбили и прогнали войско Кучума, взяли его столицу, городок Искер. Три года казаки держали Искер, осаждённый Кучумом, отбивали штурмы, бросались в контратаки, ходили в походы, принимали присягу лесных народов — и гибли, гибли, гибли. Но Сибирь сделалась русской.

Чтобы взять её, Ермак получил деньги купцов, но отдал Сибирь не купцам, а царю, а потом защищал, сколько было сил. Вольный казак, он отказался от воли ради своего дела. Это на века определило главную ценность уральских рабочих: своё дело. Ермак станет образцом, идеалом, атлантом горнозаводского Урала.

УРАЛЬСКИЕ АТЛАНТЫ

До ухода к Строгановым Ермак обрелся на Яике. В те годы казаки ещё не разгромили город Сарайчик. Разгром Сарайчика атаманами Нечаем и Мещеряком и разгром Искера атаманом Ермаком — звенья одной цепи. Поэтому яицкие казаки, наследники Нечая и Мещеряка, одновременно уважали и осуждали Ермака: отдав Сибирь царю, он предал казачью вольницу. Усомнившись в «казачестве» Ермака, на Яике считали, что Сибирь Ермак взял не сам, а с помощью чертей. Черти, как известно, охотно

превращаются в свист или в бочки, чертей легко возить с собой. Вот в бою против сибирских татар Ермак и выставлял не казаков, а бесов.

Зато на Урале в память о Ермаке накатывали часовни из кондовых брёвен. Отказ Ермака от свободы выразил суть уральских рабочих: жертвовать всем ради своего дела. Разница в оценке поступка Ермака отразила разницу между казаками с их ценностью справедливости и рабочими с их ценностью дела.

**НА ГОРНОЗАВОДСКОМ УРАЛЕ СУЩЕСТВОВАЛ
КУЛЬТ ТРУДА, РАБОТЫ, СВОЕГО ДЕЛА.
НА НЕПЛОДОРОДНОЙ ЗЕМЛЕ ТРУД БЫЛ
ЕДИНСТВЕННЫМ СПОСОБОМ ВЫЖИТЬ И ПОТОМУ
ДЛЯ УРАЛА СТАЛ «НАШИМ ВСЕМ»:
НАКАЗАНИЕМ, НАГРАДОЙ, ПРИВЫЧКОЙ,
РАЗВЛЕЧЕНИЕМ, СМЫСЛОМ ЖИЗНИ. ЦЕННОСТЬ
ТРУДА ФИКСИРОВАЛИ ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ
УРАЛА — ЕРМАК И СИМЕОН ВЕРХОТУРСКИЙ**

Ермак проторил путь через Урал в Сибирь. Тотчас по этому пути побрели измороженные Смутой крестьяне, что искали хлебные земли без жадных бояр. Потом пошагали отряды стрельцов с воеводами, закрипели обозы монахов. Урал и Зауралье потихоньку усеялись слободами, острогами и монастырями. Из чащоб на пришельцев смотрели куницы, лисы и соболи.

С татарами Сибири русские переселенцы начали осторожный торг, и не было предела их изумлению: за простой железный котёл татары давали столько пушнины, сколько её в этот котёл и влезало! И тогда рус-

ские повсюду принялись рвать кайлами жилистые бока уральских увалов — искали железную руду. При слободах, острогах и монастырях задымили маленькие заводи: рудная яма, глинобитные горны и кузница. Русские ковали котлы, серпы, ножи, подковы — и меняли на меха. Так пушной торг с сибирскими татарами открыл Руси железные потроха Урала. Не зря потом герб Строгановых украсит соболь, а клеймом «старый соболь» своё железо будут метить Демидовы.

С середины XVII века на лесной Урал и в степное Зауралье хлынул поток гонимых раскольников. Они шли, охваченные дивными и грозными мечтами о Беловодье, о городе Веденец, о праведном царстве Опоньском, о блаженных островах Макарийских. Многие беглецы оставались на Урале.

Но видения прекрасного мира порой становились страшной явью. Если стрелецкие отряды находили селения раскольников, жители, не желая сдаваться властям, запирались в храмах и поджигали их изнутри. Это называлось «гарь». В ней принимали «огненную купель», после которой очищенные пламенем души погибших воскресали в многоцветных небесных вертоградах. Первая и самая страшная «гарь» задымила под Ялуторовской слободой в 1679 году, когда в райские кущи вознеслось сразу 1700 человек. Подобных массовых самосожжений на Урале было много. И даже во времена Пугачёва в казематах Тобольского кремля ещё догнивали ересиархи, старцы-расколоучители, изловленные солдатами с огневищами в руках.

В дремучих урманах Урала раскольники выжили только благодаря каторжной работе. Ни бог и ни царь

Реконструкция острога в городе Ялutorовске

не спасли бы пришельцев в снежной непролазной тайге, на неплодородных берегах студёных рек — только неистовая, пожирающая душу работа. И раскольники сделали труд смыслом жизни, культом, мерой всех вещей.

В те же годы близ города Верхотурья жил мужик Семён, портной на отхожем промысле. Но странный портной: он не брал плату за свою работу. Он ходил по земле туда-сюда и как-то незаметно помер, а спустя годы из земли всплыл его гроб с нетленными мощами. Так был явлен святой Симеон Верхотурский. Он не совершал миссионерских или молитвенных подвигов, он явил чистый и ясный идеал труда. И потому стал главным святым горнозаводского Урала. Святой Симеон и былинный витязь Ермак — два атланта, которые держали небо Урала.

«Дело» Ермака, «работа» раскольников, «труд» Симеона — три названия одной и той же ценности, кото-

рая для рабочих была превыше всего. Когда пугачёвские казаки покусятся на эту ценность горнозаводских рабочих, казачий бунт превратится в гражданскую войну.

«ЗЛОДЕЙСКОЕ ЛИТЬЁ»

Мужицкие заводики при слободах могли обеспечить крестьян котлами и гвоздями, серпами и топорами, но никак не смогли бы обеспечить державу пушками и ружьями. Для этого требовались большие горные заводы.

В ту эпоху мощные силовые агрегаты работали на водобойных колёсах. Людской натуги или конной тяги не хватало, чтобы качать огромные меха печей или поднимать тяжёлые хвостовые молоты. Неизбежно приходилось сооружать пруд и строить завод под его плотиной, где на водосбросах вращались колёса, приводившие в движение заводские механизмы.

Пруд должен был сохранять воду на год заводской работы, под него подыскивали уёмистую долину реки. Плотину возводили между гористых береговых склонов. А ещё для завода требовался лес, потому что доменные печи работали на древесном угле. Разумеется, требовались рудники. В центральной России сложно было найти зону, которая удовлетворила бы всем требованиям водобойной промышленности. Либо руда бедная, либо пруд мелкий, либо леса редкие. Пётр I пробовал строить заводы вокруг Тулы — они получались слабосильные. Пробовал в Карелии — иссякала

руда. И взор государя обратился на Урал, где слободские мужики уже развели сотни рудных ям, а лесов, рек и гор было вдосталь.

Пётр собирался воевать со Швецией, ему нужна была артиллерия. И в самом конце XVII века царские дьяки и мастера заложили на Урале два первых настоящих больших завода. Один из них — Невьянский — встал на месте мужицкого заводика Невьянской слободы, а другой — Каменский — встал на месте заводика Далматовского монастыря. Пушки — вот главная продукция Урала.

Невьянский завод долго не мог встать на крыло, а Каменский оперялся быстро. В это время на хмурых ветрах Балтики Пётр осаждал шведскую крепость Нарва. Но к крепости ринулся король Карл XII. Бывалые шведские вояки так ударили по новобранцам Петра, что русские полки раскатились по ижорским болотам. Зимний дождик капал на стволы брошенных пушек. Под низкими бастионами Нарвы лежала вся артиллерия России за двести лет.

Пётр в бешенстве выпучил глаза. На Каменском заводе доменные печи раздули кирпичные груды. И завод всего за один год выпек императору новую артиллерию. Ещё через год каменские пушки с рёвом прогрызли нарвский бастион Хонор, и русские grenадеры ворвались в крепость Нарву.

Взятие Нарвы — триумф русского оружия, а русское оружие — это Каменский завод. И вместо победного салюта на Урале загрохотали копры, вколачивая сваи новых плотин. Каменск оправдал промышленное будущее Урала. В XVIII веке заводы строились один за

Провиантские склады Каменского завода. 1829 год

другим: каждые два года по три новых предприятия. Через 70 лет, ко времени пугачёвщины, на Урале дымила сотня горных заводов. С тех пор и доныне Урал — самая индустриализованная зона планеты Земля.

В бунт на Каменский завод въедет конница пугачёвского атамана Чира. Самозванцу Петру Фёдоровичу, как императору Петру Алексеичу, тоже будут нужны пушки, чтобы штурмовать крепость, только теперь — каменную твердыню Далматовского монастыря. Мятежники примутся раздувать остывшие домны остановленного Каменска.

Не единожды на разных захваченных заводах пугачёвцы пытались изготовить себе пушки. Иногда у них получалось, и эти орудия власть потом называла «злодейским литьём». Впрочем, пушка — машина смерти, и «злодейским литьём» можно назвать всю продукцию заводов Урала.

Но чаще вместо пушек у мятежников выходили какие-то косые чугунные дубины. Почему? Ведь на заводах работали мастера уже третьего поколения. Дело

и том, что в пугачёвщину опытные литейщики с опалёнными бородами угрюмо отсиживались по своим избам, а на месте профессионалов у доменных печей самоуверенно орудовали восставшие крестьяне. Рабочие не приняли Пугача.

ИГО РАБОТЫ

Строителями заводов были бессловесные рекруты и каторжники. Часто власти направляли на стройки изловленных раскольников. Потом многие староверы оставались при доменных печах и превращались в мастеровых. Так на горные заводы пробирался раскольниковый культ работы.

Но мастеровых было немного. Жили они вполне сносно, не грызли от голода деревянные ложки: начальство ценило профессионалов. Однако заводам требовалась уйма внезаводской работы: ломать руду, рубить лес, выжигать уголь, возить грузы. Кто будет этим заниматься? Квалифицированные рабочие? Нецелесообразно. Значит, крестьяне.

С самого рождения горных заводов на Урале появилась система «приписки». К каждому заводу начальство приписывало несколько десятков деревень, жители которых вместо барщины должны были отработать для завода определённое количество дней. То есть, пахарь бросал поле, чтобы полгода махать топором на лесосеке или кайлом в руднике. Свои тощие пашни Уралу были не нужны.

Старинный хвостовой молот в «Демидов-парке» Нижнего Тагила

Заводы XVIII века решали проблемы за счёт крестьян, как индустриализация XX века решала проблемы за счёт коллективизации села. И на горнозаводском рабочем Урале острее всего стоял «крестьянский вопрос». Кто будет сеять и жать? Откуда взяться урожаю, если хозяина угнали на завод? И что хозяин будет есть, когда вернётся в свою избу к пустым сусекам? Из-за приписки деревня начинала люто ненавидеть завод.

Первый же опыт приписки дал первый же крестьянский бунт. В 1703 году в городе Кунгур воевода послал местных крестьян копать руду на речку Бым. Мужики похватили вилы, оседлали лошадёнок с копытами, расшлёпанными в бороздах, и по дремучим травам июля помчались на город. Бревенчатый кремль Кунгура поспешно затворил ворота. Из башен по смутьянам ударили пищали. Но мужики не отступили, поклявшись всех приказных «убить до смерти». Две недели Кунгур стоял в осаде. Сотник пытался вывести городских казаков на схватку в поле, но лапотники дрались как черти. Крестьянин Ершов косой подсёк ноги двух казачьих коней, зарезал

одного казака, поранил другого — и упал под ударом сабли. Казаки убежали обратно в кремль и сидели там, пока из Верхотурья гонец не привёз в Кунгур бумагу, которая отменила все крестьянские работы для заводов.

Но такое было исключением. Власть подготовилась основательнее и наглухо загнала крестьян в ярмо приписки. Десятки тысяч уральских мужиков оказались в рабстве у доменных печей и заводских управителей.

Власть понимала, что миром всё это не кончится. В 1762 году император Пётр III манифестом отменил приписку. А государыня Екатерина отменила Петра III, и приписка вернулась в прежнем виде. Однако крестьяне запомнили доброго царя. Бумагу с манифестом мужики прятали в красном углу за иконами. Когда появился Пугачёв, воскресший Пётр Фёдорович, крестьяне поднимутся ему на подмогу.

**ДЛЯ РАБОЧИХ ТРУД ЯВЛЯЛСЯ ЭКВИВАЛЕНТОМ
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ. ЕСЛИ ВТРОЕ БОЛЬШЕ
НАЛОМАТЬ РУДЫ, ТО МЕТАЛЛА ВЫПЛАВИШЬ
В ТРИ РАЗА БОЛЬШЕ И ПОЛУЧИШЬ ТРОЙНОЙ
ЗАРАБОТОК. А ДЛЯ КРЕСТЬЯН ТРУД БЫЛ
ТРАДИЦИЕЙ, И УВЕЛИЧЕНИЕ ТРУДА НЕ ИМЕЛО
СМЫСЛА. МОЖНО ТРИЖДЫ ВСПАХАТЬ ПОЛЕ,
НО С НЕГО НЕ СНЯТЬ ТРИ УРОЖАЯ**

В пугачёвщину на горных заводах бунтовали многие, но сжигали заводы не местные рабочие, а приписные крестьяне. Рабочий не желал разорения своему заводу, как крестьянин не желает гибели своему коню. И кое-где мастеровые выходили на защиту заводов.

Приписные крестьяне были земледельцами, и они вняли призыву земледельцев-казаков. Пугачёвский передел России на казачий лад был ясен и прекрасен для тех, кто кормится от земли. Григорий Туманов, пугачёвский трибун, в Челябинске гремел крестьянским глаголом: «Господь наш Иисус Христос соизволяет своим промыслом избавить от ига работы!» «Иго работы» — это не святое земледелие, а работа для заводов. Приписка.

Мятежный кунгурский июль 1703 года — только начало бешеной столетней борьбы крестьян за право быть крестьянами, за свою идентичность. Пугачёвщина превратила эту борьбу в гражданскую войну. Но крестьянский обух не перешиб ствол заводского молота. «Иго работы» царь снял с мужика только в 1804 году.

ДВЕ МАШИНЫ

Нельзя на одном и том же поле одновременно сеять хлеб и копать руду. Царь Пётр это понимал. Чтобы провести индустриализацию в крестьянской империи, ему, императору, надо отгородить заводы, которые он ещё строит, от государства, которое он перестраивает.

Ко времени формирования Сената и коллегий на Урале было около двух десятков горных заводов, казённых и частных, и все они работали вразнобой. Хозяева собачились между собой и с властями, воеводы совали палки в колёса, вымогая мзду, крестьяне грозили дубьём. Не хватало то одного, то другого. Что делать?

Вопросами промышленности ведала Берг-коллегия, одна из знаменитых двенадцати. Для этой коллегии, то есть для заводов и рудников, в 1719 году были составлены два основополагающих документа: Берг-регламент, то есть правила существования промышленности, и Берг-привилегия — список законов, которые можно и должно нарушать, чтобы процветали заводы.

Заводы были выведены из-под власти воевод и приказных, губернаторов и чиновников. Заводы составили особое, собственное государство в государстве, которое отчасти подчинялось Берг-коллегии, а в целом — только Сенату и государю. В общем, для развития дела Пётр поступил с заводами так же, как Иван Грозный со Строгановыми.

Потом, осмотревшись, прагматичные горные командиры сядут за стол, сняв треуголки, и начнут пункт за пунктом детально разрабатывать порядок, который им необходим на Урале. Без такого порядка дело — швах. Нужно своё войско — раз. И для начала горные командиры получают несколько тобольских батальонов. Нужны свои крепостные — два. И к каждому заводу власть припишет крестьянские волости, обрекая тамошних мужиков на голодную смерть. Нужны свои земли — три. И чертёжники примутся красными чернилами обводить на картах заводские вотчины, куда помещиков не пустят ни на шаг. Нужны свои законы — четыре. Наконец, пятое: нужны свои руководители и нужна своя столица.

Столицу заложат на реке Исеть в 1722 году и назовут Екатеринбург. Это будет не город при заводе, а гармоничный город-завод. Первый, идеальный город-завод в мировом градостроении, индустриальная утопия

Горный завод на гравюре XVIII века

XVIII века. Здесь разместится управление всеми предприятиями Урала и дом горного начальника: правительство горнозаводской державы.

Нынешний Екатеринбург, евроазиатский мегаполис, сохранил изначальную идею технического производства. Пруд и плотина несут образ горного завода XVIII века. Классицизм дворцов впитал имперский триумф горнозаводской державы XIX столетия. Нагромождения коробок конструктивистских причуд — пылкая вера XX века в индустриализм, именно она вдохновляла Советский Союз. Наконец, циклопический хайтек в пёстрых отражениях православного кича — самолюбование постиндустриальной цивилизации XXI века. В ткань Екатеринбурга вплетена вся «генетическая цепочка» индустриальных смыслов.

Рациональный XVIII век создавал миры не в порыве вдохновения, а строгим напряжением мысли. Горные инженеры конструировали свою горнозаводскую державу как сложный механизм. Через два десятилетия так

же технично и мастеровито генерал Неплюев и академик Рычков изобретут и соберут Оренбургскую губернию и Оренбургское казачье войско. На Урале, словно два гигантских агрегата, заработают два искусственно созданных социума: горнозаводский и казачий.

Они отличались друг от друга способами функционирования: промышленное и земледельческое. Различались целями: делать пушки и стрелять из пушек. Различались принципами: для делающих пушки — «работа превыше всего», для стреляющих из пушек — «справедливость превыше всего».

Пугачёв станет вирусом, который реформатирует программу одной из этих систем. Будто боевой робот, сошедший с ума, оренбургская казачья машина вылезет из оврагов Общего Сырта и пойдёт в бой на уральскую горнозаводскую машину. С громом и лязгом они сшибутся среди хвойных увалов, повалят леса, ножищами расплещут реки, выжгут селения, разметают тучи над горами. Но заводской робот нанесёт казачьему такие увечья, что, оглушённый, казачий титан, шатаясь, ушагает с Урала прочь.

КАЗНОКРАД

Первым начальником уральских заводов стал Василий Татищев.

Родовитый русский боярин, он построил свою судьбу по-дворянски. Татищев пошёл в армию в 18 лет простым драгуном. В 23 года он рубился со

шведами на полтавском поле и упал, сбитый вражеской пулей. Потом наступило время учёбы. В гулких залах германских университетов Татищев изучал оптику, фортификацию и геологию. В Москве с верхотуры Сухаревой башни вместе с Яковом Брюсом Татищев разглядывал в трубу звёздное небо над луковками храмов. Когда Пётр произвёл Брюса в президенты Берг-коллегии, Брюс отправил Татищева на далёкий Урал строить горные заводы.

ТАТИЩЕВ И ДЕ ГЕННИН НА ПАМЯТНИКЕ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ ПОХОЖИ НА МЕХАНИЧЕСКИХ КУКОЛ XVIII ВЕКА. ЭТО СОЛДАТЫ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ С ЕЁ ИДЕАЛЬНЫМ ГУМАНИЗМОМ И РЕАЛЬНОЙ БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТЬЮ. КУЛЬТУРУ ОНИ ВБИВАЛИ ПЛЕТЯМИ И ШТЫКАМИ ДВИГАЛИ ПРОГРЕСС

Боярская кровь брала своё. Спесивый Татищев не желал слушать безродных купцов вроде Демидовых — подлое сословие должно молчать, когда говорит аристократ. Татищев истово следовал интересам империи: для государства горные заводы важнее всего, и тяжёлый ботфорт заводского командира беспощадно сшибал с пути чужие выгоды. Даром Татищеву это не прошло.

Никита Демидов настроил донос, что Татищев — казнокрад. В 1722 году конвой снял с боярина шпагу. В столице суд оправдал Татищева, но горным начальником Урала теперь уже был генерал Виллим де Геннин, который умел поладить с Демидовыми. А Татищеву осталась замаранная честь.

Памятник Татищеву и де Геннину в Екатеринбурге

Его отправили посланником в Швецию. Но вместо дворцовых интриг Татищев вникал в устройство шведских заводов. Он смотрел опыты в Академии, читал фолианты в библиотеках, ползал по откосам рудников. Его околдовали чудеса превращения веществ, окаменевшие силы земляных толщ, магия рычагов и зубчатых передач. Если эти тайны природы помножить на силу империи, России во всём мире не сыщется равной державы.

Татищев вернулся в Россию, и начались его скитания по судьбе. После смерти Петра петровские идеалы дворянства были отброшены, но боярский гонор не

позволил Татищеву смириться с этим. Он хотел работать на державу, но державе давно не требовались ретивые работники.

Глупой, толстой и ленивой императрице Анне Иоанновне Татищев предложил учредить парламент — так сказать, «коллективного Петра». Но парламент отнял бы власть у жирующего герцога Бирона, фаворита государыни, невенчанного мужа венценосной жены. Татищев в то время возглавлял Монетный двор. На этом и сыграли его враги. «Казнокрад!» — крикнул Бирон, указывая на Татищева.

Татищева сослали на Урал — снова начальником горных заводов: «Пёкса о заводах? Езжай туда!» Татищев развил на Урале бешеную деятельность. С 1734 по 1737 год он удвоил количество заводов — а хотел учетверить. Урал стал давать такую прибыль, что фаворитов опять повернуло к Татищеву. Бирон, а потом Миних пожелали приватизировать заводы. А Татищев не желал подарков курляндцам. «Казнокрад!» — закричал теперь Миних.

Татищева перевели командиром Оренбургской экспедиции. От его свирепости взвыли башкиры, прокляв боярина. Чужим криком Татищев словно хотел докричаться до трона: дайте мне делать дело чести — служить державе умом и талантом! Но полковник Тевкелев, метивший на должность Татищева, написал донос: «казнокрад». Снова суд — и снова оправдание.

Потом Татищева назначили астраханским губернатором. И тут всё кончилось скандалом. Кому нужен реформатор в тёплой и сытой провинции, где начальству и так хорошо, и ничего возмутительного не происхо-

диг? «Казнокрад», — нашептали в Петербурге астраханские чиновники.

Татищев хотел поприща чести — вот по его чести враги и били наветами. А власть уже не знала, куда усадить столь неутомимого деятеля. И в 1745 году его отправили в родовое имение под домашний арест.

Через пять лет местного попа ожидало потрясение. Суровый барин твёрдым шагом обошёл заросшее лопухами кладбище, выбрал себе место под могилу и велел соборовать себя. Вернулся домой, отужинал и лёг умирать. Наутро у постели Василия Татищева появился курьер, который привёз орден и указ о полном оправдании. Но Татищев властно отослал орден тем, кто его давал, закрыл глаза и умер. Всех богатств у казнокрада нашли только рукописный том первой «Истории Российской».

ГОРНОЗАВОДСКАЯ ДЕРЖАВА

Горнозаводская держава началась с екатеринбургского плацдарма размером в уезд. На нём уместились 4 завода, 18 деревень и две речные пристани.

А в пугачёвщину держава накрывала собой уже весь Урал, залезая на территории трёх губерний — Казанской, Оренбургской и Тобольской. Заводов уже было около сотни. Горные генералы, командиры заводов, вели дела подобно индустриальным полководцам.

Обычное государство состоит из правительства, армии, полиции, таможни, суда, почты и других специ-

фических казённых структур. Горнозаводская держава состояла из правительства, рудников, заводов, лесосек, углежжений, солеварен, пристаней, приисков и других специфических горнозаводских структур.

В 1745 году на лесной дороге возле Екатеринбурга раскольник Ерофей Марков поднял булыжник, в глубине которого блеснула искра. Так было найдено первое золото России. Горнозаводская держава становилась не только военным, но и финансовым оплотом империи.

САМОЕ ЗРИМОЕ НАСЛЕДИЕ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ДЕРЖАВЫ — ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ТИП «ГОРНОГО ЗАВОДА», КОГДА В ЦЕНТРЕ СЕЛЕНИЯ — ПРУД И ЗАВОД. ЕВРОПА НЕ ЗНАЛА ТАКИХ СЕЛЕНИЙ, ПОТОМУ ЧТО В ЕВРОПЕ ЗАВОДЫ СТРОИЛИ НЕ НА ПРУДАХ, А НА КАНАЛАХ. НЫНЕ ЗАВОДА МОЖЕТ УЖЕ И НЕ БЫТЬ, НО СЕЛЕНИЕ ПО ПЛАНИРОВКЕ ВСЁ РАВНО ОСТАЁТСЯ ГОРНОЗАВОДСКИМ — С ПРУДОМ И ГЛАВНОЙ УЛИЦЕЙ, ИДУЩЕЙ ПО ПЛОТИНЕ. ПРИМЕР — ЕКАТЕРИНБУРГ

Не раз горные генералы получали от мужиков грамоты о находке «узорчатых камней». В 1765 году в Мурзинскую слободу вкатились гружёные телеги экспедиции братьев Торторри, итальянских знатоков камня. В горе прямо напротив слободы итальянцы откопали первый природный погреб, полный сказочных аметистов. И началась история уральских самоцветов. По легенде, самое богатое месторождение в сосновых борах

На гравюре XVIII века — типичный горный завод внутри крепости

Ильменских гор обнаружил казак Прутов. Вместе с жителями крепости Чебаркуль Прутов рыл траншеи, чтобы отражать атаку Пугачёва, и поднял на грязной лопате лучистый топаз. Держава утрюмых заводов обзавелась блистающей фабрикой драгоценностей.

Но заводы приносили прибыль не меньшую, чем выплавка золота или огранка топазов и рубинов. Понимающие люди умели видеть сияние золота за копотью заводской работы, умели слышать волшебный звон монет в громе молотов и скрипе водобойных колёс. Эти понимающие люди, разумеется, держались возле трона, и скоро с трона прозвучало повеление раздать казённые заводы в частное владение.

В 1739 году началась первая приватизация. Её проводили фавориты русских императриц — сначала Бирон, потом Миних. В руки их компаньонов-курлянд-

цев перешли 18 самых мощных заводов Урала. Но фавориты скоро сверзились с престола, а новоявленные хозяева, забыв о предприятиях, попрыгали в кареты и умчались за кордон. Заводы вернулись в казну.

Русские переделали за немцев всё, как надо. В 1754 году грянула вторая приватизация. Весёлая государыня Елизавета воздушным взмахом платочка распрощалась вообще со всеми заводами Урала, кроме Екатеринбургского и Каменского. Графы и князья кинулись делить добычу. Но управлять предприятиями никто из них не умел. И через несколько лет почти все сиятельные владельцы разорили свои заводы и стыдливо спихнули их профессионалам из подлого сословия — откупщикам, промышленникам и купцам. Они-то и станут биться с Пугачёвым.

До середины XVIII века заводы толпились по среднему Уралу, вдоль пути Ермака. С 1753 года началось наступление на север и на юг. Ямщик Максим Походяшин построил первые предприятия в глухой северной тайге, где раньше стояли только чумы вогулов. А Иван Неплюев, оренбургский губернатор, призвал заводчиков приходить в Башкирию и пообещал, что оренбургские казаки защитят заводы от мятежных башкир.

История не знала таких темпов индустриализации, как в России XVIII века. Россия завалила Европу железом и стала мировым промышленным лидером. Такого в истории России больше не повторится никогда.

Чем был Урал в то время? Гнездом промышленных городков среди огромной аграрной страны. Рабочим отсюда просто некуда было уходить, ведь сеять и пахать они давно разучились. И потому свобода для рабочих

стала не важна. И пашни тоже стали не важны. А Пугачёв, который обещал рабочему свободу и пашню, попал не по адресу.

Пугачёвщина была бунтом нации против бесчестной знати. Бунт начался в 1773 году 17 сентября. А 21 октября в Петербурге открылось горное училище, будущий Корпус горных инженеров, а ныне Горный университет. Для промышленного Урала власть сделала то, чего для всей России дерзал сделать бунтовщик: создала кузницу подлинной элиты.

СЫН НИКИТЫ, ВНУК НИКИТЫ

Двести лет у заводчиков Урала был комплекс неполноценности, который назывался «Демидовы». Все хотели их превзойти.

И заводчики, и рабочие Урала как сокровенную мечту об удаче рассказывали сказку про пистолеты царя Петра. Будто бы как-то раз Пётр был в Туле проездом и попросил кузнеца Никиту Демидова починить ему сломанный пистолет. За ночь Никита не только исправил пистолет, но и сделал другой такой же — Пётр даже различить их не смог. Царь полюбил ловкого кузнеца и потом осыпал милостями.

Демидов взлетел в 1702 году, когда Пётр даровал ему целый Невьянский завод. С этого подарка началась частная индустрия Урала. Впрочем, Никита не поверил в Урал и послал туда сына Акинфия. А сын Акинфий оказался промышленным гением. Под его рукой Не-

вьянск наковал Никите капитала на сотни тысяч. Но 15 лет Акинфий никак не мог уломать упрямого батюшку разрешить ему построить на Урале другие заводы. В конце концов уломал — и построил ещё 15 заводов.

В обширном и разветвлённом роду Демидовых никогда не было согласия, а предприятия разных хозяев не составляли единого комплекса. Однажды брат Никита попросил у Акинфия взаймы денег — дескать, помоги, родные ведь люди, — и Акинфий отчеканил: «Моему карману брата нет!» По этому принципу Демидовы и жили.

В ПОСЁЛКЕ ДУГНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ ВСЁ КАК НА УРАЛЕ: ПРУД, ПЛОТИНА, ЗАВОД В ЦЕНТРЕ СЕЛЕНИЯ, УЛИЦЫ НА НЕУДОБНЫХ КОСОГОРАХ. ДУГНИНСКИЙ ГОРНЫЙ ЗАВОД — УДИВИТЕЛЬНЫЙ ОБЛОМОК ДАЛЁКОГО УРАЛА, ЗАБРОШЕННЫЙ ЧУТЬ ЛИ НЕ ПОД МОСКВУ ГРАНДИОЗНЫМ ВЗРЫВОМ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКСПАНСИИ ДЕМИДОВЫХ

Никита Демидов рассорил своих сыновей Акинфия и Никиту. Большие заводы Урала отец завещал Акинфию, а малые заводы Тулы — Никите. Никита Никитич подал на Акинфия в суд и оттягал себе часть уральских заводов. На его тульских предприятиях начал свою деятельность Евдоким Демидов — сын Никиты и внук Никиты. Потом Евдоким вернётся на Урал и купит два Авзянских завода, а ещё построит заводы Кагу и Кухтур.

Следить за уральскими заводами Евдоким определит сына Ивана. В Уфе Иван построит себе богатый

Дом Демидова в Уфе, где жил Суворов

дом. В пугачёвщину Иван с ружьём в руках будет стоять в карауле на городской заставе, а после разгрома бунта в уфимском доме Ивана Демидова остановится сам Суворов, который усмирал Башкирию. Все заводы Ивана будут разорены, но Иван не забудет, что чуму крестьянского бунта на Урал занёс его отец Евдоким.

Под Тулой на речке Дугне, что впадает в Оку, у Евдокима дымил Дугнинский завод. К нему было приписано село Ромодановское. Руду заводу в зачёт оброка рыли не только мужики, но и бабы — а в избах мёрли их оставленные детишки. Работников хозяин не кормил: артели ходили в Калугу выпрашивать подаяние. Ромодановское терпело до 1752 года. Когда приказчик объявил, что хозяин всё равно не снял оброк, хотя и обещал, 12 мужиков повесились. Остальные восстали.

Над речкой Дугной загудел набат. Село Ромодановское не забунтовало — оно готовилось к войне. Бабы и девки надевали штаны и рубахи. Отставной ветеран

учил товарищев «экзерциции» — боевым порядкам и перестроениям.

К Ромодановскому пошла команда полковника Олица с полутысячей солдат. На околице села команда сшиблась с крестьянским войском. Осатаневшие мужики и бабы врукопашную повалили тридцать солдат и поранили двести. В траву замертво легла сотня крестьян. Но команда полковника Олица бежала, а сам полковник, связанный, сел в погреб. Крестьянам досталось 250 ружей и 180 шпаг.

На обезумевшее село ринулся отряд бригадира Хомякова. Мужики встретили его на берегу речки и бешеной пальбой отбросили от переправы через Дугну. Хомяков в бессилии сжёг окрестные деревни и ушёл к начальству за приказами, а начальство отправило Хомякова под трибунал.

Против восставшего села Ромодановского власть двинула регулярную армию: два полка генерал-майора Опочинина. Картечь распахала улочки села. Драгуны вышибали ворота и втоптывали в землю заборы. Штыки припёрли бунтарей к бревенчатым стенам изб. А потом началась расправа.

700 ромодановских крестьян, безносых, обритых и заклеимённых, звеня цепями, навсегда убрили на далёкий Урал. Правительственная комиссия расследовала причины бунта, но оставила Евдокима Демидова без порицания, потому что 250 рабочих Дугнинского завода сказали, что Евдоким-Никитичем они премного довольны. А крестьян никто не спросил. Дети тех крестьян на Урале оплатят за отцов и сожгут заводы Евдокима.

НАСИЛЬНО МИЛ

Никита Демидов, брат Евдокима, владел двумя вотчинами: на реке Чусовой — двумя Шайтанскими заводами, на озёрах южного Урала — двумя Кыштымскими. Полцарства своего он бросил к ногам возлюбленной.

Никита Никитич влюбился в красавицу Соню Шириеву, купеческую дочь из Гороховца. Судьбу Сони решали братья Сергей и Ефим. Никита Никитич с ними договорился: поменял братьям Соню на Шайтанские заводы. Братья были без ума от счастья. Соня убивалась от горя.

Шириевы явились на Чусовую. Захудалые купцы, они не только вдруг разбогатели, но и вкусили сладость власти над людьми. При Шириевых ужасы рабства на Шайтанке познали уже не только приписные крестьяне, но и рабочие. Тем, кто не угодил, надевали на шею цепь с ядром или рогатки — ошейник с рогами, на которых висели гири: раскачиваясь, гири били по лицу и за день превращали его в кровавую кашу. Баб сажали в клетки со спицами. Конторщиков за мелкой бумажкой посылали пешком в Петербург. Ефим Шириев ходил по заводу с железным прутком, обтянутым кожей, и бил провинившихся: один удар такого прута ломал человеку кости.

В то время самым известным разбойником на Чусовой был Андрей Плотников по прозвищу Рыжанка. Грамотный и хитрый, он выписал себе «пашпорт» и был неуловим: то грабил на Чусовой и Каме без стыда и совести, то работал как простой бурлак. Угроза налё-

та Рыжанки вышибала у заводчиков холодный пот. Однажды торговый караван с заводов графа Воронцова отбивался от шайки Рыжанки даже из пушек.

Рабочая Шайтанка зачерствела в угрюмом мнении: «довольно будет богомольцев за того, кто убьёт Ширияева». В 1771 году мастеровые собрали денег для разбойника и отыскиали Рыжанку среди хмурых утёсов Чусовой. Рыжанка выслушал заводских ходоков, ссыпал рабочие медяки в карман и обещал разобраться с людомоедом.

Его шайка нагрянула на Шайтанский завод светлой летней ночью. Рыжанка гирей на цепи вынес двери господского дома и выволок Ефима Ширияева на двор, а потом выстрелил заводчику в лицо из пистолета. Рабочие, что сбежались со всего посёлка, вытаскивали из ширияевского дома ружья, заряжали их и палили в мертвеца. Позже приказчик в письме к Сергею Ширияеву добавит: «да сверх того ещё руками две стрелы с железными копиями во утробу затолкнули до половины».

Свою ярость приписные крестьяне вымещали в бунте, а рабочие наняли киллера. Это объясняется тем, что у рабочих врагом был заводчик, потому на Шайтанке и появился наёмный убийца. А у крестьян врагом был завод, поэтому приписные взрывали доменные печи.

В пугачёвщину рабочие бунтовали вместе с крестьянами до тех пор, пока адресат гнева был общим. Когда гнев бунтовщиков с заводчиков переместился на заводы, рабочие повернули пушки против крестьян.

Шайка Рыжанки обшарила дом Ширияева и ушла в леса. Но ей не удалось загулять надолго: через несколько дней пьяных разбойников на лесной поляне скрути-

**Застроенная площадь Шайтанского завода, ныне города Первоуральск.
Здесь убивали заводчика Ширяева**

ли солдаты. Рыжанку били кнутом в Екатеринбурге, били на Шайтанке, били в Оренбурге, там он и умер.

А у Никиты Никитича Демидова жизнь с Софьей Ширяевой так и не сложилась. Никита Никитич устроил жене домострой с розгами, и Софья трижды убегала от мужа, хотя её супружество было залогом благополучия брата и матушки. Обливаясь слезами, Софья писала государыне: «во всё время замужества жизнь была горестная, что безчеловечный нрав и зверския мужа поступки доводили до того, что должна наконец или сама себя лишить жизни, или быть жертвою его гонения». В 1779 году Екатерина утвердила развод Софьи Ширяевой и Никиты Демидова — вняла мольбам страдальцы.

Вот только мольбам рабочих никто внимать не хотел. И в пугачёвщину с Шайтанских заводов бунтовщики пойдут на штурм Екатеринбурга.

КОМПАНЕЙЩИКИ

На южном Урале нашлись заводчики, которые заткнули за пояс Демидовых. Это было «кумпанство» решительных симбирских купцов Ивана Мясникова и трёх братьев Твёрдышевых. Но легенду о своём взлёте компанейщики всё равно придумали по демидовскому образцу.

Будто бы во время похода в Дербент император Пётр остановился в Симбирске и захотел отобедать на зелёном острове посреди Волги. На вёсла в его галеру сели молодые купцы — будущие компанейщики. Пётр разговорился с добрыми молодцами и посоветовал им строить заводы в дикой Башкирии, а для старта отвалил 500 рублей золотом.

Но по-настоящему дело компанейщиков началось вовсе не на галере посреди блестящей Волги. Дело началось с мелкой торговли там и сям, а торговлишка принесла капиталец. Локомотивом «кумпанства» стал Иван Твёрдышев, а Иван Мясников держал казну. Братья Твёрдышевы, Иван, Пётр и Яков, женили товарища на своей сестре Татьяне.

Здесь не было подвоха. Купцы росли на одной улочке и дружили с малолетства, с общих соплей и разбитых в мальчишеских драках носов. И дело они выбрали общее, и одинаково горели им, и Таня любила своего Ваню, а Ваня любил Таню. И всей этому «кумпанству» Таня родила четырёх наследниц, и больше детей ни у кого из компанейщиков не было.

Иван Твёрдышев следил за событиями в Башкирии и понял, что Оренбургская экспедиция — это серьёзно.

Старинная плотина завода Верхотор

В убыток «кумпанству» он подрядился на поставки для губернатора Неплюева. И не прогадал. Когда Неплюев решил строить в Башкирии заводы, на его стол легли заявки от многих охотников, в том числе и от Демидовых, но Неплюев выбрал проверенного Твёрдышева и отдал ему богатейший медный рудник Каргалу.

С 1745 по 1759 годы компанейщики построили пять медных заводов, один продали, один купили. Не обошлось без жульничества: в губернской канцелярии доверенный человек компанейщиков тихонько вытаскивал из сундука пухлый том с ландкартами и вырвал из него листы чертежей с землями Твёрдышевых и Мяс-

никова. Теперь компанейщики могли провести границы своих владений, где захотят.

Постепенно компанейщики дозрели до мысли, что надо строить не скромные медеплавильные заводы, а могучие железоделательные. В 1754 году на реке Катав два Ивана заложили Катав-Ивановский завод. А потом возвели Усть-Катавский, Симский, Юрюзанский и Белорецкий заводы.

Через 15 лет железо намагнитило компанейщикам почти 500 рудников, 78 тысяч приписных крестьян и два с половиной миллиона капитала — это когда бюджет всего российского государства составлял сорок миллионов. Государыня Екатерина лично подыскивала достойных женихов-дворян четырём дочерям Ивана Мясникова.

Пётр Твёрдышев упокоился молодым, а Иван, опора всего дела, умер в 1773 году. Он не увидел, как по его державе пронёсся вихрь пугачёвщины. Мятежники сожгли восемь заводов из десяти. Управители потом дотошно подсчитали число убитых заводских жителей: 1340 мужиков, 1161 баба, 132 старика и 300 детей-малолеток.

Компанейщики начнут возрождать, восстанавливать заводы, капитала им хватит. Но два могучих старика — Иван Мясников и Яков Твёрдышев — оглядят свою выжженную землю и не смогут понять: для кого они старались всю жизнь? В гроб богатство не положишь. Знатные зятя — не хозяева, а растратчики приданого и будущего наследства. И старики-заводчики поедут по тюрьмам вызволять своих бунтовщиков под личное поручительство. Поедут по башкирским аулам выкупать пленных из рабства.

Памятник Ивану Твёрдышеву в городе Белорецке

Мужики, возвращённые из неволи на пепелища, уливаясь слезами, надиктуют списки того, что отнял у них бунт. Будут в тех списках и лошади: Рыскуша, Негла, Сорокина Дочь, Каракуля, Крыса, Пролаза, Мала Сквородка. И старики-заводчики сами станут искать

по всей России и Каракулю, и Крысу, и даже Малу Сквородку. Только когда заводы опять задымят, а мужики наденут на свои новые избы соломенные шапки крыш, старые компанейщики перекрестятся, и бог отпустит их души на покаяние.

КОПИ ЦАРЯ-САМОЗВАНЦА

Чтобы выиграть у судьбы большой куш, компанейщики имели два козыря, медный и железный. Медный — это Каргалинские рудники.

Каргалка и Янгиз, Усолка и Уран, тихие и мелкие степные речки, блуждая между сыртов, обнажили в береговых обрывах толщи сыпучих красных песчаников. Эти породы содержали медную руду: синие жилы азурита и зелёные гнёзда малахита.

33 века назад на холмы Каргалки пришли древние рудокопы. За полтора тысячелетия лопатами из бычьих лопаток и зубилами из кабаньих клыков они выкопали под речками грандиозный лабиринт из сотен километров шахт. Ямы и отвалы превратили степь в лунный пейзаж. Полынные сырты Каргалки стали одними из великих копей древности, вроде копей царя Соломона у Мёртвого моря. Здесь у горняков были городища с земляными домами, и возле домов — маленькие священные шахты, заваленные кусками руды. Древние лозоходцы отыскивали месторождение за месторождением, и над каждым ворожили по гадальным костям: рыть или не рыть?

Но потом Великую Степь завоевали кочевники-сарматы, которые добывали медь в набегах, а не в трудах, и шахты были заброшены. Их отвалы заросли дикой ползучей вишней. Огромные кузнечики-кобылки стрекотали на глыбах руды. Но в умолкших недрах сквозь столетия тянулись катакомбы из трубообразных штреков и сферических камер. Их не точили подземные воды, а табуны сарматов, гуннов и монголов не сотрясали степь на такую глубину, чтобы шахты обвалились.

**МЕДНЫЕ ПОЛЯ КАРГАЛЫ — ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
СТЕПИ, ИЗРЫТЫЕ ВОРОНКАМИ ШАХТ
И ВЗГОРБЛЕННЫЕ ГРУДАМИ ОТВАЛОВ.
В НЕДРАХ ЗЕМЛИ ПОД ЭТИМИ ПУСТОШАМИ
ПРОСТИРАЮТСЯ ГИГАНТСКИЕ ДРЕВНИЕ
КАТАКОМБЫ. МОЖЕТ БЫТЬ, УДИВИТЕЛЬНАЯ
ОТКРЫТОСТЬ ЭТОГО ПАМЯТНИКА И ЕСТЬ
ПРИЧИНА ТОГО, ЧТО ЕГО МАЛО КТО ЗАМЕЧАЕТ?**

В 1744 году оренбургский губернатор Неплюев основал на устье Каргалки татарскую слободу Каргала. В её окрестностях рудознатцы компанейщиков вскоре наткнулись на древние «ордынские рудники». Иван Гвёрдышев осмотрел выработки и в ошеломлении заключил: «штольны поныне нимало не осыпались. По великому множеству рудокопных мест должно мнить, что бывали здесь и великия для того заводы».

В 1745 году губернатор Неплюев наградил компанейщиков за помощь рудными полями Каргалы в своё владение. Маркшейдеры намерили здесь участки для 482 рудников. Площадь этих рудников и на треть не по-

крывала пространство взрытой степи, однако компанейщики помалкивали о подлинном размере своих сокровищ, чтобы не нагрянули жадные горные власти или непобедимые конкуренты Демидовы.

Древние подземелья станут местом действия повести Ивана Ефремова «Путями старых горняков». Богатства Каргалы иссякнут только к началу XX века, и рудники опустеют. А в Гражданскую войну в Оренбурге сожгут все архивы с планами горных выработок, и с тех пор лабиринты под сыртами превратятся в совершенную тайну. Они и поныне лежат в бескрайней холмистой степи грядами отвалов и дырами шахт: если шахты с деревянной крепью, то нового времени, а если круглые — значит, тысячелетние. Лишь в 1989 году катакомбы Каргалы заново откроет археолог Евгений Черных.

На каргалинской руде у компанейщиков работали все их медные заводы. А добывали руду приписные крестьяне. На сырте стояла контора: бревенчатый форт с солдатами и четырьмя пушками. Вокруг — землянки и убогие балаганы рудокопов, которые в бадьях спускались сквозь узкие колодцы шахт в древние подземелья. Здесь силикоз быстро превращал молодого мужика в развалину. А мужиков были тысячи. И работали они по пять месяцев в году. И ещё при рудниках были тысячи возчиков: они в телегах возили руду на пристань Стерлитамак.

Сезон 1773 года начался как обычно — 1 октября. Но в этот день в соседней слободе Каргала тамошние татары встречали царя Петра Фёдорыча. Рудокопы заволновались. Крестьянин Кузьмин собрал дюжину товарищей, и они по лужам ушлёпали в слободу. Вернул-

Древняя шахта Каргалы в Ордынском овраге

ся Кузьмин уже атаманом. 1300 рудокопов выслушали царский манифест и, присягая самозванцу, под дождем опустились в грязь заплатанными коленями. Забрав из конторы четыре пушки, мятежники двинулись на Стерлитамак и дальше — на Воскресенский медный завод компанейщиков.

Каргалинские рудники обезлюдели и замерли. Мокли в мороси неподвижные ворота подъёмников, в шахтах угасли лампы-блёндочки, стих звон каёлок. Вместо руды Каргала отправила на заводы бунт. Медные заводы восстали первыми.

МЕДНЫЙ БУНТ

Воскресенский завод близ крепости Табынск в 1736 году основал первый командир Оренбургской Экспедиции Иван Кирилов. Основал «для блезиру», чтобы показать, будто дело его

экспедиции ширится и процветает. А в действительности рудные месторождения тогда ещё даже не были найдены. К счастью Кирилова, башкиры почти сразу сожгли стройку — война скрыла все просчёты основателя.

Через десять лет компанейщики заполучили медные поля Каргалы и задумались о заводах. Строгий губернатор Неплюев поставил условие: хотите иметь завод — верните в казну убыток от кириловской затеи. И компанейщики, вздыхая, купили закопчённые руины. А свой завод построили совсем в другом месте: на речке Тор, на полпути от Оренбурга к Уфе. Название же сохранили прежнее — Воскресенский.

ОГРОМНЫЙ КОМПЛЕКС ВОСКРЕСЕНСКОГО ЗАВОДА ВЫЕХАЛ НА ОБРЫВ, СЛОВНО МОГУЧИЙ КИРПИЧНЫЙ БРОНЕПОЕЗД. КОРПУСА ЗАВОДА ПОСТРОЕНЫ В XIX ВЕКЕ, НО ИХ МАСШТАБ ГОВОРИТ О ТОМ, ЧТО И В ПУГАЧЁВСКИЕ ВРЕМЕНА ЗДЕСЬ ТОЖЕ БЫЛО ОЧЕНЬ КРУПНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

За пятнадцать лет компанейщики построили ещё четыре медных завода: Берсудский, Преображенский, Богоявленский и Верхоторский. С последним заводом они вернулись к первому — на речку Тор. В придачу к Верхотору и Воскресенке они возвели ещё два малых, вспомогательных предприятия. Так на Торе сложился комплекс из четырёх заводов, нанизанных на речку, словно бусины на нитку.

В ту эпоху все заводы, которые были в зоне досягаемости башкир, строились внутри укреплений: или бре-

Заброшенный комплекс Воскресенского завода. XIX век

венчатых острогов со стенами и башнями, или земляных «транжементов» с бастионами. Штурм завода для мятежников был такой же боевой операцией, как штурм крепости.

12 октября 1773 года Воскресенку захлестнула ревущая толпа рудокопов Каргалы. Привёл их крестьянин Кузьмин. Приписных лапотников на четырёх заводах Тора была целая армия, и они забунтовали вместе с рудокопами. Они с натугой закатили в телеги стволы уже отлитых пушек, чтобы увезти Пугачёву, а заводского управителя заперли в доме и сожгли живьём.

Григорий Туманов, конторщик Воскресенки, стал главным трибуном бунта. В своём воззвании Туманов потом скажет: «Конпанейщики завели премножество заводов и так крестьян работой утрудили, что и в сылках тово никогда не бывало, да и нет». Туманов станет командиром крепости Челябинска, попадёт в плен и после бунта навсегда исчезнет в казахских степях.

Рабочих на заводах Тора тоже было немало. Поначалу они примкнули к мятежу приписных крестьян, но вскоре почуяли железную лапу бунта на своих выях.

Пугачёв прислал на заводы речки Тор атамана Якова Антипова, который должен был наладить производство пушек «по своему попечению и благоискуству». Однако литьё пушек было уже государственной изменой. Такую вину перед государыней рабочие не искупили бы потом плетями или каторгой, за это следовала только одна кара — плаха.

Командовать «злодейским литьём» Антипов принудил мастера Василия Алимпиева. Литейщик отпирался, но казак дружески похлопал его по плечу: ничаво, брат, коли сразу не получится, казнить не буду, а попробуем вдругорядь. Алимпиев отлил Антипову одну медную мортиру — и её разорвало первым же выстрелом. Атаман в гневе перегнал мастера с Воскресенки на Верхотор, и там Алимпиев нехотя отлил ещё несколько пушек: их увезли под Оренбург, и все они раскололись при пальбе.

За саботаж казак кинул литейщика в «холодную», а лить пушки вызвал умельцев с мятежных Авзянских заводов. Алимпиев решил, что сидеть в тюрьме безопаснее, чем отливать пушки для разбойников. Но в апреле 1774 года на Воскресенский завод нагрянул сам Пугачёв. Мастер думал, что самозванец казнит его, а Емельян уходил от царских войск, и ему некогда было разбираться с саботажниками. Литейщик уцелел. Когда Пугачёв покинул Воскресенку, Алимпиев сбежал из-под стражи и сдался властям. До суда ему позволили вернуться на свой завод.

Однако для Воскресенки с уходом Пугачёва война ещё не закончится. Летом 1774 года Пугачёв будет жечь заводы и деревни далеко на севере, на Каме и Волге,

а рядом с Воскресенкой, на пристани Стерлитамак, башкирские полковники начнут собирать всадников для похода на Уфу. Воскресенка окажется у бунтовщиков занозой в боку.

Разорванная выстрелом мортира из музея города Верхнеуральск

Шесть дней будет греметь пальба у заводской крепости.

Спасая завод, рабочие с бастионов будут стрелять по башкирам, своим недавним союзникам. Башкирская стрела на куртине «транжемент» пробьёт грудь литейщика Алимпиева, защитника крепости. Башкиры проломают оборону мастеровых, ворвутся на завод и обрушат плавильные печи. В рабство по башкирским аулам уйдут 2500 рабочих и крестьян Воскресенки.

Среди всех горных заводов Урала Воскресенский завод был первым бунтовщиком — и станет последней жертвой бунта.

ГОРНОЗАВОДСКИЙ РЕЙДЕР

Воскресенский завод породил двух вождей: крестьянского трибуна Григория Туманова и горнозаводского рейдера Ивана Грязнова. Рейдера в военном смысле, а не в криминальном.

Грязнов был купцом из Симбирска. Ему не повезло: он проторговался в пух и прах. Оставив дома семью, он подался за удачей в Башкирию, но и здесь тоже не

пофартило. Толстосумы-компанейщики из милости приняли земляка приказчиком на свой Воскресенский завод. Иван Грязнов встретил пугачёвщину 48-летним лузером с бородой и плешью. В бунт и вскипела гневом его оскорблённая душа.

Едва с рудников Каргалы на заводы речки Тор нагрянули восставшие рудокопы, Грязнов воодушевился, быстро собрал на Воскресенке и Верхоторе отряд лиходеев и ринулся в свой первый рейд — по другим медным заводам компанейщиков. Мстить благодетелям за успех.

Крепость Табынск прикрывала Богоявленский завод, а крепость Зилаир — Преображенский. Но Грязнов взбунтовал заводских крестьян и бесстрашно взял заводы, а казачьи крепости, прижавшись к земле, отлежались за горами, не ввязываясь в драку. Первый рейд Грязнова переполошил все заводы в Башкирии. После пугачёвщины следователь Савва Маврин заключит, что приписные крестьяне, «как слышали жадную для них милость, сами, раззоря многия помещиков своих заводы, явились к самозванцу и всё нужное, касающееся до артиллерии, привезли». Разбирая причины бунта, власть перевесит вину с себя-любимой на хозяев-кровавийц. Князь Голицын, спаситель Оренбурга, укажет в доношении: «жестокость, употребляемая заводчиками с крестьянами, возбудила их к ненависти против господ».

Восставшие крестьяне, овладевая ненавистными заводами, гасили огонь в печах, сжигали конторы, грузили в телеги пушки и везли их под Оренбург, где Пугачёв щедро ляпал печатью по листам указов, произво-

для вожakov в полковники. От лапотных полковников Емельян и узнал о неистовом рейдере Грязнове и послал письмо мятежному конторщику Туманову на Воскресенку.

Устроив разгром на Богоявленском и Преображенском заводах, Грязнов отправился назад на Воскресенку и по пути взял пристань Стерлитамак, откуда, теряя треуголки, сбежали в Уфу два секунд-майора. На пристани рейдера перехватил Григорий Туманов. Он сообщил Грязнову, что государь призывает его пред свои светлые очи в Бёрды. Грязнов поехал под Оренбург.

В Бёрдах Пётр Фёдорыч поцеловал Ивана Грязнова, одарил офицерским камзолом, почти новым, лишь маленько простреленным в грудях, и подчинил Чике, Ваньке Зарубину. С Чикой Грязнов отправился под Уфу. Дорога от Оренбурга до Уфы проходила через Воскресенку, и Грязнов забрал с собой конторщика Туманова, своего товарища, и своих мужиков-лиходеев.

Заводские крестьяне шли за Грязновым, потому что верили, будто Пугачёв — царь. Крестьяне — не казаки, они на службу не ездили, в столицах не бывали. В их представлении царь — тот же мужик, только ему больше дано: за один присест съедает поросёнка, парится в бане целый день. А Пугачёв на аппетит и здоровье не жаловался. Начальство говорило, что Пугачёв — клеймённый вор, а Пугачёв в ответ на это снимал шапку и, хохоча, показывал народу лицо: чистое, без клейма. Значит, врёт начальство. А Грязнов говорит правду и зовёт к воле от заводов.

Однако под Уфой Грязнову особенного дела не нашлось, и в декабре Чика послал рейдера на Челябину.

Заброшенный корпус Преображенского завода. XIX век

Вместе с Тумановым Грязнов вышел в свой второй рейд. Сатка, Златоуст и два Кыштымских завода были уже в смятении. Они ждали самозванца и остановили работу. Дымы не мутили небес, охваченных холодными вишнёвыми зорями. Грязнов по-хозяйски забирал на заводах пушки и казну, вешал приказчиков и уходил дальше.

Крепости Чебаркуль и Коелга, а с ними и Кундровинская слобода, пошумели и сдались Ивану Грязнову, вздёрнув офицеров на виселицах. Грязнов осадил крепость Челябину. Однако Челябину не хотела сдаваться. Чтобы не терять времени в осаде, рейдер Грязнов двинулся в свой третий рейд — на север, к Екатеринбургу, на заводы Щелкунской дороги. И третий рейд оказался бесславным.

НА ЩЕЛКУНСКОЙ ДОРОГЕ

Дорога из Кыштымских заводов в Екатеринбург в старину называлась Щелкунской, потому что проходила мимо весёлого озера Щелкун. На этой дороге стоял — и ныне стоит — Сысертский завод, а неподалёку от него — Полевской и Северский заводы.

Через полтора века после бунта их осветит волшебное зелёное солнце сказов Бажова, и станет ясно: эти заводы — сердце горнозаводского Урала. Что они скажут об Урале — то есть истина, аминь. Пугачёвщине эти заводы сказали «нет!».

Алексей Турчанинов, хозяин заводов, заходя велел приготовиться к обороне. Заводские лазутчики, напив лисьи малахай, шныряли по башкирским аулам, вызывая новости. Рабочим запретили покидать посёлки, и смотрители трижды в день обходили все дома. Двери кабаков заколотили досками крест-накрест. Не надёжных мужиков вызвали в конторы, где на них набросились дюжие молодцы, заковали в кандалы и запили в подвалы. Надёжным мужикам раздали сабли. Приказчики руководили возведением защитных ледяных валов и установкой рогаток. Наконец, в январе заснеженные горы качнулись от гула: это на прудах взорвали лёд, огорожив заводы полыньями. Всё было не зря.

4 февраля 1774 года по берегу сысертского пруда восемь сотен повстанцев Грязнова с криками и пальбой побежали в атаку и полезли на ледяные валы заводских укреплений. Три сотни рабочих отбивались врукопашную: кололи длинными пиками, сбрасывая врагов с ле-

данных скатов, отражали удары штыков ржавыми саблями. И приступ захлебнулся.

Вечером на затихшие валы слетелись снегири, они клевали капли крови, принимая их за осыпанную стрельбой рябину. Вьюжным утром Иван Грязнов увёл своё войско обратно под крепость Челябину. 8 февраля Челябин сдалась. Грязнов отгулял победу, опохмелился и снова пошёл на Сысерть.

По пути он свернул на Полевской и Северский заводы, которые сидели рядышком, словно два птенца в гнезде рудника Гумёшки. Рудник медной рудой питал Полевской завод, а железной рудой — Северский завод. Рабочие обоих заводов сбились в Петропавловском храме Полевского завода. Они решали, что им делать. Ведь мятежники погубят предприятия и оставят заводчан без хлеба. Стрелять в бунтовщиков? Но бунтовщики — братья. Такие же подневольные люди. В церкви гремел молебен. Литургия взывала к низкому февральскому небу: господи, надоумь, как быть?

ГОРНОЗАВОДСКАЯ ДЕРЖАВА УРАЛА, КОНЕЧНО, НИКОГДА НЕ ОБЪЯВЛЯЛА О СВОЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ОТ КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ. НО РАЗНАЯ ПРИРОДА ЭТИХ СОЦИУМОВ ВПЕРВЫЕ БЫЛА ВЫСВЕЧЕНА ОГНЁМ ПУГАЧЁВСКИХ БОМБАРДИРОВОК, И СВЯТЫЕ НА НИКОЛЬСКОЙ ГОРЕ ОБЕСПЕЧИЛИ ЛЕГИТИМНОСТЬ ЭТОЙ РАЗНИЦЫ

И тут с колокольни грянул набат. Люди ринулись из храма. С его паперти был виден взорванный завод-

Никольская гора за прудом Полевского завода

ской пруд. За прудом виднелась плоская гора. А на вершине горы до облаков стоял столб света, и в нём сияли три старца: апостолы Пётр и Павел, которым и был посвящён заводской храм, и сам Никола Угодник. Святые сошли с небес, чтобы сказать рабочим: коли, ребята, ваше дело — работа, обороняйте свой завод.

Заводчане истолковали чудо именно так — и выкапывали пушки на валы заводской крепости. Залпы картечи из колотого чугуна отбросили мятежников Грязнова назад на Щелкунскую дорогу. Крепостные рабочие стреляли по крепостным крестьянам, потому что заводы и пашни оказались разными мирами. Их разность для рабочих утвердило явление святых на горе, которая с тех пор называется Никольской.

Мятежники ушли к Сысертскому заводу и вновь осадили его 16 февраля. По глубоким сугробам они втащили орудия на Караульную гору, что взгорбилась прямо над заводской крепостью, и открыли огонь. Караульная гора колотила по заводу ядрами. Гранаты лопались

Петропавловская церковь Полевского завода

на рудничных дворах, дырявили кровли над водобойными молотами, крушили деревянные колёса, раскачивали кирпичные туши печей. Завод дымил в бою, словно в работе.

Но пока Грязнов ходил в Челябину, из Екатеринбурга в Сысерть прибыла команда поручика Томилова — двадцать солдат. Рабочие, оборонявшие завод в одиночку, укрепились духом. Отбомбив завод, мятежники покатались со склона Караульной горы в атаку. Из амбразур бревенчатых куртин и бастioned заводской крепости вылезли железные дула мушкетов. Трещая ружьями, солдаты и рабочие повалили ряды атакующих в снег. Грязнов был отбит. Три упрямых завода отстрелялись от бунта. А награду за стойкость потом получил тот, кто сбежал с поля боя, — заводчик Алексей Турчанинов.

Разозлённый Иван Грязнов по Щелкунской дороге ушёл из Сысерти в Челябинск ни с чем. Он ещё вернётся к Пугачёву: в марте Пугачёв потребует, чтобы его рейдер приехал в Бёрды. Вместе с Емельяном Ивановичем Грязнов пройдёт полдержавы — от оренбургского разгрома до казанского. И под Казанью он бесследно потерается в круговерти сражения на Арском поле.

МЕЖ ДВУХ ЦАРИЦ

Алексей Турчанинов стал богатым и знаменитым, хотя должен был носить суму нищегорода. Сейчас Турчанинова назвали бы гением пиара.

Всё началось на ярмарке в Иркутске. Соликамскому промышленнику Михаилу Турчанинову подвернулся беспризорник Алёшка Васильев. У малолетнего босняка было пять секунд, пока богач ищет в кошельке копейку на милостыню. И смыслённый мальчишка успел понравиться богачу. Это была главная пиар-победа, изменившая судьбу беспризорника.

Турчанинов увёз Алёшку с собой в Соликамск и пристроил бойкого мальчика к делу. Алёшка рос годами и карьерой и к двадцати годам стал при благодетеле приказчиком. А у благодетеля была единственная дочь, давно засидевшаяся в девках. Михаил Турчанинов скоро умер, и приказчик Алексей женился на его дочери. На иенчании он почтительно принял фамилию тестя — Турчанинов.

Алексей Турчанинов стал хозяином Троицкого медного завода на Каме. Однако превзойти пушками Демидовых, Строгановых и компанейщиков ему не светило. Тогда он пригласил заморских мастеров и открыл посудную фабрику, в XVIII веке это был очень выгодный бизнес. Тарелки Турчанинова, медные и модные, добрались до дворца. Они стали пиаром заводчика перед весёлой царицей Елизаветой, которую тарелки интересовали больше мортир. И когда государыня взялась раздаивать Урал, Турчанинов получил три казённых завода: Полевской, Северский и Сысертский.

Приватизации народ нашёл понятное объяснение. Ещё Татищев заложил на заводе Сысерть храм Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. А народ зашептал, что царица Анна Иоанновна от своего полюбовника Бирона родила сына Семёна. Злые вельможи хотели сгубить младенца, и царица укрыла его — отдала верному Турчанинову, и «на кормление» младенца подарила три завода. Но хилый царевич помер и был погребён в Сысерти у храма.

В легенде Турчанинов попал меж двух цариц, между Анной и Елизаветой, потому что обе они проводили приватизации заводов. Народ не понимал смысла приватизаций и придумывал сказочные объяснения. Сказка о тайном царевиче Турчанинова была из того же разряда, что и сказка о пистолетах, которые Демидов сладил царю Петру и за это получил Невьянский завод. Царю Петру — мужицкая причина для подарка: оружие. Царице Анне — бабская причина: дитё.

На самом же деле подаренные заводы разорились и прокормить хозяина уже не могли. Турчанинов пе-

Грамота Екатерины о даровании дворянства Турчанинову из музея
в Екатеринбурге

ревёл на них своих мастеров с Камы, вложил деньги и возродил производство. Медную и железную руду поставлял рудник Гумёшки на Медной горе. Это там царила прекрасная и грозная Хозяйка, там цвёл дивный Каменный цветок. На заводах Турчанинов, гений пиара, опять угодил меж двух цариц: между земной Екатериной Великой и подземной Хозяйкой Медной горы.

Турчанинов первым понял, что малахит — не просто медная руда, а прекрасный поделочный камень, и на Северском заводе появилась камнерезная фабрика: это при ней в сказках Бажова работал Данила-мастер. Неведомый зелёный самоцвет заводчик привёз в столицу. Новая пиар-кампания Турчанинова сделала малахит главным самоцветом империи.

Рабочим Сысертских заводов было, за что ненавидеть хозяина. Ведь это их двужильный труд превращал медное самоварное золото в золото настоящее. Но бы-

Корпус Сысертского завода. XIX век

ло, и за что ценить. Поэтому в бунт рабочие заняли оборону, упрямо отбивая атаки мятежников Ивана Грязнова. Но рабочие спасали заводы, а не заводчика. Турчанинова с ними не было: он отсиделся на Троицком заводе. Однако после разгрома Пугачёва он в последний раз провёл пиар-кампанию, превознося себя как воина. И государыня за борьбу с пугачёвцами отблагодарила род Алексея Турчанинова дворянством. Гербом стала цапля, которая в одной лапе цепко держит камень.

Турчанинов упокоится в 1787 году в некрополе Александро-Невской лавры. Его надгробие с бюстом, плакальщицей и крылатым Хароном изваяет скульптор Иван Мартос — тот самый, что на Красной площади поставит памятник князю Пожарскому и гражданину Минину.

ДУБИНЩИНА

В середине января отряды Ивана Грязнова стояли в крепости Чебаркуль. Сюда пришли два одичавших мужика в одежде из звериных шкур. Они пересекли завьюженные лесостепи на лыжах, подбитых бобрами. Это были крестьяне Лобов и Жернаков, вожак Дубинщины — давнего уже бунта крестьян Далматовского монастыря. Десять лет беглые вожак прятались от властей по урманам.

К середине XVIII века по всей державе от гнёта работ и поборов озверели и монастырские крестьяне, и заводские. Пётр III понял, что его пахари готовы жечь и заводы, и обители, и освободил мужиков от горнозаводской и монастырской барщины. Но Екатерина единым махом отменила все реформы супруга.

На Урале монастыри стали главными помещиками, а Далматовский оказался богаче всех. На обиду от Екатерины его крестьяне ответили «великим буйством». Рядом с обителью находилось большое село Николаевское. Зимой 1763 года здешние мужики схватили дубины и взащей прогнали хозяев-монахов. В селе мятежники учредили своё правительство: мирскую избу. Тут сели «выборные». Потом такой принцип самоуправления будет внедрять Пугачёв, организуя станичные избы в захваченных им селениях. Но это не казачий эксклюзив — это общий порядок организации общин, что казачьих, что крестьянских.

Коварные монахи призывали «выборных» на переговоры в обитель, а там скрутили руки, устроили «пристрастие» кнутами и бросили пленников в «запорные

Юго-восточная башня крепости Далматовского монастыря

чуланы». Тогда вокруг Николаевского восстали все окрестные сёла. Но Далматовский монастырь умел драться. За 130 лет жизни он отбил немало башкирских приступов. Ещё в 1713 году, после пожаров, братия решила строить каменную цитадель «от огненного запаления». Строили её сорок лет — до 1754 года. Получился гибрид древнерусского кремля с Петропавловской крепостью-ретраншементом.

Над рекой Исеть поднялись две громады гранёных шатровых башен-столпов, как строили двести лет назад. А на другой стороне, полевой, вместо башен возвели два пятиугольных бастиона «с отверстиями по бокам» — с амбразурами. В одной крепости сошлись разные градостроительные эпохи. От «бунташного века» — зубцы «ласточкин хвост» и мрачные арки-печуры для «подошвенного боя», от эпохи «транжементов» — ворота по-

середине приземистых стен-куртин, а не в проездных башнях.

Дубинщина полгода держала монастырскую твердыню в осаде. Рядом с обителью стояли остроги с гарни-юнами — Катайский, Шадринский, Колчеданский, — но офицеры побоялись вывести солдат на бой. Всю зиму обитель одиноко стыла на морозе, отстреливаясь из пушек, а вокруг горели костры бунтовщиков. Весной, когда просохли дороги, к монастырю прискакали драгуны Азовского полка и разметали отряды и караулы мятежников. Полторы сотни смутьянов угодили под кнуты. А вожаки Лобов и Жернаков, спасаясь от плахи, ушли в леса.

**ЗАБВЕНИЕ И ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ ХУЖЕ
ДУБИНЩИНЫ И ПУГАЧЁВЩИНЫ. В ОБИТЕЛИ
СТАРЦА ДАЛМАТА ОБРУШИЛИСЬ КУПОЛА
ХРАМОВ, ПОКОСИЛИСЬ СТОРОЖЕВЫЕ БАШНИ,
ОСЫПАЛИСЬ «ЛАСТОЧКИНЫ ХВОСТЫ» ЗУБЦОВ.
ДАЖЕ РЕКА УШЛА В СТОРОНУ. НО КРЕПОСТЬ
ЕЩЁ ДЕРЖИТ ОБОРОНУ. ЕЩЁ МОЖНО УСПЕТЬ
НА ПОДМОГУ. БЫЛО БЫ КОМУ**

Через десять лет вожаки Дубинщины услышали, что государь Пётр III воскрес, и заводские крестьяне захватывают заводы. Значит, Дубинщина продолжается. Вожаки выбрались из укрытия и в Чебаркуле отыскивали атамана Грязнова. Атаман выслушал их и направил к Далматовскому монастырю отряд есаула Пестерева. Пушек для Прохора Пестерева у Ивана Грязнова не имелось. Грязнов велел есаулу за пушками заглянуть на

Каменский завод, что находился неподалёку от Далматова.

Сто лет назад на речке Каменке рудознаты Далматовской обители нашли руду. В 1682 году задымил домищами Железянский заводик монастыря. Монахи ковали себе косы и гвозди, а ещё меняли железо на пушнину у сибирских татар. Когда государь Пётр I приказал строить большие заводы, тобольский воевода не знал, с чего начать, и попросту отнял у обители рудоносную речку Каменку. На старом и надёжном месте, на готовой базе Железянского заводика, воевода заложил новый Каменский завод — первый из всех, что были на Урале.

Есаул Пестерев отправил на завод атамана Чира. Завод не работал, рабочие попрятались. Самоуверенный Чир велел своим крестьянам раздувать печи и лить пушки. Обжигаясь и матерясь, мужики с грехом пополам за две недели отлили для есаула 11 орудий. Получилось, что Каменский завод поднял руку на родителя.

СТЕНЫ ОБИТЕЛИ

Далматова обитель поняла: Дубинщина возвращается пугачёвщиной. Едва дошёл слух, что мятежники двинулись на монастырь, настоятель — архимандрит Иакинф — упал в санки и, свистя полозьями, улетел в Шадринский острог. Он бежал из каменной крепости обители в деревянную крепость острога, потому что, видно, верил не в бога и

не в братию, а в начальство. Но шадринский комендант Кених свёл иерея со своего крыльца под локоток, любезно усадил в те же санки и отослал обратно. Однако Иакинф всё равно уехал из обители в Тобольск.

8 февраля 1774 года генерал Деколонг сдал Челябинскому полковнику Грязнову и отступил в Сибирь по Шадринской дороге. 11 февраля есаул Пестерев подошёл к Далматовской обители. У есаула был шанс разломать твердыню, пока Деколонг прорывается сквозь мятежи на дороге. Есаул начал крушить боевой дух монахов.

За стены монастыря полетели указы и манифесты самозванца. Мятежники кричали, что их полторы тысячи при 15 пушках. Кричали, что царь Пётр Фёдорович уже взял Оренбург и Казань, Нижний Новгород и Москву, что вся Расея встала за государя, который дарует «крест и бороду». Будет и вам милость от царя, кричали мятежники монахам, если сдадитесь.

В монастыре укрылись не только монахи, но и беглые крестьянские богатеи во главе со старостой Игнатием Степаниным. Оборону возглавил экономический казначей Иван Заворотков, бывший секунд-майор. Обитель имела артиллерию: 14 пушек и два фальконета; командовал батареями секунд-майор Алексей Ижевский, которые за какие-то грехи был сослан в монастырь на послушание. Вооружёнными монахами руководил чернец Потап Зайков. Всего же на стены обители встали четыре сотни защитников.

На манифесты пугачёвцев злоязыкие монахи ответили своим посланием — подлинным эпистолярным шедевром, достойным письма запорожских казаков турецкому султану. Монахи сообщали: милостями оби-

Бастион Далматовского монастыря

тель и от царицы осыпана презрительно, так что благодарствуем за предложенье. Ворота братия, конечно, откроет, но тока на то нужен государев указ из Петербурга, и пускай он будет не каракулями на мятом листе, как нынеча, а печатный, с красивой подписью своей ручной, «с подобающей честью и славою». А что до бороды, писали дерзкие монахи, то у них в обители «бороды природные у всякого по человечеству имеются, растущие на ней власы по своей воле кто стрижёт, а иной отпускает, в том принуждения нет».

В Петре Фёдоровиче монахи усомнились: «помыслить ужасно, что покойному государю прежде чаемого общего воскресения из мёртвых одному воскреснуть!» Но ежели такое чудо всё же сотворилось, то ведь «тем воскресшим не понадобится ни царю престола своего, ни богатому имения своего» — Бог-то всем воздаст по

вере. И почему государь всея Руси «только в одну Оренбургскую губернию вкрался»? Не иначе, как «Пётр Фёдорович» — просто «гнусная чучела» Емелька Пугачёв.

Шатровые башни обители чётко рисовались на стылой желтизне заката. Над селом Николаевским вырос целый лес дымовых столбов: мятежники расположились в селе на постой. Всю долгую зимнюю ночь по соннездиям гулял гул колоколов: братия молилась о спасении. 383 человека в храме приняли вторичную присягу государыне. Морозным утром 14 февраля бунтовщики пошли на приступ.

Они атаковали с той стороны, где в длинной низкой стене между бастионами располагались деревянные Святые ворота. Загрохотали пушки. В небо взмыли клубы пороховых выхлопов. Ядра, звеня, лупили по стенам. В тучах снежной пыли повалились вниз сбитые двухвостые зубцы. С башен пластами осыпалась белая штукатурка. Обитель из стрельниц тарахтела ружейной пальбой, амбразуры и печуры в подножиях стен отхаркивались ответным огнём. Колокольня гремела набатом.

Пушки бунтовщиков раскрошили Святые ворота, открывая доступ в крепость. Но уже багровел закат, и есаул Пестерев отложил штурм до утра. А к рассвету в проломе вырос свежий вал из мороженой земли и ломаного кирпича. Есаул велел наводить дымовую завесу, чтобы идти на приступ, но монастырские канониры выстрелами разнесли в щепу все крестьянские сани с горящим сеном. Мятежники и защитники сшиблись на валу в проломе под ярким солнцем врукопашную.

Монастырь защищал не только свои богатые амбары и сусеки. Он защищал храмы и гробницу святого

Надвратная церковь Далматовского монастыря, построенная в память о штурме

Далмата, где на стене висели кольчуга и шлем старца, защищал библиотеку-древлехранилище и школу, ремесленные мастерские и аптекарские огороды. Грудой тел монахи перегородили вход и не пропустили бунтовщиков в обитель. Потом, в память о всех павших на этом рубеже, здесь будет воздвигнут надвратный храм.

Мятежники отступили от кровавых развалин, потеряв двести человек. Пестерев обложил непокорную обитель осадой. Три недели крестьянские пикеты сте-

регли монахов, вымещая ярость в коротких схватках, когда осаждённые делали вылазки.

23 февраля 1774 года истрёпанный отряд генерала Деколонга добрался до Шадринского острога. Отогревшись в казармах, солдаты замотали раны тряпками и вновь вышли на мороз — спасти монахов Далматова. Исаул Прохор Пестерев не стал дожидаться солдат. 1 марта, бросив четыре лопнувшие пушки, Пестерев увёл свою армию в бунтующие слободы Зауралья.

ВЕРА В СКАЗКИ

Зауральские слободы стояли в южной лесостепи западной Сибири, и для них не было поводов бунтовать. Климат здоровый. Поля плодородные и просторные. Налоги небольшие. Крепостного права нет. И самоуправление. С чего мятеж-то? Воинский дух Зауралья, когда крестьяне всюду строили остроги, защищаясь от казахов и джунгар, давно ушёл в прошлое, и о нём напоминали только ветхие деревянные крепости. Губернатор Денис Чичерин в письме генералу Деколонгу желчно объяснил истоки бунта: «Всеми причиною пьяные наши попы».

Было дело, пили батюшки, и паству свою поили. Неукротимый поп Антонов из Курганской слободы считал, что брага — благо, надо лишь следить, чтобы мятежники выпивали непременно за здоровье Петра Фёдорыча. Этот поп за чином атамана сгонял под Оренбург к Пугачёву, вернулся и взбаламутил три слободы.

Бунтовских попов и вправду оказалось много: каждый пятый из пойманных мятежников. Но корень бунта крылся в том, что слобожане были потомками раскольников, которые бежали в Сибирь, охваченные дивными и дикими мечтами о блаженных землях и праведных царствах. За эти мечты раскольники шли даже в «огненную купель», бестрепетно сжигая себя вместе с бабами, детишками и стариками. Время не остудило их истовость. И воскресший «Пётр Фёдорыч» стал для слобожан новым раскольничьим мифом, а бунт — новой «гарью».

Сибиряки будто и не нуждались в правде о бунте. Ремесленник Рукавишников зачем-то прибежал в Тобольск и кричал на торгу, что царь Пётр и царевич Павел уже идут на Тобольск из Тюмени, а его, Рукавишникова, послали наперёд, чтоб поставил три виселицы, одну — для губернатора. Горлопана заporоли насмерть.

Прапорщик Поплавский повёл из Тюмени на разведку отряд солдат, но вдруг сдался мятежникам, стал атаманом, писал манифесты сам от себя и зачем-то хвастал, что нынеча жалованье у него без счёта: сколь хошь гребёт рукой из царской казны.

Неистовые попы врали, что Москва и Петербург взяты царём, что «турский салтан» идёт на Расею войной, что Пугачёв то в Ирбите, то в Ялуторовске, то в Кургане. Поле брани у попов воистину было для брани: перед боем они на все корки ругали и проклинали солдат. А потерпев поражение, попы прибегали в другие слободы и на колокольнях трезвонили благовест: якобы одержали победу.

Порой религиозный экстаз даже мешал мятежникам. Толпа бунтовщиков, шедшая на захват Белояр-

ской слободы, была поражена чудом: сам Георгий Победоносец показал мятежникам «огромные полчища войск сибирских», и мятежники в страхе обошли слободу стороной.

**В КОНЦЕ XIX ВЕКА КУПЦЫ ПРОВЕЛИ АПГРЕЙД
РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ. ЕЁ НОВЫЙ ОБРАЗ —
ДОСТОИНСТВО И ДОСТАТОК, ФИГУРНАЯ
КРАСОТА, НАДЁЖНОСТЬ.
XX ВЕК «БИЛ-БИЛ, НЕ РАЗБИЛ», ТЕПЕРЬ БЬЁТ
ВЕК XXI. НО «ТОСКА», «ЗАХОЛУСТЬЕ»
И «БЕЗНАДЁГА» — СОВСЕМ НЕ ТО, ДЛЯ ЧЕГО
БЫЛА ПРЕДНАЗНАЧЕНА ПРОВИНЦИЯ В РОССИИ**

Губернатор Чичерин, генерал-майор, отправил генерал-поручика Ивана Деколонга, командующего всеми сибирскими войсками, из Тобольска на помощь Оренбургу. Военными командами Зауралья руководил майор Эртман. Его отряды рыскали вдоль Тобола и Исети. Они входили в одну мятежную слободу — бунтовщики стремглав уносились в другую. Солдаты уходили — бунтовщики возвращались, как перелётные птицы. Мятежные «партии» возникали и рассыпались, сливались вместе и делились порознь, кружили по снежным степям, нападая на солдат врасплох.

Крестьянин Семён Новгородов из Утяцкой слободы ускакал за чином к Чике под Уфу. Чика дал пять пушек, а Семёну страстно хотелось получить знамя. Чика, матёрый казак, закрыл лицо ладонью и тихо посоветовал «купить объяри или тафты» и смастерить флаг самому. Новгородов улетел обратно и вскоре прислал

Знамя пугачёвцев из музея города
Златоуст

письмо: флаг он сделал, намалевал на нём Христа и Богородицу, тока объяри или тафты не нашёл, но добыл «кановату», дак согодится это знамя, али переделать?

С флагом Новгородов оказался вне конкуренции — и объединил почти все сибирские отряды: пять тысяч слобожан. Новгородов хотел вести их в великий поход на Тобольск, но майор Эртман встал на пути мятежников, разбил их под деревней Кобылкиной, учинил побоище под Пуховой слободой, а потом добил убежавших в снегах под слободой Иковской.

2 марта 1774 года генерал Деколонг снял блокаду с Далматовского монастыря и вышел в Сибирь. 9 марта возле села Уксянского Деколонг расстрелял и рассеял огромное войско бунтовщиков: погибло 800 крестьян, пугачёвцы потеряли 25 пушек. Команда Деколонга проутюжила выюжные степные берега Исети и Тобола, подавила бунт и усмирила слободы. Сибирские попы протрезвели.

Но после окончательной победы над пугачёвщиной карающая десница власти в Сибири больше не обогрится кровью казней: никого из мятежников не на-

кажут смертью. Губернатор Чичерин только припугнёт смутьянов — прикажет привести их к присяге, обрить им лбы и потом отпустить: дескать, если бритый лоб снова будет пойман на бунте, его сразу повесят без суда.

Изловленный Семён Новгородов проведёт остаток своей жизни в балтийской крепости вместе с пугачёвским поэтом Ванюшкой Почиталиным, а поп Антонов 27 лет отрубит на каторге в Нерчинске и вернётся в родную Курганскую слободу глубоким стариком, но всё таким же фантазёром.

СТРАШНЕЕ ПУГАЧЁВА

Среди слобод Зауралья Ирбитская слобода стояла наособицу.

Основали её в 1631 году, а на третье лето здесь уже загомонил первый торг. Ирбитская ярмарка расцветала на мехах. Воеводский Тобольск, жирея у таможи, прохлопал, что капитал куётся торговлей, а не поборами, и спохватился только в 1686 году, когда Ирбит завёл себе Гостиный двор не хуже тобольского. А Ирбит неудержимо богател и превращался в главную пушную биржу державы. Здесь инородцы со всей неоглядной таёжной Сибири продавали песцов и куниц, бобров и соболей, чтобы купить хлеб из слобод и ружья уральских заводов.

В XVIII веке «мягкая рухлядь» перестала быть главным экспортом страны, но не подешевела. Горнозаводский командир Татищев хотел перевести ярмарку

Театр в городе Ирбит, перестроенный под Пассаж

в Екатеринбург, но Ирбит не дался. Потом в России отменили внутренние таможи, и к ярмарке потянули руки обедневшие тобольские губернаторы, но Ирбит снова отвертелся. Мятеж дал Тобольску шанс перетащить пушное торжище к себе.

В феврале 1774 года самозванный полковник Ерушов забунтовал три слободы и двинулся на Ирбит. Ярмарочные воротилы пали в ноги губернатору Денису Чичерину: спаси, батюшка! А Чичерин коварно ответил, что рад бы, да нету войска. Возможно, он надеялся, что полковник Ерушов спалит Ирбитскую слободу дотла, и тогда ярмарка сама переползёт из Ирбита в губернский Тобольск.

Ирбитский поп Удинцев и ярмарочный писарь Мартышев созвали слобожан на сход. «Никто нас не выручит, братцы! — кричали они. — Надо ополчаться! Отобьёмся сами! Потеря барыша страшнее Пугачёва!»

23 февраля мятежники Ерушова заняли Зайкову деревню в 30 верстах от Ирбита. Ирбитское ополчение

вышло на битву. По торговому тракту в заснеженном лесу, гудя, шагала длинная толпа мужиков с дедовскими фузеями, с вилами и топорами, с дубинами и длинными пистолетами, с цепями и кистенями, с крестьянскими косами на ратовищах и с купеческими гирями на верёвках.

На околицу деревни высыпала такая же толпа мятежников. Драка началась по-деревенски: стенка на стенку, будто масленичная потеха. Но здесь бились не до первой крови, а до последней. Мужики с матом рубили и кололи друг друга, таскали за бороды, валили ударами в ухо. Вытоптанные сугробы усыпали шапки и рукавицы. Мятежники сначала одолевали, Мартышева уже поволокли за воротник на расправу. Но ирбитские нажали, отбили жоака и погнали бунтовщиков из деревни. Ирбит без помощи войск отмахался от бунта и этим спас свою ярмарку.

**УЕЗДНЫЙ КРАСНОКИРПИЧНЫЙ ГОРОД ИРБИТ —
КАК ПЕСНЯ «КОРОБЕЙНИКИ»: ТО ЛИ ПРО
ТОРГОВЛЮ, ТО ЛИ ПРО ЛЮБОВЬ. ДЕТИЩЕ
БАРЫША, ИРБИТ УКРАШАЛСЯ ВО ВСЮ ШИРОТУ
ДУШИ, И ДАЖЕ ТЕАТР ЗДЕСЬ ПЕРЕСТРОИЛИ
ПОД ТОРГОВЫЙ ПАССАЖ: ВСЁ РАВНО
ЯРМАРКА — ТОТ ЖЕ СПЕКТАКЛЬ**

Государыня сполна отблагодарит Ирбит за верность и храбрость: в 1775 году слобода станет городом. Князь Щербатов, герольдмейстер, составит для Ирбита герб: сабля, символ войны, скрестится с жезлом Меркурия, символом торговли. В указе Екатери-

на скажет: ежели кто ещё придумает чего-нибудь этакое на пользу новому городу, «Ея Величеству будет приятно».

Торг получит полную волю, и через столетие по богатству Ирбитская ярмарка станет второй в империи. В 1883 году на ярмарочные барыши в Ирбите воздвигнут бронзовый памятник Екатерине. Ваять государыню пригласят скульптора Михаила Микешина, автора знаменитого монумента «Тысячелетие России». И памятник, и ярмарку уничтожит советская власть.

Отважный писарь Мартышев, герой битвы у Зайковой деревни, в награду получил дворянское достоинство. А вот мятежный полковник Ерушов, попавший в плен, вскоре был четвертован на площади в Тобольске. Тобольск поторопился отомстить полковнику сразу и за бунт, и за крах надежд на разорение Ирбита.

Другим сибирским мятежникам повезло куда больше, чем Ерушову. В 1775 году, начиная новую войну с Турцией, государыня «покрыла милостивым указом» тех бунтовщиков, кто ещё не принял кары. Смертную казнь заменили каторгой, каторгу — ссылкой, ссылку — кнутом, обречённых на кнут вообще простили. Это спасло пугачёвцев Сибири, сидевших в тобольских казематах. Курьеры так долго возили судебные бумаги туда-сюда из Тобольска в Петербург, что указ помиловал узников раньше, чем судьи осудили их, а палачи исполнили приговоры.

Милость императрицы не позволила пугачёвщине стать в Сибири таким же могучим мифом, пожирающим жизни людей, как поверья раскольников о райских вертоградах и огненной купели.

НОВОЕ НЕБО И НОВАЯ ЗЕМЛЯ

Из бойни в Сакмарском городке в марте 1774 года Пугачёв вырвался с полутысячей казаков. Ещё с ним был Кинзя Арсланов: мудрый, как змей, владыка мятежной Башкирии. Окровавленным казакам Кинзя дал ночлег в деревне Ташла, а потом тайными тропами через снежные леса привёл Емельяна и остатки его войска в свою деревню Красная Мечеть. Здесь казаки охолонули от поражения.

Да, их разбили наголову — но война не проиграна. А Емельян осознал, что теперь он свободен от интересов Яика. Он стал царём, когда лишился царства. Пугачёв решил идти под Уфу на соединение с Ванькой Зарубиным-Чикой. Путь к Уфе пролегал через Воскресенский завод. «С Красной Мечети пошел на Каргалинский завод», — запишут потом следователи. Каргалинский — потому что на руде Каргалы.

Емельян на своём веку повидал русские, европейские и турецкие города, но уральский город-завод видел впервые: горы, пруд, плотина, под ней — крепость, но в крепости не храмы с колокольнями, а цеха с трубами. Это был особый мир, загадочный для донского казака, — «новая земля и новое небо».

Зачем заводам крепости, если в них нет гарнизона? И почему многие заводы дерутся с мятежниками, хотя не присягали престолу, как «транжemenты»? С горы над ледяным прудом Пугачёв оглядывал завод, это странное индустриальное пространство, и чувствовал: «жели он вздыбит такую мощь, то дворянам конец».

На Воскресенский завод из-под Уфы прискакал полковник Канзафар. Он сказал, что Чика тоже разбит. И тогда Пугачёв принял совет мудрого Кинзи: идти дальше по таким же вот заводам среди лесов и гор. Тут Пугачёву всегда помогут башкиры. Главной силой Пугачёва тогда оставался Авзянский полк: двести отчаянных крестьян с Авзянских заводов Демидова. Коней и оружие авзянцы добыли в боях под Оренбургом. Командовал ими полковник Дорофей Загуменных. Полк и полковник дойдут с Пугачёвым до самого конца и полягут на поле последнего сражения.

Пугачёв приказал поворачивать на Авзян. Это было так неожиданно для жителей Воскресенки, что потом они сложат легенду, будто пугачёвцы исчезли с их завода, уйдя из храма во время службы через подземный ход.

Дорога вела к реке Большой Ик. Здесь, в лесных теснинах, стоял погибший Покровский завод. Пугачёв увидел унылое селение, чёрные остовы плавильных печей, пробитую плотину и ледяное ложе спущенного пруда, сияющее на мартовском солнце. Сквозь руины цехов журчал Большой Ик.

Отряд шёл дальше по тракту через дебри горной Башкирии. Дорога на Авзян проходила через другой завод — Вознесенский на реке Иргизле. Завод основал остзейский барон Карл фон Сиверс, гофмаршал императрицы Елизаветы. Сиверс был таким же баловнем приватизации, как Турчанинов, но куш урвал поменьше — несколько рудников Каргалинских медных полей. Гофмаршал сумел построить завод, а справиться с делом не сумел и сдал разорённый завод в казну. Возне-

Маленькая речка Ирғизлы и прокопанная плотина Вознесенского завода

Завод питалась рудой Каргалы и поэтому забунтовала вместе с Каргалой и Воскресенкой — в октябре 1773 года. Сейчас Вознесенка встречала Пугачёва с благоволением. И здесь Емельян в третий раз увидел каноническую иконографию горного завода.

Все заводы были похожи друг на друга, как друг на друга были похожи «транжemenты». А заводская жизнь

отличалась от казачьей так же сильно, как сторожевые крепости отличались от промышленных предприятий.

Где-то неподалёку от Вознесенки в заповедных скалах реки Агидель таилась огромная пещера Шульган-Таш, по-русски — Капова: стояло священного крылатого коня Тулпара. Башкиры не желали, чтобы русский завод коптил небо, где летал их Тулпар. «Сожжём?» — спросил у Емельяна Кинзя, кивая на завод.

Пугачёв был казак, а казак — сразу воин и крестьянин. Как воину, Пугачёву нужны были заводы: они делали пушки. Но как крестьянину, заводы были ему враги: они уводили работников с полей. Под Оренбургом Пугачёв оставался казаком, и пока длилась осада, гибель заводам не угрожала. Но по Уралу Пугачёв пошёл уже крестьянским вождём, и заводы оказались обречены. «Жги», — ответил Кинзе Емельян. И Вознесенский завод сторел, погибнув безвозвратно.

А Пугачёв уходил всё дальше, за крутые лесные горы и ледяные реки. Авзян, главный арсенал бунта, ревниво ожидал царя, потому что по всем окрестным дорогам, поднимая мятеж, полгода назад уже прошёл пугачёвский атаман Хлопуша.

«САМЫЙ БЕДНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

После первого штурма Оренбурга Пугачёву привели добровольно сдавшегося киллера: 60-летнего костлявого старика с каторжными клеймами на лбу и на щеках. У старика были вырваны ноздри, поэтому он носил поперёк лица повязку.

Звали убийцу Хлопушей. В гиблой тюрьме Оренбурга он сидел пожизненный срок.

Когда бунт подступил к городу, губернатор Рейнсдорп вытащил Хлопушу из каземата и предложил: убей самозванца — получишь волю. Каторжник согласился. Он пришёл в Бёрды в лагерь бунтовщиков и сдался пикету, честно рассказал всё о заказе на убийство и попросился на службу к Емельяну. Ошарашенный караул отослал старика к Пугачёву. Однако Пугачёв не поверил и велел повесить гостя.

Жизнь Хлопуши была цепью несправедливостей, и завершить её должна была главная несправедливость. Хлопуша понуро пошагал по лужам к виселице. Но вдруг Емельяна за плечо схватил атаман Максим Шигаев. Жалостливый Шигаев и так заступался за всех подряд, но теперь просто взмолился о Хлопуше: не казни его, государь, это «самый бедный человек!»

Родился Хлопуша Афанасием Соколовым, крепостным тверского архиерея. Парнишкой он ушёл в Москву зарабатывать оброк извозом, но там деревенского дурня облапошили и едва не сдали в солдаты. Он еле унёс ноги, потеряв коня-кормильца. Потом три года горбатился в деревне, чтобы купить новую лошадь. Купил. Оказалась — краденая. И невезучего Афоню забубенили в ссылку.

Его определили жить в Бёрдах под Оренбургом, возить руду с Каргалы на Покровский завод. Этот завод на реке Большой Ик основал граф Александр Шувалов. Познаний в деле графу не хватило, завод он разорил и спихнул в казну, а уж потом его купили компанейщики.

15 лет Хлопуша мирно отработал возчиком, и опять его жизнь сломалась. Татары из города Касимов украли у его товарища лошадь. Воры были известны, но власть их не наказала. Когда бездействуют законы государства, действуют законы общины. По таким законам виноват не вор, а его город. И мужик, ограбленный касимовцами, сколотил артелку, которая увела коней у другого касимовского татарина. В той артелке мстителей был и Хлопуша. Но теперь лиходеев поймали.

ХЛОПУШЕ «ПОВЕЗЛО» ЧЕРЕЗ ДВА ВЕКА ПОСЛЕ ГИБЕЛИ. В ПУГАЧЁВЩИНЕ ОН БЫЛ ФИГУРОЙ ЭПИЗОДИЧЕСКОЙ, НО В ПОЭМЕ ЕСЕНИНА «ПУГАЧЁВ» СТАЛ ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ. ОБРАЗ ХЛОПУШИ ПОТЯС РОССИЮ В ИСПОЛНЕНИИ ВЫСОЦКОГО. ЕСЕНИН И ВЫСОЦКИЙ ВЕРНУЛИ ПУГАЧЁВЩИНЕ ПУШКИНСКУЮ ВЫСОТУ ДРАМАТИЗМА И СДЕЛАЛИ ХЛОПУШУ ОЛИЦЕТВОРЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО БУНТА

За кражу лошади тогда полагалась виселица. На счастье Хлопуши, а может, и на горе, смертную казнь в России в 1754 году отменили. Два года Хлопуша просидел в остроге Екатеринбурга, затем его кинули под кнут, заклеямили, вырвали ноздри и отправили на казнь в Нерчинск. На этапе Хлопуша сбежал. Он вернулся домой, и здесь его снова сцапали. Опять кнуты и этап — уже в Омскую крепость, — и опять Хлопуша сбежал домой. Дома его скрутили в третий раз и больше никуда не угоняли: оставили гнить заживо в оренбург-

В Бёрдах в честь Хлопуши названа улица

ском каземате. Не убийца и даже не конокрад, Хлопуша стал мучеником державного равнодушия.

В каземате с Хлопушей познакомился казак Максим Шигаев, который сидел здесь после первого яицкого бунта 1772 года. И под виселицей в Бёрдах судьба вновь свела атамана и арестанта. Шигаев заставил Емельяна узнать историю Хлопуши, «самого бедного человека». Ночью в своей «золотой избе» при свете лучины Пугачёв слушал старика, стискивал кулаки, скрипел губами, мотал башкой, а потом обшарил карманы и отнял Хлопуше все деньги, которые нашёл, — семь рублей.

С уральских заводов к Пугачёву бежали приписные крестьяне: рудокопы, возчики, углежоги. Пугачёв формировал из них отдельные «заводские» полки, а командовать ими должен был тот, кто знает жизнь заводов. Уральский каторжник Хлопуша знал. Пугачёв для проверки дал Хлопуше отряд и отправил на Авзян.

Когда Хлопуша повёл своих молодцев поднимать бунт на Авзяне, мятежные каргалинские рудокопы нагрянули на Покровский завод, где Хлопуша прежде работал возчиком. Рудокопы сломали плавильные печи и водобойные колёса Покровки. Взрыв вырвал из заводской плотины бревенчатый короб вешняка, пруд водопадом обрушился на цеха и половодьем хлынул на посёлок. Покровский завод на реке Большой Ик стал первым заводом, погибшим в пугачёвщину, и его уже никогда не возродят, а посёлок исчезнет с лица земли, аминь.

ТРОПЫ КАТОРЖАН

Верхний и Нижний заводы на речке Авзян основал граф Пётр Шувалов. В свою честь граф назвал их Авзяно-Петровскими.

Судьба сделала графа лидером елизаветинской приватизации: Шувалов отхватил три самых мощных завода Урала — Гороблагодатские заводы. Граф возомнил себя круче Демидовых и быстро заложил ещё шесть заводов, в том числе и на Авзяне. К успеху графа Петра бочком пристроился и брат, граф Александр: он основал Покровский завод. Но в 1762 году граф Пётр скон-

чался, и его заводская империя посыпалась. Казна милостиво купила предприятия братьев Шуваловых — и продала тем, кто реально мог и умел работать. Авзян взял Евдоким Демидов.

В придачу к Авзяну Евдоким Демидов, «сын Никиты и внук Никиты», возвёл ещё заводы Кагу и Кухтур. Получился комплекс из четырёх заводов — как на речке Тор у компанейщиков. Правил здесь сын Евдокима Иван. А приписных пригнали сюда с далёкой Оки, с Дугнинского завода, где ещё был памятен отчаянный мятеж села Ромодановского.

Мужики Авзяна подняли бунт, едва услышали про Пугачёва. Попу Агафону, который пробовал их вразумить, вырвали бороду и разбили морду. Рабочего, что кинулся ударить в набат, сбросили с колокольни. Не мешкая, гонцы помчались из Авзяна под Оренбург — просить Петра Фёдорыча прислать на завод войско.

Отряд Хлопуши авзянцы встретили за сорок вёрст до Авзяна. Заводы ликовали, приветствуя Хлопушу. На площади, запруженной народом, казак-глашатай с седла начал читать манифест, но оборвал себя и, смеясь, свернул лист в трубку: государевы титулы слышали, и прочее, братцы, вам и так ясно. Это было 17 октября 1773 года.

Хлопуша по-хозяйски вошёл в заводскую контору и велел служакам нести сундук с кассой. Угрюмые приказчики по шнуrowанным книгам отчитались атаману, сколько заработал каждый работник. Хлопуша выплатил работникам всё до копейки, а книги сунул в печь. Оставшиеся деньги Хлопуша завернул в скатерть вместе с серебряной посудой из господского дома и под конво-

ем казаков отправил Пугачёву. Конвой увёл и семерых закованных приказчиков. Все они дружно откажутся служить самозванцу и будут повешены в Бёрдах.

Хлопуша объявил: рабочие пускай идут к доменным печам отливать царю пушки, а приписных крестьян государь верстаёт в своё войско. Рабочие побоялись сказать атаману, что без крестьян заводы быстро истратят запасы угля и руды и встанут. Рабочие решили: чем погибать от ножа каторжника, лучше лить чугуны из печи, авось пронесёт нелёгкая.

«Льстясь благополучию», авзянские приписные крестьяне составили полк из пятисот человек. Командовать им Хлопуша назначил Дорофея Загуменных. Хитрые мужики Авзяна держали на уме, что из-под Оренбурга государь пойдёт на Москву и Петербург, и на его дороге как раз окажется родная Ока и отцовское село Ромодановское.

С шестью пушками и новым Авзянским полком Хлопуша ушёл к Оренбургу и на полпути встретил отряд Андрея Овчинникова, который направлялся бить генерала Кара. Объединив силы, Хлопуша и Овчинников разгромили генерала у деревни Юзеевой. Первый раз за долгую жизнь Хлопуша познал удачу.

Вскоре после ухода безносого Хлопуши на Авзян явится казачий атаман Яков Антипов. Он наладит работу промышленной базы мятежников: четырёх заводов на Авзяне и четырёх заводов на Торе. Мастера будут отливать для мятежников ядра, бомбы и орудия: толстые гаубицы «единороги» и «секретные картечницы» с овальным сечением жерла — эти пушки граф Шувалов придумал лично сам и считал их лучшими в мире. Опро-

Мишенная гора над прудом Авзянского завода

бовать «злодейское литьё» на точность авзянцы будут на мишенях, поставленных на горе, что возвышается над заводским прудом. Гору прозовут Мишенной.

Казённые командиры в далёкой Уфе взвоют от наглости мятежников. С пристани Стерлитамак отбивать Авзян поскачут 1300 башкир, но под Авзяном взбунтуются, порубят своих офицеров и переметнутся к Пугачёву.

Антипов до марта будет командовать артиллерийской базой на Авзяне и Торе и станет главным поставщиком «злодейского литья». Потом Пугачёв призовет его к себе. Антипов уйдёт с Авзяна к государю и погибнет в бою под Оренбургом. А извилистые тропы мятежа вскоре приведут на Авзян самого Емельяна Иваныча.

«ВЕЧНОЕ ЗРЕНИЕ»

За победу над генералом Каром под деревней Юзеевой Пугачёв произвёл Хлопушу в полковники. Но вот второй поход Хлопуши — на Верхнеозёрную крепость, где засел француз Отто де

Марин, — провалился. Пугачёв нахмурился. Благорасположение государя Хлопуша вернул себе в январе, когда мятежники разгромили вылазку оренбуржцев. И в феврале Пугачёв дал Хлопуше новое задание: взять крепость Илецкую Защиту.

За Яиком, в 60 верстах от Оренбурга, близ реки Илек высилась удивительная гора из каменной соли. В России в ту эпоху соль была стратегическим ресурсом. В 1754 году власть прибрала его к своим рукам. Соледобычей стали ведать горные генералы в Екатеринбурге. Но илецкие «ломки» соли находились на «азиатической стороне» Яика, то есть под угрозой казахских набегов. Поэтому заводской Екатеринбург просил помощи у казачьего Оренбурга.

Возле карьеров встал «транжемент» Илецкая Защита. Оренбургские казаки охраняли каторжников, которыми командовали горные инженеры. От Защиты через Оренбург пролёг соляной тракт, который заканчивался на реке Белой, Агидели, пристанью Стерлитамак. Там мешки с солью грузили на барки и отправляли в Россию речным ходом.

Каторжники кайлами вырубали в соляных толщах целые пропасти. Потом эти пропасти будут изумлённо созирать российские императоры и светила науки. Огромные прозрачные кристаллы минерала галенит, каменной соли, назовут «илецкими сердцами» и приравняют к сокровищам. В 1906 году паводок прорвёт перемычку между речкой и карьерами, вода затопит соляные пропасти, и они превратятся в целебные солёные озёра вроде Мёртвого моря. А добыча соли в Соль-Илецке всё равно останется, но уйдёт шахтами в недра земли.

Во времена Пугачёва на стенах котлованов, на глыбах-балконах, в солёной пыли скрипели колёсами деревянные машины-подъёмники, сконструированные академиком Рычковым, «оренбургским Фаустом». Рычкова назначили командиром конторы соляных дел в Оренбурге. В осаждённый пугачёвцами Оренбург Илецкая Защита посылала хлеб и соль, и 16 февраля 1774 года Хлопуша привёл к крепости свой Авзянский полк.

Степная метель хлестала по куртинам и бастионам. Защищать Защиту решились только 15 солдат и капитан, а гарнизон сдался и открыл ворота. Хлопуша покарал не врагов, а воров: повесил интенданта, который морил каторжников голодом. Хлопуша раздал жителям крепости хлеб, чтобы хватило до весны, и выплатил каторжникам деньги за их работу в рудниках.

В Илецкой защите Хлопуша нашёл жену и сына. Хлопуша потерял их очень давно, когда его угнали на каторгу в первый раз. Начальство насильно выдало его бабу, как вдову, замуж за другого мужика. А Хлопуша ведь не умер. И он любил свою семью — за семью он потом и погибнет.

В конце марта князь Голицын завалил трупами мятежников поля у Татищевой крепости и двинулся на Бёрды. Хлопуша отпросился у Пугачёва всего на полдня: перед бегством мятежников он хотел увезти жену и укрыть её в Сакмарском городке. Но дорога туда проходила через Каргалу, где хитрый Муса Улеев уже задумал измену. Для Мусы сдать Хлопушу губернатору было хорошим способом заслужить прощение. Поэтому в Каргале татары перевернули сани Хлопуши, повязали бывшего каторжника и поволокли к властям в Оренбург.

Рогатки каторжника
из музея Ижевска

Войска мятежников были разгромлены, Пугачёв бежал, а Хлопуша вновь очутился в том же каземате, откуда его вытащили, чтобы он убил самозванца. Судьба, как буря, завершила последний круг. Хлопуша знал, что его уже не спасут ни губернатор Рейнсдорп, ни самозванец Пугачёв.

В мае Хлопушу осудили на казнь. Ярким зелёным утром 18 июня его вывели из тёмного, сырого каземата на площадь. Хлопуша увидел плаху и врытый в землю кол, на который насадят его голову. Старый измученный каторжник в последний раз, шурясь, посмотрел на небо, на огромный и прекрасный мир, где не нашлось малого уголка, чтобы тверской крестьянин Афоня прожил жизнь по-человечески. Палач повалил Хлопушу грудью на плаху и топором перерубил шею. Голову Хлопуши воткнули на кол, что стоял над Яиком, для «вечного зренья».

ВОИСТИНУ ВОСКРЕС

Пугачёв пришёл на Авзян в начале апреля. Меж гор по бирюзовым долинам растекался мёд благовеста: заводы праздновали Пасху. И явление Пугачёва на Авзяне было символическим вдвойне — словно государь, как Спаситель, воистину воскрес

и после смерти под Петербургом, и после разгрома под Оренбургом.

На Авзянских заводах Пугачёв пробыл три дня. Здесь ему приготовили не только хлеб-соль, но и невесту. Эту девку родители привели царю сами. Емельян не стал отпираться, но не стал и венчаться, а приступил сразу к первой брачной ночи.

Потом при войске мятежников образуется целый «поезд с царицками» — обоз с гаремом хана Емельяна и любовницами его полковников. Пугачёв на следствии станет смущённо отнекиваться: «Было у меня женщин около десятка, однакож — не жёны, а только адевали и готовили для меня есть и делали всякия прислуги». За эти «всякия прислуги» мятежники — молодые ведь мужики — оберегали свой обоз до последнего. Обоз попадёт в руки властей только после окончательного разгрома бунта. Дурёх-«царицок» начальство разошлёт по монастырям или вернёт обратно родителям. Привезут домой и авзянскую невесту Емельяна — уже брюхатую. И в Авзяне на двести лет вперёд появится род своих Пугачёвых.

В Авзяне в войско Пугачёва вступило ещё полторы сотни крестьян. Куда вести их дальше, Пугачёв не выбирал. На Белорецкий завод, куда же ещё? Авзян «подарил» Пугачёву Белорецк, будто крашеное яичко к Христову дню. Это был не просто соседний завод, а боевой трофей Авзяна. Авзянский завод одержал победу в маленькой, но кровавой войне с Белорецким заводом.

Ещё нигде никогда не бывало, чтобы два горных завода сражались между собой. Эту войну устроил как Яков Антипов, присланный Пугачёвым после Хло-

пуши, чтобы наладить «злодейское литьё» на Авзяне и Торе. Бравому казаку хотелось не трудовых подвигов, а ратных.

Приписные крестьяне Белорецкого завода забунтовали в октябре 1773 года. Но с первым снегом из Верхнеяицкой крепости в Белорецк подавлять мятеж нагрянула команда подпоручика Козловского: 33 казака и 300 башкир. Бунт словно подморозило. Оробевшие мужики Белорецка послушно пошли к присяге. Об этом на Авзяне узнал Антипов, собрал отряд в 600 человек, двинулся на Белорецкий завод и в декабре осадил его. Рабочие Белорецка ожесточённо отстреливались с бастионов заводской крепости, а жёнки рабочих за куртинами собирали в подолы пули, расплюснутые о кирпичи доменных печей. Из ворот «транжемента» на улицы посёлка вылетали верхнеяицкие казаки и рубили мятежников саблями. На обороне завода polegло 62 человека, из них 14 — бабы.

**ПРИРОДА УМЕЕТ ЗАЛЕЧИВАТЬ РАНЫ,
И В УРОЧИЩЕ КУХТУР СЕЙЧАС НЕ НАЙТИ
СЛЕДОВ ЗАВОДА, СОЖЖЁННОГО
МЯТЕЖНИКАМИ. МАЛЕНЬКАЯ РЕЧКА КУХТУР
ТЕЧЁТ СКВОЗЬ ГУСТЫЕ ЛИПОВЫЕ ЗАРОСЛИ.
НЕВОЗМОЖНО ВООБРАЗИТЬ, ЧТО ЗДЕСЬ БЫЛИ
ПРУД И ПЛОТИНА, ДЫМИЛИ ДОМЕННЫЕ ПЕЧИ,
А МЯТЕЖНЫЕ КАЗАКИ ЗАСТАВЛЯЛИ УГРЮМЫХ
РАБОЧИХ ЛИТЬ ЧУГУННЫЕ ПУШКИ**

Антипов свистнул подмогу, и в январе 1774 года к авзянцам пришли башкиры, а бунтовской завод Усть-

Катав прислал две пушки. Ядра мятежников в щепу разбили ворота Белорецкого «транжемента», и завод наконец вывесил белый флаг. Мятежники осторожно вступили в крепость. Они решили не мстить рабочим, лишь сожгли заводскую контору и долговые книги. А завод стал пугачёвским. И поэтому в апреле 1774 года Пугачёв из Авзянского завода отправится на Белорецкий, ибо честь государя обязывала его принять подарок от преданного холопа.

В Белорецке Пугачёв просидит три недели. В конце апреля на Авзян из Табынского острога двинется отряд генерала Фердинанда Фреймана. 2 мая фельдъегерь Фреймана, опередив отряд, въедет в Авзян, созовёт жителей и сообщит, что генерал требует сложить оружие. Авзянцы поспешно пошлют к Пугачёву в Белорецк двух гонцов — крестьян Мещерякова и Кунгурцева. Пугачёв выслушает гонцов и объявит своему новому войску общий сбор в большой поход — подальше от Фреймана. Всем, кто не пойдёт вместе с ним, Пугачёв прикажет поджигать заводы и бежать в леса.

Чёрные дымы вырастут над двумя Авзянскими заводами, над заводами Кага и Кухтур. Солдаты Фреймана уже вступят на улочки Авзяна, а крестьяне, обезумев, будут ещё продолжать рушить и поджигать свои заводы с разных концов. Солдаты схватят Мещерякова и Кунгурцева — зачинщиков погрома, и Фрейман повесит их на заводской площади, затянутой дымом. Но заводы сгорят: бунт воистину воскрес.

Потом Кага и Авзян возродятся, а Кухтур в том пожаре погиб навсегда.

ЖИВУЩИЕ НЕУБОГО

У компанейщиков было два козыря — медный и железный. Медный — рудные поля Каргалы. А железный — пятиглавая гора Атач, сложенная Аллахом из магнитного железняка. Русские звали эту гору Магнитной.

Русскому начальству её выдал башкир Баим Кедряев. Атач стоял на Яике, на тревожной границе с казахами. В 1747 году компанейщики вкопали на Атаче три столба «со своими литерами», закрепляя сокровище за собой. Но до завода дело дошло только через пятнадцать лет. Компанейщики построили его за гребнем Уральского хребта на реке Белой, Агидели. Это был их десятый и последний завод. За год он пожирал четыре тысячи тонн руды. Руду требовалось доставить от Яика до Агидели за полсотни вёрст. Каждую зиму руду горы Атач, Магнитной горы, на Белорецкий завод возили две тысячи приписных крестьян, шлифуя дорогу санями до ледяной гладкости.

Компанейщикам не хватало работников. Иметь крепостных могли только дворяне, и компанейщики мольбами и подарками выцыганили у государыни дворянство, а потом накупили себе крестьян для заводов. Больше всего — в Арской округе Казанской губернии. Так рядом с заводским посёлком Белорецка появилась крестьянская деревня Арская.

Она встала над Агиделью на широком приземистом утёсе, который называли Арский камень. Потом появилась легенда, что скала получила имя от некоего управителя Арского, которого в пугачёвщину злобные рабо-

Скала Арский камень в окрестностях Белорецкого завода

чие сбросили с обрыва. Однако не было ни управителя такого, ни казни. Связь утёса и бунта указывает, что бунтовали не рабочие, а приписные крестьяне, перевезённые из Арской округи Казанской губернии.

«Живут неубого», — незадолго до пугачёвщины заключил академик Паллас о рабочих на заводах компанийщиков. Бунтовать рабочим было не с руки. Однако смутьяны Авзяна и свои же приписные всё запутали: где правда, чей верх, какую сторону держать? Мастерские Белорецка растерялись и затихли, пока через их завод перекатывались волны мятежа.

В апреле буря принесла самого Пугачёва — снова и силе и славе, будто и не было оренбургского разгрома. Пугачёв осел в Белорецке на долгих три недели. Со всех окрестных урманов к нему шли бунтовщики, их скопилось на заводе пять тысяч. Но завод не дал им ни одной пушки: крестьяне-то бунтовали, а без них вся работа затихла. Война же громыхла где-то за горами, может, это загремели первые ледоходы весны.

Пугачёв примеривался, куда идти дальше. Агидель вела к Уфе, но на этом пути стоял Табынский острог, занятый командой генерала Фреймана. Лазутчики Пугачёва попробовали проплыть мимо острога по реке, спрятавшись в выдолбленных брёвнах. Но дозорные генерала заметили шпионов, на лодках подгребли к плывущим брёвнам, зацепили баграми и прибуксировали к берегу. Заледенелых лазутчиков повязали. Путь от Белорецка вниз по Агидели был закрыт. И тогда Пугачёв выбрал путь белорецких возчиков — на Магнитную гору.

**ДО ПОЯВЛЕНИЯ ПОЗИЦИОННЫХ
ПРОТИВОСТОЯНИЙ XX ВЕКА ВОЙНЫ БЫЛИ
ПУТЕШЕСТВИЯМИ И СРАЖЕНИЯМИ АРМИЙ,
И ПОТОМУ ОНИ ВСЕГДА «ВПИСЫВАЛИСЬ»
В ТЕРРИТОРИЮ. НА ОДНОМ И ТОМ ЖЕ
ПРОСТРАНСТВЕ СХОДНЫ БЫЛИ И «СЮЖЕТЫ»
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. И ЗНАМЕНИТЫЙ РЕЙД
ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ БЛЮХЕРА ПО ЮЖНОМУ
УРАЛУ ОТ БЕЛОРЕЦКА ДО КУНГУРА ВО МНОГОМ
СОВПАДАЕТ С ДВИЖЕНИЕМ ВОЙСКА ПУГАЧЁВА**

А что делать с оставленными заводами? 2 мая 1774 года, уходя из Белорецка, Пугачёв грянул по Уралу своим страшным указом: заводы «жечь до пошвы!» «До пошвы» — значит, до почвы, дотла. Этот указ сделал пугачёвский бунт крестьянским уже бесповоротно. Пламя прокатилось по всем окрестным заводам: по двум Авзянам, по Каге и Кухтуру, по Зилаирскому и Кананикольскому заводам. И по Белорецку.

Со своим войском Пугачёв утнал из Белорецка 700 заводчан — не бойцами, а поварами и дровосеками. Их Пугачёв бросит в сожжённой Магнитной крепости: они будут уже не нужны. Брошенных рабочих офицеры прикажут обрить по-каторжному и всем стадом отправят восвояси на сгоревший Белорецкий завод. Рабочие займут уцелевшую деревню Арскую — свои-то избы мятежные крестьяне не сожгли. Едва рабочие опомнятся, на них налетят башкиры и утонят всех в рабство. В ноябре 1774 года старики-компанейщики разыщут своих мастеровых по башкирским аулам, вывезут и поселят зимовать на Богоявленском заводе. И здесь ещё 106 человек умрут от голода. Только весной 1775 года, через год после пугачёвщины, заводчане Белорецка окончательно вернуться на родные пепелища. В Белорецке бунт загубит 786 человек — почти половину «живших неубого».

ГРОЗА В НАЧАЛЕ МАЯ

Под пятиглавой горой Атач яицкие броды от «воровских перелазов» стерегла большая крепость Магнитная — двойной «траншемент». Здесь первое укрепление 1744 года было встроено во второе — 1752 года. Но крепость обороняла всего сотня солдат, и половина их была стариками-ветеранами, которых тогда называли «инвалидами». Нёс службу даже столетний Евдоким Темников, ровесник Петра I.

Сейчас территория крепости затоплена водохранилищем. Там, где Пугачёв бился за крестьянскую утопию, возведена рабочая утопия — город Магнитогорск: город-машина, конструктивистский идеал в тоталитарном ампире. Он вытянулся во фронт вдоль грандиозного металлургического комбината, отделённый прудом. 110 цехов комбината уже исторгли миллиард тонн продукции: чудовищный «завод заводов» в дыму и громе догрызает былую громаду горы Атач — Магнитной горы.

При Пугачёве крепостью Магнитной командовал капитан Сергей Тихановский, 27-летний шляхтич из Смоленска. У него было четыре пушки, а у Пугачёва — ни одной. Зато у Пугачёва была башкирская конница Баима Кедряева, того самого тархана, который указал гору Атач компанейщикам.

Конница с визгом и гиканьем разогналась вниз по склону Атача и напоролась на картечь Тихановского. Лапотная пехота с пиками и саблями полезла на кручи бастионов, и солдаты сбросили атакующих штыками. Крепость отбивалась стойко. На штурме Пугачёв положил пятьсот бойцов — и скомандовал отступление.

Бунтовщики отошли на 15 вёрст к ласковому озеру Маузлы. Озеро рябило под солнцем — от ветерка, словно от картечи. В яркой майской траве ржавыми ядрами лежали глыбы яшмы: железного камня ташбулат. В озере жил огромный священный змей Аждарха, но пугачёвцы его не испугались. Они соорудили шалаши, накатали из яшмы печи-каменки и в походных банях отпарили наудачу, с криком бултыхаясь в синюю воду. С тех пор озеро стали называть Банным.

Банное озеро

На Банное озеро к Пугачёву вышел отряд Андрея Овчинникова и Афанасия Перфильева — яицких соратников. После разгрома у Татищевой крепости они ушли в Илецкий городок, а потом месяц с боями прорывались на соединение с государем через степи и горы, реки и «транжементы».

7 мая с яицким подкреплением Пугачёв вернулся к Магнитной крепости. Мятежники ударили сразу с пяти сторон, распыляя силы маленького гарнизона. Тихановский отбилсЯ бы, но грянул страшный взрыв, разворотивший куртину: это лазутчики подожгли бочки с порохом. Бунтовщики сквозь пролом хлынули в крепость. Магнитная пала.

Победители повесили взятых в плен офицеров, офицерских жён и попа. Уцелевших жителей под караям отогнали в поле. В толпе укрывались капитан Тихановский и его жена Вера с двумя детьми. Но шляхетская честь не позволила Тихановскому прятаться. Он поцеловал жену, вышел и объявил мятежникам, кто он. Его тоже повесили.

А молодую капитаншу Веру Тихановскую нашла служанка Авдотья Яковлева. «Не ты, а я теперь госпожа!» — прошипела Авдотья и выдала жену офицера казакам. Авдотья отомстила за то, что капитанша отстегала прутом её детей. Казаки притащили ревущую женщину к Пугачёву. А Пугачёв велел её казнить. Почему он не смиростивился? Он был очень зол на такую же вот бабу. В захваченной Магнитной крепости его ранили в руку — жена какого-то убитого офицера зарядила мужнин пистолет и бабахнула в главаря разбойников из окошка избы. Обидно! Пугачёв был не трус, ходил в атаки среди первых, только надевал простую одежду. Но получить рану от врага — это одно, а от жены врага — совсем другое. Бабу, конечно, второпях зарубили, а Емельян хотел казни. Вот тут и подвернулась капитанша Вера. О ранении Емельян потом говорил, что на приступе его посекала картечь.

Капитанша Вера, выданная служанкой Авдотьей, заплатила жизнью за вдовый выстрел. Но служанка тоже заплатит за капитаншу. Когда власть вернётся, Авдотью забьют в колодки и отправят в Челябину, а там казнят: отрубят руки, ноги и голову и выложат у ворот города на тележных колёсах.

8 мая мятежники увидели, что к их крепости приближается какой-то отряд. Он шагал колонной, под треск барабанов и со знамёнами. Бунтовщики так ходить не умели и решили, что их атакует правительственное войско. Начался переполох. Но отряд остановился, заведя на «транжементе» Пугачёва, и преклонил флаги. Это с горных заводов в Магнитную крепость прибыл атаман Иван Белобородов.

ОТСТАВНОЙ КАНОНИР

Иван Белобородов с Пугачёвым был одногодок. Он родился в селе Медянка, стоящем на реке Ирень между Кунгуром и Красноуфимском. В этих местах природа свела крестьян и рабочих непримиримо. Здесь под самыми северными в мире чернозёмами лежат мелкие, но частые гнёзда руд. Меж покатым холмов со скальными обрывами текут извилистые речки. Что делать на этой земле? Строить заводы, вытопав поля, или пахать, забыв о рудах? Заводчики Осокины и Демидовы построили заводы.

В 18 лет Белобородова отдали в рекруты. В Выборге его записали по ведомству артиллерии и отправили на Охтинский пороховой завод. Охта начинала боевые гранаты и пушечные «картузы», а заодно — ракеты и фейерверки для дворцовых увеселений. Белобородов и устроит на Урале фейерверк, оспорив у заводов щедрые лесостепи.

К 25 годам служба Белобородову осточертела вусмерть. А как уйти? Однако у молодого канонира была железная воля. Он начал «притворно хромать». Его положили в госпиталь, но невозможно вылечить болезнь, которой нет. Через полгода Белобородову дали отставку, а с ней и свободу от крепости. Держава щедро дарила таким калекам «билет» на сбор милостыни.

Белобородов вернулся в родные края и занялся торговлей мёдом и воском. Потом казённые бумаги изобразят его жалким нищевродом: «отставной солдат, скитавшийся и во всём претерпевающий бедность, имея последнее средство разжиться грабительством

и нарушением общего покоя». Но в селе Богородском изба у Белобородова была самой большой и богатой. Изба и решила судьбу бывшего канонира.

В конце декабря 1773 года башкирский полковник Канзафар вёл свой отряд на Кунгур и остановился на ночлег в Богородском. Себе Канзафар выбрал лучший дом. Долгая беседа при лучине переменяла жизнь Белобородова. Утром он вышел на крыльцо атаманом. Взяв 25 односельчан, Белобородов отправился в поход, который завершится через 8 месяцев на плахе Болотной площади в Москве.

В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» ПУШКИН ИЗОБРАЗИЛ ИВАНА БЕЛОБОРОВОДА ЗЛОБНЫМ СТАРИКОМ, КОТОРЫЙ ГУБИТ ЛЮДЕЙ НАВЕТАМИ. РЕАЛЬНЫЙ БЕЛОБОРОДОВ БЫЛ МОЛОДЫМ МУЖИКОМ И НЕ ПРИЕЗЖАЛ ПОД ОРЕНБУРГ. НО ЭТА ОШИБКА НИЧУТЬ НЕ УМАЛЯЕТ НИ ДОСТОИНСТВО БЕЛОБОРОВОДА, НИ ГЕНИЙ ПУШКИНА

Заводы чернозёмных лесостепей к тому времени уже забунтовали сами, взбудораженные отрядами башкирских атаманов. Но русские крестьяне опасались идти под командование к башкирам. Таких бунтовщиков и верстал Белобородов. Его отряд распахал десяток заводов кунгурской округи. Самый жестокий бой разгорелся на заводе Тис. Не дрогнув, Белобородов ошпарил завод картечью, уложив сотню жителей, среди которых были и бабы с детишками. Защитник Тиса старый сержант Курлов отступил, чтобы потом схватиться с Белоборо-

Троицкая церковь Ревдинского завода

довым насмерть на другом заводе. Но отставной канонир понимал: надо бить по штабу, то есть, по Екатеринбург. И он повёл отряды к демидовскому заводу Ревда.

В Троицкой церкви Ревдинского завода Иван Белобородов увидел необычную икону — написанную на холсте. С одной стороны был изображён Христос, с другой стороны — архангел Михаил, архистратиг святого войска, что стоит на страже Божьего закона. Белобородов приказал снять икону с рамы иконостаса и приколотить на древко: это будет знамя повстанцев.

Из Ревды мятежники перешли на Шайтанские заводы, где три года назад рабочие наняли лиходея, чтобы убил заводчика Ширяева. В Шайтанке тот, кто не присягнул Петру Фёдорычу, полетел вверх ногами в шахту. Властный Белобородов установил безжалостный порядок: за пьянство, насилие и грабёж — петля. Шайтанка стала военной базой: здесь отставной канонир муштровал своё войско для штурма Екатеринбурга, столицы горных заводов.

У Белобородова было 500 бойцов и 5 пушек. Пушки он уложил на сани, и получились танки-снегоходы. Крестьян поделил на роты и батальоны и наскоро начал обучать «экзерциции» — боевым перестроениям. Ревда принялась ковать для Шайтанки штыки, палаши и сабли. В итоге у Ивана Белобородова оказались самые боеспособные части — а против него был самый беспомощный город из всех больших городов Урала.

ПОЛЬЗА «КРАПИВНОГО СЕМЕНИ»

Дела Екатеринбурга складывались плачевно. Горная столица уже забыла, что горы её немирные. Валы старого «транжемента» оплыли, бастионы разъехались квашнёй. Горным командиром в Екатеринбурге был полковник Василий Бибииков, дальняя родня генерала Бибиикова, который в Казани собирал войско против Пугачёва. Генерал хотел взять Оренбург, а полковник решил сдать Екатеринбург.

На военном совете Бибииков стучал кулаком по столу, обвиняя всех в измене. Он приказал сжечь документы, смять в ком монеты на Монетном дворе, а «знатному сословию» бежать из Екатеринбурга к Демидовым в Тагил. Эвакуация означала, что самый сложный механизм горнозаводского управления рассыплется, а ведь его самоотверженно создавали три поколения горных инженеров. Защищать надо было не чин и казну, а дело.

Горный инженер Якоб Рооде застегнул камзол на все пуговицы и напомнил чиновникам, что их дворян-

ские мундиры — военного покроя. Чиновники надели треуголки и начистили шпаги. Екатеринбург сформировал отряд ландмилиции. Командование отрядом принял капитан Ерапольский — крещёный турок, взятый в плен в минувшую войну.

Базой для ландмилиции Ерапольский определил деревню Решёты неподалёку от Шайтанских заводов, базы мятежников. Вскоре в Решёты к капитану-турку явились два перебежчика. Они горячо уверяли, что войско в Шайтанке ненадёжное: разбежится от пистолетного выстрела. Ерапольский спешно выслал на Шайтанку отряд. Но это была ловушка.

В зимнем лесу сошлись отряд чиновников и войско крестьян. «В кого веруете?» — кричали они друг другу, словно в тайге не нашлось вопроса поважнее. «В государя Петра!» — отвечали одни. «В государыню Екатерину!» — отвечали другие. Меж сосен взлетели снежные фонтаны гранатных разрывов. Лыжники помчались в штыковую атаку. Ландмилиция дралась храбро, но Белобородов умело маневрировал санями с артиллерией, и картечь разметала чиновников по тайге.

Уцелевшие чиновники еле добрались до Екатеринбурга. Но офицер Рооде что-то нашептал на ухо Бибикову, и побледневший полковник объявил горожанам о блестящей победе. Израненным и обмороженным беглецам в награду насыпали денег. А на Шайтанку ушёл отряд поручика Костина.

В этом отряде было 400 бойцов и 7 пушек. Мятежники встретили врага у Талицкой елани. Из снегов встала пехота Белобородова. Из леса вылетела конница. Белобородов сам командовал пушками. Закат окра-

сил снега елани в красно-синие цвета побежалости. Отряд поручика Костина тоже был разбит.

Белобородов направил своё войско на вражескую базу в Решётах, где ещё сидел Ерапольский. Отстреливаясь, Ерапольский «сделал ретираду к городу». Лишь в пяти верстах от Екатеринбурга ландмилиция заняла оборону за изгородами городских выпасов и ружейной пальбой отбила натиск мятежников. Белобородов не попёр на рожон, развивая победу, и отвёл войско на передышку. Он решил, что можно не спешить: Екатеринбург обречён. И отвлёкся от него на штурм завода Старая Утка.

Пока мятежники штурмовали непокорную Старую Утку, в Екатеринбург вошёл секунд-майор Фишер, которого генерал Деколонт прислал из осаждённой Челябин. Генерал пожертвовал Челябин ради Екатеринбурга. А чиновники, бесполезное «крапивное семя», погибая в сутробах, удержали город до прихода настоящих солдат.

14 февраля сибиряки Фишера в отсутствии Белобородова разгромили базу мятежников в Шайтанке: взяли в плен поголовно всех, кого нашли, взяли казну — 20 тысяч рублей, и отступили, запалив селение с шести сторон.

Из Утки Белобородов увидел за Чусовой дым горящей Шайтанки, бросился назад, но было поздно. Тогда он рванулся к Екатеринбургу — и его встретил огонь сибирских батарей с новых ледяных редутов.

Пока атаман мчался от Шайтанки к Екатеринбургу, из Кунгура пришёл отряд секунд-майора Гагрина и взял только что оставленную мятежниками Старую Утку. Ни с того, ни с сего Иван Белобородов оказался без

базы и без надежды на успех. Он потерпел поражение, хотя одерживал только победы.

СЕРЖАНТСКАЯ ДОЧКА

На завод Старая Утка Белобородова сманил шихтмейстер Павел Жубринский. За 1500 рублей он обещал провести войско мятежников по чувовским заводам купца Саввы Яковлева.

Яковлев сколотил капитал на винных откупах и по совету Ломоносова решил вложиться в уральские горные заводы. В 1769 году на реке Чусовой он купил казённую Новую Утку, а также Старую Утку и Старую Шайтанку Демидовых. После пугачёвского бунта, когда конкуренты ослабеют, Яковлев станет главным промышленником Урала, хозяином 22 заводов — богаче даже самих Демидовых.

Войско Белобородова, ведомое Жубринским, двинулось по Чусовой. Новая Утка и Старая Шайтанка оказались без рабочих: они все сбежали на Старую Утку, чтобы обороняться сообща. Там собралось около 800 чувовских мастеровых. Ими командовал упрямый сержант Курлов. Под его началом было всего шесть «инвалидов», но эта великолепная семёрка сумела организовать рабочих на защиту своих заводов. С Курловым бешено отбивался завод Тис, оттуда Курлов попятился на Чусовую и укрепился на Старой Утке. Он велел поставить рогатки и наморозить ледовые валы. С плотины завода ощерились три батареи из 15 пушек.

Белобородов начал бомбить Утку с Аникиной горы над прудом. Батареи рабочих в ответ крушили избы посёлка, занятого мятежниками: мастеровые ядрами разнесли 49 своих домов. Бунтовщики пошли на приступ. Рабочие картечью скосили две атаки, засыпав ледяное поле пруда телами убитых.

Сержант Курлов послал гонца к управителю Нижнего Тагила. «Мы теперь в огне, — написал сержант. — Народом подкрепите. Худо наше дело». Тагил и сам, без гонцов, понимал, что надо помочь, но посланный отряд угодил в засаду на заводе Висим и не дошёл до Чусовой.

**ГРАНДИОЗНЫЙ КОМПЛЕКС СТАРОУТКИНСКОГО
ЗАВОДА НЫНЕ СТОИТ ЗАБРОШЕННЫЙ.
ОН ПОХОЖ НА ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ЗАМОК.
ПЛОТИНА — СЛОВНО КРЕПОСТНОЙ ВАЛ, ПРУД
И ВОДОСБРОС — ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ РВЫ,
РЖАВЫЕ ЗАВОДСКИЕ АГРЕГАТЫ —
СТЕНОБИТНЫЕ ОРУДИЯ И КАТАПУЛЬТЫ.
РАБОТА С РАСПЛАВЛЕННЫМ МЕТАЛЛОМ ПОХОЖА
НА СРАЖЕНИЕ, А ГОРНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ —
РЫЦАРИ ТЕХНОЛОГИЙ**

А Белобородов начал третий штурм Старой Утки. Мятежники вытолкали на лёд пруда сани с сеном, подожгли, и, скрываясь в густом жёлтом дыму, прорвались к плотине. Защитники-мастеровые полегли в рукопашном бою. Сержанта Курлова и его отважных «инвалидов» зарубили на батареях. Старая Утка пала.

От тех сражений на заводе осталось предание о Насте Курловой, дочери сержанта. Будто бы шихтмейстер

Руины заброшенного завода Старая Утка. 1854 год

Жубринский любил Настю, потому и привёл бунтовщиков — хотел отвоевать девчонку у отца. А на заводе работал Настин жених Паша Мутовкин, плотинный мастер. Настя и Паша вместе были в осаде в заводской крепости.

Это Настю сержант Курлов послал гонцом в Тагил — надеялся, что девчушка прошмыгнёт между пикетов мятежников. Но Жубринский узнал Настю и крикнул караулу схватить её. Пленную дочку он издаleка показал Курлову: дескать, сдавайся, подмоги вам не будет. А Паша тоже увидел, что Настя в руках у злодея. Ночью он пробрался на стан к мятежникам, зарезал часового и увёл Настю к себе на завод.

В последнем бою, когда погиб сержант Курлов, Паша был ранен. Настя затащила его в свой дом и заперлась. Белобородов приказал поджечь избу. И тут Жубринский упал Белобородову в ноги: не губи мою любовь! Грозный атаман смиростивился, дозволил Насте выйти и вынести приданое для свадьбы. Атаман обещал охранить девку от насилия, а её приданое от порухи.

И Настя вышла из дома, волоча на санках израненного Пашу Мутовкина.

Жители Старой Утки не знали легенду германского города Вейнсберг. А в этом городе в 1140 году верные жёны так же вынесли из крепости своих мужей, которые обороняли стены от войск короля Конрада III. В память о Насте Курловой в Старой Утке зимой станут праздновать день «спасённого Адама», и краснощёкие заводские девчонки на санках будут втаскивать своих женихов на Аникину гору.

Когда Белобородов покинул Старую Утку, гарнизон мятежников запил по-чёрному и проворонил, что из Кунгура идёт отряд секунд-майора Гагрин. 26 февраля майор одним ударом выбил пьяных бунтовщиков с завода. Жубринский попал в плен.

Уже через три дня Белобородов с остатками своего войска прибежал из-под Екатеринбурга и вновь набросился на Старую Утку. Он надеялся воссоздать здесь базу для штурма горнозаводской столицы. Гагрин отбил мятежников от плотины, и они откатились по пруду за Аникину гору. А майор устремился в погоню.

ВОТЧИНЫ ЗВЕРЯ

Белобородов откатился от Старой Утки всего с двумя пушками. Выбирать не приходилось, и он двинулся к Челябину на соединение с Иваном Грязновым. А по следам Белобородова неотступно следовал отряд секунд-майора Дмитрия Га-

рина. Гагрин догнал Белобородова в Кыштымской вотчине Никиты Демидова.

У Никиты были две группы заводов: Шайтанская и Кыштымская. В обе эти вотчины Белобородова пришёл не античный рок, а свойства демидовского бизнеса: умение выжимать из народа все соки. Замороженные рабочие и приписные крестьяне были готовы к бунту. Белобородов чутко ловил эту готовность, словно акула — вкус крови.

Кыштымская вотчина состояла из Верхнего и Нижнего Кыштымских заводов и завода Касли. В декабре 1773 года порядок на этих заводах оберегал гарнизон майора Чубарова. Когда на соседний завод Златоуст вступил рейдер Иван Грязнов, майор огородил свою вотчину пикетами. Но дозорные потолковали с мятежниками и привезли в Кыштым пугачёвские манифесты. Приписные прочитали о милостях самозванца, и Кыштымская вотчина восстала. Заводы призвали к себе Грязнова.

Грязнов явился. Майора Чубарова повесили, шихт-мейстера закололи, горный надзиратель бежал в Екатеринбург и в дороге замёрз. Из касс заводских контор Грязнов выгреб огромную казну — 60 тысяч — и расплатился с рабочими. А потом ушёл в Челябину, увёл с собой самых рьяных мятежников и увёз пушки.

И вот теперь, спустя почти три месяца, в Кыштымскую вотчину вошёл отряд Ивана Белобородова, что отступал от Екатеринбурга. Белобородов занял крепость Каслинского завода. Завод мостился на пятачке меж трёх дивных озёр — Иртыша, Больших Каслей и Малых. 11 марта 1774 года заводской «траншемент» осадил ко-

манда секунд-майора Гагрина, который преследовал Белобородова. Майор послал в крепость ультиматум, Белобородов его порвал. 12 марта Гагрин двинулся на штурм. Бомбёжка подожгла посёлок, где загорелось 270 домов. На куртинах и бастионах полегло 130 каслинских мятежников. Солдаты Гагрина взорвали ворота. Белобородов скомандовал отход на Кыштым.

А Кыштым уже ничем не мог пособить: местных буянов давно забрал Иван Грязнов. Измотанные повстанцы Белобородова тихо прошли по тракту мимо горы Егоза между озером Сутомак и прудами Кыштымских заводов.

В Кыштыме на берегу озера стояла усадьбы Демидова: две башни и недостроенный дворец. Через полвека после пугачёвщины здесь будет жить управитель Григорий Зотов, которого назовут Кыштымским Зверем.

**НА КАЖДОМ СТАРОМ УРАЛЬСКОМ ЗАВОДЕ
ДОЛЖНА БЫТЬ СВОЯ СТРАШНАЯ ТАЙНА.
БЕЗ НЕЁ ОГОНЬ ГОРИТ НЕ ТАК ЖАРКО,
И ЖЕЛЕЗО ЗВЕНИТ НЕ ТАК ЗВОНКО.
ЗАВОДСКОЙ ЗЛОДЕЙ В ИСТОРИЮ ЗАВОДА
ВХОДИТ КАК ЛЕГИРУЮЩАЯ ДОБАВКА В СОСТАВ
САМОЙ ЛУЧШЕЙ СТАЛИ**

В XVIII веке Кыштымская вотчина ещё ничем не славилась. В 1812 году её заводы получают большой заказ на гранаты. Для изготовления гранат мастера Каслей найдут тончайшие озёрные пески, а потом управитель Зотов заведёт на этих песках отливку художественных изделий из чугуна. Так родится знаменитое каслинское

Усадьба Демидовых на Кыштымском заводе —
дворец Кыштымского Зверя

литьё. В 1900 году в Париже его увенчает Золотая медаль Всемирной выставки.

Григорий Зотов был крепостным раскольников — и гением масштаба Акинфия Демидова. Он разбогатеет, выкупит себя на волю, в карьере дойдёт до административных вершин и даже будет принимать в своём доме в Екатеринбурге императора Александра I. Однако в Кыштыме его рабочие станут исчезать в пыточных подземельях дворца, и в лесах появятся тайные погосты для «скоропостижно умерших». Рабочие скажут, что Зотов — зверь.

Для расследования его злодеяний в Кыштым приедет комиссия графа Строганова. Потрясённый граф сообщит суду, что мастеровые Зотова «сравнимы с неграми». Изверга осудят на пожизненное заключение в крепости Корела — там, где жили и умерли Устинья Кузнецова, «атаманская дочка», и жена самозванца Софья. Зотов ещё застанет в Кореле заключённую Хрис-

тину Пугачёву — дочь Емельяна. Но увы: в памяти заводчиков звон барышей слишком быстро заглушил пугачёвские канонады.

В Кыштыме Белобородов понял, что майор Гагрин будет гнаться за ним до самой Челябины, а потому с тракта свернул на завод Сатку. А Гагрин по Щелкунской дороге ушёл в Челябину.

Упрямый секунд-майор дойдёт до цели: разобьёт отряды Григория Туманова и возьмёт Челябинскую крепость. Завершится ещё один круг пугачёвской метели: генерал Деколонт отдал Челябину мятежникам, чтобы спасти Екатеринбург, которому угрожал Белобородов, а майор Гагрин разгромит Белобородова и отнимет Челябину у бунтовщиков.

Весь апрель 1774 года Иван Белобородов провёл на Саткинском заводе: зализывал раны и готовил новое войско — «сибирский корпус». Он обучил две тысячи бойцов и добыл шесть пушек. С этим «корпусом» Белобородов уже двинулся на Кунгур, но его догнал и поворотил обратно приказ Пугачёва: иди к Магнитной крепости под руку государя.

«ПОД ТОЁ КРЕПОСТЬ ГРУДЬЮ ШЛИ»

Приказ Пугачёва Белобородову доставил казак Шибаев: он приехал в Сатку, отдал бумагу и отправился назад. Но далеко он не ускакал. Через неделю жители Златоуста пожаловались Белобородову, что Шибаев торчит на их заводе, пьёт

и грабит всех подряд. Белобородов велел посадить Шибаева в колодки, чтобы протрезвился. Шибаев протрезвел, озлобился, уехал к Пугачёву и возвёл на Белоборова «извет»: изменник, мол.

Пугачёв выслал навстречу изменнику гонцов. Они явились к Белобородову и отняли у него саблю, хотя оставили до суда командиром «сибирского корпуса». Так что парад у Магнитной крепости с преклонением знамён был защитой Белоборова от «извета». Но Пугачёв до конца не поверил: «сибирский корпус» Белоборова он разделил пополам, и второй половине назначил командиром доносчика Шибаева.

От Магнитной крепости Пугачёв решил перейти на Уйскую крепостную линию и по ней двигаться к большой и богатой Троицкой крепости, главной на линии. Уйская линия тянулась вдоль реки Уй от Яика до Тобола.

Но дорогу стерегла Верхнеяицкая крепость. Комендантом здесь был полковник Егор Ступишин. Он лично видал в Петербурге Петра Фёдоровича и не обманывался на счёт самозванства Пугачёва. В крепости Ступишина были две пушки, фальконет и шесть сотен защитников — включая тех, кто прибежал сюда из других крепостей Уйской линии. Ступишин мобилизовал для защиты всех мирных жителей — «кто в силе поднять хоть камень». Чтобы обмануть Пугачёва мнимой многочисленностью гарнизона, Ступишин приказал натывать по бастионам торчком снопы, обряженные в солдатскую форму, а на поле расставить армейские палатки.

Пугачёв на коне въехал на оттаявшую гору Извоз, с которой можно было обозреть Верхнеяицкий «траншемент», и увидел на стенах крепости солдат с ружьями

Уйский собор (так называли Троицкий храм), в котором оборонялись защитники Троицкой крепости

и на поле — палатки. Пугачёв не разглядел, что солдаты из соломы, их ружья из жердей, а палатки — пустые. Уловка Ступишина сработала. Пугачёв опасливо обошёл Верхнеяицкую крепость стороной.

Дальше на пути мятежников стоял Карагайский «транжемент». Его охраняли всего двадцать «инвалидов» — гарнизон ушёл в Верхнеяицкую крепость. Казаки хотели налететь лихой конницей и порубить «инвалидов», а Белобородов сходил в крепость пешком и уговорил защитников покориться государю. На Пугачёва это произвело нужное впечатление. Он сделал правильные выводы: турнул доносчика Шибаева и возвратил Белобородову полную власть над «сибирским корпусом». Через два месяца неуёмный Шибаев докуржится у Пугачёва до виселицы.

Потом мятежники вышли к реке Уй, на которой стоял Петропавловский «транжемент». Пугачёв отлёжи-

вался в своей кибитке, баюкая раненую руку, а на штурм крепости войско повёл Белобородов. Пугачёв слушал пушечную пальбу и крики дерущихся, а потом над кибиткой поплыл дым. Значит, взяли.

Армия двигалась по Уйской линии. Следующей была Степная крепость — она стояла на правом, «степном» берегу, который принадлежал казахам. Белобородов не беспокоил государя. Трижды «сибирский корпус» всем телом бился в куртины крепости, гремели пушки и ружья, сизая пороховая мгла заволокла бастионы, утыканные башкирскими стрелами. Степной «транжемент» погиб, казнить было некого.

**В XVIII ВЕКЕ ТРОИЦКИЙ СОБОР ТРОИЦКОЙ
КРЕПОСТИ ОТКРЫВАЛ РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ
С ВОСТОКА, А ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ СОБОР
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ ЗАКРЫВАЛ ЕЁ
С ЗАПАДА. ПОКА МЁРТВЫЙ ИМПЕРАТОР
НЕ ЛЯЖЕТ В УСЫПАЛЬНИЦУ СОБОРА
НА ЗАПАДЕ, НА ВОСТОКЕ В ДВЕРИ ДРУГОГО
СОБОРА БУДУТ БИТЬ ЯДРА ИЗ ПУШЕК
САМОЗВАНЦА**

Извилистая речка Уй сверкала на солнце и журчала перекатами. Пугачёву казалось, что удача снова с ним. Опять вокруг бескрайний простор, только не завьюженный, а цветущий. По земле ползут тени облаков. Полощутся знамёна, стреляют пушки, горят «транжементы». Зеленеют свежие травы на «усатых курганах» сарматов и на городищах древних ариев. Май, жаворонки, яркое поднебесье.

«Комендантский мостик» в городе Верхнеуральске —
памятник пугачёвщине

Огромная Троицкая крепость, расставив локти бастионов, лежала на мысу, под которым в Уй впадала речка Увелька. Главный «транжемент» Уйской линии караулил самую большую в державе меновую ярмарку. Меновая — это где меняют товар на товар без денег. Орда Пугачёва заняла Меновой двор на степном берегу Уя. Двор был обнесён валом и рвом. Въезжали сюда сквозь сторожевую башню. Мимо двора по речной глади лебедем плыло отражение Уйского собора, построенного по образцу Петропавловского в Петербурге.

Повстанцы поставили пушки на валу Менового двора и через реку бомбардировали крепость с фланга. На приступ пошли почти 9 тысяч мятежников. Гарнизон бригадира Антона де Фейервара имел 23 пушки и насчитывал 900 солдат. Но беда была в том, что крепость оказалась слишком большой. Силы защитников расточились по длинному периметру обороны. Впрочем, «транжемент» сумел отбить три лобовых удара.

Однако повстанцы и в четвёртый раз подобались к крепости: проползли по-пластунски под ружейным огнём и под картечью, в «мёртвой зоне» поднялись на ноги и побежали в атаку. Участник боя потом даст показания властям: «В одних рубахах, с одними ружьями и копьями, под тоё крепость грудью шли». Четвёртый штурм проломил сопротивление.

Комендант и офицеры забаррикадировались в Уйском соборе. Пугачёвцы развернули захваченные пушки и стали палить по храму прямой наводкой. Ядра разбили обе дубовые двери, окованные железными полосами. Мятежники ворвались в собор. Под сводами храма началась последняя отчаянная драка на саблях. И вскоре над поверженным и дымящимся «транжементом» расстелился колокольный звон победы.

ДЕТАШЕМЕНТ

Расправа над Троицкой крепостью была страшной. Бригадира де Фейервара повесили. Его жену казнили по-ордынски: привязали к хвосту лошади и волоком таскали по улицам, пока женщина не умерла. Взятых в плен солдат выстроили в шеренгу, и казаки словно в джигитовке перекололи их пиками, лихо пролетая мимо на конях.

Пугачёв разбил стан за версту от Троицка. Победители пировали до рассвета. А к ним сквозь майскую гьму по травам Уйской поймы без ночлега бежало войско генерала Деколонга. Генерал вышел из Челя-

бы на помощь Магнитной крепости, но опоздал. Он двигался вдоль Уя по сожжённым «транжементам» и видел лишь «немалое число уже убитых трупов». Ночное небо озарил дальний пожар Троицка. Солдаты скинули ранцы, отказались от привала и бегом бросились в атаку.

**КАРЬЕР ВОЗЛЕ БЫЛОЙ КРЕПОСТИ КОЕЛГА
ВЫГЛЯДИТ КАК-ТО АНТИЧНО: МРАМОРНЫЕ
РУИНЫ, СКИФСКИЙ ПРОСТОР, СТУПЕНИ
АМФИТЕАТРА... ГРАНДИОЗНЫЙ МАСШТАБ
ГОРНЫХ РАЗРАБОТОК РАЗДВИГАЕТ
ПЕРСПЕКТИВУ. И МЯТЕЖНИКИ ПУГАЧЁВА
КАЖУТСЯ ЗДЕСЬ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИМИ
ТИТАНАМИ, ЧТО ИДУТ ВДОЛЬ РЕЧКИ УВЕЛЬКИ,
ПОТЕРПЕВ ПОРАЖЕНИЕ В БИТВЕ С БОГАМИ
ОЛИМПА**

В синем рассветном тумане взревела битва. Тусклые багровые молнии пушечных выстрелов залетали над долиной. Дико заржали лошади. Толпы людей метались во мгле, ошестинившись копьями и штыками. Пленных солдаты не брали, сдающихся — убивали. Это было 21 мая 1774 года.

Когда туман растаял, на кровавом и вытоптанном поле громоздилось пять тысяч телег, лежали четыре тысячи мертвецов, остывали 23 пушки. Под копыта генеральского коня офицеры бросили восемь пугачёвских знамён — словно тряпки после мытья полов. За ноги притащили изрубленного покойника и сказали: это Белобородов.

Мраморный карьер в посёлке Коелга

Однако Пугачёв всё-таки ускользнул. Тысяча башкирских всадников сквозь солдатский строй прорубила ему путь вверх по речке Увельке: башкиры вывели и Емельяна, и живого Белобородова, и всё командование повстанцев, и обоз с «царицками» — гарем. Без орудий и знамён отряд Пугачёва мрачно проскакал берегом Увельки через крепость Кичигину и крепость Коелгу. Пугачёв принял совет Белобородова: укрыться на Саткинском заводе среди высоких гор и дремучих лесов.

Емельян Пугачёв объявил себя царём, но, конечно, не ведал, что здесь, на Увельке, к царским богатствам он ближе, чем в Петербурге. Через семьдесят лет в этих местах обнаружат скопища золотоносных песков, вспыхнет золотая лихорадка. Триста приисков будут давать по 17 тонн золота в год. А тихие воды Увельки бегут по белым валунам дворцового мрамора, и в XX ве-

ке рядом с бывлой крепостью Коелга разверзнутся гигантские ступенчатые пропасти мраморных карьеров, похожие на закопанные в землю Колизеи. Коелгинский мрамор приравняют к паросскому.

Но дорогу к заводу Сатка перегораживала Кундравинская слобода, занятая деташементом подполковника Ивана Михельсона. Деташементом назывался автономный отряд из конницы, пехоты и артиллерии. Михельсон набрал себе русских солдат-добровольцев, пленных польских шляхтичей, которые у себя на родине поднимали мятеж против российского засилья, и башкирских тарханов, которые подавляли этот мятеж.

Деташемент шагал из Уфы в Челябину: преодолел 37 разрушенных мостов, усмирил заводы, разбил батыров Салавата. На полпути между Кундравами и Коелгой на речке Маскайке Михельсон впервые столкнулся с Пугачёвым.

Ни Пугачёв, ни Михельсон не подозревали, что они ещё много раз сойдутся друг с другом в жестоких сражениях. Не подозревали, что деташемент будет гнаться за «разбойной толпой» ещё тысячи вёрст. Что небольшой спецотряд окажется для бунтовщиков опаснее регулярных армий. Никто не мог знать, что в конце концов на нижней Волге под Царицыном — далеко-далеко от Урала! — воинство Пугачёва окончательно разгромит не важные генералы с орденами, а вот этот упрямый подполковник.

Поначалу Михельсон не поверил, что видит мятежников: думал, что перед ним команда генерала Деколлонга. А пугачёвская конница разбрызгала копытами речку Маскайку, смяла фланг растерявшегося деташе-

мента и захватила десять пушек. Мятежников было вдвое больше, но Михельсон собрал detaшeмeнт и бросил его в контрудар. Солдаты отбили свои пушки. Артиллерия разметала пугачёвцев.

Четыре сотни мятежников упали в луговую траву. Остальные вразнобой помчались прочь, нахлестывая коней. Шляхтичи рыскали 15 вёрст вниз по Маскайке и поймали ещё триста раненых и заплутавших повстанцев. Но остальные ушли. Detaшeмeнт не удержал бунтовщиков: Пугачёв прорвался на горные заводы. В досаде Михельсон велел солдатам срезать с камзолов обшлага и пуговицы — пришить обратно, когда победят разбойников.

НАВЕКИ ЗДЕСЬ

Солнечное сплетение горных краёв вокруг заводов Златоуст и Сатка называют Златоустовским Уралом: это узел из гребней Уреньги, Таганая, Ильмен, Жукатау, Ирмея, Аваляка, Нургуша, Ирэндыка и ещё десятка других хребтов. Здесь зелёные гиперболы таёжных склонов в апогее обрываются гранитным оперением скал, по нисходящим глиссадам стекают безводные «каменные реки» — потоки из валунов, а в долинах сияют озёра, синие, как стратосфера. Красота этих гор — в точной пропорции, когда горы не высокие или низкие, а равны сами себе и соразмерны человеку.

Пугачёвцы кружили здесь последние десять дней мая 1774 года, уворачиваясь от detaшeмeнта Михельсо-

на. Они безжалостно сожгли крепость Чебаркуль — отомстили за то, что крепость не сопротивлялась и дала приют деташементу. Одну из ночей бунтовщики провели в деревне Караси, жители которой сбежали от мятежников на остров посреди Миассова озера. Башкиры читали следы, как индейцы, и нашли это укрытие. Они переплыли на остров и, махая саблями, зарубили всех беглецов — больше сотни человек — чтобы никто из них не выдал ночлег Пугачёва. Сейчас на тихом Убиенном острове мирно машут спиннингами приезжие рыбаки.

Пугачёву не дано было узнать, по какой волшебной земле ходит его упрямое воинство. С берега Миассова озера казаки поднялись на покатый перевал лесных Ильменских гор. Копыта коней подковами выбивали искры из замшелых бульжников, будто намекали на грядущий безумный пожар самоцветов, до поры скрытый в тёмных подземных погребах Ильмен.

Мятежники спустились к дивому озеру Тургояк. Сейчас на Тургояке плавают белые яхты — даже не плавают, а парят над зернистыми донными песками, словно облака. А на той поляне, где ныне шумит кемпинг, два с половиной века назад был разбит стан Пугачёва. По легенде, Пугачёв принимал тут «посыль» — бочку золота от Златоустовского завода. Так завод откупался, чтобы мятежники его не сожгли. Местная легенда превратит Пугачёва в Стеньку Разина: сохраняя верность свободе, Разин бросил в Волгу княжну, а Пугачёв, сохраняя верность бунту, бросил золото в озеро Инышко.

Это маленькое озеро отделено от огромного Тургояка перешейком шириной в триста шагов. Но уровень воды в Инышко на 50 метров выше: озеро лежит на

более высокой ступени горной террасы. В XIX веке некий златоустовский купец прокопает перешеек и спустит Инышко в Тургойак, чтобы найти пугачёвскую бочку с сокровищами, но ничего не найдёт. Купца заставят засыпать прокоп и восстановить Инышко.

Пугачёвские клады — они лежат под Кладовой горой на реке Ай. Здесь их будет искать Дуняша Невзорова, «маленькая разбойница» из Сатки, возлюбленная Пугачёва. Будет искать — и, по сплетням, найдёт.

Хотя о главных сокровищах этих мест Пугачёв не узнает. Он явится в Кундравинскую слободу, чтобы спалить её, как Чебаркульскую крепость, за то, что слобода без боя открыла ворота Михельсону. От горящей слободы Пугачёв направится по древней тропе через хребет Уреньгу на озеро Зюраткуль. Мятежники проедут по долине маленькой, неприметной речки Таш-Кутарган. В 1797 году рудознатец Евграф Мечников отыщет здесь золотые россыпи. Долину потом назовут Золотой, и окажется, что пойма Таш-Кутаргана — самая богатая золотом зона планеты Земля.

Высокогорное озеро Зюраткуль — нежное и суровое, как боевая песня эльфов. В 1949 году единственный сток из озера — реку Сатку — перегородят плотиной и поднимут уровень Зюраткуля, затопив кромку берега, по которой шло пугачёвское войско. Но уцелеет Пугачёвская Копань на речке Сатке: щербатая бурая скала над быстротоком. Здесь, по легенде, мятежники взорвут гору, чтобы реку завалило, и её разлив уничтожил в ущелье погоню.

Пугачёв навеки заплутал в дебрях Златоустовского Урала. Казаки в бараньих шапках, вольные и жестокие

Скала Пугачёвская Копань

мятежники, одетые в камзолы убитых офицеров, третий век ходят в горной тайге по забытым тропам и заброшенным просёлкам. Их кони пьют из родников, пещеры пахнут дымом их костров, здесь в ночь на Ивана Купалу светятся под валунами заклые клады Пугачёва. В этих горах перед рассветом пикет мятежников можно увидеть на любой далёкой вершине, и странные, заросшие соснами «рёлки» в дремучих лесах — сторожевые редуты бунтовщиков, вечно готовые к обороне от вечного деташемента.

КАСАТКА С ЗАВОДА САТКА

Саткинский завод пал жертвой собственного страха. Заводчане боялись нападения башкир и поэтому приняли сторону Пугачёва, но, освободившись от башкирской угрозы, завод Сатка стал, по словам генерала Деколонта, «главным скопом башкирцев».

Железодельный завод на реке Сатка в 1756 году основал барон Сергей Строганов. Предприятие получало руду с богатейшего рудника Бакал, который «кормит» Сатку до сих пор. В середине XVIII века Строгановы ещё не были значительными заводчиками. Соль Илецкой Защиты лишила их промыслы былых прибылей: пришлось заняться металлургией. Но горное начальство отказало баронам в приписных крестьянах, и в 1769 году наследники Сергея Строганова продали завод купцу Лугинину.

Ларион Лугинин входил в десятку самых состоятельных купцов России. Родом он был из Тулы. Совместно с тульскими оружейниками Мосоловыми Лугинин владел пятью уральскими железными заводами. Барыш выходил отличный, и при okazji Лугинин купил ещё два завода на Урале: у баронов Строгановых — Сатку, у своих компаньонов Мосоловых — Златоуст.

Оба этих завода пугачёвцы спалют дотла, но Лугинин от пожара только обогатится — как, впрочем, и другие заводчики Урала. После бунта они выкатят правительству счёт за своё разорение, и власть всё оплатит. На «компенсацию» Лугинин восстановит Сатку и Златоуст и построит ещё три новых завода — Кусу, Миасс

и Верхние Арты. Через десять лет после бунта Лугинин воздвигнет в Златоусте дворец не хуже, чем у Демидовых в Кыштыме. Подозрительный старик-миллионщик будет спать на сундуке с деньгами, здесь тёмной ночью его и зарежет грабитель — бывший лакей.

Земли Сатки граничили с землями завода Сим. За эти земли старшина Юлай Азналин, отец Салавата Юлаева, вёл с «кумпанством» Маясникова и Твёрдышевых яростную борьбу. Сатка понимала, что Симом башкиры не ограничатся. И Сатку не убережёт крепость с тремя бревенчатыми башнями.

Час пробил, когда в декабре 1773 года башкиры зарубили двух саткинских крестьян. Унять свирепого Юлая мог только Пугачёв, и Сатка запросила манифест, чтобы на нём, как на Библии, присягнуть самозванцу. «Все заводские крестьяне пришли в конечное осатанение», — испуганно сообщила своему хозяину заводская контора Сатки.

Через покорную Сатку проходили отряды пугачёвских полковников. Весь апрель в Сатке стоял Иван Белобородов, который формировал тут свой «сибирский корпус». Наконец, в конце мая 1774 года, нагулявшись по Златоустовскому Уралу, в Сатку нагрянул и сам его сиятельство Пугачёв.

Бунтовщики перерыли контору в поисках денег и не нашли ни шиша. Но к Пугачёву явилась заводская девчонка Дуняша Невзорова и указала на бабу Шарабаниху, наложницу Лугинина: вот кто знает, где спрятана казна. Вроде бы, Шарабаниху Пугачёв велел повесить. А ночью на попойке мятежников отчаянная Дуняша лихо сплясала для огнеглазых атаманов.

«Маленькой разбойнице» было 15 лет. Она сама пошла в объятия Емельяна. Дерзкая и красивая, Дуняша поступила наперекор всем правилам. Слюбившись с главным вором державы, она должна была погибнуть. Но бунт — это кровавый карнавал, когда всё наоборот.

Дуняша уедет из Сатки в гареме Емельяна. Потом жена Пугачёва Софья на допросах станет горевать, «до какого почтения дошёл ея муж», и припомнит простодушный рассказ Дуняши Невзоровой о «царицках»: «Мы с государем спим на одной постеле по две, а он у нас всегда спит в серёдках».

**БУНТ СРОДНИ СРЕДНЕВЕКОВОМУ КАРНАВАЛУ,
КОГДА ВСЁ НАОБОРОТ. ТЕ СТРАТЕГИИ
ПОВЕДЕНИЯ, КОТОРЫЕ ОБЫЧНО СПАСАЮТ,
В БУНТ ГУБИТЕЛЬНЫ. А СТРАТЕГИИ, КОТОРЫЕ
КАЖУТСЯ САМОУБИЙСТВОМ, В БУНТ ВЫРУЧАЮТ
ИЗ БЕДЫ**

Чуя разгром, перед последней битвой Пугачёв повожёт любимицу Дуняшу и наденет ей пояс с червонцами: возьми золото, касатка, и спасайся. И «маленькая разбойница» через пол-империи вернётся на свой завод. Власти не станут её наказывать. Дуняша выйдет замуж и родит 14 детей. Один из её сыновей с русской армией в 1813 году дойдёт до Парижа.

Дуняша доживёт до восьмидесяти лет. О ней будут шептать, что не сберегла чести, что казнила приказчиков, выдала Шарабаниху, плясала под виселицей, выкопала клады у Кладовой горы. А баба Дуня, окружённая оравой внучат, будет, смеясь, плевать на эти

сплетни и наветы. И ещё она до самой могилы будет истово молить бога за упокой души Емельяна Иваныча Пугачёва: «святого пророка правды и воли».

ЗЛАТОУСТ

Легенда о том, что Пугачёв утопил в озере Инышко бочку золота — «посыль» Златоустовского завода, — объясняет, как Златоуст выживал в бунт: он откупался. Только не золотом, а людьми.

Всю зиму через Златоуст проходили пугачёвские полковники — Иван Кузнецов на Кунгур, Иван Грязнов на Челябину, Иван Белобородов на Магнитную крепость. Каждый полковник забирал с собой по несколько сотен мастеровых. Получилось, что Златоуст в одиночку дал бунту больше людей, чем четыре Авзянских завода.

Откуда здесь взялись такие толпы смутьянов? А их и не было. Мужики, повёрстанные одним полковником, сбегали и возвращались домой — чтобы их поверстал следующий полковник. Златоуст не хотел бунтовать: он не имел проблем. Ему не угрожали набег башкир, как случилось на заводе Сатка. Тут не было свирепых порядков, как в вотчинах Демидовых. На заводских рудниках работа не вытягивала жилы у рудокопов, как на Каргале в рудниках компанейщиков. Потому Златоуст отделялся от пугачёвщины людской «посылью» — но многоразовой, словно из неразменных пятаков.

Дом Лугинина в Златоусте. Конец XVIII века

Завод родился из надежды на фарт. Клан тульских оружейников Мосоловых решил повторить успех Демидовых. Своих заводов под Тулой Мосоловым уже не хватало, и в 1754 году Мосолов Иван Большой прорвался на Урал. Реку Ай под горой Косотур перекрыла плотина, над ней поднялись трубы завода Златоуст. Но фарт не дался. Иван Большой внезапно помер, его клан рассорился в дележе наследства, и купец Лугинин выкупил завод.

Лугинины тоже не удержат Златоуст. В XIX веке завод станет казённым, и тогда придёт время его великой славы. Инженер Павел Аносов раскроет забытый древний секрет булата. Мастер Иван Бушуев создаст школу юлотов гравюры на оружии. Металлург Павел Обухов разработает технологию литья орудийной стали. В Златоусте появятся оружейная и сталепушечная фабрики. И сейчас нерушим закон: пока в русской армии будут клинки, эти клинки будут златоустовскими.

Для Пугачёва проводником по окрестностям завода стал местный приказчик Иван Трофимов. До бунта его

судьба походила на судьбу рейдера Ивана Грязнова. Купеческий сын, только из Мценска, он разорился и ел хлеб наёмного заводского служителя. Вместе с Грязновым он и ушёл из Златоуста под Челябину, а потом к Пугачёву. Дороги мятежа привели его обратно на свой завод. Пугачёв оценил грамотея Трофимова и взял секретарём на место Ванюшки Почиталина. Но Ванюшка был наивным поэтом, а Трофимов оказался гордецом. Он даже имя своё сменил на благородное: стал Алексеем Дубровским. Это он, златоуст Дубровский, напишет самый страшный манифест Пугачёва — манифест о всеобщем истреблении дворянства.

Граф Панин, командующий армией, которая добьёт бунт, скажет о Дубровском: «был всех умнее». Но не только умнее. На излёте бунта в горячих степях понизовой Волги один лишь Дубровский увидит горячие слёзы казака Емельяна, тоскующего о пропавшей жизни. Но из царского шатра Дубровский будет выходить к народу гордо, как вельможа: высокий, белолицый, с холёной бородкой и нежными руками. Тихим голосом он будет оглашать мятежному войску громовую волю государя Петра Фёдорыча.

Гордый Дубровский не предаст Пугачёва и сполна заплатит за бунт. После окончательного разгрома две недели он будет скрываться в калмыцких степях, пока не попадёт в плен. В Царицыне его кинут под кнут, а потом повезут на судилище в Казань, и по дороге он умрёт.

А Златоустовский завод Пугачёв приказал уничтожить. Мятежники сожгли цеха, контору, храм, посёлок и даже барки на берегу реки Ай. Казнили попа, приказ-

чиков и судовых мастеров. Никакие «посыли» не выкупили завод у Пугачёва. Долину Ая затопило дымом, и по его волнам поплыла подождённая гора Косотур, словно горящий корабль.

БИТВЫ НА ЛУНЕ

Подполковник Михельсон ещё не знал, что войско Пугачёва подобно демону: от удара оно рассыпается в прах, но через миг может возникнуть заново в другом месте — словно из пустоты. Михельсон думал, что на речке Маскайке он разбил Пугачёва наголову, и в горах, дрожа, прячется только жалкая шайка, достойная лишь презрения. Шайкой следует пренебречь, ибо надо «зделать поиск на Салаватку».

Михельсон повёл свой деташемент на завод Сим, и логово Салавата Юлаева. А Салават и сам уже спешил навстречу Михельсону. Два отряда встретились у пристани на реке Ай. «Ай» — по-башкирски значит Луна. В районе пристани по наплавному мосту Тубаляс реку-Луну пересекал Кунгурский тракт. Он начинался в Златоусте и далее шёл так: завод Сатка, заводская пристань, мост Тубаляс, деревни Киги и Уразметьево, крепость Красноуфимск, Иргинские заводы, город Кунгур. По этому тракту бунт скатывался с кручи Златоустовского Урала на пологий северо-запад.

Башкиры порубили снасти моста Тубаляс, и Ай раскидал дощатые понтоны по прибрежному тальнику.

Река Ай в том месте, где был мост Тубаляс

Солдаты Михельсона взяли в зубы верёвки и вразмашку поплыли через реку. Но Салават приготовил западню. Доски для пристанской верфи резала пильная мельница в трёх верстах выше по течению Ая. Здесь речку Иструть, приток Ая, запруживала плотина. Башкиры взорвали её, и в Ай, как цунами, хлынул поток из пруда Иструти. В стремнине катились, подпрыгивая на донных камнях, огромные водобойные колёса лесопилки. Ай у Тубаляса мгновенно вздулся, разливаясь, и понёс плывущих солдат на скалы. Солнце замигало от башкирских стрел, что падали с небес, и волны забурлили. Солдаты, хрипя, еле выгребли к отмели.

За верёвки они переволокли свои пушки по дну реки, на плотках перетянули припасы. Чугунные орудия легли на береговые валуны, будто на лафеты. Грохот выстрелов эхо умножило до канонады. Со скал посыпались глыбы, отколотые ударами ядер и разрывами гранат. По каменным обрывам захлестала картечь. Мо-

крые пушки от стрельбы нагрелись и закурились паром. Салават скомандовал отступление. На залитых кровью утёсах Лунной реки осталось полторы сотни убитых башкир.

Деташемент ушёл к деревне Верхние Киги, а Салават, уступив путь Михельсону, встретил Пугачёва возле Пьяной горы у Саткинского завода. Пьяной гора названа в честь той встречи. Вожди не виделись со времён Оренбурга. Пугачёв отпустил Салавата юнцом, а теперь обнял опытного воина. За бой у Тубалыса Пугачёв произвёл Юлаева в бригадиры.

**В XX ВЕКЕ К БЕРЕГУ РЕКИ АЙ В РАЙОНЕ
БЫЛОГО МОСТА ТУБАЛЫС ПОДВЕДУТ ПРОСЕКУ
ДЛЯ АВТОМОБИЛЬНОЙ ДОРОГИ. НА СТАРЫХ
СОСНАХ ЛЕСОРУБЫ ПОЛОМАЮТ ЗУБЬЯ
БЕНЗОПИЛ, ПОТОМУ ЧТО СТВОЛЫ ДЕРЕВЬЕВ
ОКАЖУТСЯ НАШПИГОВАНЫ ЖЕЛЕЗНЫМ
ГОРОХОМ КАРТЕЧИ МИХЕЛЬСОНА**

3 июня Салават и Емельян догнали деташемент у Верхних Киг. Конница Салавата налетела на деташемент и сразу отскочила. Конница Михельсона бросилась в погоню. Это была «скифская ловушка» — излюбленная тактика башкир. Деташемент остался без прикрытия, и по нему со всей силы ударил Пугачёв. «Неожиданно», — честно записал Михельсон в походном журнале.

Михельсон сумел собрать солдат вокруг обоза, и деташемент попятился в речку Киги, прижимаясь тылом к крутому склону горы. Пугачёвцы яростно наседали

с трёх сторон. Но бывалые солдаты метко отстреливались из-за телег, кидались в штыковые контратаки. Обоз продержался до возвращения конницы. Погрозив detaшменту, Пугачёв и Салават не спеша удалились по цветущим холмам вдоль речушки Киги опять к Аю: к другой переправе через Луну. Там за бродом стояла деревенька Уразметьево.

Но Михельсон не желал, чтобы ему, офицеру, навязывали свою волю казак и пастух. 5 июня detaшмент врезался в войско мятежников, которое переходило Ай через брод. Арьергард Пугачёва весь полёт, обороняясь, но основное войско всё же переправилось на другой берег и потом скинуло обратно в воду конницу преследователей. Убитые солдаты и убитые мятежники вперемышку уплыли вниз по течению за излучину.

А дальше Пугачёв направился к Кунгуру — брать горные заводы. Салават устремился в Сим: он готовился штурмовать крепость Бирск. Михельсон сделал ретираду в Уфу: истрёпанный в боях detaшмент нуждался в отдыхе. После трёх ожесточённых сражений на Лунной реке противники разошлись вничью. Они думали — насовсем.

ПОВОРОТ

Красноуфимская крепость была построена для защиты от башкир, но долгое пребывание в тылу разложило её воинский дух. Крепость открывала ворота всем: и мятежным крестьянам,

и царским войскам, и тем же башкирам. 10 июня 1774 года в крепость вошли пугачёвцы. Емельян, грязный и усталый, ехал верхом, держал раненую руку на перевязи, и жители запомнили его «страховитые глаза».

Красноуфимск находился почти посередине между Екатеринбургом и Кунгуром, но ближе к Кунгуру. Екатеринбург охранял генерал Деколонг, поэтому Пугачёв решил идти на Кунгур. А из Кунгура навстречу самозванцу уже шагал отряд майора Александра Папавы. Зимой Папав разбил Салавата, осадившего город, а теперь судьба потребовала от майора повторить подвиг. Пугачёв и Папав сшиблись на речке Зюрье под двойной Титечной горой.

У майора Папавы было 810 солдат и 4 пушки. Войско Пугачёв вдесятеро превосходило отряд майора. Но храбрый Папав не дрогнул: он выстроил отряд в каре, словно соорудил живой «траншемент». Мятежники атаковали солдат со всех сторон, пешие и конные, но каре опоясывала полоса непроходимого ружейного и артиллерийского огня.

Титечная гора вразнобой вздрагивала вершинами. Папав понял, что ему отмерено столько жизни, сколько пороха есть в пороховницах. Он начал отступление, не рассыпая спасительного строя. Шесть часов каре шагом пятилось к Кунгуру по зеленеющим лугам, отстреливаясь на ходу. Трижды оно останавливалось, чтобы ошпарить врага из пушек картечью. Это была битва черепахи и сокола, и Пугачёв устал.

Сражение проползало мимо Иргинских заводов, и Пугачёв приказал своему воинству бросить Папаву и занимать заводы. Папав осмотрел опустевший дол, где

Титечная гора, под которой Папава сражался с Пугачёвым

пороховой дым смешался с вечерним туманом, и распорядился расчехлить знамя для победного марша в Кунгур. Майор дважды спас свой город: один раз — отвагой, другой раз — стойкостью.

Двумя заводами на реке Иргине, Верхним и Нижним, владел Пётр Осокин, главный заводчик Кунгурского края. От деятельных дедов он унаследовал десять заводов. Осокины, солепромышленники из Балахны, за образец взяли Строгановых, а не Демидовых, как прочие заводчики. Подобно Строгановым, Осокины построили на Урале варницы, но гораздо южнее, чем Строгановы, — у Табынского острога. Однако «башкирцы» спалили эти промыслы, и Осокины перебрались на средний Урал, поближе к кумирам.

Строгановы переключились с солеварения на металлургию, и Осокины тоже принялись возводить заводы, а вскоре и превзошли Строгановых. Потом, после пугачёвщины, Пётр Осокин увлечётся благотворитель-

ностью и вложит половину своего капитала в богадельни и в поэтов. Одним из его подопечных будет Державин. А сыновья Петра Осокина на утехе разстреляют последние богатства рода и окончательно уйдут с Урала.

А в пугачёвщину Пётр Осокин сразу понял, что плетью обуха не перешибёшь. Он собрал по заводам 550 самых ценных рабочих и угнал их в Казань. Эти рабочие были теми, кто мог организовать оборону заводов. Без них заводы один за другим впадали в бунт как в ересь или без сопротивления сдавались мятежникам. Осокин спас рабочих — и погубил свои заводы. Уходя с Иргины, пугачёвцы взорвали плотины и спустили пруды.

С Иргинских заводов Пугачёв мог уйти на север или на восток — на другие горные заводы. Мог уйти на юг — к башкирам. Но он решил повернуть на запад: на крепость Осу, что стояла на Каме, и дальше вниз по Каме на Волгу. Пугачёв разочаровался в горных заводах. Ясно, что им не нужны ни казачья воля, ни крестьянские пашни.

К Осе Пугачёва повёл Иван Белобородов, отставной канонир. Здешние места были ему родными: до солдатчины он был приписным крестьянином Иргинских заводов. По пути Белобородов забрал из своего села Богородского жену с двумя дочерьми. Семья-то и стубит его. После казанского разгрома Белобородов уведёт жену и дочек в лес, а потом решит перепоручить их попечению властей. Он выйдет из убежища и назовется отставным солдатом Шеклеиновым. Но его опознает и выдаст приказчик, которого Белобородов ещё в Шайтанке на свою беду спас от расправы.

Белобородова будет допрашивать сам Михельсон. Затем пленника отправят в Москву. 5 сентября 1774 года Ивана Белобородова обезглавят на Болотной площади — там же, где через четыре месяца казнят и Пугачёва.

АСЕССОР И АГРЕССОР

15 июня Пугачёв пересёк реку Ирень и сжёг небольшой Уинский завод Саввы Яковлева. Туча дыма зацепилась за Кержачью гору. От Иргины к Осе Пугачёв шёл напрямик, и основное скопище заводов осталось севернее. Но горные заводы уже не интересовали Пугачёва, Уинский просто подвернулся под горячую руку.

Лирические лесостепи между Красноуфимском, Кунгуром и Осой были старинной областью Башкирии, которая называлась Осинской даругой. В XVIII веке русские и башкиры жили тут вперемешку. На бунт против заводов башкир поднимали муллы, а крестьяне со злорадством пособляли соседям-инородцам. Поля здесь кормили пахарей лучше, чем работа для заводов.

Чем плодороднее была земля, тем охотнее крестьяне бунтовали — и тем проще были их цели: месть и выгода. В XX веке Ленин заявит, что оценка крестьянского бунта как реакционного — «идиотская». Но как иначе, если заводы, хоть и косо, всё же вели Россию к прогрессу и капитализму, а крестьяне желали разрушить заводы «до пошвы»? «Прогрессивность» крестьян лишь в том, что система приписки несовместима с ка

питализмом. Однако, разбирая причины мятежа, вопрос «кто виноват?» власть задала «виноватым» — заводчикам, которым приписка была выгодна. Поэтому на заводах пугачёвщина ничего не изменила: приписка тянула жилы ещё тридцать лет.

Центром сопротивления бунту на Осинской даруге стали казённые Юговские заводы. Там, где в речку Юг впадает речушка Северный Юг, два медеплавильных производства основал ещё Василий Татищев. Ко времени пугачёвщины два Юговских завода слились в единый комплекс. В ноябре 1773 года горное начальство прислало сюда из Екатеринбурга надёжного чиновника: коллежского асессора Михаила Башмакова. Ему дали знамя и порох. Он должен был наладить оборону края.

Башмаков принялся воевать спокойно и деловито, будто взялся за работу. С окрестных заводов он мобилировал на Юг всех рабочих и свёз все пушки. Рабочим выдал ружья, какие нашлись, и поломанные велел починить — чай, мастеровые. Заводы занялись изготовлением пик и отливкой ядер. Посыльные асессора Башмакова объехали деревни и переписали крестьян в тетрадки: кто не забунтовал, того наградили хлебом и деньгами.

Из рабочих Башмаков сформировал деташименты, назначил командиров из заводских мастеров — разных гиттен-фервальтеров и берг-гешворенов. И деташименты отправились в боевые походы. Они разили бунт гочечными ударами — так бьёт молотом умелый кузнец. Деташименты выколотили мятежников, как шлак из железа, из Ашапского, Аннинского и Суксунского заводов, разгромили войско муллы Адигута под Юго-Камским заводом.

Салават, осаждавший Кунгур, нажаловался Пугачёву на асессора Башмакова: «чинит против воли его величества многие невежества». Пугачёв повелел атаману Гавриле Ситникову штурмовать Юговские заводы, заковать Башмакова в кандалы, ручные и ножные, и прислать на суд. Ситников взбунтовал свой Юго-Осокинский завод. Собрав «толпу», он пошёл за указаниями под Кунгур к Салавату, но там попал в мясорубку разгрома и в бою сложил буйну голову. А на Юго-Осокинский завод вступил деташемент с Юговских заводов. Им командовал унтер-шихтмейстер Леонтий Яковлев. Он и привёл заводских крестьян в покорность.

НА ПЛОДОРОДНЫХ ЧЕРНОЗЁМАХ КУНГУРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ КРЕСТЬЯНЕ ВСЁ-ТАКИ ОДОЛЕЮТ РАБОЧИХ. ИЗ ТРЁХ ДЕСЯТКОВ СТАРЫХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ В ЭТИХ МЕСТАХ К КОНЦУ XX ВЕКА УЦЕЛЕЮТ ТОЛЬКО ДВА ПРЕДПРИЯТИЯ — САРАНИНСКИЙ И СУКСУНСКИЙ ЗАВОДЫ

Яковлев оказался лучшим командиром у Башмакова. В апреле 1774 года он вышвырнул мятежников из крепости Оса, что стояла на впадении в Каму реки Тулвы. Деташемент Яковлева совершил рейд по Тулве, сжёг бунтующие башкирские аулы и разгромил отряды мятежных мулл. Башкиры проклинали свирепого и храброго шихтмейстера.

Пугачёв не желал драться с Башмаковым и не свернул на Юговские заводы, а Башмаков был прагматичным и не стал рисковать, атакуя врага. Казачья и завод-

ская силы на Осинской даруге разошлись по касательной. У них были разные цели: казаки искали победы, заводы хотели работы.

Но с Пугачёвым встретился шихтмейстер Леонтий Яковлев. Летом 1774 года он в одиночку попытался остановить армию мятежников на подступах к Осе. 14 июня рабочий деташемент занял маленький Шермяитский заводик Саввы Яковлева и открыл стрельбу по огромному войску бунтовщиков — словно шпиц затяв-кал на медведя. Но медведь опешил и грузно осел задом в речку Тулву. Спалив весь порох, Яковлев отвёл свой деташемент в крепость Осу. Пугачёв подступился к ней только 19 июня. Крепость поколебалась и открыла ворота бунтовщикам. Однако унтер-шихтмейстер не сдался и с двумя товарищами принял свой последний бой у последней пушки.

ЗАВОДЫ КАМЫ

За Осой по россыпи Частых островов орда Пугачёва перебралась на правый берег Камы, в неразберихе утопив семь пушек. На правом берегу на пристани мятежники захватили горнозаводский караван с хлебом: три больших барки и несколько мелких судов. Пугачёв уже твёрдо решил идти на Казань, и корабли емугодились бы. Он организовал флотилию: вооружил барки пушками и разместил на посудинах три сотни мужиков, взятых с Шермяитского завода. Флотилия получила приказ следовать до при-

стани Котловка, а там Емельян придумает, чего делать дальше.

До Котловки эта флотилия не дойдёт. Она угодит в засаду у деревни Бедьки. Здесь по судам с берега откроет артиллерийскую пальбу полковник Обернибесов. Мятежники ответят с барок и расстреляют весь свой боезапас, но не прорвутся сквозь огневой заслон. Тогда они прорубят брюхи своим баркам, и флот Пугачёва ляжет на камское дно.

А Пугачёв никак не мог покинуть зону горных заводов. Его армия вступила на Рождественский завод, построенный самим неистовым Акинфием Демидовым на речке Ножовке. Завод мятежники подожгли.

Камские заводы, в том числе и Рождественский, в 1773 году уже пережили первую атаку бунта. В декабре здесь заволновались приписные крестьяне, и на каждом заводе появились свои отчаянные атаманы. Они послали гонцов под Уфу к Ваньке Чике, «его высокографскому сиятельству», за манифестами. «Сиятельство» отправило на Каму команду из 800 башкир во главе с сотником Юскеем Кудашевым. Юскей прошёл по Каме, собирая отряды местных «оружных робят», и принял присягу от шести заводов: покорность выказали три Рождественских завода Демидова, казённые заводы Ижевск и Воткинск и Камбарский завод Саввы Яковлева.

Родовитый мурза, молодой Юскей перевёл манифесты Пугачёва на язык тюрки и воевал отважно. После разгрома Чики он сдастся, покается и этим избежит кары. Через сорок лет Юскей Кудашев, уже старик, уведёт четырёх сыновей на войну с Бонапартом и потом вернётся в Башкирию героем.

Пруд, плотина и площадка Рождественского завода

Во времена Пугачёва главным заводом на Каме считался Ижевский, хотя пока что он ничем особым не отличался от других крупных заводов. Ижевск изъяснил «покорение», и Юскей, подобно казаку Антипову на Торе и Авзяне, попробовал наладить здесь производство оружия. Однако мастера Ижевска тоже устроили саботаж. Плавильщик неправильно смешивал руды, и чугун получался колкий и с пузырями, а заводской управитель не выдал провиант, и рабочие разошлись по деревням за хлебом. Юскей не разбирался ни в литейном деле, ни в организации заводской жизни, а потому не мог понять, почему у него ничего не выходит, хотя все очень стараются.

С Ижевского завода, спасаясь от Юскея, в декабре в Казань сбежал важный чиновник — Фёдор Венцель, командир казённого Гороблагодатского горного округа, крупнейшего округа на Урале. В Ижевске Венцель очутился случайно — приехал по делам. Казанский губернатор фон Брант приказал Венцелю возвращаться

в Ижевск, из тамошних рабочих формировать деташементы и самостоятельно усмирять камские заводы — то есть делать то, что на Юговских заводах делал асесор Башмаков.

Венцель подождал, пока царские войска начнут наступление на Чику и на Пугачёва, и в начале марта отбыл из Казани в Ижевск с небольшой воинской командой гиттен-фервальтера Ивана Алымова. Голодающие заводы Камы ждали беглых командиров как избавителей от крестьянской дурости. Слыша ропот рабочих, Юскей Кудашев покидал заводы без борьбы.

Испытав, что такое бунт, рабочие уже охотно вступали в деташементы Фёдора Венцеля, Ивана Алымова и его брата Николая, секунд-майора и управителя Воткинского завода. К концу марта 1774 года деташементы очистили камские заводы от смутьянов. В апреле башкиры левого берега Камы попробовали перейти в контрнаступление на заводы, но Иван Алымов разбил башкир в сражении на мягком и мокром льду возле деревни Сайгатка.

В мае полковник Фёдор Венцель думал, что с бунтом покончено. Однако в июне Пугачёв погнал вниз по Каме вторую и куда более высокую волну бунта. Когда над камской излучиной встал дым горящего Рождественского завода, Николай Алымов собрал гарнизон Воткинска и увёл в Ижевск. Брошенный Воткинский охраняла жалкая команда «инвалидов» полковника Грязного. 24 июня «инвалиды» безропотно сдались Пугачёву. Полковник спрятался в заводском пруду в камышах, но его нашли и подняли в петле над площадью — сушиться и остывать. Хищный взор Пу-

гачёва отыскал за лесами притихший Ижевский завод. Мятежники дошли до пристани Гольяны и повернули от Камы в чащу тёмных лесов — на Ижевск.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОЖАР

Воткинский завод своё название получил от вотяков, хозяев этой земли.

Вотяки — это удмурты, финно-угорский народ. Они миролюбиво покорялись Волжской Булгарии и Вятской вечевой республике, Орде и Казани, Руси и России. Вотяки занимались лесными промыслами, поэтому заводы не мешали им так, как мешали крестьянам. Но где появлялись заводы, там появлялись русские, а куда приходили русские, туда приходили и попы. Попы крестили язычников-вотяков, и «новокрещены»-инородцы становились крепостными крестьянами. Заводы были опорой христианизации, поэтому доменные печи угрожали вотякам не меньше православных храмов, только угроза была не в потере промысла, а в потере свободы.

На горнозаводском Урале главный удар бунта был направлен на заводы, а в крестьянско-инородческом Поволжье — на храмы. Ижевск и Воткинск стояли на рубеже двух миров и получили вдвойне: мятежники сожгли заводы и разорили храмы, казнили и горных инженеров, и священников.

На подступах к Ижевскому заводу Пугачёв остановился в большом селе Завьялово. Крестьяне встретили

анпиратора благовестом и живым двухпудовым осетром, что грузно плескался в корыте. В местных байках XX века Пугачёв лихо вкатит в село на тачанке с пулемётом и тотчас, разумеется, обрюхатит селянку. Вместе с вотяками-«новокрещенами» мятежники устроили в завьяловском храме погром. «Не гните морды!» — весело кричал Пугачёв попам, которых в петлях поднимали на ворота церковной ограды. Емельян чуял несправедливость, как магнит чует железо. Своей державе Пугачёв хотел быть костоправом, но — увы — стал костоломом.

ПУГАЧЁВЩИНА УНИЧТОЖИЛА НА УРАЛЕ ОКОЛО ПЯТИДЕСЯТИ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ — ПОЛОВИНУ ИЗ ИМЕЮЩИХСЯ. ПОСЛЕ БУНТА ВЛАСТИ ВЫПЛАТИЛИ ЗАВОДЧИКАМ ЩЕДРУЮ КОМПЕНСАЦИЮ ЗА УБЫТКИ. НА ЭТИ ДЕНЬГИ ЗАВОДЧИКИ ОТСТРОИЛИ И РЕКОНСТРУИРОВАЛИ СВОИ ПРЕДПРИЯТИЯ. БЕЗ ПУГАЧЁВА ОНИ БЫ НЕ РАСКОШЕЛИЛИСЬ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ

Ижевский завод работал в комплексе с Воткинским. Оба завода основал граф Шувалов, который основал и заводы на Авзяне. Земли по реке Иж граф занял само захватом у генерала Тевкелева — попавшего в опалу идеолога Оренбургской экспедиции. Граф мечтал совершить революцию в артиллерии и придумал орудия с овальным сечением жерла — «секретные картечницы». Для отливки таких орудий ему были нужны заводы. Граф их получил — и разорил, и после смерти графа казна забрала все предприятия себе.

Полковник Венцель попытался отбить Пугачёва от Ижевска. Венцель послал на мятежников воткинскую команду Николая Алымова с тремя пушками. Воткинцы и пугачёвцы сшиблись под селом Завьялово на Казачьем лугу. Битва гремела восемь часов. Николай Алымов звал на подмогу брата, но Иван Алымов заробел и не вывел свою команду из Ижевска. Воткинцы, не выдержав натиска, побежали. Ижевский завод капитулировал. 27 июня бунтовщики заняли затихший от ужаса Ижевск. «Хотя заводские обыватели вооружённо отпор имели, ничего не защитило. Неприятель, грудью наступая, совсем завод осилил», — грустно сообщила заводская контора.

Предчувствуя поругание от «новокрещенов», ижевские попы вынесли из храма и закопали в лесу большой серебряный напрестольный крест. Мятежники перебили попов. Но крест не потерялся. Через полвека в лесу перед дровосеками вдруг с неба упадёт столб света. Сквозь корни деревьев подо мхом и суглинком засияет спрятанное распятие. Сокровище выкопают и с почётом вернут в храм, а на месте находки воздвигнут часовню. В Ижевске её будут любовно называть «Крестик».

Захватив завод, мятежники выволокли из погребов и амбаров укрывшихся офицеров, инженеров и чиновников. 42 человека взлетели в петлях к перекладинам виселиц. Были казнены и братья Алымовы. А полковника Венцеля решили не вешать, а четвертовать, и на это дело вызвались крестьяне-добровольцы. Венцеля зарубили на берегу пруда у родника, и родник с тех пор называют Полковнички.

Часовня «Крестик» в Ижевске

Над Ижевским заводом всплыла чёрная туча дыма от горящих цехов. Пугачёв уходил. Уходил из Ижевска — и вообще из горнозаводского мира. Он покориł заводы, но ничего на них не изменил. Его идея казачьей России не была ошибочной, однако для Урала она оказалась слишком простой.

Приписку крестьян к заводам власть прекратит лишь в 1804 году. Деревня вздохнёт свободно, а горные

Полузаброшенный Главный корпус Ижевского завода-дворца

заводы взвоют, оставшись без дармовой рабочей силы. Получится, что ради прав своих граждан Россия откажется от мирового промышленного лидерства. Заводы поневоле отчаянно погребут к прогрессу — к новым технологиям, к паровым машинам.

Сожжённый в бунт Ижевский завод подлатают, но он не оправится и потихоньку придёт в упадок. Терять ему будет уже нечего, и в 1807 году инженер Андрей Дерябин начнёт грандиозную реконструкцию: Ижевский железоделательный завод решено будет переделывать в оружейный. Вместо ветхих цехов, подпёртых сердцами, вырастет грандиозный промышленный комплекс — классицистический завод-дворец с башней над прудом. Ижевский завод преодолеет все беды освоения и превратится в титана: на два века он станет главным арсеналом державы.

НЕОПЛОШНЫЕ

Пугачёв уходил с заводов, но пугачёвщина для них ещё не закончилось. В горах Башкирии в осаде стоял Катав-Ивановский завод компанейщиков.

У компанейщиков половина империи была из меди, половина — из железа. Кроме Белорецкого, они построили ещё четыре железоделательных завода: два на реке Катав, один на реке Юрюзань, один на реке Сим. Катав — приток Юрюзани, и три завода оказались рядом, а злополучный Сим — на отшибе. Земли под эти заводы компанейщики за гроши купили у башкир. Башкиры потом спохватились, но было уже поздно. С потерей родовых угодий не смирился только староста Юлай Азналин, отец Салавата Юлаева. И в бунт Юлай и Салават отомстили компанейщикам за двурушничество.

Едва башкиры понесли по аулам манифесты самозванца, контора Катав-Ивановского завода поняла, что быть беде. Приказчики Никита Абаимов и Иван Кондратьев взялись за организацию обороны. Они перевели к себе на завод рабочих с других заводов, собрали оружие и починили стены крепости. Приписные крестьяне Катава и Юрюзани шумели о победах воскресшего государя и о вольностях, которые он дарует, но отряд рабочих прошёлся по деревням, похватал самых рьяных, заковал в цепи и отослал в Уфу.

Зиму заводы простояли настороже, однако битвы громыхали где-то вдали. В начале мая 1774 года Михельсон отбил войско Юлая и Салавата от завода Сим. Но

Михельсон ушёл, а башкиры остались. 23 мая отряды Юлая обрушились на Сим и завалили его изрубленными трупами. Бойня была такая, что приказчики Катав-Ивановского завода открестились от мысли сдаться и написали хозяевам письмо: «мы против злодеев единодушно удерживаемся до последней крови капли стоять неоплошно».

12 июня башкирский полковник Аминь Абраев повёл свою конницу на штурм Катав-Ивановска. Заводская крепость находилась под скалой. Башкиры сыпали сверху стрелами и пулями, но заводчане, втянув головы в плечи, отчаянно бабахали из пушек. Завод у плотины отстреливался, как линкор, пришвартованный к пирсу. Аминь отступил.

Ему на смену пришёл сам грозный Юлай. Старый воин, он давил мятежи в Польше и знал, как надо воевать. С ним было 1500 всадников. Катавские приказчики уже из блокады сумели переслать хозяевам ещё одно письмо. Оно кричало: «Катавский завод в атаке состоит!» Но хозяева ничем не могли помочь своим предприятиям. Князь Фёдор Щербатов, командующий всеми войсками, давно ответил на все просьбы компанейщиков о защите: нечего докучать, сами берите сабли и ступайте служить в войско, а он, князь, не пойдёт воевать, чтобы сберечь чужое добро.

19 июня Юлай направил своих воинов на приступ. Они пронесли войско сквозь заградительный огонь зажда. Башкиры с сёдел совали ружья в нижние амбразуры бревенчатых стен, палили по защитникам внутри крепости. Заводчане голыми руками хватали ружья врагов за стволы, пиками скидывали башкир, запрыгнув-

ших на боевые ходы. Завод отбился каким-то отчаянным чудом, и даже опытный Юлай понял, что ему не прорваться сквозь ожесточённую оборону. Юлай увёл своё войско.

За непокорство Катав-Ивановска заплатили два других завода. Жители Усть-Катавского завода успели сбежать в леса, и башкиры в Усть-Катаве убили только 12 человек, но сожгли 114 домов, цеха, амбары, пристань и 35 готовых барок. А Юрюзанский завод Юлай застал врасплох, и его батыры безжалостно вырезали на этом заводе 138 человек.

**В ГОРОДЕ КАТАВ-ИВАНОВСК НЫНЕШНИЙ ЗАВОД
СТОИТ НА ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ — У ПРУДА
ПОД ПЛОТИНОЙ РЯДОМ С ВОДОСБРОСОМ.
НАД ЦЕХАМИ ВОЗВЫШАЕТСЯ СКАЛА. С НЕЁ
БАШКИРЫ КАК НА ЛАДОНИ ВИДЕЛИ ВСЁ,
ЧТО ПРОИСХОДИТ НА ОСАЖДЁННОМ ЗАВОДЕ.
ВИДЕЛИ, ЧТО ЗДЕСЬ НИКТО И НИКОГДА
НЕ СДАЕТСЯ НА МИЛОСТЬ МЯТЕЖНИКАМ**

Башкиры обложили Катав-Ивановский завод пикетами, но штурмов больше не предпринимали. Салават посылал парламентёров с предложением о сдаче, а заводчане хватали их и запирали под замок, не отвечая ничего. Блокада Катав-Ивановского завода продолжалась четыре месяца. Воинские команды не могли прорваться к заводу сквозь бунтующие башкирские леса. Солдаты пришли в «неоплошный» Катав-Ивановск только в октябре, когда Пугачёв был уже схвачен, а власти добивали бунт по всей Башкирии.

Пруд, плотина и водосброс Катав-Ивановского завода

На Катаве ненависть крестьян к заводам куда-то испарилась. Приписные крестьяне окрестных деревень тайком помогали осаждённым рабочим. Однажды они даже привезли на завод пять пудов пороха: его в страхе бросили казаки, посланные в Катав из Уфы. Крестьяне Катава поняли: лучше заводская кабала, чем башкирская сабля. Потому что башкирская сабля взлетела над Уралом на страшную высоту праведного двухвекового нева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«...ПОДОБНЫ СТЕПНЫМ ЗВЕРЯМ...»

БАШКИРЫ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА

ЛЮДИ-ВОЛКИ

Правильный выбор дороги — для Великой Степи вопрос жизни и смерти. Выбором ведал бог Юл Яхе. Он являлся людям в двух обликах: всадник на пегом коне и всадник на вороном коне. Верный путь указывал только один из всадников, а какой конкретно — древние тюрки решали сами. Тюркский царь Коркут сумел угадать.

Легендарный Коркут привёл древних тюрков с Алтая на южный Урал. Тюрки смешались с местными уграми, и к X веку превратились в народ башкортов, в «людей-волков». Башкорты, башкиры, чтители Коркута как живого, даже когда он умер, и потому боги не пустили его в мир мёртвых. Голос Коркута, живущего между мирами, доныне звучит в пении кубыза — башкирского варгана.

От соседей-булгар, которые станут татарами, башкир будет отличать образ жизни: полукочевое скотоводство. Иван Лепёхин, академик XVIII века, назовет

башкир «межеумками между дикими и градолюбивыми народами». Земли башкир простирались от Чусовой на севере до Яика на юге, от реки Тобол на востоке до реки Черемшан на западе. Башкирия чётко разделялась на лесостепную и горную.

Образ хозяйства определил образ государственности: союз родов. Их было около трёх десятков. Раз в год родовая знать собиралась на общий съезд — большой йыйын, где решали вопросы всего народа. Йыйын всегда проходил на обширной луговине между плоской лесной горой Кургаул и рекой Агидель, Белой.

Когда на Волге окрепла Волжская Булгария, башкиры, близкие родственники булгар, попали в зону их интересов. Булгары приняли ислам, но не навязывали его башкирам, и «люди-волки» продолжали почитать каменных баб и древнего бога Тенгри. Практичных булгар интересовали богатства башкир: их маленькие и быстрые кони, драгоценные куницы и мёд злой и живучей лесной пчелы бурзянки.

Булгария погибла под пятой монголов, а выжившие булгары стали татарами. Улус Джучи поглотил все государства и земли тюрков, и Башкирию тоже. Хан Узбек, потомок Джучи, привёл Золотую Орду в ислам. Мудрый Узбек отменил баскаков — монгольских сборщиков дани, и рассадил по Орде местных ханов, которые сами нанимали налоги и отсылали их в новую столицу Сарай-Джедид. «Люди-волки» получили двух ханов: братьев Басмана и Барача.

Ставка Басмана находилась на горе у впадения реки Сакмары в Яик. Русские казаки назовут эту гору Маяк. В пугачёвщину, кроша колёсами могильные плиты Ба-

смана и его родни, пушки мятежников с Маяка будут бомбардировать осаждённый Оренбург.

Ставка Барача находилась на горе у впадения реки Уфы в Агидель. Русские стрельцы в XVI веке построят здесь крепость Уфу. А сын Барача, Тура, кочевал по холмам вдоль речки Слак. Тура-хан призвал из Орды имама Хусаина, сына Гумера из туркестанского рода Тарсов. Хусаин-бек начал проповедь ислама и обратился к башкир лицом к Мекке. На камнях древних святилищ поверх руин легла арабская вязь. На горе Кургаул над полем йыйына вознеслись минареты мечети Гази.

Через 400 лет Оренбургская экспедиция безжалостно сожжёт мечеть Гази. На священном поле йыйына будут стоять полки Ивана Кирилова, командира Экспедиции. А ещё через сорок лет здесь раскинется лагерь пугачёвского генерала Ваньки Зарубина — Чики.

**В ПРЕДАНИЯХ МНОГИЕ СТЕПНЫЕ МАВЗОЛЕИ
СВЯЗАНЫ С ИМЕНЕМ ТАМЕРЛАНА.**

**ДЛЯ РОССИЙСКИХ ТЮРКОВ ТАМЕРЛАН СТАЛ
ОСНОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ОДНАКО НА КАМЕ
И ВОЛГЕ, ТО ЕСТЬ У ТАТАР-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ,
ОН БЕСПОЩАДНЫЙ РАЗРУШИТЕЛЬ, А НА ЯИКЕ
И БЕЛОЙ, ТО ЕСТЬ У БАШКИР-СКОТОВОДОВ,
ОН УЖЕ СУРОВЫЙ СОЗИДАТЕЛЬ**

Праведный Хусаин предстал перед Аллахом ещё при Узбеке — в 1339 году. Над могилой Хусаин-бека, своего гостя и учителя, Тура-хан воздвиг каменный мавзолей, по-башкирски — кэшэнэ. Вскоре и сам Тура упокоился в подобном же мавзолее над речкой Слак

Кэшэнэ Тура-хана

Мусульманские кэшэнэ разных ханов, каменные юрты, похожие на кибитки сарматов, сквозь века покатались по степям Башкирии.

Летом 1391 года на речке Кондурча в Поволжье взревела грандиозная битва, страшнее Куликовской: на кабаньих водопоях сражались триста тысяч воинов. Это эмир Тимур, непобедимый Тамерлан, пришёл из Самарканда, чтобы сокрушить хана Тохтамыша и всю Золотую Орду. Поле той забытой битвы — неподалёку от нынешней Самары. А в тот год качнулась вся Евразия: погибало Средневековье. В Башкирии же завершилось время ханов.

Предание рассказывает, что армия Тимура с Волги возвращалась через Башкирию. Возле кэшэнэ Хусаин-бека Тимур похоронил шестерых сыновей, израненных в сече на Кондурче. Так появился священный Акзи-

Кэшэнэ Хусаин-бека на кладбище Акзират

рат — «Белое ханское кладбище». Тамерлан посетовал, что мавзолей проповедника обветшал, и, когда добрался до Самарканда, прислал на Акзират 12 воловьих повозок с камнями для кэшэнэ. Мавзолей из самаркандских валунов простоит ещё четыре с лишним века, а потом снова рухнет. Восстанавливать его на Акзират приедет зодчий из Петербурга — из столицы государства, которое опять поглотит Башкирию, заменив ханов на царей и императоров.

ЧЕТЫРЕ ДАРУГИ

Орда развалилась на татарские ханства, а ханства разорвали Башкирию на четыре части. Эти части назывались даругами. Казань завладела Казанской даругой: западом и центром Баш

кортостана. Сибирское ханство прикарманило Заура-
лье — Сибирскую даругу. Ногайской Орде досталась
Ногайская даруга — юг. Ничейной осталась только са-
мая маленькая, северная даруга — Осинская.

При Грозном Русь начала наступление на татар.
В 1552 году Иван Грозный взял Казань. В 1555 году ему
покорился сибирский хан Едигер. В 1556 году пала
Астрахань. В 1557 году русское подданство приняла
Ногайская Орда. Башкиры поняли: Русь даёт им шанс
собрать свои четыре даруги воедино, надо лишь при-
сягнуть «белому царю» отдельно от казанцев, сибирцев
и ногайцев.

На Агидели зашумел йыйын. Башкиры определили
условия присоединения к Руси. Ислам — нерушим.
Земля принадлежит башкирским родам, а не русским
боярам. Местная власть — местному самоуправлению.
Никакого крепостного права. В 1557 году Грозный
прочитал грамоту башкир, подумал — и подписал её.
Башкиры так и не поняли, добрый Аллах водил рукой
царя или же злой Иблис.

Россия не раз нарушит этот уговор. Разгневанные
башкиры начнут бунтовать, а русские в ответ откроют
охоту на грамоту Грозного: нет грамоты — нет обеща-
ния. Сто лет солдаты будут разорять аулы, а шпионы
будут шарить по тайным пещерам в башкирских горах,
разыскивая заветный ларец со свитком. В конце кон-
цов грамоту украдёт шайтан: она потеряется, и никто
её больше не найдёт.

В знак преданности башкиры послали Грозному
подарок — золотой самородок, похожий на медведя.
Но караван с подарком атаквали грабители. Гонцы

отбивались. Пока бой кружил по луку, один из караванщиков торопливо зарыл самородок. Разбойники перебили всех — и потеряли золотого медведя. Он пролежит в земле 435 лет. В 1992 году его вывернет из борозды плуг тракториста. Огромный самородок назовут Ирендекским Медведем и как святыню перенесут в Национальный банк республики Башкортостан. Но останется сомнение: может, вовсе и не разбойники напали на караван, а те, кто не желал, чтобы Башкирия принимала русское подданство? Ведь уже через 15 лет всю Башкирию охватило первое восстание против русского господства.

Иван Грозный ослабил державу Ливонской войной, и в 1571 году крымский хан Девлет-Гирей прорвался к сердцу Руси и выжег Москву до Кремля. Увидев такие дела, бухарский хан Абдаллах II решил прибрать к рукам русский пушной торг. Абдаллах уже взял Бадахшан, Герат и Хиву и думал, что с Русью справится.

Сибирский хан Кучум, ставленник Бухары, подбил на бунт против русских всё Поволжье: марийцев-черемисов, татар и башкир. Вогулы-манси, данники Кучума, напали на русские городки Урала. Кучум «отложил» своё ханство от Руси и послал татар Сибири в набег на вотчины Строгановых, Абдаллах же отправил на Иртыш к Кучуму миссию имама Шербети, которая должна была повторить подвиг шейхов проповедника Багауддина. Бухарские миссионеры отыскиали 39 могил шейхов.

Волга и Кама стали азиатским фронтом Руси. Для настоящей войны у Ивана Грозного не было войска, но

хитрости у него всегда хватало. В 1573 году Грозный отправил послов к казахам, врагам бухарцев, чтобы уговорить тех напасть на Абдаллаха. А «отложившуюся» Сибирь Грозный «подарил» богатеям Строгановым, провоцируя их на драку с Кучумом. Строгановы прикинут риски — и позовут Ермака.

По Волге и Каме поплыли полки русских воевод на орлёных стругах. В 1574 году русские стрельцы построили на Волге крепость Тетюши против татар и крепость Кокшайск против черемисов. На башкирской Агидели боярин Челядин заложил крепость Бирск, а воевода Нагой — крепость Уфу. Вот так получилось, что мечта объединить четыре даруги привела башкир к вторжению русских.

Крепость Уфу воевода Нагой возвёл там, где прежде был огромный кочевой город Барач-хана. Русские ратники накатали из брёвен кремль с тремя башнями. Из Смоленска приехали зодчие и воздвигли в кремле собор. Кресты собора стояли на полумесяцах: это означало, что на Агидели христианство попало ислам.

Уфимский кремль сгорит в 1756 году. Подвал колокольни старинного собора станет тюрьмой для пленного Салавата Юлаева. Собор взорвут в 1956 году. А Уфа будет главным городом Башкирии до 1743 года — до поселения Оренбурга.

МЕРГЕН И САДИИР

Русские быстро распознали Башкирию, страну щедрую, красивую и ласковую. Ползучая крестьянская колонизация показалась башкирам нарушением их уговора с Русью, и начались бунты. Поначалу башкиры присоединялись к мятежам татар в Поволжье. Так было в 1616 году. Но в 1645 году башкиры восстали уже сами.

А русская власть решила, что ей проще усмирить башкир, чем прекратить самовольные переселения русских. В 1652 году с татарской стороны Башкирию огородили Закамской линией крепостей — от Самары на Волге до Мензелинска на Каме. Чтобы держать башкир под контролем, у них забирали аманатов — знатных заложников. Аманатов держали в крепостях и могли казнить, если их родичи затеют бунт. С опасными инородцами русские так поступали везде: от Кавказа до Камчатки.

Предосторожности были не напрасны. В 1661 году всю Башкирию поднял на мятеж батыр по прозвищу Сары Мерген — Жёлтый Мертвец. Почему Мертвец? Потому что поводом для бунта стал грабёж древних курганов бугровщиками — профессиональными копателями гробниц. Они так оборзели, что отбивались даже от воеводских команд: «стреляли и саблями метались». И верхотурский воевода Колтовский печально сообщил о гневе башкир на бугровщиков: «ездили в степь, раскапывали кладбища и имали серебро, и от таких воров преж сего учинилась ссора».

Сары Мергеном прикрылись потомки хана Кучума, чингизиды. Они жаждали реванша. Хан Девлет-Гирей,

внук Кучума, задумал возродить Сибирское ханство. С Девлет-Гиреем бился тобольский воевода. Но хан имел немало союзников. Воголы-манси Ермака Мамрукова и остяки-ханты Ивана Лечманова напали на северный город Берёзов. Самоеды-ненцы вытоптали заполярный город Пустозёрск в дельте Печоры. А в Башкирии отряды царевичей Кучука и Абугая, правнуков Кучума, сожгли Ирбитскую слободу, Катайский острог и Далматовский монастырь.

СИБИРСКИЙ ЦАРЕВИЧ ДЕВЛЕТ-ГИРЕЙ — ЗАБЫТЫЙ ЗЛОЙ ГЕНИЙ РОССИИ. В XVII ВЕКЕ ОН УСТРОИЛ ГРАНДИОЗНУЮ «СЕТЕВУЮ ВОЙНУ», КООРДИНИРУЯ ДЕСЯТКИ ВОССТАНИЙ ИНОРОДЦЕВ ОТ ТОБОЛА ДО ТЕРЕКА. ДЕВЛЕТ-ГИРЕЙ — ФИГУРА, ИСТОРИЧЕСКИ НАИБОЛЕЕ БЛИЗКАЯ ПУГАЧЁВУ, ХОТЯ ПУГАЧЁВ НЕ ЗНАЛ О СУЩЕСТВОВАНИИ ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ

Раскидав татар под Тобольском, сибирские драгуны поскакали в Башкирию и в камышах озера Иртяш порубили войско Сары Мергена. С запада в Башкирию вторглись полки казанского воеводы князя Волконского. Сабли звенели три года, пока в Москве башкирские тарханы наконец-то не замирились с царём Алексеем Михайловичем. Царь обещал блюсти условия грамоты Ивана Грозного.

В 1663 году, после войны Сары Мергена, русские выстроили в Башкирии ещё две крепости: на Сибирской даруге — Шадринск, на Осинской даруге — Кунгур. Городок Кунгур начался с деревни на реке Ирень.

Деревня притулилась под боком Ленского острожка. Но Сары Мерген уничтожил на Ирени всё, что там было. Утёкшие от погрома «души», обливаясь слезами, написали государю челобитную и упросили дать им «место, где крепь». Царь даровал холмистый мыс на впадении Ирени в реку Сылву. Здесь поселенцы возвели восьмибашенный бревенчатый кремль, а вокруг — четыре малых острожка. Получился мощный узел обороны. Через 111 лет башкирские мятежники Салавата Юлаева займут все острожки и будут штурмовать обветшалый Кунгурский кремль. А в XXI веке от сооружений кремля сохранится только одна деревянная башенка. Её будут называть Пугачёвской. Но первый свой бой она приняла за 90 лет до пугачёвщины.

В 1681 году Москва задумала учредить в Уфе епархию и окрестить башкир. Зелёное знамя борьбы за веру поднял Сеит Садиир. Сеитами называют потомков Мухаммеда от его дочери Фатимы. За поддержкой Садиир обратился не к татарам Сибири, как Сары Мерген, а к тайшам Аюке и Замсе, вождям волжских калмыков.

Калмыки пришли из Великой Степи, из Монголии, в начале XVII века. Сперва они обосновались в южной Сибири, на Верхнем Иртыше, потом великий тайша Хо-Урлюк перевёл тысячи кибиток через Уральский хребет, прошёл Общим Сыртом и достиг Волги в районе Царицына и Саратова. А российские власти не возражали, если кочевое Торгоутское ханство калмыков примет русское подданство. Калмыки приняли подданство, но не обращали внимания на это пустое обещание верности: они всегда были только за себя. Калмыки поддержали бунт Сеита Садиира.

«Пугачёвская башня» в музее «Хохловка»

Война Садиира вздыбила русскую Азию. Повстанцы напали на Кунгур, Уфу, Мензелинск и Самару. Битвы гремели на Волге, Каме, Яике, Исети, Агидели и Тоболе. Русские войска, снаряжённые против мятежников, возглавляли казанские воеводы, уфимские дворяне и тобольские полковники. Правительница Софья отправила в Казань икону Богородицы и от лица малолетних царевичей Петра и Ивана заверила, что у России и в мыслях не было покушаться на веру башкир.

Почуяв, что пахнет палёным, астраханский воевода пообещал тайшам: если калмыки ударят по башкирам, то потом смогут забрать их земли под свои кочевья. В России буддистам-калмыкам все были чужими — и мусульмане-мятежники, и православные власти. И калмыки вероломно напали на башкир, своих недавних союзников. Война Сеита Садиира для России пре-

вратилась в резню между азиатами, которая сама укатилась куда-то в степи и там сгинула.

ДВА МАВЗОЛЕЯ

Предки казахов кочевали по степи от нижнего Поволжья до границ Китая, от жёлтого Яика до синего Иссык-куля. Они много раз создавали каганаты и ханства или же входили в состав чужих государств. Но эти кочевые державы существовали одинаково: сегодня — прочные, как булат, завтра — зыбкие, как мираж.

В 714 году воины арабского полководца Кутейбы ибн Муслима намотали на головы тюрбаны и поскакали на язычников-казахов. Казахские степи покорились арабскому халифату и стали окраиной Дар Уль-Ислама — арабской Ойкумены. Для людей Дар Уль-Ислама вера пророка — неизбежность. Суровым кочевьям лучше всего подходил аскетичный суфизм. Суфий Арыстанбаб в казахском городе Ясы обучил «тысяче зикр» юного проповедника Ахмеда. Ахмед Ясави, то есть «житель Яса», понёс суфизм в казахские степи. Казахи приняли ислам.

На излёте жизни проповедник Ясави вернулся в родные Ясы и заточил себя в подземной келье, чтобы когда годами он станет старше пророка — не видеть солнца дольше, чем его видел Мухаммед. Темница Ясави стала его гробницей. Через три с лишним века Тамерлан воздвигнет над ней огромный мавзолей. Город Ясы сейчас называется Туркестан.

Мавзолей Ясави в городе Туркестан

У казахов почитание подвига Ясави превратится в культ. Сначала надо будет посетить могилу родителей Ясави в городе Сайрам, потом мазар Арыстанбаба в городе Отрар, а потом мавзолей Ясави в Туркестане. Троекратное паломничество казахи приравняют к хаджу, который должен совершить каждый мусульманин.

При Чингисхане степи казахов вошли в улус Джучи. Джучи по линии матери был казах, потому монгольский культ Ясы не воевал с казахской верой Ясави. Да и сам Джучи навеки остался в Казахстане, убитый на охоте в карагандинских степях. А три сына Джучи поделили Казахстан на три племенных объединения, на три Жуза: Старший, Средний и Младший. Но после гибели Золотой Орды Жузы воссоединились в общее Казахское ханство. Столицей стал всё тот же город Ясы.

Младший Жуз по Яику граничил с Башкирией. Казахи называли Яик Жаиком, а башкиры — Шойк-Иде-

лем. Длина Яика 2428 км: после Волги и Дуная это третья река Европы, хотя по водности мелкий степной Яик лишь в третьем десятке.

Казахи и башкиры были мусульманами, но принадлежали разным мирам — арабскому и ордынскому. Как Тамерлан и Тохтамыш. Поэтому народы-единоверцы считали друг друга чужаками. Через Яик башкиры и казахи ходили друг на друга в баранту — военные походы за добычей: отарами и табунами. Отважные набеги на казахов и отражение отважных казахских набегов стали эпосом Башкирии.

В 1966 году на древнем кладбище в башкирском селе Максютово археологи раскопают валунный мавзолей — кэшэнэ знаменитой царицы Бендебике. Семь веков назад её славили на обоих берегах Яика: она помирила башкир и казахов. Красавица-царица воспитала приёмного сына — мальчика Эренсэ. Он вырос сэсэн — поэтом. Бендебике вышла за него замуж. Но Эренсэ, став царём, решил стяжать славу батыра. Вопреки мольбам жены, он повёл своё войско в набег на казахов. И Бендебике велела засыпать её в доме землёй, чтобы получился холм.

Казахи разбили войско Эренсэ и взяли юношу в плен. Когда они узнали, что Эренсэ — муж Бендебике, его отпустили с миром. Эренсэ вернулся и увидел курган на месте своего дома. От горя и позора он уехал в горы и на коне спрыгнул со скалы Камчатаяу. Над погребением Эренсэ на речке Ургинке башкиры насыпали каменный холм, а на кургане Бендебике построили кэшэнэ.

История Эренсэ — выбор между правдой героя и правдой царя. Быть батыром, жертвуя семьёй, или бе-

Новый мавзолей Бендебике в селе Максютово

речь семью, жертвуя родиной? Башкиры выбирали горький путь Эренсэ. Так будет в конфликте с русскими, так было в конфликте с казахами.

В середине XVII века в Джунгарской пустыне на границе Казахстана и Китая появилось буддистское Джунгарское ханство. Джунгары — те же монголы, родные братья калмыков. Свирепые джунгарские ханы-хунтайджи повели орды джунгар из мёртвых просторов пустыни на плодородные степи казахов. Казахи отбивали джунгар умело и храбро, но в 1718 году их ханство под ударами из пустыни всё же развалилось обратно на три Жуза.

Местные ханы казахов начали борьбу за право быть ханами своих Жузов, а ханы Жузов боролись друг с другом за титул Верховного хана. Набеги на башкир стали для казахов уже не удалью-барантой, а способом выжить, когда все воюют со всеми, и над Великой Степью со страшным кличем кружит костлявый лебедь Аккош — демон голода.

ЮЖНАЯ ВОЙНА

К началу XVIII века по населению Уфа занимала 136-е место среди городов России, но 14-е место среди 111 русских городов-крепостей. Округу стерегло уфимское стрелецкое войско. Новое «регулярное» государство Петра не стерпело башкирской «автономии», дарованной Грозным. В 1704 году к муллам в мечетях приставили попов, а ясак заменили денежным налогом. Башкиры восстали.

Башкиры считали, что крепят незыблемость державы, когда защищают свои давние вольности. А Пётр считал, что давние вольности расшатывают державу. Бунт возглавил старшина Дюмей Ишкеев. В Уфу по приказу Петра прибыл мудрый фельдмаршал Шереметев. Он осмотрелся, отменил попов, вернул ясак, выпустил из застенков аманатов и уговорил Дюмея поехать с посольством к царю.

В Астрахани, прознав об успехе башкир, восстали татары, и Шереметев покатил утихомиривать Астрахань, а уфимский воевода быстро свернул милости фельдмаршала. Башкиры снова забунтовали. В ответ казанский воевода схватил Дюмея, который направлялся на переговоры в столицу, и повесил на площади.

И тогда началась война. Поджигая друг друга надеждой, восстали Башкирия, понизовая Волга, Кавказ и казачий Дон. Запылало всё южное подбрюшье России. Пётр на Северной войне лихо воевал с европейцами, как и положено приличному царю, а непрестижная Южная война разламывала опору Петрова государства.

Башкирами командовал могучий батыр Алдар Исянгильдин. Он отлично знал расклад сил на юге. С русскими войсками он бывал в Крыму, а в Азовском походе на глазах Петра в поединке пробил пикой силача-турка. «За ту ево послугу» Пётр дал Алдару денег, чтобы этот храбрый воин увёз в Башкирию тело своего брата, убитого в бою.

Алдар задумал отделить Башкирию от России и провозгласил ханом некоего Хазия. Алдар отправил на Кавказ посланца, уфимца Мурада, тот объявил себя потомком Кучума и султаном, взбунтовал горцев и осадил главную русскую базу — Терский городок. Алдар связался с Кондратием Булавиным, поднявшим Дон, и Булавин снарядил на соединение с башкирами своего сподвижника Игната Некрасова. Через полвека неукротимый Игнат станет образцом для Пугачёва.

**СО ВРЕМЁН ИВАНА ГРОЗНОГО РУСЬ И РОССИЯ
СЧИТАЮТ ИСТОРИЕЙ ТОЛЬКО ТО,
ЧТО ПРОИСХОДИТ К ЗАПАДУ ОТ МОСКВЫ.
НО ЕВРОПА ПОЧЕМУ-ТО НЕ СПОСОБНА
АССИМИЛИРОВАТЬ РОССИЮ, А ВОТ АЗИЯ —
СПОСОБНА. ОДНАКО АЗИАТСКОЕ КРЫЛО
РУССКОЙ СУДЬБЫ ДО СИХ ПОР ОСТАЁТСЯ В ТЕНИ
ПРЕНЕБРЕЖЕНИЯ**

Из Казани и Уфы выступили войска, но Алдар разбил их и загнал в Табынский острог, а сам у Елабуги перевёл свою армию через Каму и двинулся на Казань. Скрежеща зубами от досады, Пётр сдёрнул войска с европейского фронта и перекинул на азиатский. Князь

Хованский был брошен в Казань решить проблему башкир. Князь остановил Алдара в 40 верстах от Казани и потеснил обратно к Каме. Астраханский воевода вывел своих толстых стрельцов на Кавказ и ударил в тыл горцам, освободил Терский городок, сцапал Мурада и казнил. А казаки Игната Некрасова напоролись на упрямый Саратов и не смогли пробиться к башкирам.

Когда войска Хованского перешли Каму и вступили в Башкирию, башкиры согласились замириться. Подобно Шереметеву, Хованский объявил о соблюдении прав башкир, а башкиры заплатили за бунт табунами. Они считали себя равными партнёрами в отношениях с Россией: ущерб возмещён — инцидент исчерпан.

Однако Алдар не поверил русским и ушёл за Урал. Алдар был прав: уфимский воевода наплевал на обещания Хованского так же, как на обещания Шереметева. И весной 1709 года Алдар поднял мятеж на Сибирской даруге. Башкиры вновь громили монастыри, слободы и заводы по Чусовой, Исети и Тоболу. Алдар отыскал очередного самозванца-чингизида и снова объявил о башкирском ханстве. Два года с башкирами сражались тобольские драгуны. Война затихла от взаимного истощения. В 1711 году в Тобольске Алдар замирился с русскими.

Алдар для башкир стал символом национального достоинства. После бунта он не прятался, а жил открыто — богатым баем. В 1740 году русские вызовут его в крепость Мензелинск, чтобы аксакал Алдар убедил свой народ прекратить борьбу с Оренбургской экспедицией. Алдар откажется, и его повесят в назидание всем.

Горная Башкирия

А после Южной войны мира в Башкирии не настало. Башкиры бунтовали то здесь, то там, хотя мелкие бунты и набеги не разрастались в большой мятеж. Зимой 1726 года по даругам Башкирии проехал кунгурский бургомистр Юхнёв — разведчик горного начальника Виллима де Геннина. Свои выводы о башкирах де Геннин изложил государыне сам, как смог, по-русски: «Я мну, ежели кака намера впред будет, чтоб они не бунтовал, надлежит их вывест в Руси. От того в Руси люди множитца и бусроман примут христианске вере. И по тому Пашкир будет от них пуст и така хорошее добро земла будет впред русским селит». Де Геннин по-русски писал плохо, но мыслил правильно: Башкирию у башкир надо отнять.

ТАБЫНСКАЯ БОГОМАТЕРЬ

Башкирские мятежи породили чудо иконы Табынской Богоматери. Икона из Табынска — родная сестра иконы из Казани, общерусской святыни. Оба лика были копиями какого-то древнего образца, возможно, иконы Богоматери Хазарской, что стояла в православной церкви Сарая, столицы Золотой Орды. Но казанская икона — малая, домашняя, а табынская — большая, для иконостаса в храме.

Во времена Ивана Грозного главным миссионером Руси был Звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь. Он рассылал крестителей по дальним дебрям разных инородцев. Один из монастырских странников основал свою пустыньку на солёном роднике у речки Усолки, притоке Агидели. Башкиры считали, что на этих тёплых берегах в древности жило могучее племя — «Табынь семнадцатиродная».

НА КУРОРТЕ КРАСНОУСОЛЬСК СОЗДАНА ЗОНА ПОЧИТАНИЯ ТАБЫНСКОЙ ИКОНЫ — ГРОТ, ГДЕ ЯВИЛСЯ ЧУДОТВОРНЫЙ ОБРАЗ, СОЛЁНЫЕ РОДНИКИ И ХРАМ. УДИВИТЕЛЬНО, КАК ДРУЖЕЛЮБНО ТУТ СОШЛИСЬ СВЯТЫНЯ ПРАВОСЛАВИЯ, ЗЕМЛЯ ИСЛАМА И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Забывший ныне странник принёс с собой большую икону Богородицы, которая получит имя Табынской. Вскоре возле скита на речке Усолке выросли варницы Соловарного городка. Но в бунт Сары Мергена башки

Солёные источники и храм Богоматери Табынской

ры сожгли и городок, и пустынь. Однако инок перед гибелью успел спрятать икону в пещере у родника.

Русские нуждались в соли и отстроили Соловарный городок заново, а для защиты возвели Табынский острожек. При нём появился небольшой Вознесенский монастырь. Однажды его дьякон ехал с пашни и вдруг услышал голос Богоматери: голос просил приютить икону. Дьякон обшарил окрестности и увидел святыню в пещерке. Так табынскую икону отметил дар исчезать и возвращаться.

Она исчезла в бунт Сеита Садира, когда мятежники опять сожгли и острог, и городок, и обитель. А русские опять отстроили острог, но про икону уже забыли. В пещерке у солёного ключа на святыню наткнулись башкиры, что шныряли вокруг острожка. Один из них схватил икону за угол — и угол обуглился. Другой рубанул икону саблей — но разруб тотчас сросся, только из шрама выступила кровь. Башкиры принялись колоть образ пиками — и ослепли. Один из поругателей раскаялся — и прозрел. Он собрал своих товарищей и велел

просить прощения у иконы. Башкиры встали на колени и повинились — и к ним вернулось зрение.

Исцелённые не отступились от ислама — они отступились от Табынска. И впредь мусульмане тоже будут почитать Табынскую Богоматерь за миролюбие к иноверцам. Добрая Богородица будет помогать всем. А тот башкир, что раскаялся первым, сам вернул икону русским в острог, принял крещение и прожил 130 лет.

Заброшенные соляные промыслы у Табынского острога приглянулись купцам Осокиным из Балахны. На Урале все промышленники подражали заводчикам Демидовым, и только Осокины — солеварам Строгановым. Осокины возродили варницы Усолки. Но развернуться не смогли: в 1736 году мятежники батыра Акая выжгли промыслы. Осокины плюнули на солеварение и уехали на север строить заводы, как все другие промышленники. А икона тогда исчезла в третий раз.

Вскоре у частоколов Табынского острога в битве сошлись войска Ивана Кирилова, командира Оренбургской экспедиции, и батыра Акая. Удары из пушек разогнали башкир по дремучим лесам Агидели, а солдаты, возвращаясь из погони, нашли Табынскую икону — всё там же, в пещерке у солёного родника.

Вместо старого острога Кирилов заложил в Табынске «транжемент» с пятью бастионами, и рядом с цейхгаузами выросла новая Вознесенская церковь, куда поместили икону. В 1848 году эту церковь заменят на каменную, что стоит и ныне. А Божья Матерь Табынская не хотела войн. И в пугачёвщину крепость Табынск не станет сражаться. Часть казаков забунтует и уйдёт, часть останется, а крепость будет открывать во-

рота всем: и бунтовщикам, и правительственным войскам. Она откроет огонь только летом 1774 года, когда на штурм пойдут башкиры.

Табынская икона проживёт ещё две жизни: одну — в дороге по границам Оренбургской губернии, другую — в изгнании в Китае. А потом икона погибнет в костре богоборцев, бесноватых хунвейбинов. Но солёный родник близ Табынска по-прежнему будет исцелять страждущих. И даже под властью Советов люди станут пробираться сюда, держа в руках мятые жёлтые фотоснимки утраченной святыни. В борьбе с предрассудками в гридчатые годы на роднике построят санаторий. Но вера — не путёвка на лечение, и ванны санатория заполнят змеи. Гады исчезнут лишь в Отечественную войну, когда в санаторий привезут раненых солдат. Богоматерь Табынская, как медсестра, будет спасать защитников родины.

В 1972 году гору со святым источником взорвут. От пещеры останется только грот. Но солёные родники вдруг разом хлынут из земли по всему берегу Усолки. И в конце XX века здесь появятся сразу и курорт, и храмовый комплекс.

ЧЕРЕМШАНСКАЯ ЛИНИЯ

Русская держава не оставляла свои границы без защиты. Лучшим способом обороны оказались «засечные черты» — просеки в лесах, загромождённые дикими, безобразными, непролазны-

ми валами из срубленных деревьев. Для дорог в этих валах оставляли проёмы, где несли дежурство плечистые богатырские заставы. В XVII веке «засечный» способ модернизировали: перед засеками копали рвы, а в проёмах сооружали бревенчатые крепости — остроги. В острогах сидели гарнизоны. Таких «засечных черт» на Руси построили великое множество.

Когда Русское государство утихомирило покорённых татар, русские крестьяне потихоньку заселили волжское левобережье. После башкирской войны 1645 года новые земли решено было оградить от башкирской угрозы Закамской засечной линией. В то время дремучие леса в тех краях ещё не были сведены.

Закамская черта началась крепостью Самара на Волге и через 450 км закончилась крепостью Мензелинск на Каме. Мензелинск — значит: «место при мензеле». Мензелями назывались укреплённые лагеря для ночёвок булгарских, ордынских и татарских караванов. На черте построили 7 сторожевых острогов.

80 лет России казалось, что Закамской линии за Волгой достаточно. Надо лишь подновлять лесные завалы и стены крепостей. Всё изменилось в 1731 году. В далёкие и страшные степи Казахстана поехало посольство мурзы Алексея Тевкелева. Вёл его башкирский лидер Алдар-батыр. Посольство отправилось уговаривать казахов Младшего Жуза принять российское подданство. Зачем? Затем, что торговать со Средней Азией России было выгоднее через земли башкир и казахов, чем через Астрахань по Каспию, который бороздили фелюги персов.

Посольские телеги, стуча колёсами по камням, перекатились за Урал и на два года растаяли в мареве яиц

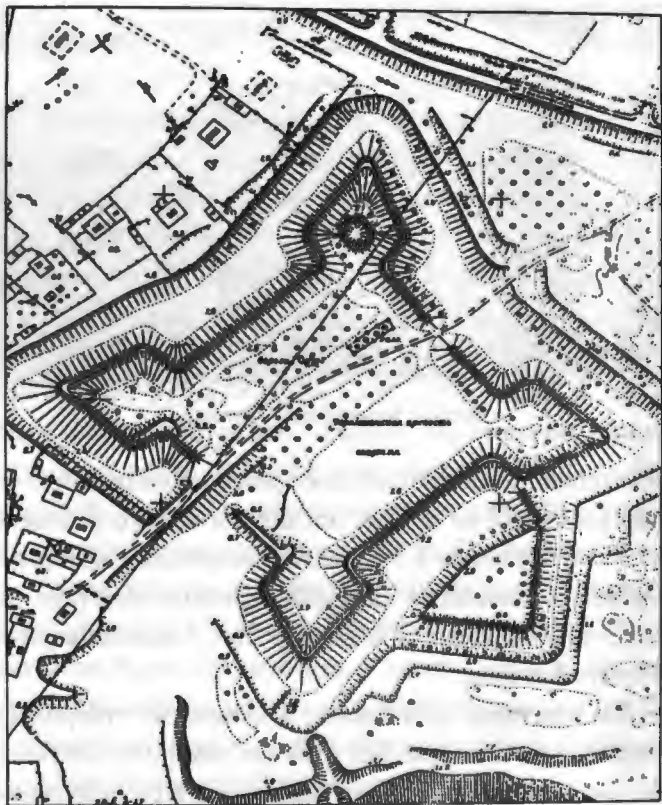

Бастион Черемшанской крепости

ких степей. В Петербурге даже забеспокоились: что-то слишком долго их нет, не послать ли войско на выручку? Но в 1733 году в Уфу важно вступили надменные верблюды казахского каравана: прибыло ответное посольство с прошением о подданстве. Тевкелев вернулся триумфатором.

Императрица радовалась, а казанский губернатор граф Мусин-Пушкин был охвачен заботами. Он понимал, что из-за казахов у него начнутся проблемы. Младший Жуз войдёт в состав России, и беспокойная Башкирия, с которой граничила Казанская губерния, окажется внутренней территорией. Русское давление на башкир неизбежно возрастёт — и башкиры непременно восстанут. Надо заранее готовиться к башкирскому бунту, «чтобы оные неприятели через Волгу не перелезли».

Не дожидаясь возвращения Тевкелева, в 1732 году граф-губернатор затеял строить новую защитную линию крепостей — Черемшанскую. Главное — «не захватывать башкирского владения». Линию распланировали по-современному: не из лесных засек и бревенчатых острогов, а из валов и «транжементов». К 1736 году воз-

План крепости в музее посёлка Черемшан

вели 4 крепости-фельдшанца, 10 редутов и вал длиной 222 км.

Башкиры ходили на татар в баранту — в набеги за скотом. Для коней и овец вал не представлял преграды, а вот коровы очень плохо спускаются со скатов, и вал задерживал грабителей надолго. Пока коровы, мыча, корячились на склонах, из крепостей успевали примчаться воинские команды и отбивали скот обратно.

Черемшанская линия начиналась огромным «транжементом» на холме у реки Большой Черемшан. Ныне

эта крепость — один из последних «транжементов» России. Земляные бастионы заросли травой, а там, где стояли цейхгаузы и арсеналы, шумит тонкоствольный лесок. Но геометрическая мощь крутых куртин не утратила грозной самоуверенности империи, что озирала просторы зелёных башкирских лесостепей с прибрежного яра реки Черемшан.

От Черемшана линия шла на Шешминскую крепость и потом на Заинскую, где сливалась со старой Закамской линией. В пугачёвщину комендант Заинского «транжемента» 70-летний старик Мертвецов забудет, что его дело — охранять порядок, а не вверенное имущество, и сразу сдаст крепость толпе мятежников: «к вечному своему стыду», — напишет генерал Бибиков. Комендант-маразматик вручит бунтовщикам 60 ружей, лишь бы не разоряли его «транжемент». Бибиков с пальбой, но без боя возьмёт Заинск в середине января 1774 года, когда выступит с войском из Казани на Бугульму. С той же поспешностью, с какой кидались в бунт, окрестные крестьяне бросятся изъявлять покорность генералу.

А Черемшанская линия России так и не пригодится. Она политически устареет быстрее, чем будет достроена.

ИСЕТСКАЯ ЛИНИЯ

Башкиры считали Чусовую своей рекой и называли Шуша. Для их исконных земель Чусовая была северной границей, признанной самим Иваном Грозным, и башкиры упрямо уничто-

жали русские селения по Шуше. Когда на Урале задымили горные заводы, набеги с юга превратились в проблему государственной важности.

Башкирский вопрос предстояло решить первому горнозаводскому командиру Урала Василию Татищеву. Татищев встретился с башкирами, и старшина Чюбар Балагушев сказал прямо: Шуша — река наша, и здесь мы будем вас разорять и жечь. Татищев надел треуголку и молча уехал. Ему, державнику, договариваться с башкирами было всё равно, что договариваться с волками.

**НА ДАЛЬНИХ ОКРАИНАХ ДЕРЖАВЫ ВОЕННАЯ
УГРОЗА ВСЕГДА МОБИЛИЗОВАЛА РУССКИХ
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ, ВЫНУЖДАЯ БЫТЬ
ДРУЖЕЛЮБНЫМИ, НО ОСТАВАТЬСЯ РУССКИМИ.
ОДНАКО О БЫЛОЙ ВОИНСКОЙ ИСТОРИИ
РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕЙЧАС ПОМНЯТ ЛИШЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ: ШЕШМИНСКАЯ
КРЕПОСТЬ, ГОРНЫЙ ЩИТ, КРЕПОСТНОЙ ЗИЛАИР**

В 1720 году Татищев основал на Чусовой пять «новопоселённых деревень», жители которых должны были охранять «перелазы» через реку: Косой Брод, Красную Гору, Макарову, Курганову и Раскуиху. На следующий год непреклонные башкиры налетели и выжгли все эти деревни. Тогда Татищев выстроил на Чусовой небольшие «транжементы»: крепости Косой Брод, Горный Щит и Полевую.

К концу XVIII столетия крепости превратятся в обычные деревни, а в конце XIX века близ Косого Брода рудознатцы отыщут золотоносные россыпи. Забушает

«золотая лихорадка». Старатель Василий Хмелинин откопает самородок весом в 18 фунтов, и жизнь трудового человека полетит кувырком. Прогуляв богатство и судьбу, Хмелинин осядет лесным сторожем на Думной горе у Полевского завода. А волшебные сказки старика будут слушать заводской мальчик Павлик Бажов.

Потом Бажов поведаёт миру предания старателей. Будто бы у Косого Брода под землёй в песках с золотинками ходит гигантская Земляная Кошка. Иногда она высовывает наружу голову с огненными ушами. Такое вот чудо просияет поздней осенью 1773 года. Чтобы узнать о бунте, мастеровые Северского и Полевского заводов пошлют на Сысертский завод девчонку Дуняшу, а за ней в лесу увяжутся волки. Зверьё растерзало бы Дуняшу, но Земляная Кошка выставит огненные уши, отгоняя хищников, и проведёт отважную девчушку до людского жилья.

А горная власть на Чусовой не ограничилась Косым Бродом и двумя другими крепостями. В 1724 году солдаты штыками собрали на Чусовой всех местных башкир и переселили их на озеро Иткуль. Это была первая депортация империи. С ней связано предание о красных кафтанах. Якобы Демидов обещал башкирам красные кафтаны, если башкиры мирно уйдут с тех земель, которые он присмотрел себе под Шайтанские заводы. Башкиры ушли, а Демидов не выполнил обещания. Вместо кафтанов его приказчики привезли свинину и бросили в Иткуль, чтобы мусульмане-башкиры не пили воды из озера. В ответ башкиры содрали с приказчиков кожу от горла до колен — «одели в красные кафтаны». И ушли.

Озеро Иткуль и Шайтан-камень

Бажов расскажет и ещё одну легенду Иткуля. Про то, что в лесном озере жил змей Золотой Полоз, а у него была дочь Золотой Волос. Красавица выбиралась на Шайтан-камень и расчёсывала золотые пряди. Девуцу похитил охотник Айлып: любовь дала ему силы унести тяжесть драгоценных кос своей возлюбленной.

Башкиры знали, что на самом деле Полоза звали Ках-Каха. Многими озёрами башкир владеют волшебные змеи аждархи. Аждархой становится обычная змея, когда проживёт сто лет. А если аждарха проживёт тысячу лет, то станет демоном юхой. Но Ках-Каха — не аждарха и не юха, а царь всех змей, аждарх и юх. Людям нельзя жить там, где живёт Ках-Каха, и башкиры покинули берега озера Иткуль.

Горному начальнику Татищеву не было дела до башкирских правил жизни на этой земле. В 1734 году Татищев вновь возглавил заводы и опять столкнулся с башкирской угрозой. Башкиры отступали на север

под натиском казахов, которых, в свою очередь, оттеснял к северу безжалостный джунгарский хунтайджи Галдан-Цэрэн.

Отступающие башкиры показали Татищеву наступающими. На их пути в 1735 году Татищев соорудил Исетскую оборонительную линию. От Екатеринбурга до Кунгура в шеренгу выстроились 9 крепостей. Между ними безостановочно ходили дозоры. Командовал всей линией город Кунгур, защищённый кремлём и четырьмя острожками, которые были возведены ещё после войны Сары Мергена. В пугачёвщину все крепости Исетской линии возьмёт атаман Иван Белобородов, но Екатеринбург всё же устоит. А Кунгур будет отбиваться от Салавата Юлаева.

СЕЯНТУС: БАШКИРСКАЯ ХАТЫНЬ

Главым специалистом России по «восточному вопросу» в то время был Алексей Тевкелев, татарский мурза и потомок правителя Касимовского ханства. Он носил имя из святцев, но оставался мусульманином: Кутлу-Мухамедом Мамешевым. В Прутском походе Пётр отметил ум и честолюбие своего молодого переводчика-татарина и в 1717 году вместе с князем Бековичем отправил в Хиву.

Тевкелев должен был разведать дорогу от Хивы до Индии. Но на своё счастье он не попал в войско Бековича, обречённое погибнуть в хивинской цитадели Ичан-Кала. Галеру, на которой Тевкелев плыл из

Астрахани, буря пронесла мимо Гурьева, где ждал Бекович, и выбросила на противоположный берег Каспия — в персидский Астрабад. Два года Тевкелев сидел в тюрьме на цепи и бил камнями сколопендр. С огромным трудом его вызволил и вывез дипломат Волинский.

При Петре Тевкелев был послом к калмыкам и переводчиком в Персидском походе. А после Петра звезда Тевкелева начала меркнуть. И деятельный мурза сам придумал себе миссию: привести в русское подданство Младший Жуз казахов. Тевкелев помнил астрабадских сколопендр и убедил правительство, что торговать со Средней Азией удобнее через земли казахов, а не через Каспий. Получив 2400 рублей и ворох сабель на подарки, в 1731 году Тевкелев отбыл в степи за Яик.

**ЧУДОВИЩНЫЕ ТРАВМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ ИЗЖИТЬ НЕОБЫЧАЙНО ТРУДНО,
ЗАМАЛЧИВАТЬ — БЕСПОЛЕЗНО, И ПОЭТОМУ
ТАКИЕ ТРАВМЫ — НЕПОДЪЁМНЫЕ ЯКОРЯ,
КОТОРЫЕ ДЕРЖАТ НАЦИЮ В УШЕДШЕЙ ЭПОХЕ.
ПОЙТИ ВПЕРЕД ПОМОГУТ ЛИШЬ ПАМЯТЬ,
СОЖАЛЕНИЕ И СОЧУВСТВИЕ**

Жаждой русского подданства горел мелкий хан Абулхайр. Он сообразил: если он поможет русским, русские помогут ему стать главным ханом Младшего Жуза. А присяга — наплевать. Обмануть неверных — дело сиюминутное. Абулхайр принял у себя посольство Тевкелева. Полтора года его перелётная ставка кружила по степям, уворачиваясь от нападений, пока Тевкелев и Абулхайр

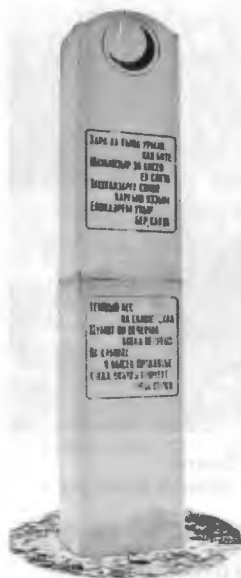

Пустошь на месте уничтоженной деревни Сеянтус

угрозами и подкупом не уломали большинство ханов согласиться на притворную покорность русским.

Петербург был поражён изворотливостью мурзы, и Тевкелева произвели в полковники. А в коридорах Сената Тевкелев познакомился с чиновником Иваном Кириловым, и Кирилов ухватил у Тевкелева идейку для собственной авантюры: на границе с казахами надо построить город-крепость Оренбург, где сосредоточится весь азиатский торг. Строительство Оренбурга — большое военное предприятие, которое принесёт и деньги, и славу, и должность. Кирилов не имел понятия о жизни на Яике, но он мог лоббировать свой проект в Сенате. А Сенат не захотел поставить во главе проекта мусульманина, и потому Оренбургскую экспедицию возглавил лоббист Иван Кирилов. Алексей Тевкелев оказался его подчинённым.

В боях и рейдах Оренбургской экспедиции Тевкелев терпеливо дожидался, когда же его произведут в коман-

Обелиск с проклятием
на месте деревни
Сеянтус

диры. Кирилов, первый начальник Экспедиции, умер. Потом Тевкелев доносами свалил Татищева, следующего начальника. Потом умер адмирал Урусов, третий начальник. Но очередь так и не дошла до Тевкелева. Причина — ислам. Тевкелев всегда был первым, но его рассчитывали вторым.

Хотя Башкирия и Младший Жуз стали частью России, фактически они были не провинциями, а колониями, и Тевкелев служил в Коллегии иностранных дел. Он основал многие города — Чебаркуль, Челябинск, Красноуфимск, Верхнеуральск, Орск, — но башкиры навеки запомнили Тевкелева по исчезнувшей деревеньке.

Она называлась Сеянтус и стояла на берегу речки Сарс. В январе 1736 года здесь остановился карательный отряд Тевкелева. Жители Сеянтуса показались полковнику подозрительными, и Тевкелев бестрепетно приказал стереть деревню с лица земли. Сеянтус стал башкирской Хатынью. На его улочках русские солдаты постреляли из ружей и покололи штыками тысячу человек — матерей и невест, дедов и внучат, мужей и женов. 105 человек загнали в амбар и сожгли заживо.

Башкирия содрогнулась. По аулам сэсэнзны запели новый кубаир «Тефкиляу» — вечное проклятие джиджалу Тевкелеву. Башкиры прокляли его за то же, за что не доверяли русские, — за мусульманство. Единоверен

не мог сотворить такого! Мужчины натягивали луки и уходили в леса, обещая не забыть Сеянтус никогда, никогда. И через 37 лет, в пугачёвщину, башкиры изловят и повесят в Бёрдах Юсуфа Тевкелева — сын ответит за отца. А кровавая луговина деревни Сеянтус, священное место скорби и народного гнева, и доньне пустая, бисмилла!

В 1739 году Тевкелева отправили в Персию, потом вернули на Яик. Он стал первым в России генералом-мусульманином, но ему дважды отказали в должности Оренбургского губернатора. Оскорблённый, Тевкелев прекратил консультировать власть по «восточному вопросу». Тогда Екатерина хладнокровно повелела о нём: «Оставить без употребления». И Тевкелев умер. Он прожил 91 год.

«БИЧУРА»

Ивану Кирилову было 44 года. Сын подьячего, он отучился в Навигацкой школе, всю жизнь служил чиновником и постепенно дорос до секретаря Сената. Кирилов искренне увлекался географией и даже написал большой труд «Цветущее состояние Всероссийского государства». Но надменные академики этих штудий не признали, однако эпитеты Кирилова согрели самолюбие герцога Эрнста Бирона.

Беседы с мурзой Тевкелевым снабдили Кирилова бесценными инсайдерскими сведениями. Пока в Зимнем дворце Анна Иоанновна любезничала с казаками,

Бирон тихонько положил на стол государыни свежиспечённый проект Кирилова.

Проект был гениален. Там, где в Яик впадала река Орь, надо завести торговый город-крепость Оренбург. Это раз плюнуть. Потребно всего-то 20 тысяч лопат для башкир, которые якобы горят желанием строить этот город. Башкиры охотно повезут в Оренбург хлеб, а в оплату возьмут сукна, «каких цветов они любят». Дружественные теперь казахи запросто победят Хиву. Сырдарья принесёт русский флот в Бухару. Пяти тысяч башкир, тысячи казаков и полка солдат хватит, чтобы взять Афганистан, Индию, Японию и Калифорнию. По сути, проект Кирилова был второй попыткой хивинского похода князя Бековича.

Петербург не знал, что такое Азия и какова она вообще, и потому Кирилову поверили. А Тевкелева никто ни о чём не спросил. Летом 1734 года Кирилова произвели в статские советники и вручили ему «Инструкцию» — список указаний, как строить на Яике город Оренбург. В помощь дали полковника Тевкелева.

Наверное, Пётр Великий совсем не так представлял отправку экспедиции для основания далёкой колонии, русской Батавии. Наверное, Петру виделись салюты над гаванью и многопушечные фрегаты. А тут через заставу Петербурга, скрипя, прокатилась вереница телег. Это в Уфу поехали 130 инженеров и моряков во главе с советником Кириловым. Так началась эпопея Оренбургской экспедиции.

В ноябре 1734 года обоз добрался до Уфы. Здесь полруку Кирилова поступил Пензенский пехотный полк. С кручи уфимского холма Кирилов смотрел вдаль и

Родовые дворец и мечеть Тевкелевых в Башкирии

Агидель, туманно блестящую ранним льдом, и видел просторную страну, всю в кудрявых лесах, и страна улыбалась гостям сквозь первый снег, словно сквозь первый сон. Кирилов остался в Уфе до весны.

Он грезил о великих свершениях, но объяснить свои планы башкирам не удосужился. А башкиры заволновались: новый город на устье Ори обозначит границу так, что казахам достанутся щедрые Тургайские степи, которые исстари принадлежали башкирам. Это было нарушением обещаний Ивана Грозного. В декабре на лугоине под горой Кургаул собрались посланцы от четырёх округ. Очистив души намазом в мечети Гази, башкиры открыли Большой йыйын. Йыйын погломил и постановил: надо вежливо спросить у Кирилова, в чём дело?

Кирилов безглаголиво оглядел гонцов в кафтанах-кебеках и велел бросить их в тюрьму. У дикарей нет права требовать ответа от белого человека. Йыйын всё по-

нял. Башкиры для Кирилова — «бичура». Это такая мелкая нечисть, которая есть повсюду: она повязана дырчатыми платками с головы до ног, живёт в ямах, вылизывает казаны. Бичура снуёт туда-сюда, путается под ногами, бубнит. Ёйын объявил Кирилову, что если русские войска не уйдут, башкиры начнут войну.

Этой угрозой Кирилов пренебрёг. Весной, когда по Агидели, гремя, скатился ледоход, Кирилов вывел своё войско из Уфы и занял поле ёйына. Башкиры прислали к русским новым гонцам и потребовали отказаться от плана строить Оренбург. Но Кирилов, тихий чиновник, за зиму накопил начальственной спеси. Гонцов забили кнутами, а потом на горе Кургаул солдаты обложили хворостом мечеть Гази и сожгли её дотла. Отныне Кирилов запретил башкирам вековой обычай ёйына.

У Кирилова было 3000 солдат и 33 пушки, и он ещё вызвал команду вологодских драгун. Не дожидаясь драгун, едва просохли перевалы, Кирилов повёл свою армию к верховьям Яика, где зимой Тевкелев заложил пристань. А башкиры собирали войско. Его возглавил Кильмяк Нурушев, батыр и абыз — то есть, знаток Корана. Четверть века назад Кильмяк уже сражался с русскими в войске батыра Алдара. Башкирское ополчение кинулось за Кириловым, а настигло вологодских драгун. У горы Зиргантау взбешённые башкиры разметали врагов и отбили 46 подвод. В юную траву на берегу Агидели упал с коня подполковник Чириков — командир вологодцев. Зиргантау гневно шумела тёмными лесами.

«Бичура» восстала. Началась война — как и прежде, для абыза Кильмяка Нурушева война закончится через два года гибелью в русском плену.

НАПРАСНАЯ ПРИСТАНЬ

Задуманный Кириловым Оренбург находился в такой крошечной дали, что добраться туда можно было только по реке — по Яику. Кирилов решил построить в верховьях Яика пристань, чтобы до Оренбурга плавали караваны судов. Пока сам командир Оренбургской экспедиции в заснеженной Уфе грезил о белых куполах Тадж-Махала, строить новую пристань на Яик ушёл отряд Алексея Тевкелева.

Место для пристани Тевкелеву указал тархан Таймас Шаимов. Он поступил на службу к русским и получил странное звание «служилый башкирец». Простые «башкирцы» не простили «служилому» измены и сожгли его родовую деревню. От неё осталось лишь кладбище — зират. Сейчас на месте этого погоста, прямо в центре Челябинска, раскинулась царственная площадь Алое Поле.

Таймас Шаимов выдал Тевкелеву перекрёсток двух древних дорог: татарская дорога вела из Казани в Тюмень, которая в древности называлась Чимги-Тура, а дорога Канифа-Юлы шла из Бухары на Ирбитскую ярмарку. Дороги пересекались там, где в Яик впадала бурливая речка Урляды. Отсюда по старым путям можно было выйти на русские остроги и слободы хлебородного Зауралья.

Весной 1735 года на новенькую пристань с войском явился Кирилов и увидел, что гладко только на бумаге. Даже в паводок Яик был здесь мелкий, а летом в межень его переметали песчаные перекаты. Никакие во-

ображённые Кириловым галеры не проплывут по Яику до устья Ори. Как снабжать хлебом будущий Оренбург? Армия Кирилова со всеми пушками уныло двинулась к устью Ори пешком по берегу.

**КАЗАЧИЙ ГОРОД ВЕРХНЕУРАЛЬСК РАВНОВЕЛИК
ЧЕЛОВЕКУ. ЗДЕСЬ СЛУЖИЛИ ДЕРЖАВЕ
И НЕ ЗНАЛИ РАБСТВА. НА ЩЕДРЫХ ПАШНЯХ
ТРУДОЛЮБИВЫЕ КАЗАКИ БОГАТЕЛИ,
СТАНОВИЛИСЬ КУПЦАМИ ИЛИ ОФИЦЕРАМИ —
И ВКЛАДЫВАЛИСЬ В РОДНОЙ ГОРОД. ЭТИМИ
ВКЛАДАМИ ВЕРХНЕУРАЛЬСК ЖИВЁТ И НЫНЕ**

Но маховик государственной машины уже крутился. Бессмысленная пристань на несудоходной реке ждала первый караван с хлебом. Он подполз только в августе. Это был огромный обоз в тысячу подвод под охраной сотни солдат. Башкиры уже всё знали об этом караване. Конники Кильмяка Нурушева, блестя саблями, выслетели из многоярусного леса на крутых склонах хребта Уралтау. Абыз и обоз встретились у Карагайского озера в тридцати верстах от пристани.

Солдаты выстроили телеги в круг и с ружьями залели за мешками с зерном, пальбой отбивая атаки башкир. Командир обоза послал за помощью гонца. Гонец прополз мимо врага береговыми камышами и убежал в слободы. Теченская слобода выслала команду в 500 человек с 5 пушками. Команда издали услышала трескотню выстрелов осаждённого обоза. От пушечного залпа в берег Карагайского озера хлопнула непуганая волна. Абыз Кильмяк отступил.

Потом на месте этого боя русские построят Карагайскую крепость, которую в пугачёвщину будут защищать «инвалиды». Иван Белобородов убедит их не переть на рожон и сдаться Пугачёву.

А в августе 1735 года первый обоз наконец-то пришёл на пристань. Но больше башкиры не пропустили никого. На смену абызу Кильмяку явились отряды Юсупа Арыкова. На реке Уй они подкараулили второй караван. 600 солдат с пушками уже не смогли пробиться сквозь башкирский заслон и отступили обратно к острогам. Юсуп Арыков осадил пристань.

Пристань дралась как крепость. Защитники сидели за валами до глубоких снегов. Они сожгли все дрова и съели всех коней, но не сдавались. Тогда Юсуп пообещал уцелевшим, что пропустит их в Теченскую слободу. Солдаты поверили башкирскому командиру. Две сотни измождённых защитников вышли из-за валов и побрели к слободе. Башкиры спалили сооружения пристани, и потом догнали русских и перебили их до последнего. Из степи примчался буран и отпел, как смог, праведное воинство, преданное башкирами, слободами и Оренбургской экспедицией.

Летом 1736 года на пепелище пристани пришла новая воинская команда и возвела Верхнеяицкую крепость. Этот «транжемент» устоит уже во всех бурях. В пугачёвщину им будет командовать жестокий полковник Егор Ступишин. Гонца от бунтовщиков он отправит на казнь в Тобольск. Мятежных башкир, что попадутся ему в руки, жалея пулю, он будет вешать на железный крюк за ребро, будет отрезать им носы и уши, а если мятежник взят с манифестом самозванца — то

Река Урал и пустырь на месте Верхнеяицкой пристани

ему будут отрубать и пальцы, которые держали манифест.

Ступишин стянет в Верхнеяицкую крепость команды всех соседних мелких крепостей, да ещё прикажет обрядить в солдатские кафтаны снопы и выставить их на куртину с палками как с ружьями. Пугачёв не догадается, что половина гарнизона — из соломы, и обойдёт эту крепость стороной. Чучела отпугнут бунтовщиков от «транжемента», как грачей от пашни.

А через век на месте крепости будет стоять заповедный город Верхнеуральск.

ВОЙНА ВСЁ СПИШЕТ

В августе 1735 года потрепанное войско Кирилова пешком вышло к устью реки Орь. Солдаты голодали. На счастье, рядом кочевали казахи и заставили кормить Экспедицию. Кирилов

объявил цель достигнутой, приказал палить из пушек и заложил город Оренбург — крепость с четырьмя бастионами и цитаделью.

На самом же деле Кирилов трезво осознал: Экспедиция провалилась. Места здесь глухие и суровые, бесплодная каменистая степь, леса нет вообще, зимой стужа и бураны, летом жара и суховеи. Какая тут торговля с Индией?.. Погибель! Пока не началась распутица, Кирилов забрал боеспособную часть своего войска и ушёл обратно в Уфу. А две тысячи голодных солдат остались куковать на перекопанном пустыре под командованием подполковника Якова Чемодурова.

Кирилов прорывался в Уфу с боями. На речке Аш-кадар, где позже появится пристань Стерлитамак, он бился с абызом Кильмяком. Потом у Табынского острога бился с батыром Акаем. Заложив возле Табынска новый «траншемент», Кирилов юркнул в Уфу. Предстояла зимовка, и Кирилов ломал голову: а что же ему делать весной? Да что угодно, только в Оренбург он никогда не вернётся.

А в Оренбурге подполковник Чемодуров тоже ломал голову: как ему уберечь гарнизон от голодной смерти? На всех провианта не хватит. И Чемодуров решил отправить 800 солдат в Сакмарский городок. Яицкие казаки не дадут им пропасть. Отряд вышел в путь по тонкому льду Яика и 300 вёрст шагал сквозь пургу, отбиваясь от башкирских атак. В ледяную дорогу вмёрзли 500 солдат. Этот страшный переход и гибель Верхнеяицкой пристани стали ценой, заплаченной за оренбургскую авантюру честолюбивого дилетанта Кирилова. Остатки

израненного и обмороженного отряда еле добрали до частоколов Сакмарского городка.

Подполковник Чемодуров остался в Оренбурге с двумя солдатскими ротами и сотней драгун. Ему надеяться было не на что, и он нарушил приказ Кирилова не обижать казахов, новых подданных. Подполковник взял в аманаты Эрали-султана и вынудил казахов кормить Оренбург до июля 1736 года — до первого обоза.

Оренбурга у Кирилова не получилось. Основанную им крепость через восемь лет переименуют в Орскую. Пугачёвщина её не тронет. Здесь местные казаки-татары попробуют поднять бунт, но их заговор раскроют. Комендант Беенке, как и комендант Верхнеяицкой крепости Ступишин, соберёт в Орске гарнизоны всех окрестных крепостей, и ещё здесь застрянет большой сибирский отряд генерал-майора Станиславского. Генерал не осмелится идти к Оренбургу и отсидится на Ори.

А Иван Кирилов в конце 1735 года трезво осознал, что все его планы — бред канцеляриста. Россия внутри не такая, какой казалась из окна сенатского кабинета. Но деньги потрачены и люди загублены, Верхнеяицкая пристань разрушена, а город Оренбург не построен... Это пахнет не каторгой, а петлёй. Спасти Кирилова могли только враги — башкиры. Надо вынудить их поднять мятеж всем народом. Война с мятежниками покроет все потери и неудачи Экспедиции. И всю зиму Кирилов и Тевкелев провели в карательных походах. Страшную судьбу деревни Сеянтус разделили сотни башкирских аулов. Башкирия восстала от края до края.

На площади Кирилова в Орске водружён камень,
который Кирилов заложил в основание крепости Оренбург

А Кирилова осенила идея политической пирамиды. Ведь крах одного замысла можно замаскировать блестящим следующим затей. Чем больше держава вложится в бесперспективное дело, тем выше будет статус руководителя этого дела. А кашу расхлебает преемник. И голец помчал в Петербург новый проект Кирилова.

Одной пристани и одного города для Оренбургской экспедиции мало. Ведь башкиры восстали — обманули государыню. Поэтому надо построить три новых линии и два десятка крепостей: Верхнеяицкую линию от Оренбурга до пристани, Нижнеяицкую линию от Оренбурга до Сакмарского городка и Самарскую линию от Сакмарского городка до Самары. Петербург подумал-подумал — и утвердил пирамиду Кирилова.

Летом 1736 года Кирилов убрался подальше от Башкирии — в Самару. Отсюда он строчил в Сенат отчеты об успехах, но заложенные им крепости были

только шалашами в окружении канав. «Башкирь» полыхала. Количество войск увеличилось здесь в восемь раз, штат Экспедиции вырос втрое. Молоденький бухгалтер Пётр Рычков, будущий академик, запутался в бумагах, и чиновники Экспедиции воровали без стыда.

Экспедиция существовала лишь в реляциях, а в реальности была зверская колониальная война с башкирами. Но афера Кирилова не рухнула. Весной 1737 года издёрганный Иван Кирилов подхватил в Самаре чахотку и сгорел за месяц. Смерть уберегла Кирилова от кары и раскаяния — но обрекла Россию на продолжение его греха.

САМОВАР ДЛЯ СТРАШНОГО СУДА

Горный начальник Василий Татищев считал Кирилова дураком. Татищев имел свои соображения на тему «как нам обустроить Башкирию». Надо сооружать новые заводы, а не крепости: заводчики сами договорятся с башкирами или утихомирят их силой.

На заводах Татищев учредил «вольницу»: позволил собирать рабочие отряды и ходить в набеги на башкир. Разрешалось отпускать в «вольницу» до четверти мастеровых, а на двух Юговских казённых заводах и на двух Иргинских заводах купцов Осокиных можно было посылать на войну вообще всех рабочих. Рабочие были рады отдохнуть от своих домен, подраться в охотку и добыть какой трофей.

Так на Иргинские заводы попал один удивительный прибор. Рабочие отняли его у башкир, башкиры — у казахов, казахи — у джунгар, джунгары — у китайцев. Родион Набатов, управитель Иргинских заводов, которые производили медную посуду, покумекал-покумекал и придумал, как наладить производство этой полезной штуки. «Штуку» называли самоваром.

Раскольника Набатова на Иргину балахонские купцы Осокины привезли с реки Керженец — это вблизи Балахны. А вблизи Иргины колотил молотами завод Суксун Акинфия Демидова. Акинфий переманил Набатова к себе: обещал, что поможет устроить возле Невьянска тайный раскольничий монастырь. Набатов стал приказчиком Невьянского завода, а своих рабочих-староверов, тоже приведённых с Керженца на Иргину, пристроил на Суксунский завод. И русский самовар переехал с Иргины на Суксун, от Осокиных к Демидовым, а с Урала — в Тулу. Но самый старый самовар России на пузе имеет клеймо: «Иргинский завод, 1741 год».

В пугачёвщину сын Родиона Набатова Варфоломей будет управителем на Авзянских заводах Демидова. Десяток тамошних приказчиков мятежники повяжут и отправят в Бёрды к Пугачёву. Стоя под виселицей, приказчики — и Варфоломей Набатов в их числе — откажутся присягать самозванцу. Их всех повесят. А дороги бунта приведут Пугачёва и на Авзян, и на Иргину. Пугачёв разрушит эти заводы. Башкиры сожгут завод Суксун. А Юговские заводы убережёт от разорения ассессор Башмаков.

Но задолго до пугачёвщины горным заводам угрожала война с башкирами, развязанная Кириловым. За-

воды надо было с юга защитить «транжементами». В 1736 году Татищев, ругаясь, принялся возводить новую линию из пяти крепостей от Шадринского острога до Верхояицкой пристани. Главную крепость он заложил на берегу озера Кызылташ, там, где из озера вытекала река Теча. Для службы на «транжементах» Татищев учредил Исетское казачье войско.

В Самаре переполошился Кирилов: Татищев перехватывает его инициативу! По жалобе Кирилова в конце 1736 года Татищева одёрнули из Петербурга: прекратить работы! Деньги на крепости нужны Кирилову! Кызылташская крепость осталась недостроенной. Потом она превратится в деревню. В XX веке судьба её предвосхитит судьбу города Припять близ Чернобыля. Деревня погибнет.

ПОСЁЛОК ИРГИНА — ОДИН ИЗ МНОГИХ БЫВШИХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ: ПЛОТИНА, ПРУД И СЕЛЕНИЕ НА СКЛОНАХ ГОР... ЗДЕСЬ — РОДИНА РУССКОГО САМОВАРА. И ЭТУ ПЛОТИНУ, СБРАСЫВАЯ ПРУД, ВЗРЫВАЛ ПУГАЧЁВ

В 1945 году на берегу озера Кызылташ напротив старинной деревни зашумит строительство секретного города Челябинск-40. Здесь на медовых лугах встанут инопланетные громады комбината «Маяк»: первого завода СССР по изготовлению плутония для атомных бомб. Через двенадцать лет в бетонных утробах комбината будут гудеть шесть реакторов — шесть чудовищных самоваров, которые варят смолу Страшного суда.

Площадка Иргинского завода в селе Нижнеиргинское

А седьмой самовар закипит сам собой. В ёмкости с радиоактивными отходами — в «банке № 14» — начнётся самопроизвольная цепная реакция. 29 сентября 1957 года «банка» выстрелит в тихое небо километрово-ым столбом рыжего дыма. Над озером соберётся смертоносное радиоактивное облако и поплывёт на восток, орошая осеннюю землю мёртвой водой дождя и лучевой пылью. Так образуется 300-километровый ВУРС — восточно-уральский радиоактивный след.

Облучение получают 270 тысяч человек — местные жители и солдаты-ликвидаторы. Комбинат сбросит отравленные воды в реку Течу, и река умрёт на столетия. Власти отселят 300 тысяч колхозников, сожгут урожай и скот, бульдозерами сроят поля. Этот апокалипсис разлетит деревню Кызылташ. В 1968 году вдоль по ВУРСу учредят заповедник, где учёные и егеря будут охранять не жизнь, а смерть.

А Татищев не задержался на Кызылташе надолго. Для него наступили беспокойные времена. В Самаре

умер Кирилов. В Петербурге эрцгерцог Бирон задумал приватизировать заводы Урала по карманам своих компаньонов. Но Татищев, горнозаводский начальник, мешал приватизации. И его убрали: назначили на место Кирилова. Правда, Татищев болел, но всё равно весной 1737 года его положили в носилки и унесли из Екатеринбурга в Оренбург.

ИЗВЕРГИ

Когда Кирилов разжёл пожарище башкирской войны, столица обеспокоилась. Мятеж надо подавлять войсками, но партикулярный чиновник Кирилов не имел права военного командования. Да и вообще: Оренбургская экспедиция снаряжалась не для смертоубийства подданных. Тогда Экспедицию располовинили на две Комиссии: Оренбургскую комиссию оставили Кирилову, Комиссию башкирских дел поручили генералу Румянцеву. В 1736 году Кирилов и Румянцев съехались в Мензелинске и поделили полномочия: Румянцев усмиряет башкир, Кирилов возводит крепости.

Но башкиры нападали не только на тех, кто явился их усмирять. И Татищеву досталось от Кирилова невыполнимое дело: он должен построить «транжементы», а его защита бабахает из пушек где-то совсем в другом конце Башкирии. Татищев был эффективным командиром, потому что был безжалостным. Он прибыл в Оренбург и понял, что дело — швах. Оренбург 1737 го-

да представлял собой прямоугольник земляных валов, оплётённых хворостом. Вокруг — безлесая степь, где прокормиться могут только сайгаки. За Яиком — башкиры, готовые перегрызть русским глотку. Но рядом — казахи, готовые грызть глотку башкирам. И Татищев натравил казахов на башкир: дозволил переходить Яик на баранту.

Даже Алексей Тевкелев, заклятый враг башкир, знал, что нельзя выпускать этого джинна из бутылки. Это коварство Заркума, сына царя змей Ках-Кахи. Узел кровной вражды завяжется на века. Но Татищев действовал по принципу «чем хуже, тем лучше». Он ведь говорил, что надо строить заводы, а не крепости. Его не услышали. Вот теперь и он не будет слушать советов — и жрите эту войну хоть с солью, хоть без. Тевкелев пожал плечами и написал донос на Татищева.

Тевкелев для башкир был улем — живой мертвец, символ смерти. А Татищев стал иргаил — людоед, у которого душа — змеёныш. Эту истину высветил костёр аутодафе на площади в Екатеринбурге. Так в России цвёл век Просвещения.

В плен к русским попал башкир Тойгильда Жуляков. Он уже бывал в плену: его окрестили и отпустили. А он вернулся в ислам — «принял паки махометанский закон». И Татищев приказал казнить отступника старинной, но ещё не отменённой казнью для еретиков, — палить в срубе. 55 лет назад так истребили протопопа Аввакума. Тойгильду засунули в сруб и публично сожгли живьём.

Татищев не утратил разума. Когда ему стало ясно, что в досаде он совершил ошибку, он созвал в Оренбург

казахских ханов. Татищев презирал этих азиатов и с брезгливостью наблюдал, как после застолья они складывают за пазуху ложки и тарелки хозяина. Однако он всё равно дарил ханам щедрые подарки, чтобы ханы вызвали своих головорезов обратно из Башкирии. Баранту Татищев запретил.

Но было поздно. Татищева дёрнули в Петербург давать объяснения, а вместо него командиром Оренбургской комиссии назначили адмирала Урусова. По дороге в столицу Татищев приметил на Яике новое место для Оренбурга — урочище Красная гора. Потом Урусов распорядится строить здесь крепость для переноса города. Ничем другим Урусов больше не прославится, да и этот «транжмент» не станет Оренбургом, а будет Красногорской крепостью.

БУНТ ПУГАЧЁВА ЗАСЛОНИЛ ЭПОПЕЮ БОРЬБЫ С БАШКИРАМИ. КОГДА В XIX ВЕКЕ ВОЗНИКЛА ПРОБЛЕМА КАВКАЗА, РОССИЯ НЕ ВСПОМНИЛА, ЧТО В XVIII ВЕКЕ В БАШКИРИИ ОНА УЖЕ СУМЕЛА УМИРОТВОРИТЬ ГОРЦЕВ-МУСУЛЬМАН. РУССКИЕ ВОЙНЫ НА КАВКАЗЕ ОКАЗАЛИСЬ ПОСЛЕДСТВИЕМ ТОГО УРОКА, ВЫУЧИТЬ КОТОРЫЙ НЕ ПОЗВОЛИЛА ПУГАЧЁВЩИНА

Василий Урусов, адмирал и князь, не утрудил себя вникнуть в башкирскую ситуацию. Он пошёл напрямом, как ледокол через торосы. Если при Татищеве в Башкирии полыхал казахский разбой, то при Урусове начался русский террор. Военная Комиссия башкирских дел была разделена на две части — мензелинскую

Ущелье Мурадим

и оренбургскую. Одна только оренбургская контора Комиссии приговорила к смертной казни 7455 мятежников. Башкир сажали на колья, вешали за рёбра на железные крюки, насмерть «штрафовали» кнутами. Им резали уши, рвали ноздри, отсекали руки и головы. Урусов писал в столицу: «Происшедшее замешание прекращено быть может токмо силою оружия и причинением тем вора́м потомственного страха».

А башкиры помнили все казни. С древности каждый их род писал свою шежере — родовую летопись, и по летописям историки насчитают 11 тысяч убиен-

ных. Над зелёными горами и синими излучинами рек поднялись 1200 чёрных столбов дыма от сожжённых аулов. В этом страшном небесном лесу заплутал орёл Самрау, царь птиц, заплутал, распорол крылья о вершины скал и упал в ущелье Мурадыма.

Башкиры кинулись за спасением через Яик к казахам. Но на переправах встали русские батареи, расстреливая плывущих. А казахи без совести хватили тех, кто перебрался на их берег, увозили в Хиву и продавали в рабство. Сам Аллах сжалился над башкирами и поразил адмирала-изверга цингой. В 1741 году князь Урусов, находясь в Самаре, ослабел, слёг, выплюнул последние зубы и умер. Башкирия дымилась пепелищами, а её мужчины ушли в леса и точили сабли. После шести лет боёв Оренбургская экспедиция была от своей цели дальше, чем в начале славных дел.

ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ

Взаимоотношения России и казахов определились тем, насколько удачлив в своих интригах Абулхайр — мелкий хан Младшего Жуза. В его Жузе правил род Жадига, Абулхайр же происходил из рода Озека, и кошму владыки Жуза ему никто бы не расстелил. А он хотел править вообще всеми тремя Жузами, чтобы его шестикрылая белая юрта стояла, как у Джучи, на самых красивых местах. И Абулхайр затеял хитрую игру с другими ханами, с Россией и с Джунгарией.

Русские не понимали этой игры. Не понимали, что азиаты не говорят правды, а потому легко клянутся. Что в Азии кто ищет мира — тот слабый. Кто верит слову — тот глупый. Кто дарит подарки — тот вооружает своего врага. Чтобы понять эти особенности, надо было уважать Азию, а Россия её не знала и не уважала.

Жузы вели тяжёлую войну с Джунгарией. В зелёные степи Семиречья, отраду Аллаха, вторгались полчища джунгар: темнолицых всадников пустыни с ножнами из змеиных шкур. В 1723 году свирепые джунгары всё же повалили Старший Жуз на колени и заняли Семиречье. А казахи остались без верховного хана.

Тогда-то и расцвели мечты Абулхайра. Ему было тридцать лет. Он задумал сравить Джунгарию и Россию: пустынного волка и лесного медведя. Русские войска войдут в Великую Степь и посадят Абулхайра на белую верблюдицу владыки трёх Жузов. В 1726 году Абулхайр попробовал «отдать» Жузы в русское подданство. Но северный великан усомнился в праве Абулхайра говорить от лица двух свободных Жузов.

Тогда Абулхайр убедил ханов Младшего и Среднего Жузов объединиться, и вскоре казахи попятити джунгар обратно в их мёртвые просторы, усыпанные костями погибших караванов Шёлкового пути. Здесь на горячем песку трепетали цветные ленточки, которыми были обнизаны камни священных пирамидок обо.

Джунгары призвали на помощь персидского шаха Надира. Персы пришли. Их длинные и тонкие пушки, покрытые сурами из Корана, отбросили казахов к Яику, где в спины воинов степи через реку упёрлись конья давних недругов — башкир. В 1730 году Абулхайр

Памятник хану Абулхайру в Актобе

снова кинулся к русским просить о подданстве и поддержке. Уфимский воевода Бутурлин тайком переправил гонцов Абулхайра в столицу.

Вот теперь Россия согласилась принять казахов. Тевкелев объяснил Сенату, чем торг с Азией через Жузы выгоднее торгового пути через Каспий. Алексея Тевкелева и батыра Алдара отправили послами в Младший Жуз к Абулхайру. Но другие ханы казахов и не думали отдаваться России. Уж лучше джунгарам — те хотя бы знают, что такое Великая Степь, да и Старший Жуз при джунгарах. И Абулхайр спрятал посольство от местных сородичей.

От весны 1732 года, когда по степям побежали «нетровые ведьмы» перекасти-поля, до осени 1733 года, когда покраснели белёсые солончаки, посольство скиталось по дальним кочевьям и вело переговоры с казахскими ханами поодиночке, встречаясь с ними в глухой

чилиге степных речек. В конце концов жадные ханы соблазнились подарками и деньгами. Русское подданство ни к чему их не обязывало: отчего бы и не принять его? Посольство вернулось в Россию с Эрали-султаном, сыном Абулхайра. И в 1734 году Россия приняла под своё крыло Младший Жуз казахов.

Но Абулхайра ожидало разочарование. В 1735 году он прикочевал к устью Ори, ожидая увидеть могучую русскую крепость, а увидел перекопанный пустырь и потрёпанное башкирами голодное войско. К тому же его командир подполковник Чемодуров сцапал Эрали-султана в аманаты и приказал Абулхайру кормить свой гарнизон. Такому наглому и нищему сюзерену Абулхайр подчиняться не желал.

Ситуацию через год исправил Татищев. Он разрешил казахам ходить через Яик на башкир в баранту, и русское подданство опять стало казахам интересно и приятно. А башкир о беде предупреждал бог Тенгри. Если на Яике за устьем Кизила зеленеет скала Синий камень — значит, казахи идут в баранту. Если бушует тихое озеро Аслыкуль, в котором живёт Оло-Суртан, хозяйка рыб, древняя щука, огромная, как вековое бревно, — значит, казахи идут в баранту. И башкиры в ответ ударили по Оренбургской экспедиции — это ведь русские натравили и пропустили Абулхайра.

Татищев осознал ошибку и решил начать всё с чистого листа. Подарками он выманил Абулхайра из Башкирии и устроил в Оренбурге вторичную присягу. Он презирал этих азиатов, но Абулхайр только усмехался. Сколько бы ни морщил нос чужеземный вельможа, хитрый Абулхайр обвёл всех вокруг пальца. Русская цари-

Утёс Синий камень, который зеленел, когда казахи шли в набег

ца его простила и назначила ханом казахов, а местные власти дарят подарки. И никто не отнимает того добра, которое Абулхайр уже награбил у башкир.

ХАН НИОТКУДА

Оренбургская экспедиция подняла на войну всю Башкирию. Однако башкиры бунтовали по правилам. На зиму они заключали мир и договаривались с русскими командирами, сколько табунов должны заплатить русским за нанесённый урон. И всегда напоминали: они сражаются не с Россией, а с Оренбургской экспедицией. Когда в 1735 году началась война с турками, башкиры предложили России свои отряды.

Опаснее прочих для русской власти был батыр Акый Кусюмов, потомственный мятежник. Его отец ходил с батыром Алдаром на Казань, а дед дрался вместе с Си

диром и погиб на виселице. Акай ударил русским под дых: атаковал Бирск, Мензелинск, Заинск, Сарапул и Елабугу. Это с Акаем воевал генерал Румянцев, начальник Комиссии башкирских дел, и потому не помогал «транжементам» на Яике. Румянцев даже взял Акая в плен, но летом 1736 года на реке Большой Ик из Мурадымовского ущелья хлынули отряды абыза Кильмяка и освободили Акая.

Разбитого Румянцева сменил бригадир Хрущов, а разбитого Хрущова сменил генерал Соймонов. Он сумел снова схватить Акая и от греха подальше отослал его в Петербург. Где-то там, в казематах балтийских крепостей, Акай и сгинул.

Когда Татищев натравил на башкир казахов, он запустил цепную реакцию войны всех со всеми. Татищев отработал назад, приняв новую присягу Абулхайра, а башкиры теперь перекупили тщеславного хана: объявили его своим владыкой. Абулхайр потерял голову от счастья. Возглавив башкир, он забыл присягу, осадил Оренбург, рванулся в степь, взял Хиву и провозгласил себя хивинским ханом.

Этого уже не потерпели гордые персы. Вместе с джунгарами они вторглись в Средний Жуз. Казахи Среднего Жуза бежали через Яик в Башкирию, и тогда хан Среднего Жуза Барак в отместку Абулхайру объявил ханом Башкирии сына Шигая. Абулхайр послал против Шигая сына Нурали: в Башкирии друг с другом бились казахи Среднего и Младшего Жузов под командованием ханских сыновей.

От таких кульбитов у русской власти затрещали мозги. Русские взяли султана Эрали, другого сына

Абулхайра, и посадили аманатом в Сорочинскую крепость. В ответ Абулхайр присягнул джунгарам и привёл джунгарское войско под Оренбург, но вдруг на глазах ошавевших джунгар в третий раз присягнул русским.

Башкирам же оставалось одно: воевать против всех. Из толщи народа, будто великаны алпы из гор, выросли новые вожди: Тюлькучура, Мандар и Бепеня. Батыр Тюлькучура атаковал Бирск и Уфу, батыр Бепеня — Чебаркуль и Шадринск, батыр Мандар — Осу.

НА БЕРЕГУ АГИДЕЛИ ВОЗВЫШАЕТСЯ ГОРА ТРА-ТАУ. ТАКИЕ ОТДЕЛЬНО СТОЯЩИЕ ГОРЫ НАЗЫВАЮТСЯ ШИХАНАМИ, И ТРА-ТАУ — ХАН ШИХАНОВ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛ БАШКОРТОСТАНА. ПОКА НА ТВОЕЙ ЗЕМЛЕ СТОЯТ ТАКИЕ ГОРЫ, СМИРИТЬСЯ С НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬЮ НЕВОЗМОЖНО

Русская власть уже не могла побеждать без вероломства. Зимой 1739 года, в перемирие, солдаты схватили Тюлькучуру и Бепеню. Их привезли в Мензелинск, и Тюлькучуру повесили, а Бепеню колесовали. Последний из вождей, батыр Мандар, сказал: если русские — так, то башкирам нужен настоящий великий хан.

В 1740 году башкиры подняли на белый войлок простого хаджи Минлегола Юлаева. Его называли чингизидом и кучумовичем Султан-Гиреем и джунгарским принцем Шуной, а попросту — Карасакалом, Чёрной Бородой. Карасакал объявил о создании башкирского ханства, о независимости Башкирии от России, и начал собирать отряды.

Шихан Тра-Тау на Агидели

Два войска сошлись весной на речке Кизил, притоке Яика. Русскими драгунами командовал горный офицер подполковник Яков Павлуцкий. Башкирами — батыр Мандар. Усталые драгуны, которых огромная империя еле наскребла по сусекам, рубились со стариками и юношами-егетами, последними защитниками истерзанного народа. В свалке удар сабли свалил батыра Мандара. Карасакал скомандовал отступление.

В заслоне башкир осталась бабья гвардия во главе с женой Карасакала Бану — раскосые амазонки с ожерельями из монет. Бешеные девки визжали и сыпали стрелами, прикрывая отход мужчин, и все полегли под картечью. Остатки войска Карасакала от Яика добрались до Тобола и переплыли на казахский берег, где начиналась Тургайская степь.

Но подполковник Павлуцкий продолжил преследование. Драгуны перегребли реку, вымочив порох, вскарабкались на яр и одними пиками погнали башкир ещё дальше. Раненый Карасакал увёл уцелевших бойцов к Аралу и затерялся навек. Вроде бы, его приютил легендарный Аблай-хан.

В этих войнах погибло 25 тысяч башкир, а 9 тысяч женщин и детей русские раздали в рабство. Линии русских крепостей сковали Башкирию по рукам и ногам. Но в пугачёвщину сэсэны будут петь о том, что старый Карасакал вернулся на родину, в скалах реки Юрюзань отыскал пламенного Салавата Юлаева и благословил его на вечный бой.

А казахи не воспользовались разгромом Карасакала, чтобы покорить башкир. Казахи ушли за Яик. У них появилась уже другая забота. В степях поднимался Аблай-хан — новый национальный вождь. Вскоре он объединит все три Жуза на борьбу с джунгарами. Аблаю суждено будет сокрушить Джунгарию и вернуть столицу казахов в Ясы — в город Туркестан. Через много-много лет Аблая с высшими почестями похоронят в мавзолее Ясави. А коварный Абулхайр погибнет в 1748 году — будет сражён в стычке с отрядом Барака, хана Среднего Жуза. Место отца займёт сын — хан Нурали. Нурали и Аблай — вот с кем будет общаться Пугачёв.

«ПУТЬ БУДЕТ!»

В 1742 году начальником Оренбургской комиссии назначили дворянина Ивана Неплюева. Неплюев учился в Морской академии в Петербурге, потом в Венеции и Кадисе. Гардемарином он участвовал в войне с турками, а экзамен сдал лично государю Петру, и Пётр улыбнулся в усы: «В этом малом путь будет!»

Неплюев не стал дворцовым карьеристом. Он занимался делами флота, был дипломатом в Константинополе, затем служил киевским губернатором. При взошестве на престол Елизаветы Петровны он влип в интригу и угодил под арест. Вскоре его оправдали, но решили убрать с глаз долой и отправили куда подальше — на Яик.

Первым делом Неплюев, человек жёсткий и мудрый, объехал те 22 крепости, которые успела возвести Оренбургская экспедиция. И Неплюеву стало ясно: всё плохо, а хуже всех — захудалый и нездоровый Оренбург, где у Неплюева умерла молодая жена, бывшая фрейлина. И Неплюев основал Оренбург в третий раз — так, чтобы «четвёртому не бывать». В 1743 году он заложил новую крепость возле Сакмарского городка яицких казаков неподалёку от горы Маяк.

Инженеры отмерили куртину длиной пять вёрст и 12 бастионов. Солдаты выкопали землянки. Неплюев сам жил в землянке и поселил в землянках всех офицеров — 726 человек. В новые дома офицеры и командир вошли только под осенними ливнями, когда солдаты доделали себе казармы. Через четыре года в городе было уже 837 жилых зданий, 175 лавок, 4 церкви, мечеть и госпиталь.

Башкирия по-прежнему бунтовала, а Неплюев не собирался возвращать башкирам их права времён Ивана Грозного. Но он понял: надо исходить из того, что башкир не покорить силой оружия. И он переформатировал Оренбуржье из поля боя в Оренбургскую губернию. Государыня учредила её вместо Оренбургской экспедиции в 1744 году, и Неплюев превратился в первого губернатора.

Памятник Ивану Неплюеву
в Троицке

Он довершил дело Кирилова и достроил заложенные Кириловым линии крепостей — Нижнеяицкую, Верхнеяицкую и Самарскую. К этим трём линиям он добавил две свои: Уйскую от Яика до Тобола и Сакмарскую от Оренбурга вглубь башкирских гор. Всего же Неплюев соорудил 114 укреплений: «транжементов», редутов и форпостов. В 1748 году он учредил Оренбургское казачье войско — первое регулярное казачье войско России, — и заселил укрепления казаками. Башкирия оказалась окружена.

Система Неплюева окажется настолько разумной, что дополнят её лишь через восемьдесят лет: в 1835 году генерал Перовский, встречавший Пушкина, соорудит Новую линию из 8 крепостей. Она пройдёт от Орска до Тобола. Две крепости этой линии возведут в кирпиче. Линия отразит атаки хана Кенесары Касымова, который возродил Казахское ханство и хотел отложиться от России. Войско хана, отбитое от новых «транжементов», погибнет в битве на озере Иссык-куль. Голову Кенесары победители отошлют в столицу. Пыльный череп хана до сих пор лежит в тёмных записниках Эрмитажа.

Губернатор Неплюев прагматично применил идеи предшественников: не только крепости Кирилова, но и заводы Татищева. Неплюев пригласил своих

надёжных поставщиков — компанейщиков, и отдал им рудные поля Каргалы. Заводы задымили рядом с «транжemenтами».

И ещё одну истину Неплюев понимал предельно ясно: общение народов и держав — это не война и не посольства, а торговля. Значит, надо растить купцов для азиатского торга. Башкиры, враги казахов, не годились, а татары — вполне. И в 1744 году Неплюев переселил под Оренбург 176 семей торговых татар из-под Казани во главе с достопочтенным Сеитом Хаялиным. Татары построили каменные дома, караван-сарай, мечеть и назвали своё селение Сеитовской слободой, или Каргалой. Вскоре Каргала стала главным азиатским торгом России. Отсюда, скрипя поклажей, караваны надменных верблюдов ушли за Яик до Хивы, Бухары, Ташкента, Самарканда и Кашгара.

Но караваны — они для городов с куполами крытых рынков и улочками менял. А кочевников, не знавших денег, тоже надо вовлекать в торговлю. Для них возле Троицкой крепости Неплюев построил Меновой двор с частоколами и башней. От крепости его отделяла река Уй — чтобы степняки не заносили холеру. На меновом дворе заключали сделки по бартеру: котлы меняли на отары, хлеб на табуны. Троицкая ярмарка станет крупнейшим меновым торжищем России, а по оборотам займёт в империи третье место после Макарьевской и Ирбитской.

Тороватая Каргала обманет Пугачёва: мятеж дело малоприбыльное. А с вала Менового двора Пугачёв будет бомбить Троицкую крепость. Но бунт не разрушит

Дом Сеита Хаялина, основателя Каргалы. 1745 год

того, что создал Неплюев здравым смыслом и миролюбием.

Неплюев оставит губернаторское кресло в 1758 году и уедет в столицу, где сделается сенатором и конференц-министром. Он умрёт в ноябре 1773 года, и пугачёвщина не успеет его растревожить. Трудрами Ивана Неплюева в Великой Степи была построена непобедимая империя, впервые не похожая на Улус Джучи.

ПЕРО И ПОЛУМЕСЯЦ

Империю крепили не только армия и бюрократия, но и церковь. В середине XVIII века начался крестовый поход на ислам. Хоругви крестоносцев подняли два епископа: Лука Конисhevич в Казани и Сильвестр Гловацкий в Tobольске. Удары с северо-востока и северо-запада распяли мусульманскую Башкирию как на кресте.

Повод для бунта дал оренбургский губернатор Неплюев. Его край нуждался в промышленности, и ради развития промыслов Соль-Илецка Неплюев заменил башкирам ясак на покупку казённой илецкой соли. Но так башкирам выходило в шесть раз дороже. Жалобы башкир остались без ответа, и тогда бродячие сёзэны запели по аулам призыв к бунту.

Этот призыв в виде толкования сур Корана написал мулла Габдулла Галиев, которого называли Батыршой — «почти батыром». Ему было 46 лет. Он отучился в медресе и теперь сам содержал медресе: «жил имамствуя». Его родная деревня Карыш находилась неподалёку от пепелища Сеянтуса, и Батырша знал, что такое власть русских. Башкиры присвоили Батырше имя Бахадур-Шаха Али-улы.

«Возденьте Зульфикар, меч пророка! — гремел глаголом Батырша. — Аллах нас не оставит, как не оставил халифа Али, владыку Зульфикара. Аллах задержал солнце, чтобы Али завершил намаз, и даровал ему семь могил и ни одной смерти! Пускай начнётся газават, чтобы нам уйти из России, “восстановить особое владение” и создать в Башкирии свою державу северного полумесяца!»

Батырша первым понял: враги башкир — не казаки, которые честно стерегут границу. Враги — солдаты и заградчики. Они джинны, дети Иблиса, сотворённые из огня пушек и доменных печей. Эта истина Батырши отроет башкирам путь в пугачёвщину, когда башкиры и нищие казаки станут сражаться плечом к плечу.

Бунт разгорелся весной 1755 года двумя очагами. На севере Башкирии, где и жил Батырша, башкирские

Мечеть имени Батырши в селе Старобалтачево

отряды осыпали стрелами бревенчатые остроги Бирска и Осы. Здесь против башкир свои воинские команды высылал уфимский воевода. На юге Башкирии мятежники атаковали заводы компанейщиков. Неплюев приказал заложить в южных горах крепость Зилаир — базу, откуда русские войска уходили в рейды на повстанцев. Неплюев собрал 37 тысяч солдат, драгун и казаков.

К башкирам полетели письма на языке тюрки, составленные оренбургским ахунм Ибрагимом. Ахун врал, что мусульманское духовенство осудило бунт. Но башкиры верили Батырше. Этот человек, не державший сабли, сидя в лесной деревеньке, силой гусиного пера сотрясал каменные кремни Казани и Тобольска. Там русская власть стащила с кафедр неистовых крепостнощцев Конашевича и Гловацкого, которые бездумным рвением взорвали империю изнутри.

Пестроцветной осенью драгунские эскадроны ворвались в Карыш, деревню Батырши, но Бахадур-Шах Али-улы, мир ему, уже скрутил свой михраби, коврик для намаза, и ушёл в леса: там его укрыли рогатые башкирские лешие — шурале.

Зима остановила войну, однако не прекратила. 50 тысяч башкирских семей в санях переехали Яик по льду и укрылись в степи, чтобы развязать руки воинам. Но губернатор Неплюев на этом и сыграл. Он велел казахскому хану Нурали грабить беглецов или брать их в плен. Когда Башкирия обтаяла от снегов, батыры увидели, что их оборванные жёны и дети привязаны к колёсам русских пушек. Бывалые батыры бессильно опустили сабли, и лишь обезумевшие меджнуны ещё дрались в горах за своих невест, но к осени 1756 года канонады в ущельях утихли. А в лесах у деревни Карыш предатель Муксин Абдусалямов выследил и выдал русским Батыршу.

Победив, Неплюев мгновенно сменил гнев на милость: ни одного бунтовщика не казнили смертью. Дождавшись приговора Батырше, Неплюев подал в отставку.

В 1825 году именем Неплюева в Оренбурге назовут кадетский корпус. В этом учебном заведении будут русский и азиатский эскадроны. Из детей башкирских старшин кадетский корпус станет ковать элиту Великой Степи, чтобы никогда не возродился Улус Джучи.

А Батыршу заточили в Шлиссельбургскую крепость пожизненно. Батырша написал государыне письмо — точнее, не письмо, а трактат о судьбе Башкирии на полторы сотни страниц. Башкиры добыли копию и прочи-

Коран с пометками Батырши в музее села Старобалтачево

тали, а государыня — нет: фи, что за вздор. И напрасно, ведь под зелёным знаменем Батырши сражались Юлай Азналин и Кинзя Арсланов — отец Салавата Юлаева и его будущий учитель. А русским властям Салавата выдаст всё тот же башкир Муксин Абдусалямов, который выдал и Батыршу.

Проповедник Батырша провёл в каземате Шлис сельбурга четыре года. В конце концов этот тихий книжный человек начал восстание в одиночку. Он кандалами убил двух стражников и погиб на штыке у третьего.

КИНЗЯ

Башкиры бунтовали каждые 15–20 лет. Это понятно: у бунтовщиков мужали сыны и седлали коней, чтобы переделать дела отцов. «Пугачёвское» поколение, поколение Салавата, составляли дети бунта Батырши и внуки бунта Карасакали. А наставниками были ветераны Бахадур-Шаха Али улы, и первый из них — Кинзя.

Абыз Кинзя Арсланов обрёл авторитет знанием Корана, а не подвигами во времена Батырши. Когда Пугачёв подошёл к Оренбургу, советчики нашептали, что поднять на мятеж башкир сможет только абыз Кинзя, стойкий в справедливости.

1 октября 1773 года Кинзя тихо и скромно приехал к Емельяну в Каргалу и без свидетелей договорился, что Емельян издаст велеречивый указ, призывающий башкирских старшин и Кинзю. Емельян хмыкнул и велел написать, что жалует башкир землями, «верою и законами вашими». Кинзя поклонился и взял бумагу обеими руками.

9 октября он вернулся с полутысячей вооружённых до зубов всадников и с сыновьями Сулейманом и Сляусином. На глазах у всех мятежников Кинзя слез с коня в лужу и поклонился Пугачёву, а Пётр Фёдорович вдруг узнал давнего друга «Кинжея», коему исчо в Питербурхе подарил на кафтан отрез кармазину. «Кафтан я износил, — ответил Кинзя, — а преданность при мне». Пугачёв поставил Кинзю командовать всеми башкирскими войсками и координировать мятеж в Башкирии.

Поначалу не верилось, что башкиры и казаки могут быть заодно. А Кинзя помнил воззвания Батырши, где Батырша объяснял, в чём тут хитрость. Казаки — они как близнецы башкир, тоже конные воины на самообеспечении. Только блага казаков проистекали от покорности престолу, а блага башкир — от непокорности. Кинзя должен был убедить свой народ, что при Пугачёве эта разница исчезла.

Грамотей Кинзя писал воззвания и рассылал их по Башкирии со старшинами, сыновьями и муллами. Для

Памятник Кинзе
в посёлке Ермолаево

гонцов Кинзя выхлопотал право свободного проезда, чтобы «распространять знания». «Знания» впечатляли башкир: Кинзя сообщал, что при Пугачёве находится царевич Павел и 72 тысячи казаков — хотя на Яике их было всего около 12 тысяч. Но Кинзя и не тянул никого к Пугачёву под Оренбург, где лукавство будет очевидно. Кинзя призывал башкир восставать там, где живут, где царит несправедливость. Кинзя ридел за родину, а не за самозванца.

А тех, кто всё-таки являлся в Бёрды, Кинзя определял в свой полк. Точнее даже не в полк, а в школу полевых командиров. Этих добровольцев Кинзя проверял в стычках при вылазках оренбургского гарнизона и потом отправлял по всей Башкирии. Тикую школу прошёл и молодой, сомневающийся Салават Юлаев.

Для башкир мудрый Кинзя не заслонял собой Емельяна, но башкиры внимали Кинзе, а не Пугачёву. Поддерживая дух своих бойцов, башкирские полковники врали, что Пугачёв взял ненавистный Оренбург и поставил там царём Кинзю Арсланова. А власти объявили, что Кинзя будет казнён, даже если сам явится добровольно и принесёт повинную.

Когда армия Пугачёва полегла вокруг Татишевой крепости и Сакмарского городка, Кинзя укрыл уцелевших бойцов Емельяна у себя в деревне. Русские на

Степная пещера, где Кинзя якобы прятал Пугачёва

пали её Красная Мечеть. Кинзя убедил Пугачёва пойти против заводов, чтобы его поддержали башкиры, — и за пару дней собрал Емельяну башкирское войско.

Башкирские полковники покинут Пугачёва после взятия крепости Оса, когда Пугачёв переведёт армию на правый берег Камы, потому что за Камой уже не Башкирия. Но Кинзя останется при Пугачёве. Видимо, Емельян Страшный казался ему Иваном Грозным: он ещё возьмёт Казань и вернёт башкирам вольности первой присяги.

Но Емельян не взял Казани. А Кинзя всё равно не бросил его. Вскоре Емельяна опять разбили, уже окончательно, и он спрятался в миражах суровых калмыцких степей, но Кинзя всё равно не предал друга. Он уголовывал: вернёмся в Башкирию, начнём дело заново.

Потом, уже в плену, цепи узника не дадут Емельяну поднять руку и оттереть слёзы горечи от того, что он не

Ограда вокруг «ползущего» могильного камня Кинзи

взял с собой «Кинжея», когда в тот злополучный день он поехал с заговорщиками за Узень по арбузы. «Кинжей» не позволил бы изменникам скрутить Емельяна. Или убил бы друга. Но тогда, на Узене, Емельян лопухнулся. И в результате верный Кинзя растаял в жёлтых яицких степях, а Емельяна ждёт плаха на московской площади.

А Кинзя остался без Емельяна, но не один. Он остался с Башкирией. Он вернулся домой, и его укрыл сын Сляусин. Сляусин подбил на бунт самого Салавата, после бунта попал в руки врага, но никто из башкир не стал свидетельствовать против него, и Сляусина отпустили. И никто из башкир не выдал Кинзю, приехавшего в Красную Мечеть. Кинзя дожил до конца своих дней и умер свободным человеком, поправ силу империи и волю рока.

В «лихие девяностые» XX века, в расцвет постсоветского сепаратизма, в селе Кинзебызово — родовом ауле Кинзи — власти Башкортостана построят огромный

дворец-музей Кинзи. Однако народ и так не забывал абыза. Тем, кто внушает доверие, местные жители показывают дерево, посаженное Кинзей, показывают пугающие карстовые провалы в степи — пещеру, где Кинзя якобы прятал Пугачёва. А вокруг могильного камня Кинзи, который сам сполз с холма и лежит у подножия, построена кирпичная ограда, и на ней висят мраморные плиты с надписями по-башкирски и по-русски: «Кинзя Арсланов. Могила святого».

ОБОРОНА УФЫ

Место Кинзи Арсланова было подле Уфы — у сердца Башкирии. Но Пугачёв не мог отпустить советника. А без него дела бунтовщиков под Уфой разъехались сикось-накось. Уфу осаждали с двух сторон. Под горой Кургаул на поле Яйынов джигитовали башкиры старшины Каскина Самарова, а в селе Богородском пили кумышку русские митежники казака Ивана Губанова. Самаров считал Уфу своей добычей, потому что был башкиром, а Губанов считал своей добычей, потому что был уфимцем. В итоге вместо общего штурма башкиры и русские занялись битвём морд друг другу из-за права грабить горюх, который ещё надо было взять с огнём и кровью.

Впрочем, Уфа и не думала сдаваться. Она лежала на крутобоких холмах вдоль берега Агидели, как расстеленная скатерть-самобранка. Её старый кремль давно порел, а валы оплыли, но снега оберегали город не ху-

же бревенчатых стен. Уфа надеялась на свой крепкий гарнизон, искушённый многими боями с башкирами. В городе было шесть тысяч жителей, а защитников набралось 1120 человек. Они наморозили редуты, расставили 30 пушек в батарее и сообщили мятежникам, что не выдадут коменданта Мясоедова с воеводой Борисовым, а будут сражаться.

Пугачёв направил под Уфу надёжного товарища Ваньку Зарубина — Чику. Для важности Емельян переименовал Ваньку в графа Чернышёва. Чика прискакал на Агидель и 14 декабря 1773 года занял ставку Каскина Самарова у горы Кургаул. Первым делом Чика заставил Самарова и Губанова помириться и обняться. Теперь под Уфой было вполне управляемое 10-тысячное войско мятежников.

**УФА — СТОЛИЦА БАШКОРТОСТАНА, ХОТЯ
НА ЗЕМЛЕ БАШКИР УФА ВСЕГДА БЫЛА ГОРОДОМ
РУССКИМ, А НЕ БАШКИРСКИМ. ОТНОШЕНИЯ
НАРОДОВ ТРЕБУЮТ ТАКТА, И ФИГУРА
САЛАВАТА — КОНСЕНСУС. ДЛЯ БАШКИР
ОН БОРЕЦ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ ЧЕСТЬ,
ДЛЯ РУССКИХ — МЛАДШИЙ ТОВАРИЩ РУССКОГО
ГЕРОЯ**

22 декабря большой отряд бунтовщиков с криками и пальбой подступился к ледяным редутам Уфы. Пушки защитников тотчас загавкали на врага, будто псы на волков. Но мятежники не пошли в атаку. Это была разведка: Чика, прищурясь, с седла примечал, где в сугробах городской околицы спрятались батареи.

В Уфе на Смоленском соборе вдруг сами собой забили колокола. Пономари взвились на колокольную и ухватили колокола за языки. Но тревожный набат не умолк: в жёлтом небе декабря он словно облепил купола собора. Тогда горожане вынесли из собора иконы и пошли вокруг города крестным ходом. Гул утих.

На следующий день, едва забрезжило, по городу через Агидель и по пикету на Московской дороге ударили 25 пушек повстанцев. Когда упали белые фонтаны разрывов, из снежной пыли на лыжах выбежали 10 тысяч мятежников с ружьями и пиками. Они полезли на валы и редуты. Их встретили в штыки, и они повалились обратно, задрав лыжи. Сражение свирепо барахталось в сутробах до сумерек. Самая тесная свалка случилась на речке Сутолоке. Приступ забуксовал на ледяных откосах. Солнце посинело от закатной стужи, и Чика скомандовал отступление.

Он выждал месяц, пока защитники ослабеют от холодов, и 25 января начал второй штурм. Мятежников стало больше, они придвинули пушки на санях на 200 сажен к уфимским пикетам и стреляли прямой наводкой. Город атаковали сразу с четырёх сторон. Атаку от Кургаула возглавил сам Чика, сидевший на белом коне.

Зима устала от озлобления. Крест уфимской колокольни резал утробы сизых туч. Ветер валил столбы разрывов, рвал пороховые дымы. Мятежники ползли на редуты, стискивая заиндевелые сабли. Защитники падали из ружей, держа в зубах рукавицы. Канониры обухами топоров со звоном разбивали мёрзлые пирамиды чугунных ядер. Мертвецы в залубеневших зипунах сидели в снегу, словно пни.

Отряд Чики вскарабкался на окутанную паром главную батарею, где горячие пушки проплавили ямы в ледяных брустверах. Защитники ударили врукопашную: от их кулаков с башкир слетали треухие волчьи малахаи. Чика отступил. Картечь вспенила снега, и мятежники поползли прочь. Чика орал, стреляя из пистолетов, но белый конь под ним зашатался и упал замертво. Уфа отбила и второй штурм.

Сейчас все ратные поля вокруг Уфы застроены многоэтажками. В облике Уфы нет и следа бывшего упрямства. Уфа — город мягкий, южный, добродушный. Над старинными фигурными особнячками в зелени тополей стоят ампирные дворцы, выше дворцов — пёстрые и причудливые азиатские высотки. В Уфе кажется, что рядом — море: оно где-то за крутым обрывом Агидели. А море — это сама Башкирия, то штилевая в лесостепях, то вздыбленная штормом горных цепей.

Уфа простояла в блокаде до конца зимы 1774 года. Весной генерал Бибииков направил на спасение города специальный detaшемент. Этот отряд пожелал возгласить генерал-интендант Александр Ларионов. Участи Уфы решилась в крепостях Нагайбак и Бакалы.

НАГАЙБАК: БАШКИРСКИЙ ВАВИЛОН

Дорогу от Казани до Уфы за Мензелинском стерегли крепости Нагайбак и Бакалы. Вокруг них селились нагайбаки — татары, перешедшие в православие. Их вера превратилась

Пещера Пугачёва близ села Нагайбак

в национальность: нагайбаки составили особую этническую группу. Под покровительство нагайбаков русская власть отправляла жить персов, арабов и бухарцев — спасённых казахских пленников, которые согласились принять христианство. Крепость Нагайбак стала маленьким башкирским Вавилоном.

Нагайбаки понимали: жить православными на земле ислама они могут лишь в мире с хозяевами — с башкирами. Когда Урал закачало пугачёвщиной, нагайбаки всполошились. Они не хотели бунтовать и не хотели, чтобы давить бунт пришли войска, ведь башкиры отомстят за погром. Комендант крепости Нагайбак увидел смутнение жителей, забрал верных казаков и отступил к соседний Мензелинск.

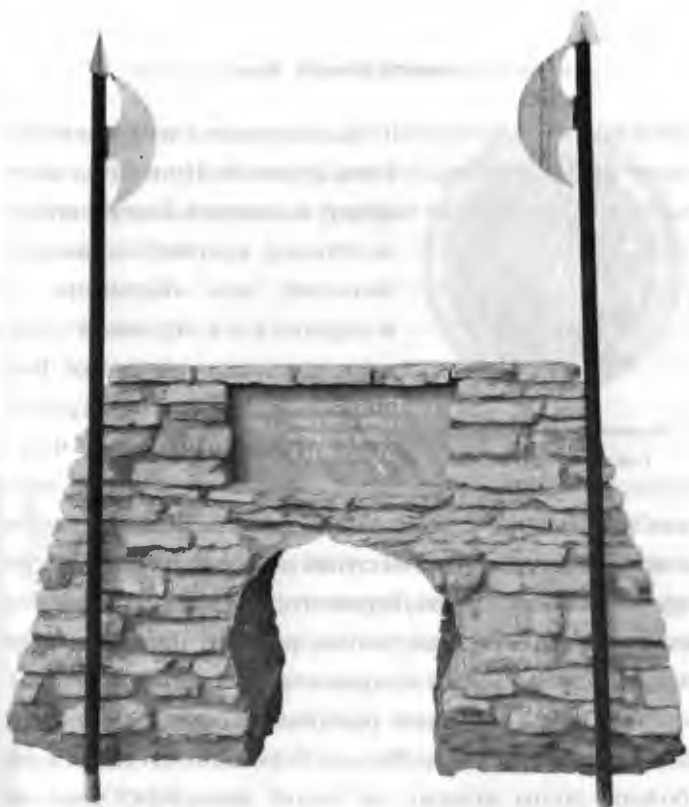
Мензелинск осадили отряды полковника Караная Муратова. Неподалёку на Каме громил заводы старшина Месягут Гумеров. Чтобы контролировать неистовых

башкир, Пугачёв должен был послать атамана для вавилонян Нагайбака. И Емельян подобрал им командира по идентичности: перса-христианина. Перс родился в Мешхеде, имя ему было Валит, а казаки звали его Василием Торновым или Васькой Персияниновым. Такое диво служило в команде Тимофея Подурова. Торнов отправился из-под Оренбурга в Нагайбак с армией из пяти казаков и сразу занял крепость.

Потом в крепости Бакалы Торнов сел за дастархан с Каранаем и Месягутом. Лихой перс и два отчаянных башкира составили отличную компанию, которая, опустошив кумганы, снялась с места и ускакала в Бёрды обмывать дружбу дальше. Пока они бражничали, генерал Бибилов, двигаясь из Казани в Бугульму, занял Нагайбак и Бакалы и разместил здесь свои команды. Под Уфой разъярился Ванька Чика, матеря гулёбщика-перса и его приятелей-башкир. Отряд Чики из-под Уфы полетел на Бакалы и Нагайбак и вышиб гарнизоны Бибилова. Торнов, Муратов и Гумеров в обнимку вернулись в Нагайбак и едва не угодили с пира на виселицу.

Они быстро сообразили, что бунт — это не весело. Что всё по-настоящему. В начале марта 1774 года с мезенного бастиона Нагайбака Торнов увидел штыки деташемента генерала Ларионова, который шёл осуждать Уфу от блокады. Нагайбак изготовился к бою. Два десятка генеральских пушек принялись издали молотить Нагайбак ядрами. Затем в измочаленную крепость ворвались драгуны. Бойцы Торнова отчаянно отмахивались саблями, но не выдержали натиска.

Торнов отступил в Бакалы, к Месягуту и Каранам. Перс и два башкира целую неделю держали оборону.

Памятник «Шапочному мосту» в селе Нагайбак

перекрыв дорогу на Уфу. Пушки генерала полопались, драгуны полегли в сугробы. Лишь пехота, неудержимая, как оползень, под пулями пробороздила снега на брюхе и влезла на куртины. Бакалы пали. Но генерал Ларионов, поражённый сопротивлением мятежников, из Бакалов сообщил командующему Бибикову, что идти дальше на Уфу — смерти подобно, и он отказывается выполнять приказ.

Сражения под Бакалами потрясли и нагайбаков. И бунт для них продолжится в преданиях о Пугачёве, хотя Пугачёв сюда не наведывался. Будто бы Пугач

Старинный памятный знак
с церкви в Нагайбаке

здесь расстрелял из пушек церковь. Будто бы Пугач взял здесь казну, в которой был брильянт величиной с кулак — намного больший, чем «Кохинор», — и спрятал его в огромной пещере, куда въезжал на тройке. Будто бы пугачёвцы построили здесь «шапочный мост» через овраг: принесли землю в шап-

ках и насыпали дамбу. Сие — деяния великого царя, а не бунтовщика. Для местных вавилонян Пугачёв превратится в Искандера Двурогого, Александра Македонского: это ведь он в цветистых легендах Востока рушил храмы, строил мосты и укрывал сокровища Согдианы.

А разгром в Бакалах разбросал Торнова, Муратова и Гумерова по округе. Васька Персиянинов с горсткой бойцов долго кружил по талой лесостепи, пока не примкнул к отряду полковника Кидряса Муллакаева. Кидрясу было 73 года. Он любил золото и книги, всегда сотрудничал с русскими и теперь не понимал, какой шайтан толкнул его на бунт. Кидряс сдался властям и сдал Василия Торнова. Бесшабашный перс очутился в сыром каземате Казани. Но через три месяца для Персиянинова просияло чудо: войско Пугачёва осадило Казань. Тюремные стражники, убегая, перекололи пиками всех узников, а Торнов упал под грудой мертвых и уцелел. Пугачёв принял его обратно в своё войско, произвёл в полковники и вручил полк.

Василий Торнов-Персиянинов дошёл с Пугачёвым до последнего разгрома и попал в плен во второй раз.

Но второго чуда не случилось. 10 января 1775 года в Москве на Болотной площади Торнова подняли в петле над эшафотом, который ещё был залит горячей кровью Емельяна Пугачёва.

ПОД КОНЁМ

Над осаждённой Уфой реяло знамя с изображением коня. Вообще-то на гербе Уфы была куница. При Петре I гербы городов выбили на печатях, что хранились в Герольдмейстерской конторе. Но её директор, достойный итальянец Санти, украл половину печатей и сбежал. Петербург не смог вспомнить старый герб Уфы, и буйным башкирам дали новый — коня. Куница вернулась лишь в конце XVIII века.

После двух штурмов Чика оставил Уфу в осаде. Город страдал не от голода, а от холода. Драгуны делали вылазки не на врага, а в ближайшие рощи, и башкиры охотились за дровяными командами. Пушки бунтовщиков регулярно молотили по Уфе, а отряды налетали на пикеты уфимцев, проверяя оборону на прочность.

Но в целом Ваньке Чике было не до Уфы. Он руководил всем бунтом от Камы до Тобола. Его атаманы осаждали города, заводы, крепости и монастыри. Казак Чика стал равновелик Пугачёву. По плану Бибикова, князь Голицын должен был оторвать бунту оренбургское крыло, а генерал Ларионов — уфимское. Но отряд

Ларионова встал в Бакалах. «С места сдвинуть не могу!» — рычал в письме Бибилов.

Он сместил генерала и назначил командиром detachementa подполковника Ивана Михельсона. Михельсону было 34 года. Бибилов знал его по Семилетней войне и по сражениям с конфедератами в Польше. На глазах Бибилова Михельсон был ранен в бою. Этому офицеру генерал доверял. Михельсон вывел detachement из Бакалов и повёл на Уфу, где его ждали 15 тысяч мятежников Чижи.

На подходе к Уфе Чижа подготовил заслон: двухтысячный отряд с 4 пушками. Михельсон решил, что разбить мятежников в их логове важнее, чем прорвать блокаду города, и обошёл Уфу стороной. Чижа удивился: генералы никогда не считали бунтовщиков за войско и ценили взятые крепости, а не победы в битвах.

Логово Чижи располагалось в русской деревушке Чесноковке, выросшей под горой Кургаул на обочине древнего поля ййинов. Дорогу к Чесноковке Чижа превратил в адскую западню. На этой дороге в лоб detachementу должны были ударить четыре тысячи всадников Чижи, а с каждого фланга — по три тысячи лыжников. Плюс пушки.

24 марта 1774 года detachement Михельсона принял свой первый бой: надо было пройти по дороге и занять деревню. Каре Михельсона продвигалось в гоме канонады, взрывая снега, точно бульдозер. Мотором рокотали солдатские барабаны, отмеряя ритм шагов и поридок перезарядки мушкетов. Detachment наступал как механизм. Он перемолол толпу бунтовщиков, оставив за собой в борозде сотни трупов, и въехал в деревню.

Полторы тысячи мятежников сдались, все прочие бежали.

Ванька Чика-Зарубин, граф Чернышёв, с горстью казаков ускакал в Табынск, но Михельсон из Чесноковки послал туда драгун. Чика метнулся на Богоявленский завод компанейщиков. Уже смеркалось. Расхристанные беглецы набились в избу приказчика и потребовали браги. С горя они упились в дым и захрапели вповалку. Жена приказчика растолкала мужа и протянула ему вожжи: вяжи воров!

**НЫНЕ ДРЕВНЕЕ ПОЛЕ ЙЫЙЫНОВ — ПРОСТО
ЗАМУСОРЕННЫЙ ПУСТЫРЬ, НА КОТОРОМ ДАЖЕ
СКОТ НЕ ПАСУТ, ПОТОМУ ЧТО ДЕРЕВНЯ
ЧЕСНОВКА ПРЕВРАТИЛАСЬ В ПОСЁЛОК
ЭЛИТНЫХ КОТТЕДЖЕЙ. ЧЕГО НЕ СМОГЛА
ДОБИТЬСЯ ИМПЕРИЯ С ЕЁ КАЗНЯМИ,
ТОГО ДОБИЛОСЬ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ**

На рассвете в Табынске драгуны приняли у трясущегося приказчика сани-розвальни, в которых, как туши, были навалены связанные бунтовщики. Конвой повёз их Михельсону, а Михельсон не стал их казнить и отправил в Уфу. На переезде через потемневшую Агидель пленников хотели отбить башкиры, но конвой от них отстрелялся. В Уфе Чику заковали в цепи и отослали в Казань, оттуда — в Москву.

В Москве Чику терзал сам Степан Шешковский, «кнутобойца». Чика молчал. Его кинули в «покаянную камеру», где в крошечной тьме горела только лампада перед иконой. Эта мера ломала любого упряма. Но

Золотой ларец, которым Екатерина наградила Уфу за верность

Чика не сломался. «Я не мог вообразить столь злого сотворения быть в природе», — признался Шешковский.

10 января 1775 года на Болотной площади Чике показали казнь Пугачёва. Едва палач поднял в руке голову Емельяна, Чик у пи хнули в карету и повезли в Уфу: Чик у решили казнить на месте преступления. На поле йыйына у горы Курга ул возвели эшафот. 10 февраля Чика взошёл на помост и увидел Уфу на дилёких холмах и ледяную Агидель, закрывшую глаза.

Чика-Зарубин бунтовал с Рождества 1772 года, со времён яицкого восстания против «регулярства». После разгрома на речке Ембулатовке Чика спрятал знамя повстанцев, а потом отдал его Емельяну. Чика был среди тех казаков, которые первыми присягнули Пугачёву на Таловом умёте. И любо, что напоследок он видит вольную Агидель, а не когтистые башни Кремля.

Отрубленную голову Ваньки Чики здесь же, на поле, насадили на кол лицом к Уфе. Но казаки Яика в смерть Чики-Зарубина не поверили. Уж они-то знали, что Чика спасся и под фамилией Зуморшеев дожил жизнь в скиту близ Бударинского форпоста.

ЧЕЛОВЕК-КЛИЧ

Салават» — не имя. Это боевой клич. У башкир каждый род имел свой клич. Табынцы в бою кричали «Салауат!». Юлай Азналин, старшина Шайтан-Кудейской волости, где жили табынцы, вырастил такого сына-воина, что детей потом запретили называть Салаватами.

Салавату Юлаеву исполнился 21 год. Отец его был богатым баем, и молодой Салават уже имел трёх жён — Амину, Маудию и Буран-бике, по другой версии — Гуль-назиру. В его юрте-тирме агукали два сынишки. Но мятежный дух повлёк Салавата на путь сэсэна Эренсэ. Пылкий Салават тоже стал и воином-батыром, и поэтом-сэсэном. Цветистые дастаны он складывал о любви к родине и к девушке Зулейхе, новой отраде его яростного сердца. А громовые песни-кубаиры Салават посвятит Пугачёву: «Емельян, батыр великий, будто лев разбушевался, смерч поднял по всей даруге...»

В начале пугачёвщины отца рядом с Салаватом не было. Юлай Азналин командовал башкирским отрядом, который в составе российских войск громил в Польше конфедератов — хотя конфедераты хотели от России примерно того же, что и башкиры. Башкиры бунтовали против порядков внутри империи, но всегда защищали внешние интересы державы. А Салават управлял волостью вместо отца.

Как и все старшины, в октябре 1773 года он получил приказ князя Уракова собрать воинскую команду и явиться на пристань Стерлитамак. Здесь князь Ураков формировал конный корпус из тысячи башкир, чтобы

Памятник Салавату в городе Салават

идти под Оренбург на Пугачёва. Салават привёл сотни всадников. Мятеж яицких казаков был ему чужим.

Князь не знал, что в его войско затесался сын Кинзи Арсланова — Сляусин Кинзин. Сляусин говорил не громко, но правду можно и не кричать. От Агидели корпус направился к Московскому тракту. Башкиры скакали вразнобой и спорили. А на тракте в деревне Биккулово они столкнулись с казаками Чики и Овчинникова. Казаки шли бить генерала Кара. Башкиры о

дачились: кому помогать — солдатам или казакам? Они мрачно засели в деревне и стали ждать, чья возьмёт. С победой вернулись казаки. И башкиры двинулись под Оренбург вместе с победителями.

Салават тогда был ещё одним из многих. Его угнетало, что отец оставил его блюсти порядок, а он оказался в стане бунтовщиков. Салават сел на коня и поехал сдаваться в осаждённый Оренбург. Казачий дозор пугачёвцев настиг изменника и пикой выбил из седла. Салавата привезли к Пугачёву на расправу. Так состоялось их знакомство.

Салават не заробел перед самозванцем и сказал о своих сомнениях честно. А Пугачёв поступил мудро — почесал башку под бараньей шапкой и послал Салавата к Кинзе. Кинзя налил две пиалы кумыса, «синего вина», и начал объяснять. Кинзя знал дела Юлая. Чем недоволен Юлай? Тем, что хитрые компанейщики завладели его землями. Зачем нужны эти земли? Пастись скот. Кто так заповедал? Аллах. Мусульманин-башкир должен бороться за Аллаха и за табуны. За веру и традицию. Вера и традиция — главные ценности любого нерусского народа России. А главные ценности казаков — справедливость и равенство. За это казаки Яика и воюют. Империя отнимает всегда самое главное. И у казаков, и у башкир. Потому яицкие казаки и башкиры — братья по обиде, им сподручнее сражаться вместе.

Кинзя дал Салавату отряд, и Салават смело рубился с оренбуржцами. Сабля врага рассекла ему лицо. Емельян произвёл Салавата в полковники и отправил в родные места лечиться. А заодно пускай Салават избунтует свою волость. Салават поскакал домой. Ко-

Недостроенный мемориал на месте уничтоженной деревни Текеево

пыта его коня дырявили первый снег. За грядями белых гор вторым ярусом громоздились гряды декабрьских облаков. Салават мог отказаться от Пугачёва, и никто бы его не покарал. Но он выбрал дорогу бунта, и на этой дороге третье столетие гремит башкирский боевой клич «Салават!».

Деревня Текеево примостилась под хребтом Каратау. Салават начал собирать здесь войско. Но три брата Оптракова отказались идти в отряд, заперлись в своём доме, и тогда Салават сжёг их живьём вместе с домом. Именно это злодеяние потом на суде станет главным обвинением Салавату. А в Текеево из Польши вернулся отец — и одобрил дела и выбор сына.

После пугачёвщины русские власти уничтожат деревню Текеево. Жителей согонят, их дома спалят, а нервные властям муллы проклянут место деревни, чтобы здесь никто больше не поселился. Поляна Текеево, или поляна Сеянтуса, тайно станет национальным мемо

риалом. Лишь в конце XX века Текеево начнут отстраивать заново уже как музейную деревню, но дело не будет доведено до конца.

А в начале января 1774 года гонец доставил Салавату в Текеево первое задание Пугачёва: взять город Кунгур. Дела мятежников там не заладились: Кунгур оказался крепким орешком, и горожане расколотили войско старшины Батыркай Иткинина.

ЧЕСТЬ МАЙОРА

Кунгур своим рождением был обязан бунту Сары Мергена. Город столпился на мысу при впадении реки Ирень в реку Сылву. На холме, озирая «красовитые раздолы», стоял старый и перекошенный бревенчатый кремль о восьми башнях. Чернозёмный и хлебный край нуждался в городе, центре торговли и ремесла, поэтому башкирские мятежи обходили его стороной. Но в пугачёвщину башкиры замахнулись и на Кунгур. В конце 1773 года сюда пришли хмурые отряды сотника Батыркай Иткинина. Батыркай только что овладел крепостью Осой и намеревался повторить этот подвиг с Кунгуром. Семь мятежных пушек нацелились на городок.

Воевода Миллер расставил городскую артиллерию по кремлю в четыре батареи. 23 декабря башкиры пошли на приступ. Их конница прорубилась по улочкам городка до батареи капитана Буткевича, но Буткевич вымел врагов картечью и повёл канониров на вы-

Дом воеводы в Кунгуре — штаб обороны

лазку в контратаку. Башкиры отступили, оставив Кунгуру три пушки.

Озлобленный Батыркой засел за Сылвой, его дозорные влезли на колокольню предместья и не сводили с города глаз. На горожан это подействовало угнетающе: обычно башкиры налетали и улетали, долгая осада была им невтерпёж. Горожане вынесли из собора иконы и пошли по стенам и валам крестным ходом.

Воевода Миллер решил, что Кунгуру хватит и божьей защиты, загрузил сани пожитками и ночью сбежал с семьёй и с капитаном Буткевичем. Ушёл из города и майор Александр Папава. Он оказался в Кунгуре случайно: собирал рекрутов. Он помог отбить башкирский штурм и, согласно приказу, повёл рекрутов в Казань.

Жители оробели, готовые сдать мятежникам брошенный командирами город. Но власть в свои руки взяли купцы во главе с Иваном Хлебниковым. Они скинулись деньгами, пообещав каждому защитнику по 3 рубля за месяц войны. Плата была щедрее, чем у Екатерины в Казани. Горожане укрепились духом. Хлебников вывел жителей латать кремль и сооружать ледяные валы. Боевитые купцы и сами будут драться на этих валах, а Иван Хлебников сложит голову в решающем сражении.

**ДЕРЖАВА, ПОРОДИВШАЯ ПРЕКРАСНЫЕ ГОРОДА
ВРОДЕ КУНГУРА, ПОГИБЛА ВЕК НАЗАД.
НО РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ И НЫНЕ
ДЕРЖИТСЯ ЕЁ СИЛОЙ И СЛАВОЙ**

Бургомистр Кротов помчался на недалёкие Юговские заводы к решительному асессору Башмакову и вернулся с полусотней солдат и знаменем, на котором были вышиты буквы «К.Ю.З.Н.» — «казённых Юговских заводов начальник». Из Екатеринбурга прибыла казачья сотня подпоручика Посохова с двумя пушками.

Воевода Миллер добежал до Чусовского городка господ Строгановых, и здесь его засрамили приказчики. Они собрали воеводе ополчение и отослали обратно исполнять долг. После пугачёвщины за свои художества Миллер угодит под суд.

На колокольне предместья растревожился Батыркай. Он увидел, что Кунгур крепчает. Нельзя терять инициативу. Надо выманить защитников в поле. 4 января у Иренского перевоза толпа конных башкир приня-

лась вопить и стрелять из ружей, делая вид, что раззадоривается для атаки. Город бабахнул из пушек, и башкиры вдруг понеслись прочь, визжа от ужаса. Подпоручик Посохов сразу же кинулся с отрядом в погоню за башкирами и попал в «скифскую ловушку»: все башкиры вдруг поворотились и бросились на казаков — молча и яростно. Подпоручика зарубили.

Весть о гибели Посохова достигла майора Папавы, который вёл своих рекрутов в Казань. Бравый Папава решил, что ему, кадровому офицеру, бесчестием будет оставлять в беде гражданское население. Папава с рекрутами вернулся в Кунгур и по-хозяйски занял Дом воеводы.

Рекруты — деревенские парни, воевать они не умели. Папава начал спешно обучать их искусству экзерциций — боевых перестроений — прямо на площади осаждённого городка. Себе и своим рекрутам майор Папава определил для защиты самый опасный участок кремлёвской стены.

9 января башкиры снова ринулись на приступ. Обороной командовал Папава. На стенах кремля храбро и по всей воинской науке бились купцы, ремесленники и рекруты: они перетаскивали пушки, меняли позиции, а потом побежали из ворот в атаку. Башкиры Батыркин отступили.

Папава решил перенести сражения подальше от ветхого кремля — в поле у деревни Невוליно. Он вывел разношёрстное войско и распланировал бой, учитывая глубину снега, рельеф местности и рощи. И бой получился образцовым. 11 января конница и лыжники башкир атаковали позиции майора. Команды Папавы не

**Старая сосна на реке Ирень, на которой, по преданию,
Салават вешал богатеев**

ремещались по заранее протоптанным дорожкам, то стреляли из ружей, то бросались в штыковую. Пушки палили отовсюду. Из засады в стогах в нужный момент выпрыгнули бойцы. Башкир охватил ужас: что они ни делали — везде на их пути, как шайтаны, лепились из снега враги и жалили пулями прямо в грудь. Башкиры бежали: оставив деревню, они скатились на лёд Ирени и тонули в полыньях. А войско майора Папавы на заказе строем вернулось в Кунгур. Оно размахивало вражеским знаменем и оглушительно грохотало трофейным медным барабаном.

«ХРАБРЫМ ПРЕДКАМ»

Каждый из предводителей бунта постарался помочь Батыркаю Иткинину, который застрял под Кунгуром. Кинзя послал мулту Канзафара Усаева, Чика направил казака Ивана Кузнецова, а Пугачёв — Салавата Юлаева. Иван Кузнецов, пышно поименованный Чикой «российского и азиатского войска главным предводителем», хотел возглавить объединённые силы мятежников под Кунгуром, но Салават собирався покрыть себя славой победителя города и не уступил казаку командование над башкирами.

Мятежники забрасывали Кунгур письмами, угрожая «ыдущими армиями». Майору Папаве это надоело, и он решил врезать по врагу со всей силы. Целью для удара он наметил острожек Кишертъ, где засели Салават, Канзафар и Батыркай.

ОБЕЛИСК В КУНГУРЕ — ПЕРВЫЙ В РОССИИ ПАМЯТНИК, НАПРЯМУЮ КАСАЮЩИЙСЯ ПУГАЧЁВСКОГО БУНТА. ОБЕЛИСК ЗАДУМАЛИ ПОСТАВИТЬ К СТОЛЕТИЮ КУНГУРСКОЙ ОСАДЫ. РОССИИ ПОТРЕБОВАЛОСЬ СТО ЛЕТ, ЧТОБЫ ПОВЕРИТЬ В ПОБЕДУ НАД ПУГАЧЁВЩИНОЙ

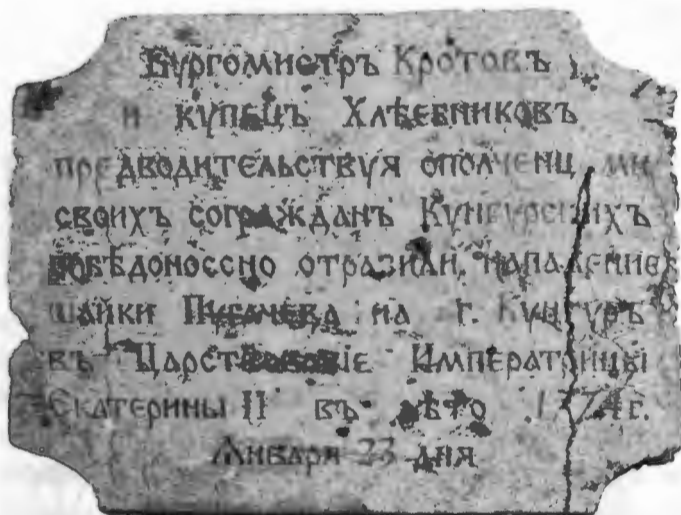
15 января команда Папавы повязала на руки белые платки, чтобы отличать своих от чужих, и пошагали вдоль берега Сылвы к острожку. Башкиры высыпали навстречу и увидели стройные шеренги пехоты. Одним флангом кунгурский отряд прижимался к крутому склону горы, одетому в снежный ельник, а другой

Обелиск в городе Кунгур

фланг на льду Сылвы прикрывала купеческая конница. Башкиры поскакали в атаку и напоролись на дружные ружейные залпы. Удар купеческого эскадрона расколол войско Канзафара и Салавата. Майор прошёл вперёд, вступил в пустой острожек Кишертъ и поднял флаг с литерами «К.Ю.З.Н.».

Салават никак не ожидал поражения. Он думал, что война — это состязание в храбрости. Он явился под Кунгур, пламенея отвагой, а его разбили лавочники, да

Плита с обелиска в Кунгуре

ещё потом казак Кузнецов в гневе растоптал свою шапку и высказал всё, что думал. Салават оскорбился и отказался сотрудничать с Кузнецовым.

А к Кунгуру из Казани приближалось подкрепление: команда секунд-майора Дмитрия Гагрина. У Салавата оставался последний шанс взять упрямый городок. 23 января мятежники снова двинулись на приступ. Однако теперь русские и башкиры шли наособицу друг от друга. Конечно, майор Папава воспользовался этим. С подзорной трубой он сидел на колокольне собора, а его приказы с верхотуры отбивал барабанщик.

Из сизых туч загремела барабанная «тревога»,ставляя защитников встать к бойницам и забраться в сёдла. Небесные раскаты дробы отозвались разбегом ружейного грохота со стен: солдаты и рекруты стрельбой остановили мятежников Ивана Кузнецова. Маршупавший на кремль с колокольни, раскрыл ворота баш

ни и выпустил в поле против башкир купеческую и казачью конницу. Вот теперь была та схватка, какую искал Салават. Но купцы и казаки попятити его батыров, а пуля пробила бедро, и Салават лёг в седле на шею коня. Мятежники отступили.

Жители города надолго запомнят снежные сражения хмурого января 1774 года. В начале XIX века кремль снесут, но последняя его башня — Преображенская — простоит до 1927 года. К столетию осады кунгурская Дума озаботится обелиском в честь победы купцов над повстанцами. Идея увязнет в волоките, и в 1893 году городской голова и купец Колпаков установит мраморную стелу за свой счёт.

Власть Советов всё перекроит по-своему. Деревянную башню распилят на дрова. Из постамента стелы выломают доски со словами о «пугачёвских шайках», а вместо них повесят чугунные плиты с надписями о поднятом «стяге борьбы». В 1937 году взорвут старые соборы, где в бунт грелись защитники, свободные от караула. Стены, выщербленные ядрами, рухнут багровыми грудями кирпича.

Финал советской эпохи наконец-то уравнивает мятежников и защитников. Все были правы. Всех стоит чтить: и купца Хлебникова, зарубленного башкирами, и Салавата, пробитого пулей, и майора Папаву, что исполнил долг чести, а не только присяги. И на мраморной стеле на площади Кунгура появится третье, уже справедливое посвящение: «Благодарные потомки храбрым предкам».

Раненого Салавата товарищи увезли опять в родную деревню Текеево к лекарям-табибам. А казак Иван

Кузнецов, опасаясь майора Гагрин, скомандовал отход. За неудачу под Кунгуром должен был кто-нибудь ответить, и Кузнецов назначил виноватым Канзафара. Его заковали в колодки и отправили на суд к Пугачёву. Емельян разберётся с делом и отошлёт Канзафара обратно к Салавату. А Иван Кузнецов через два месяца погибнет в бою под крепостью Нагайбак.

Однако не все башкиры сбежали из-под Кунгура. Оставшиеся заперлись в острожке Орда, отстреливаясь из 18 пушек. Майоры Гагрин и Папава осадили Орду и в сражении растерзали войско мятежников на клочья.

Потом началось время расправ. Русских мятежников вешали на деревьях — до весны, пока трупы не развалятся. Башкир насаживали за ребро на крючья. Жители Кунгура три дня смотрели на башкира, подцепленного в Гостином дворе. Этот дьявол никак не умирал и бесил бешено плевался в зевак чёрной кровью.

ОПЫТ ПОРАЖЕНИЙ

Красноуфимская крепость входила в Исетскую защитную линию, протянутую Татищевым от Екатеринбурга до Кунгура. Пригодное для «траншемент» место на горе Камешек над рекой Уфой Василию Татищеву указал Алексей Тевкелев.

Рождение крепости освятил подвиг гарнизонного барабанщика Фомы Антонова. В только что построенный «траншемент» мятежные башкиры попытались

прорваться хитростью. Они перестреляли русский дозор, натянули окровавленные камзолы драгун и направились к крепости, надеясь, что караул издалека не разберётся и не закроет открытые ворота. Для правдоподобия башкиры оставили в живых барабанщика Фому — и велели ему перед крепостью барабанить, как положено. Но башкиры не знали русских маршей. Башкирский отряд приближался к крепости, а отважный Фома, не дрогнув лицом, выбивал на барабане «тревогу». Гарнизон догадался о подвохе и встретил врага ружейный залпом. Отброшенные и обозлённые башкиры зарубили Фому Антонова и бежали.

Но времена доблести для Красноуфимска миновали. В конце 1773 года комендант крепости поручик Бахмутов убедился, что вся округа поднимается за самозванца, и 1 января 1774 года сдал свой «транжемент» Канзафару Усаеву. Вскоре в крепость въехал Салават, посланный Пугачёвым под Кунгур. Атаманом Красноуфимской крепости Салават назначил местного казака Матвея Чигвинцева.

Когда через месяц разбитые мятежники бежали от Кунгура, Матвей остался один на один с правительственными войсками. В гарнизоне Чигвинцева оказались шпионы: по ночам, заткнув окошко избы зипуном, вахмистр Савинов писал донесения о делах Красноуфимска, а дьяк Пинов под рясой тайком уносил их в Кунгур майору Папаве. Бравый майор собирался в поход на Красноуфимск. Чигвинцев, едва узнал об этом, сразу послал гонца к Салавату: выручай, брат, идёт на нас «кунгурская сила». Салават вскочил в седло и повёл своих башкир спасать Красноуфимск.

Мятежники расставили по бастионам крепости пушки и приготовились к обороне. От Кунгура мела густая метель. Из метели вышли солдаты майора Гагрина и майора Папавы. По доносам вахмистра Савинова майоры знали, что в Красноуфимске с порохом туго. Канониры майоров вызвали крепость на дуэль, и пылкий Салават приказал палить во всю прыть. Когда крепость отгавкала и замолчала, из снегов встали солдаты и пошли на приступ, стреляя из ружей. Башкиры помахали с куртин бесполезными саблями, в досаде прыгнули в сёдла и умчались в лесостепи за реку Уфу.

Майоры заняли «транжемент» и взяли в плен атамана Матвея Чигвинцева. Из Красноуфимска Гагрин пошёл на Чусовую отгонять от Екатеринбурга войско Белобородова, а Папава вернулся в Кунгур и там повесил атамана. В Красноуфимск, оставленный войсками, ночью влетели башкиры, стащили с печи дьяка Пинона и расстреляли на дворе.

Салават жаждал подвига: лихого, быстрого, безусловного. С реки Уфы сквозь снежные леса он поскакал на Каму, чтобы напасть на богатое дворцовое село Сарапул. Но с околицы села затрещали ружья карабинеров Архангельского полка, оборонявшего город. Салават отступил и вернулся к Сарапулу через неделю, но теперь навстречу башкирам выехали изюмские гусары. Салават плюнул и поворотил обратно на Красноуфимск.

Крепость безвольно открывала ворота всем, кто хотел войти, — открыла и Салавату. Новым атаманом Салават назначил Карпа Чигвинцева, брата казнённого атамана. Из Кунгура тотчас выдвинулся отряд Папавы. Солдаты дошагали до речки Зюрги и принялись стро

Караульная изба Красноуфимской крепости, которая видела Салавата и Пугачёва

ить ледяные редуты. К ним навстречу уже летел Салават. Он ещё не научился воевать рассудком, а не саблей. 14 марта конница башкир набросилась на редуты у Зюрзи и увязла в рыхлых снегах. Папава безжалостно отхлестал конницу картечью. Майор сражался как по учебнику, и ярость Салавата, столкнувшись с жестокими законами «науки побеждать», рассыпалась на трескучие искры.

Салават откатился и не сумел зацепиться за бастионы Красноуфимска: его унесло в деревню Бугалыш. Но через три дня в Бугалыш неотвратимо примаршировали солдаты Папавы. Они пролезли в деревню, как муравьи в щели, и язвили башкир: стреляли из окон домов, разили длинными штыками из-за углов, прожигали улочки картечью. С потрясённого Бугалыша свалились шапки крыш. Конные башкиры вертелись в тесноте проулков, митаптывая собак, и наконец поскакали прочь из разгромленной деревни.

Папава доставил в Кунгур Карпа Чигвинцева и повесил там же, где и его брата Матвея. Получилось, что майор Папава спас город уже во второй раз. А вскоре он спасёт Кунгур и в третий раз, когда на той же речке Зюрзе под Титечной горой своротит с пути самого Пугачёва.

Салават же вернулся к отцу в деревню Текеево без всяких побед. Но горький опыт ещё научит Салавата: желанный подвиг — это не громкая победа над врагами, а личное непокорство, которое становится судьбой.

ЗА НЕПРАВДУ И СЕЯНТУС

Заводчик Иван Твёрдышев гордился своим умением поладить с башкирами так, чтобы «безпокойства не отрыгнуло». В войлочных юртах он сидел на кошке вместе с суровыми тарханами и пил айран из медных пиал. Башкиры были рады цене, которую давали компанейщики, выкупая их землю, и не догадывались, что получали гроши. В этих лесных горах башкиры занимались только сбором мёда, выращивая пчелу бурзянку, и Твёрдышев благоразумно обязал своих лесорубов не трогать деревьев с бортями. Кроме того, русские платили башкирам за извоз.

Недовольным оказался один лишь Юлай Азналим. В возрасте Салавата он воевал на стороне Батырши, потом принёс покаяние властям и был прощён. Его, богатого человека, избрали старшиной Шайтан-Кудейской волости. В 1760 году он продал компанейщи

Игнatieвская пещера на речке Сим

кам речку Сим, горную и многоголосую. На речке вырос горный завод.

Слава речки Сим покатится по России в конце XIX века. В 1883 году жители Симского завода, как обычно, принесут хлеб тихому отшельнику Игнатию, который 25 лет обитал в пещере на берегу речки, и увидят, что Игнатий упокоился. Его тело погребут в гроте, заложив камнями, а в полуистлевших бумагах, что хранил отшельник, прочитают: Игнатий — это Великий князь Константин, брат государей Александра I и Николая I. Так в Симе аукнется легенда о Фёodore Кузьмиче.

Забытая история отшельника Игнатия воскреснет в 1980 году, когда в его пещере археологи найдут рисунки первобытных людей. Интерес к подземной галерее снова поставит вопрос: кем же был этот Игнатий? Самозванцем, как Пугачёв?..

А Юлай Азналин догадался, что с речкой Сим его объегорили. Он подал на компанейщиков в суд, и через

много лет волокиты суд признал победителями компанийщиков. Юлаю осталась только месть. В пугачёвщину ему было 44 года.

Пока Салават дерзал под Кунгуром, угрюмый Юлай собрал войско и властно занял завод Сим. Надменные конные башкиры неторопливым шагом проехали по плотине мимо громад доменных печей, и жители Сима поняли: стоит им дёрнуться — и башкиры вырежут их, как во времена Орды.

Со всех окрестных заводов мастеровые, которые не хотели покоряться башкирам, сбежались на Катав-Ивановский завод. Завод занял оборону. А на Усть-Катавском и Юрюзанском заводах уже хозяйничал разбойник Сидор Башин, который признал над собой власть Юлая и Пугачёва.

В начале мая 1774 года в вотчины Юлая вторгся деташемент Михельсона. Михельсон прорывался из Уфы на восток, где в Белорецком заводе засел Пугачёв. Перед Симом Юлай выставил против деташемента заслон из трёх тысяч конницы с 8 пушками. Заслоном командовал Салават. Звезда Салавата притягивала лучших и врагов, решительных и быстрых, — майора Папаву и подполковника Михельсона. Михельсон без раздумий направил деташемент на башкир. «Не уважая нашу атику, прямо пошли нам навстречу», — записал Михельсон о врагах. Два войска сшиблись на лугу, усыпанном подснежниками, и башкирская конница разлетелась на осколки.

Обратно своё войско Салават собрал только в деревне-крепости Ерал. Михельсон вышел к ней через день. Ядра деташемента повалили частокол Ерала, дра

гуны ворвались на улочки. Триста батыров полегли под картечью, только тогда Салават оставил Ерал.

Деташемент Михельсона занял Усть-Катавский завод. Печи завода выдохнули с облегчением. Выманив из лесов отряд Сидора Башина, драгуны порубили буйных разбойников и повязали остальных. Для успокоения заводов Михельсон вздёрнул главаря Сидора на воротах плотинного затвора и пошёл дальше — из гор в степи. Он искал не Салавата, а Пугачёва.

**БАШКИРЫ ГРОМИЛИ РУССКИЕ ЗАВОДЫ НЕ КАК
ХОЗЯЙСТВА, РАЗРУШАЮЩИЕ ИХ ОБРАЗ ЖИЗНИ,
А В ОТМЕСТКУ ЗА ПОТЕРЮ РОДОВЫХ УГОДИЙ.
БАШКИРСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ЗАВОДОВ БЫЛА
АРХАИЧНЕЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ. И ПРИМЕР
ЮЛАЯ АЗНАЛИНА ОЧЕНЬ ПОКАЗАТЕЛЕН**

Ободрённые жители завода Сим создали отряд самообороны. Его возглавили плотинный мастер и поп. Но 23 мая к Симскому заводу вернулись Салават и Юлай. Ополчение вышло на околицу и принялось бабахать из ружей. Башкирская конница опустила пик и с визгом понеслась на стрелков. Защитники Сима побросали оружие и в панике побежали в посёлок. Башкиры ворвались в Сим на плечах бегущих. Российская империя в Польше научила Юлая давить мятежи, и по этой науке воины Юлая на заводской площади Сима навалили гору из сотни трупов. В храме с грохом обрушили иконостас. По дворам закричали девки, которых насиловали башкиры. По водосбросу плотины понесло шапки пены, розовой от крови.

А Салават ушёл в Сатку — встречать Пугачёва. Возле беззащитных заводов остался Юлай. Он сжёг дотла Усть-Катавский завод, а потом и Юрюзанский завод, где башкиры порубили ещё 138 человек. Затем Юлай осадил Катав-Ивановский завод, который обороняли рабочие. Свирепый Юлай Азналин стал Газраилем этих гор, ангелом смерти. Говорят, кто увидит Газраиля — от ужаса лишится чувств на тысячу лет. Такой срок назначил Юлай в покаяние русским за неправду и Сеянтус.

«ИЗБРАННЫЙ»

Салават ждал Пугачёва на реке Ай возле пристани Саткинского завода, но раньше Пугачёва на пристань вышел Михельсон. После сражении у моста Тубаляс Салават посторонился и пропустил Михельсона, а затем встретил Пугачёва под Саткинским заводом у Пьяной горы. Емельян удивился, как Салават возмужал за эти полгода.

Пугачёв и Салават вместе бились с Михельсоном у речки Киги и на переправе через Ай. Потом Михельсон увёл деташемент на пополнение в Уфу, а Пугачёв решил идти на Кунгур. Но Салават не захотел возвращаться к Кунгuru, где его дважды разгромили. Он оставил Пугачёва и направился сначала в Сим к отцу, а дальше — на крепость Бирск.

Башкиры нападали на Бирск при каждом мятеже. Бирск был ключом к Уфе. Боярин Челядин основал его

в один год с Уфой как надёжную заставу для охраны дороги от Казани к Уфе. Бирский кремль стрельцы накатали из брёвен после бунта Сары Мергена — век назад, и ко временам Пугачёва кремль рассыпался бы от толчка плечом.

В конце мая 1774 года к Бирску подступились отряды трёх старшин: Аладина, Араслана и Буляка. Городок обороняла команда майора Отто Дуве. В Бирске по домам и подворьям лежала сотня солдат из detaшемента Михельсона, раненых в боях у завода Сим и деревни Ерал, на речке Маскайке и у моста Тубаляс. Майор Дуве запросил сикурса у командиров Уфы и Нагайбака, но командиры не ответили. Тогда 27 мая Дуве причастился перед верной гибелью и вышел в поле против трёх тысяч башкир всего-то с двумя сотнями драгун. Драгуны понеслись в атаку с отвагой обречённых — и разгромили башкир в пух и прах.

Аладин, Араслан и Буляк потерпели поражение, потому что не могли решить, кто у них главный, и сражались в соперничестве друг с другом. Так у башкир было везде, не только под Бирском. Пугачёвщина вздыбила всю Башкирию, но каждый старшина счёл себя полководцем, не отличая войны от баранты. Мелкие местные отрядики изгоняли из своих деревень русских чиновников, купцов и попов. Крупные отряды налетали на крепости и заводы. Но башкирам не хватало терпения для правильных осад, не хватало сил для больших сражений и не хватало понимания для единства.

Кинзя Арсланов переломил национальный гонор и за весь народ присягнул самозванцу. Кинзя сказал

башкирам: мы признаём Емельяна царём, потому что Екатерина не признаёт нас народом. Если бы Екатерина признавала башкир самостоятельным народом, то не принуждала бы их жить по правилам другого народа — русского. А судьба царского трона башкир не волновала, просто им на какое-то время было по пути с Пугачёвым.

Конечно, за столетия борьбы за свои права у башкир случалось всякое. Башкиры вырезали русских, поднимали зелёное знамя, объявляли ханство. Но они воевали не с русскими и не с христианами — они воевали с государством. И к порядкам Пугачёва они тоже относились как к порядкам государства — только в государстве Пугачёва им было бы хорошо.

Кинзя научил Емельяна уважать башкир, но Емельян перестарался. Он производил башкирских воинов в полковники налево и направо. После боя на реке Ай он сделал Салавата бригадиром, а старшину Базаргула Юнаева сразу аж фельдмаршалом. Поэтому башкирам был нужен не предводитель со званием, а человек с авторитетом. И таким оказался молодой Салават. Пускай он был почти мальчишкой, башкиры понимали: во имя борьбы он пожертвовал всем — богатством и свободой, талантом и жёнами.

Зимой в деревне Текеево поставил юрту седой сэсэн Баик Айдар, тогда — главный поэт нации. Баик Айдар воевал и вместе с Карасакалом, и вместе с Батыршой. Теперь сэсэн хотел увидеть Салавата, хотел поговорить с ним. Увидел. Поговорил. И вскоре по аулам Башкирии запели кубаир Баика Айдара о Салавате. Старый батыр для новой войны нашёл «избранного».

Баик Айдар переживёт Салавата на сорок лет. Он достигнет возраста в 104 года, и до смерти будет петь Башкирии запрещённые песни о Салавате, потому что этот самоотверженный юноша, поэт и воин, увенчал собой двухвековую эпопею великой национальной борьбы.

А Салават пошёл на Бирск. Лазутчики тотчас донесли об этом майору Дуве. Салават был ещё далеко, но храбрые драгуны Дуве безропотно сели в лодки, погрузили раненых и перегребли на левый берег Агидели — так велик уже был страх перед Салаватом. Грозному Салавату майор оставил крепость без боя. Но Салавата опередил полковник Бахтияр Канкаев.

Самолюбивый и независимый Бахтияр считал, что Салавата уважают не по заслугам. Бахтияр поспешил к Бирску, ворвался в пустой город и поджёг кремль. Салават прибыл, когда город уже превратился в огромный костёр.

Бахтияр отнял у Салавата победу над Бирском, и никаких других великих побед Салават уже больше не одержит. Но всё равно человек с именем как боевой клич для башкир станет призывом правды, а для русских — демоном Башкирии.

«ГОРОД МАЛ И ЗОЛ»

Салавата под Бирском обманул Бахтияр Канкаев, а Емельяна под Кунгуром остановил майор Александр Папава. Салават и Емельян пошли на воссоединение в крепость Осу.

Русский городок Оса венчал холм над Камой возле устья тихой речки Тулвы. Окрестные земли были Осинской даругой — северной частью Башкирии. До сих пор не ясно, почему городок получил такое имя. К осам Оса не имеет отношения. А жители верят, что имя селению дал Пугачёв. «Город мал и зол, жалит, как оса», — якобы сказал он под Осой летом 1774 года в осаде и в досаде.

Началась Оса при Иване Грозном в тот момент, когда барка Якова Строганова внезапно замерла посреди Камы, будто налетела на мель. Но это была не мель. Так корабельщиков окликнула икона Николая Чудотворца. Корабельщики поплыли на берег и достали икону из развилки на берёзе. Яков Строганов привёз явленный образ государю, но икона «попросила» Грозного вернуть её обратно.

СТРАННО. В XVIII ВЕКЕ ЭТИ НЕБОЛЬШИЕ ГОРОДИШКИ БЫЛИ ОТЧАЯННО НУЖНЫ И ВЛАСТЯМ, И МЯТЕЖНИКАМ. ГОРОДОК ОСА, НАПРИМЕР, В СВОЕЙ ИСТОРИИ НИКОМУ БОЛЬШЕ НЕ БЫЛ НУЖЕН ТАК, КАК ПУГАЧЁВУ

По изволению царя, Саввино-Сторожевский монастырь, центр православного миссионерства, основал на месте появления иконы маленькую обитель — как в Табынске. При обители выросла Николо-Берёзовская слобода. В 1591 году два её жителя, братья Калуженины, отселились вверх по Каме на полсотни вёрст и основали Ново-Никольскую слободу. Она и превратилась в крепость Осу.

Реконструкция Пытальной башни в городе Оса

По Осе хлестали все бунты башкир. После войны Сары Мергена в городке завели регулярный гарнизон, а после войны батыра Алдара основательно, хотя и по старинке, перестроили крепость. Бревенчатые стены-городни с крытым боевым ходом очертили квадрат острога с шатровыми башнями по углам. Проезд в острог находился в пятой, самой высокой башне, — в Пытальной.

В конце 1773 года заволновались Тулвинские башкиры. Их гонцы поскакали под Уфу к Чике и вернулись полковниками. Штаб восстания на Осинской даруге расположился в селе Барда, истоптанном конями бунтовщиков. А русская Оса не могла понять, что же стряслось в державе. Воевода Фёдор Пироговский направил в Барду посольство: башкиры на своих маленьких косматых конях снуют везде и всё знают — они объяснят. Послы вернулись с потрясающими новостя-

Памятник пугачёвщине
в городе Оса

ми: в стране объявился новый царь, он воюет за престол, а башкиры ему уже присягнули! Оса зажужжала, как осиное гнездо, и воевода приказал открыть башкирам ворота. Башкиры вступили в Осу «во многолюдстве со знамями».

Воеводский дом занял тулвинский мулла Абдей Абдулов. Он рассылал манифесты, поднимая на бунт всю даругу. Отряд муллы Адигута поскакал брать Соликамск, а отряд Батыркай Иткинина поскакал брать Кунгур. Башкирский конвой увёз в саних под Уфу плачущего воеводу Пироговского, и воевода принёс присягу Ваньке Чике. Потом, уже после пугачёвщины, в приговоре Пироговскому судья огласил воеводу «оказался столь подл, что предпочёл пакостную жизнь честной смерти».

Однако на Юговских казённых заводах, что располагались тоже на Осинской даруге, засел деятельный асессор Башмаков. Близ Юго-Камского завода его отряд преградил мулле Адигуту путь на Соликамск и развеял башкир по сугробам. Затем detaшмент унтер-шихмейстера Леонтия Яковлева повышибал мятежников из заводов под Кунгуром и в середине марта сошёлся с башкирским войском у села Беляевка. Башкирами командовали старшина Сейфула и слепой полковник Адыл. Рабочие бились с башкирами, как в годы татищевской «вольницы», и пушками прожгли себе дорогу

на Осу. 6 апреля 1774 года шихтмейстер Яковлев занял крепость.

Воевода Пироговский каляся и драл ключья из бороды. Ассессор Башмаков не имел права отстранить воеводу и оставил Пироговского на посту. А мятежные башкиры прятались по лесам на холмистых берегах Тулвы. Сдаваться

они вовсе не собирались. Они сидели у костров, пока не растаяли снега, и дождались, что на Осинскую даругу свернул сам Пугачёв. Башкиры вышли из дебрей и осадили Осу.

Портрет Пугачёва
с памятника в Осе

Крепостью теперь командовали двое: воевода Пироговский и шихтмейстер Яковлев. Они имели все шансы устоять против Пугачёва. Яковлев даже сходил из крепости на соседний Шермяитский завод и напоял всем пальбой с заводской плотины усадил армию мятежников в заводской пруд как в лужу. На боевых ходах крепости дежурила тысяча защитников с шестью пушками. Кроме того, под носом Пугачёва в Осу пробралось подкрепление: казанские роты секунд-майора Фёдора Скрипицына. Однако майор властно отстранил от командования обороной опозоренного воеводу Пироговского и странного командира Яковлева, вообще-то не офицера, а мастера по составлению шихты — смеси руд для плавильных печей. Это решение и сгубило крепость Осу.

ОСАДА ОСЫ

19 июня, перевалив Петухову гору, посадки Осы заповолонили повстанцы. Их было около восьми тысяч. Под бревенчатыми городнями собрался весь ареопаг бунта: Емельян Пугачёв и Андрей Овчинников, Иван Белобородов и Иван Грязнов, Кинзя Арсланов и Салават Юлаев. Пугачёв решил брать крепость Осу штурмом.

Мятежникам не хватало орудий, чтобы разбить ворота Пытальной башни, а стены из срубов — не земляные куртины, на которые можно вскарабкаться. Для Осы был нужен полноценный приступ с лестницами и крючьями. Одну атаку повёл Белобородов, но крепость отстрелялась и покрошила нападавших, а Белобородова ранило в руку. Другую атаку возглавил Салават, но результат оказался тем же, только Салавата ранили в ногу. Тяжёлые тучи сыпали морось на тесовые раскаты кровель Осы и на рогожу кибиток мятежников. Кама стучала в яры прибоями.

**ПУГАЧЁВ БУНТУЕТ ПРОТИВ ВСЕХ ЭПОХ,
И ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ОН ТОЖЕ БЫЛ
НЕ СОВСЕМ УДОБЕН. ЕГО ПОСТАВИЛИ В РЯД
БОРЦОВ С КРЕПОСТНИЧЕСТВОМ. ВЫГЛЯДЕЛ ОН
АРХАИЧНО, ОДНАКО ВСЁ РАВНО ПРИТЯГИВАЛ
ВНИМАНИЕ. ПРИМЕР — БОЛЬШАЯ ДИОРАМА
В ГОРОДЕ ОСА**

Оса оборонялась уверенно и сердито. Из ворот Пытальной башни капитан Смирнов выводил солдат

Диорама «Взятие Пугачёвым крепости Оса»

в контратаки, но солдатские штыки гнулись о клеёные «холщовые латы» башкир. Наконец Пугачёву наскучило бодаться с крепостью.

Бунтовщики потащили к стенам Осы охапки сена и хвороста. Майор Скрипицын рассмотрел эти приготовления сквозь стрельницы башен в подзорную трубу и понял, что Пугачёв не собирается уходить, оставив крепость непокорённой.

Майор запросил перемирия на сутки. Пугачёв согласился. В воеводском доме закипели жаркие споры. Воевода Пироговский уговаривал сдаться: мол, присяга самозванцу — ерунда, у государыни можно вымолить пощаду, а у Пугачёва — не получится. Шихтмейстер Яковлев был против. Скрипицын поразмыслил и решился на капитуляцию. Но для капитуляции требо-

валась веская причина. Например, уверенность, что Пугачёв — и вправду царь.

Из крепости в стан мятежников приковылял старый солдат Пётр Треногин, который давным-давно видел Петра III. Он сказал, что майор хочет убедиться, вправду ли Оса сдаётся царю, а не самозванцу? Перед солдатом встали в шеренгу двадцать человек, в том числе и Пугачёв в казацком кафтане. Солдат «установил глаза прямо». Пугачёву уже осточертели эти спектакли, и он гаркнул: «Узнавай, коли помнишь!» Старик, ясное дело, сразу узнал императора. 21 июня Оса выбросила белый флаг.

Пугачёв с атаманами ждал у ворот Пытальной башни. Ворота раскрылись. Под барабанный бой из тёмного проёма строем вышли угрюмые солдаты и встали перед Пугачёвым на колени. Знаменосец склонил знамя. Но с крепостной башни по толпе бунтовщиков вдруг ударила пушка. Это стрелял шихтмейстер Яковлен. С парой солдат он остался на батарее драться до гибели. Мятежники побежали к башне, взобрались на ярус боя, зарубили солдат и повязали Яковлева. Пугачёв отдал шихтмейстера на расправу башкирам. Мстительные башкиры подняли Яковлева на пики.

Пугачёв вернул майору Скрипицыну его шпагу и назначил командовать своим же полком. Но майор быстро осознал, какую ошибку он совершил. С офицерами своего полка он составил заговор: когда мятежники пойдут на штурм Казани, полк ударит им в спину. Ночью при свете лучины офицеры написали об этом письмо казанскому губернатору фон Бранту. А утром офицер-изменник принёс письмо Пугачёву. Майора

Скрипицына и других заговорщиков повесили на ветвистой берёзе над Камой. Войско мятежников ушло, а офицеры так и висели на дереве, глядя, как июньский ветер ерошит речной плёс. Жизнь и честь офицеров достались этому ветру.

Воевода Пирововский дотащится с мятежниками до Казани, а там сдастся в плен. Суд лишит воеводу чинов и дворянства, его накажут кнутом и навечно сошлют в Кольский острог «на угрыzenie гнусной его совести».

Командовать Осой Пугачёв оставил местного крестьянина Ивана Тарасова. 1 августа из Кунгура к Осе придёт майор Папава и выбьет мятежников из крепости. Тарасов укроет свой отряд в лесах, но непреклонный Папава отыщет его и 18 августа в бою у деревни Пещеры перестреляет и переколет всех бунтовщиков.

Ещё месяц после гибели Тарасова по тулвинским рощам будет бродить отряд Батыркай Иткинина, который некогда первым осадил Кунгур. Узнав, что мятеж разгромлен, а Пугачёв пленён, Батыркай сложит оружие.

После победы над Осой Пугачёв расстался с башкирами. Он уходил вниз по Каме на Казань, но за Камой для башкир начиналась чужая земля — не Башкирия, и туда они идти не захотели. Пугачёв принял это. Из всех башкир с ним отправился один лишь Кинзя. Крепко обнявшись, Емельян Пугачёв простился с Салаватом Юлаевым. Снова свидятся они уже только за чертой смерти: там, где рай правоверных своим краем сходится с адом православных.

УФА ПО ПЛЕЧУ

Пугачёв ушёл из Башкирии, а пугачёвщина продолжалась. В середине июня все силы мятежа притянула к себе пристань Стерлитамак. Башкиры собирались здесь в поход на Уфу. Уфа им была важна так же, как яицким казакам — Оренбург.

Командовал башкирами полковник Каранай Муратов. Зимой он воевал заводы по Каме, потом с Васькой-персиянином сражался в «транжементе» Бакалов, потом увёл свой разбитый отряд в леса. Едва лето задышало зноем, Каранай вышел на берег Агидели и захватил Стерлитамак: тем самым он перерезал тракт от Оренбурга до Уфы. Каранай объявил башкирам общий сбор на великий поход.

Рядом с Каранаем тотчас оказался Каскин Самаров. Он ещё осенью твердил, что место башкир — под Уфой, а не под Оренбургом. Каскин набросился на Уфу в октябре, но не одолел — ни сам, ни под началом Ваньки Чики. Когда Михельсон разбил Ваньку, Каскин укрыл своих батыров за плечами гор. Поражение — не беда: пророк до возвращения в Мекку тоже прятался в Ясрибе. Каскин пошёл на вторую попытку.

Армия Караная выросла до трёх тысяч всадников, когда в неё влился отряд старшины Алибая Мурзагулова. Но Алибай сам для себя ещё не решил, на чьей он стороне. Поначалу он был командиром в корпусе князя Уракова, как и Салават. Сляусин Кинзин, сын Кинзи Арсланова, разагитировал корпус, и вскоре Алибай оказался под Уфой полковником при Чике. Когда Михель-

сон разгромил Чику, Алибай принёс повинную и был отпущен. А теперь вот снова собрал воинов и очутился на втором круге судьбы: он опять на Агидели и опять идёт на Уфу.

В городе теперь хозяйничал князь Пётр Голицын, спаситель Оренбурга. Он собирал силы для удара по башкирам, и Уфа штопала картузы с порохом. В начале июля князь Голицын перевёл своих драгун из Уфы в Табынскую крепость. Князь не хотел давать врагам преимущество битвы в степи, а башкиры не хотели давать князю преимущество битвы у «транжементов». Поэтому местом сражения соперники избрали дебри Агидели — реки Белой. Но в лесу сильнее всех был сам лес.

Драгуны князя вышли из крепости и погрузились в глубины спелых чащоб. От Табынска до Стерлитамака с поляны на поляну заматалось суматошное сражение. Конные команды летали сквозь дубравы туда-сюда, теряли друг друга и путали отряды врагов со стадами буланов, башкирских оленей. Пушки проваливались в медвежьи берлоги. С ветвей рыси когтями рвали проплывающие мимо знамёна. Растерзанные драгуны вернулись в Табынск, растерзанные башкиры — в Стерлитамак. Между ними стеной стоял лес, где ночью победно завывали волки.

Башкирские полковники думали, что им делать дальше: победа не добыта, Уфу сейчас не покорить. Алибай Мурзагулов решил, что борьба бессмысленна, простился с товарищами и сдался Голицыну. Каскин Самаров не смирился и отправился к Салавату. Салават находился в своей деревне Текеево на попечении знахарей-табибов — он лечился после ранения, полу-

ченного под Осой. А Каранай повёл воинов к Пугачёву за Каму.

Но через Каму Караная не пропустили солдаты: отбили его от переправ у Сарапула и Елабуги. Каранай понял, что Зульфикар указывает ему на Текеево. Так в деревне Салавата потихоньку собрались все те, кто продолжал надеяться на захват Уфы: Каранай Муратов и Каскин Самаров, Канзафар Усаев и Юлай Азналин.

К тому времени князя Голицына в Уфе сменил генерал Фердинанд Фрейман. Опытный Фрейман знал, что башкир не победить в бою, но они самоуверенны и беспечны, когда врага не видно. Потому их легче одолевать кинжально точными диверсиями. С таким заданием Фрейман выпустил в леса вокруг Текеево отряды подполковника Ивана Тимашёва и старшины Кидряса Муллакаева.

КОННЫЙ ПАМЯТНИК САЛАВАТУ В УФЕ СТАЛ СИМВОЛОМ БАШКИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, КАК МЕДНЫЙ ВСАДНИК — СИМВОЛ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. ДЛЯ БАШКИР САЛАВАТ ЗАСЛОНИЛ СОБОЮ ПУГАЧЁВА, НО ПУГАЧЁВ, УЗНАЙ ОН ОБ ЭТОМ, НАВЕРНОЕ, НЕ ВОЗРАЖАЛ БЫ

Тимашёв сражался ещё с Батыршой, а минувшей зимой выстоял всю осаду Оренбурга. Кидряс же заслужил милости, выдав русским перса Ваську Торнова. Под древней Текеево засада Тимашёва навалилась на Караная, а в ловушку Кидряса угодил Канзафар. План Фреймана сработал: поимка товарищей сломила Каскина

Памятник Салавату в Уфе

Самарова. Он разуверился в планиде Салавата и уехал сдаваться генералу Фрейману. Салават остался только с отцом Юлаем, и взять Уфу вдвоём они уже не могли.

Каскина Самарова, сложившего оружие, помилуют, и он навсегда исчезнет где-то в Башкирии. Каранай Муратов обманет следователей, избежит кары и будет доживать жизнь под надзором. А Канзафар и Юлай разделят каторгу с Салаватом.

В июле 1774 года Салават опять не свершил великого подвига. Аллах создал Салавата героем духа, а не меча. Уфа оказалась не по плечу батыру — и всё равно Са-

лават станет конным гением Уфы и этим покорит её безоговорочно и навеки.

«НАХОДИТЬСЯ В БЕЗПОКОЙСТВЕ»

Старшина Алибай Мурзагулов сдался не из трусости. Он хотел как лучше для народа. Когда враг сильнее, мир с врагом лучше войны. И в сентябре 1774 года начальство свозило Алибая в Симбирск, где показало сидящего в клетке Пугачёва. Алибай не желал такой участи для сородичей-бунтовщиков. Он оседлал коня и поехал по Башкирии, призывая прекратить борьбу. Башкиры его услышали.

Из 86 башкирских старшин в пугачёвщину бунтовали 77. А осенью не сдались лишь пятеро: ушедший с Емельяном Кинзя, исчезнувший Бахтияр Канкаси, Юлай Азналин, сын его Салават и ещё Ильчигул Иткулов. «Нам склониться невозможно», — твёрдо отвечал Ильчигул на уговоры. Он сдастся русским самым последним, уже в начале зимы, когда Салават будет в плену. От наказания Ильчигула освободят.

Юлай Азналин упрямо долбил непокорный Кав-Ивановский завод к югу от Текеево, а Салават ушёл на север в небольшую крепость Елдяк на берегу реки Уфы. В ноябре 1773 года Елдяк взбунтовали казаки братья Шеметовы, есаул и хорунжий. Теперь Елдяк оказался последним «транжементом» мятежников.

Он был захолустьем даже по меркам немногочисленного Урала. Но в середине сентября 1774 года сюда из

Скала, с которой Салават спрыгнул в реку на коне

Уфы двинулся detachment подполковника Ивана Рылеева. Салават атаковал его, и было «прежестокое сражение». В жухлую траву полегли четыре сотни батыров. Осенний дождик смыл с лошадиных круп пятен человеческой крови. Подполковник Рылеев вошёл в пустую и мокрую крепость и отапортовал начальству: теперь у Салавата «сокращены дерские умыслы».

Маленькая деревушка, оставшаяся на месте крепости Елдяк, исчезнет в 1956 году, когда пойму реки Уфы затопит Павловское водохранилище. Не сохранится и памяти о том сражении, потому что Салават сражался уже не с русскими: биться с ними действительно было теперь бессмысленно. Салават сражался с историей. А история сильнее любого человека. И побеждает её тот, кто знает о неизбежности поражения, но всё равно выходит на бой. Потом на допросе Салават скажет следователям, что он «клялся до самой гибели находиться в беспокойстве».

В приговоре Салавату судьи напишут: «чинил разорения столь громкие, что имя его в тамошних ме-

стах везде слышно было». И правда: в Шайтан-Кудейской волости о Салавате знали все. Но он оставался почти один, потому что, сам того не ведая, ещё живой и свободный, для народа Салават уже погружался в легенду.

В этих легендах Салават жил на скалах реки Юрюзань. Когда он уходил от погони, река ныряла под землю, пропуская его на другой берег. Когда враги подбились к его пещере, паук заплетал паутиной вход, укрывая Салавата. Из толщи времён предание вывело давно пропавшего на чужбине вождя Карасакала, который нашёл Салавата и благословил его.

Легенды словно спешили зачать от Салавата следующий бунт и рассказывали о любовном неистовстве батыра: Салават прорывался к своей жене Амине сквозь русские войска и на коне прыгал со скалы в Юрюзань. А ещё он брал в жёны русскую девушку Катю, Катя рожала ему сына, и, ревнуя, другая жена Салавата, Маудия, выдавала неверного мужа врагам.

Пещеры и реки, которые спасали Салавата, — это прорывы героя в национальный миф. Подлинный герой запечатлевает своё имя в образах родной земли. Без неё нет масштаба вечности. И важно, чтобы герой имел собственный выход в хтонические стихии земли и воды. Салават их получил.

По первым снегам из деревни Текеево уехал Юлай, уехал сдаваться, и поступок отца стал страшным ударом для сына. Но 20 ноября непримиримый Салават снова атаковал подполковника Рылеева, который шёл осуждать Катавский завод, и снова был разбит. После этого Салавата покинули последние бойцы, остались

Пещера «Дом земляка», в которой укрывался Салават

только четыре верных товарища. И тогда Салават решил уходить к казахам.

Уйти он не успел. За ним следили братья Муксин и Зямгур Абдусалямовы. Восемнадцать лет назад Муксин так же выследил в лесах Батыршу, а теперь братья начали охоту за Салаватом. 25 ноября братья вывели команду поручика Василия Лесковского на заснеженную поляну возле деревни Миндишево, где был стан Салавата, и солдаты окружили пятерых беглецов.

Братья Абдусалямовы знали, кого они предали. Но ведь Салават — это миф. Миф не погибнет никогда. А эти пятеро изгоев в лесу — они уже никто, они не важны. предав живого Салавата, Зямгур Абдусалямов исто-во берёт легенду — булатную саблю батыра, которая стала святыней рода Абдусалямовых. В 1911 году потомок Зямгура благоговейно вручит её историку Рудольфу Минцлову. Минцлов передаст саблю в музей.

А бунт в Башкирии завершился. Шайтан-Кудейскую волость, вотчину Юлая и Салавата, власти заселят

русскими казаками. Местные башкиры верят, что для этой волости государыня повелела выбирать казаков с фамилией Чёртов. Будто бы она пояснила: «С шайтанами пускай дерутся шайтаны».

КОКТЕМИР — НЕВИДИМЫЙ ПУГАЧЁВ

Салават не случайно решил уходить в Казахстан. Сам Пугачёв считал казахов «запасным вариантом» бунта — наравне, скажем, с кубанскими «игнат-казаками». Емельян настойчиво посылал письма в степи за Яик, требуя от ханов подкреплений, но не «для силы», как он потом признавался, а для «славы такой, что ему уже и орды прикланяюца».

«Министром иностранных дел» у Пугачёва был князь Идеркай Баймеков. Ещё на Чагане он привёл Емельяну посланца от Нурали, хана Младшего Жуза и сына Абулхайра, — казанского муллу Забира. Мулла вручил подарки: жеребца, халат и саблю.

Хитрый Забир видел в Петербурге Петра III и сразу донёс Нурали: на Яике самозванец. Нурали взвыл, ведь в ставку мятежников отбыл его внук Саид-Али! Емельян тоже был не дурак и ловко заполучил себе аманата. Нурали потащился за Пугачёвым по левому берегу Яика к Оренбургу. На призывы Емельяна он отвечал раболепными письмами, но не давал ни фуража, ни воинов, а сам через своего писаря-шпиона Дван Аббаса связался с русскими командирами и просил помощи.

Такие отношения кончились ничем. В оренбургском разгроме Саид-Али бежал от Пугачёва, и хан Нурали, оборвав привязь, шарахнулся в степь прочь от бунта. Емельян обещал изловить Нурали и повесить за ребро. Но башкиры растолковали Пугачёву его ошибку: надо было искать союза не с Нурали, а с великим ханом Аблаем.

Душой казахов уже два десятилетия был Аблай-хан, владыка Среднего Жуза. В середине XVIII века в Джунгарии, которая пожрала большую часть Казахстана, разгорелась усобная война. Воспользовавшись ею, в 1755 году в Джунгарию с юга вторглась армия Китая. Тогда же Аблай-хан возглавил войска казахов и ударил по Джунгарии с севера. Аблай был готов дружить со всеми, лишь бы против джунгар. Он принял подданство и Китая, и России. Его войско научилось сражаться строем и гасить бомбы мокрым войлоком. В 1758 году Джунгария пала. Её пространства обезлюдели. Казахи начали их заселять и осваивать и утратили интерес к делам с Россией.

Весной 1774 года в Белорецком заводе Пугачёв продиктовал письмо хану Аблаю. Башкиры, братья Шукур и Упак, умчались в Казахстан. Они нашли Аблая, и хан ответил, что поддержит Пугачёва — но на обратном пути власти схватили гонцов. Хотя Пугачёв уже ушёл с Урала, и союз с Аблаем потерял своё значение.

Пугачёвщина оголила границу, обескровив сторожевые крепости на Яике. Летом 1774 года небо над Яиком затянули тучи пыли от казахской конницы, которая пошла в баранту на башкир. По легенде, в Нижнеозёрной крепости, где погиб майор Захар Харлов, на

куртины «транжементы» отражать налёт степняков вышли с ружьями только девки и бабы.

Но казахи должны были понять: открытая граница — повод не для баранты, а для бунта против России, считающей себя хозяйкой казахов, повод для борьбы за свободу Казахстана, о чём грезил Аблай-хан. На это понимание и рассчитывал Салават, навьючивая коня для дальней дороги.

Понимание осенило казахов только весной 1775 года, когда, казалось бы, с пугачёвщиной было покончено. За Яиком сразу вырос грозный лес батыров: Елбарыс и Жолан, Жамбулат и Тохбулат, Айдар и Сырым Датов повели свои отряды в атаку на крепости Яика. Среди тех бойцов скакали многие пугачёвцы, увернувшиеся от расправы властей. И губернатор Рейнсдорп вынужден был платить деньги хану Нурали, чтобы его нукеры набросились мятежникам на спины. Однако унять пожар Нурали не смог.

Летом 1776 года казахи нижнего Яика были потрясены степной Жанной д'Арк. Одержимая видениями девушка Сапура объявила, что в её юрте живёт невидимый человек Коктемир, призрак Пугачёва. Он говорил с людьми устами Сапуры. В кочевье Сапуры потянулись казахские ханы. Коктемир, оказывается, собирал орду для похода на город Гурьев. Казахи трепетали перед ясновидящей Сапурой, но Россия не затрепетала. Империя, обозлённая бунтом, без церемоний двинула к Гурьеву войска. Надвигающийся антициклон сдул Коктемира и Сапuru в мёртвые пустыни Мангышлака.

Но зов пугачёвщины в Младшем Жузе всё никак не утихал. Казахи не пускали русские караваны в Хиву

Памятник Сырым Датову в Уральске

и Бухару. Тогда Россия решила усмирить Младший Жуз руками самих казахов. В 1785 году Петербург придумал для Жуза новую власть: Народное собрание. Оно, вроде бы, воплотит мечты казахов о собственном государстве, но возглавит эту державу всё тот же хан Нурали, ставленник России.

Казахи съехались на Народное собрание — и избрали главой не Нурали, а пугачёвца Сырыма Датова. Когда-то отряд Сырыма атаковал на Узенях самого Суворова, который ехал из Царицына в Яицкий городок за пленным Пугачёвым. Лишённый соплеменниками чести, хан Нурали бежал в Россию и вскоре умер в Уфе, а Сырым объявил независимость Казахстана от России.

На двенадцать лет Яик стал фронтом степной войны, пока казахские султаны не поняли, что покориться России им будет всё-таки выгоднее, чем воевать. Сырым превратился в изгоя и отступил в рощи Хорезма.

А потом чья-то подлая рука намазала ядом стремяна ба- тыра, и в древнем селении Гурлен близ Ургенча отрав- ленный Сырым упал с коня замертво. Срым Датулы был погребён в Гурлене. Его мавзолей называется Гаип-ата. Здесь лежит последний полковник путачёвщины.

ЧУЖОЕ ДАЛЁКОЕ МОРЕ

Для Салавата и Юлая начались месяцы непре- рывных допросов и переездов. Качались на трактах арестантские сани, кандалы пример- зали к рукам и ногам. Из Уфы пленников пе- реправили в Казань, потом в Москву, потом в Орен- бург. Но Салават и Юлай держались стойко, соратни- ков не выдавали, рассказывали только то, что властям и так было известно. В тюрьме на клочках бумаги Сала- ват писал стихи: «Я стрелять хотел, да мало стрел. Я скакать хотел, да топь вокруг. Оглянусь по сторонам и вижу: строй друзей так сильно поредел...»

Специальные комиссии объездили те места, где во- евали отец и сын, собрали показания, привезли свиде- телей. Суд состоялся в Оренбурге только в июле 1775 года и был честным: Салават и Юлай ведь и вправ- ду сражались жестоко — незачем фальсифицировать факты. Главным обвинением Юлаю была резня на за- воде Сим, а Салавату — расправа с тремя братьями Оп- траковыми в деревне Текеево.

Губернатор Рейнсдорп огласил приговор: обоим бунтовщикам дать по 175 ударов кнутом, клеймить и

Маяк в Ровервике, который строил Салават

сослать на вечную каторгу. Детей и жён Салавата отдали в крепостную дворню российским офицерам. Сына Салавата взял генерал Фердинанд Фрейман.

Храбрый генерал Фрейман в 1771 году подавил в Москве чумной бунт и как специалист по борьбе с бунтами в 1772 году был послан на Яик усмирять казаков, что восстали против «регулярства». Фрейман увяз на Урале надолго. Осенью 1773 года он принял войска от разбитого генерала Кара и охранял Бугульму. В марте 1774 года под началом князя Голицына Фрейман сражался у Татищевой крепости и в Сакмарском городке. Потом в Табынске он перекрыл Агидель и тем самым направил Пугачёва к Троицку. Летом 1774 года он сменил Голицына в Уфе и зачищал от бунтовщиков Башкирию.

Фрейман прошёл сквозь весь мятеж. В 1790 году государыня попросит старого генерала, в то время — рижского наместника, написать о том бунте мемуары. Объёмистые воспоминания Фреймана, изложенные по-немецки, станут первой русской публикацией о пугачёвщине.

А Салавата и Юлая перед каторгой повезли по селениям, где они сражались: Кунгур, Елдяк, Сим, Оса, Красноуфимск... В каждом селении пленным бунтовщикам отвешивали по 25 ударов кнута. Это было жестокое наказание: на десятом ударе у человека ломались рёбра, 60 ударов могли убить. Но над потрясённой землёй прозвенел последний непокорный баит Салавата: «Я не умер, башкиры!».

В конце 1775 года Салавата и Юлая доставили в балтийский порт Рогервик. Шестьдесят лет назад Пётр I заложил здесь на скалистом холме крепость для охраны будущей гавани — Ревельского дублёра. Чтобы построить гавань, требовалось насыпать каменный мол от берега до острова Малый Роог. Сооружением мола многие десятилетия занимались каторжники, но гавань так и не будет доделана.

**К НАСЛЕДИЮ СССР ПРИБАЛТИКА ОТНОСИТСЯ
НЕПРИЯЗНЕННО. ОДНАКО В ГОРОДЕ
ПАЛДИСКИ САЛАВАТ ЮЛАЕВ, КУЛЬТОВЫЙ
ПЕРСОНАЖ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ, ВДРУГ
ОКАЗАЛСЯ «ЛЕГИТИМЕН». ПОЧЕМУ?
ПОТОМУ ЧТО САЛАВАТ — БОРЕЦ С РОССИЕЙ**

Вместе с Салаватом и Юлаем в Рогервике оказались Канзафар Усаев, поэт Ванюшка Почиталин, сибирский мятежник Семён Новгородов. Пальба балтийского прибоа стала для них вечным эхом пугачёвских степных канонад. Закованные в цепи узники таскали камни от каменоломни до моря. Камни складывались в мол, годы складывались в десятилетия. Менялись империи

**Памятник Салавату
в городе Палдиски в Эстонии**

**Копия эстонского памятника
в селе Малоюз в Башкирии**

торы — не менялась Балтика. Над ней плыли полные воды облака. Жизнь проходила.

Через 25 лет в Рогервике оставались только два пугачёвца: Салават и его верный друг Канзафар. 26 сентября 1800 года писарь вычеркнул из списка узников имя Салавата. Что случилось с Салаватом — неизвестно. Легенда гласит, что Салават в цепях прыгнул в море. Может быть, штормовая волна сама смыла его со скалы. А Канзафар умер в 1804 году.

Башкиры не забыли Салавата. В преданиях народа Салават навеки укрылся под хребтом Таганай. Он стал титаном, и чем дальше был по времени, тем больше по масштабу. За бунт башкиры заплатили Екатерине че-

тырьмя тысячами лошадей, и через поколение эта плата оказалась ничтожной в сравнении с потерей героя.

В Башкирии — культ Салавата. В этом культе до сих пор кроется то, что Башкирия не может сказать России — СССР или РФ. За что сражался Салават? За свободу? Нет: башкиры и так были свободны. За бедных? Нет: Юлай был богат. Против царя? Нет: мятежники стояли за самозванца. Салават бился за главные ценности любой национальной идентичности — за веру и традицию. Эти ценности актуальны и сейчас, поэтому и сейчас летит над Агиделью чугунная камча Салавата на памятнике в Уфе. Этот монумент — самая большая конная статуя России.

А Зулейха, возлюбленная Салавата, наверное, вышла замуж и родила детей. Только ни один ребёнок в Башкирии не был назван Салаватом. Россия запретила башкирам произносить это имя. И первым его произнёс Пушкин.

ПОСЛЕ БУРИ

В России личный враг страшнее политического. Пугачёв был личным врагом Екатерины, ведь он претендовал на трон, а Салават был врагом политическим, ведь он хотел вернуть башкирам их права. Поэтому Пугачёва казнили, а Салавата — нет. Пугачёв обещал башкирам восстановить старинные вольности, и башкиры его поддержали. В союзе с пугачёвцами они были опаснее для российской вла-

сти, а в случае поражения на Емельяна можно было свалить всю вину.

Мятеж в Башкирии был неизбежен и без Пугачёва: пугачёвщина просто совпала с ударом исторического ритма. У поколения Батырши Галиева подросли сыновья, и они рвались в бой. Точно так же к концу XVIII века подросли сыновья поколения Салавата, и они тоже подняли бы своё восстание. Но Россия его предвосхитила.

В 1798 году император Павел I сделал для Башкирии то, что Пугачёв хотел сделать для России: одним указом Павел превратил башкир в казаков. Из народа было создано Башкиро-мещерякское иррегулярное казачье войско с управлением по кантонам. Мудрость этого решения достойна Соломона. В формате казачества башкиры получили всё, за что боролись два столетия: общинное землевладение, местное самоуправление, личную свободу и неприкосновенность веры.

Проблему ислама решила ещё сама Екатерина. Место для ислама нашёл Иван Неплюев, который основал торговую слободу Каргалу. Для российской державы ислам в первую очередь стал носителем арабского языка, открывающего путь к торговле с Востоком. Православные миссии в Башкирии и Казахстане в 1764 году были запрещены, а в 1773 году государыня издала указ «О терпимости всех вероисповеданий». Однако указ опоздал: сыр-бор пугачёвщины уже разгорелся.

Но Екатерина сумела использовать бунт в своих целях. Муллы, которые поддержали Пугачёва, были сосланы в казахские Жужы, и такое духовенство волей-неволей привязывало казахов к мечетям и ярмаркам

России, а не Персии. В 1782 году русская власть учреди-
ла в Уфе муфтият. Первым муфтием стал офицер Муха-
метжан Гусейнов, который в пугачёвщину сражался
против бунтовщиков.

Россия начала строить мечети в Младшем Жузе. Российская Академия Наук подготовила первое изда-
ние Корана. Наконец, в 1788 году в Оренбурге появи-
лось Магометанское Духовное Собрание — мусуль-
манский аналог Синода. Этому Собранию подчинялись
все исламские общины России, кроме крымских и
кавказских, а Собрание подчинялось Сенату и госуда-
рю. Вера пророка перестала быть гонимой, получила
легитимность, хотя в целом в России ислам обретёт
равные права с православием лишь по указу «О веро-
терпимости» в 1907 году — на два года позже расколъ-
ников.

МУЗЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС В СЕЛЕ МАЛОЯЗ ВОЗВЕДЁН НА ПИКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО СЕПАРАТИЗМА. НЕ СТОИТ ОБО ВСЁМ ГОВОРИТЬ ПРЯМО, И ПОЭТОМУ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ БАШКОРТОСТАНА — ПРОСТО «ГЕРОЙ САЛАВАТ ЮЛАЕВ»

В 1824 году в Оренбурге откроется Неплюевский ка-
детский корпус — такая же кузница элиты для россий-
ского Востока, как Горный институт для заводского Ура-
ла. Русский эскадрон корпуса сформируют из казачьих
детей, а восточный эскадрон — из детей баев и мурз. Му-
сульманские офицеры-неплюевцы и купцы-мусульмано
составят долгожданную аристократию, которая будёт

Музей Салавата в селе Малояз

мирно, разумно и с достоинством защищать интересы нации перед российской властью.

Революция 1917 года даст башкирам шанс обрести национальную государственность. Её идеологом станет выпускник казанского медресе «Касимия», учёный и политик Ахмет-Заки Валиди. Но исламская республика башкир окажется не нужна ни белым, ни красным. Валиди эмигрирует. Басмачество в Средней Азии — это его проект. После Гражданской войны Валиди переедет в Турцию, защитит докторскую диссертацию по философии и будет профессором университетов в Стамбуле, Гёттингене и Бонне. А Башкирия в СССР так и не обретёт реальной автономии.

С периода индустриализации в Башкирии начнут добывать нефть, открытую ещё академиком Рычковым. Один из «нефтяных городов» в 1954 году символично назовут Салаватом. На деньги «нефтянки» в смутах конца XX века республика Башкортостан купит у Российской Федерации свою относительную независимость. В 1993 году в селе Малояз республика воздвигнет

огромный мемориал Салавата Юлаева. В Башкортостане стоит около двадцати памятников Салавату, а изображение уфимского монумента будет включено в герб республики.

Салават Юлаев, батыр и сэсэн, воплотил в себе все бунты громовой эпохи. А драмы XX века показали, что старинные мятежи были не напрасны. Яростная борьба башкир не позволила России превратиться в колониальную империю западного типа. И потому в таких геополитических катастрофах, в каких империи рассыпаются на части, Россия сумела сохранить себя: не развалилась на русскую и тюркскую половинки.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

«...ЛОВИТЬ, КАЗНИТЬ И ВЕШАТЬ...»

КАЖДЫЙ ЗА СЕБЯ

ВЕЛИКИЙ ЖУЛИК

На заводском Урале пугачёвщина обернулась гражданской войной, когда крестьяне взяли вилы и пошли против рабочих. Поэтому Пугачёв решил отступить с Урала в крестьянский мир Поволжья. Он думал, что бунт, который обещает всех сделать казаками, в деревнях обретёт новые силы. Но крестьянский мир смотрел на бунт сквозь прищур и жил себе на уме. И об этом Пугачёва предупредило явление купца Астафия Долгополова.

Под крепостью Осой башкиры привели к Емельяну помятого мужичонку с бегающими глазами. Поплевав на ладонь, мужичонка загладил волосы на лысину и сказал, что зовут его Иван Иванов, он московский купец и посланец от царевича Павла, то есть — от сына покойного императора Петра Фёдорыча. Мужичонка привёз Пугачёву гостинцы от царевича: шляпу, казацкие сапоги и два дешёвых самоцветика, исцарапанные ножом, когда их выковыривали из офицерских запонок. Иван

Иванов сообщил, что сын Павел охотно готов помочь войсками, токмо для этого батюшке Петру Фёдорычу надо спервоначалу отдать долги. К примеру, заплатить ржевскому купцу Астафию Долгополову. В 1762 году от Петра Фёдорыча ему причиталось 700 рублёв, шас наросло уже 1500, но это ещё по-божески.

Иван Иванов, конечно, и был Долгополовым. Двенадцать лет назад он поставил фураж ко двору Петра III. Однако императора убили, а новые царедворцы отдавать долги покойного не собирались: большая политика послала к чёрту маленького человека. Потеря денег обрушила дела купчишки Долгополова. И он рассудил, что самозванец отдаст долги царя охотнее, чем царица.

Пугачёв вытаращил глаза: перед ним тоже был самозванец! Только не бунтовщик, как он сам, а жулик. Два самозванца смотрели друг на друга, зная, кто они такие, но шоу должно было продолжаться. Денег Емельяну, конечно, было жалко, а казнить жулика он не мог — это означало бы признание в самозванстве. И Пугачёв взял Долгополова с собой.

Купец боялся разбойных рож пугачёвцев, но корысть одолевала страх. Рвать когти Долгополов надумал лишь после казанского разгрома, когда окончательно понял, что из Пугачёва денег ему не выжать. Под городом Цивильском Долгополов при всём народе объявил, что царю-батюшке надо послать его за царевичем. «Злодей, слыша оные слова, знал, что посылать к его высочеству не есть дело возможное», но как ущипить мошенника? Пугачёв, ухмыляясь, кинул Долгополову 50 рублей на дорогу и отпустил с миром. Долгополов обыграл Пугачёва, хотя ничего и не выиграл.

Но ушлому купцу нос разъело. Он решил повторить авантюру, только теперь уже с Екатериной. Высунув язык, он настроил письмо графу Григорию Орлову, в котором сообщил, что 324 яицких казака в войске Пугачёва за сто рублей платы каждому из них согласны скрутить Емельяна и выдать государыне. Понятно, что этот заговор Долгополов «сочинил из своей головы». Но план опять сработал.

Граф Орлов выдернул Астафия Долгополова в Царское Село и представил государыне. Купец бил челом, чтобы спрятать хитрые глаза. И Екатерина поверила прохиндею! Она приказала выдать золотыми империялами 32400 рублей гвардейскому капитану Галахову, который возглавит «секретную экспедицию» и вместе с Долгополовым поедет в Царицын встречаться с яицкими заговорщиками.

Миссия Галахова добралась до Саратова, разорённого недавно ушедшими бунтовщиками. При виде дымящихся развалин Галахов заробел, и Долгополов гут же уломал капитана дать ему, Астафию, 3100 рублей и отпустить догонять бунт в одиночку. Галахов всё-таки навязал купцу двух казаков — и отпустил. Едва Долгополов отъехал на сотню вёрст, над Волгой просвистела весть, что Пугачёва схватили. Миссия Долгополова лишилась смысла. Купец не стал раздумывать и дал дёру с деньгами царицы.

Он вернулся домой в город Ржев как ни в чём не бывало. Где он был — никто не ведал. А кто он таков, Долгополов не признался ни Екатерине, ни Орлову, ни Галахову. Осмотревшись, купец принялся раздавать долги. Но кредиторов смутили новенькие и блестящие

империалы. Кредиторы донесли о них ржевскому воеводе. Воевода посадил Долгополова под замок и сообщил в столицу. Тут всё и открылось.

Долгополова привезли в Москву и бросили в каземат. Восемь раз палач грел в печи клещи для пытки, но узник всё равно не признавался — орал в муках и врал, хотя предавать ему было совершенно некого. Следствие «установило истину без участия обвиняемого». 10 января 1775 года на Болотной площади Долгополову показали, как отрубают голову Пугачёву, а потом его самого высекли кнутом и сослали на каторгу. До самой смерти он в кандалах строил дамбу в Рогервике вместе с Салаватом.

Долгополов встретил Пугачёва на пороге крестьянского мира Поволжья. У этого мира были свои ценности: собственность и власть. И здесь каждый был за себя, поэтому крестьянский бунт своей главной целью ставил месть за ущерб и борьбу за барыш. То, ради чего великий жулик Долгополов обманул и самозванца, и царицу.

БУЛГАРИЯ

Казак Емельян Пугачёв не верил в крестьян. Он повёл свою орду на Казань, ибо рассчитывал, что татары заменят ему неистовых башкир, — и ошибся. Татары, конечно, почитали пророка, подобно башкирам, но жили они, как русские крестьяне. Ко времени пугачёвщины Волга давным-давно была рекой земледельческой.

Всё началось ещё в VII веке, когда тюрки-хазары, правнуки гуннов, вышли из Тюркского каганата и основали в низовьях Волги и Дона Хазарский каганат. Его столицами стали два города из саманного кирпича: Итиль на Волге и Саркел на Дону. Из Дагестана в Хазарию проник иудаизм. Хазары-мусульмане затеяли усобицу с иудеями, но потерпели поражение и откочевали из степей вверх по Волге на север, в леса на устье Камы.

Здесь пришлые хазары смешались с местными финно-угорскими народами, и родилась новая нация — болгары. Вожди болгар назывались эльтеберами. Дружины эльтеберов обороняли свои земли от хазарских набегов. Наконец великий эльтебер Алмуш объединил болгар в государство Волжская Булгария. В 922 году Алмуш принял подданство далёкого Багдада, и халиф быстро отучил Хазарию грабить болгар. Но вместе с зыбким подданством пришёл прочный ислам, и Алмуш стал Джафаром.

Булгария ловко оседлала богатый Волго-Камский торговый путь. Земледелие, торговля и ремёсла оказались выгоднее войн и кочевья. Булгария, расцветая, начала застраиваться глинобитными городами. Столицей страны стал многолюдный город Булгар. Оставив Великую Степь, народ пастбищ превратился в народ пашен.

Солнце пророка было благосклонно к болгарам. В 965 году киевский князь Святослав сокрушил «неразумных хазар». Булгария оказалась хозяйкой всей Волги. Владимир, другой киевский князь, долго хмурил брови, раздумывая, идти ли в поход на Булгарию, и решил: брать дань надо лишь с тех, кто обут в лапти, а кто

«Чёрная палата» города Булгар

в сапогах — те ничего не дадут. С Булгарией Руси лучше жить в мире, как двум сёстрам.

Булгары прокладывали каналы, орошая поля, и строили мечети, восхваляя Аллаха. Поля Булгарии простирались от нынешней Елабуги на Каме до нынешней Самары на Волге. Северную границу стерёг городок Казан, прародитель нынешней Казани. Три десятки холмов, что сейчас лежат под луговыми травами Татарстана, — это бывшие города Булгарии. А татары и теперь часто называют себя булгарами.

Чёрное время настало в XIII веке, когда Булгарию накрыла тень Чингизхана. Поначалу всё выглядело не страшно: монголы возвращались с речки Калки, где разбили русских князей, а булгары встретили их на Самарской Луке и разгромили. Монголы ушли. Но неукротимый хан Батый собрал силы, вернулся и дважды перепахал Булгарию вдоль и поперёк. В 1240 году залитая кровью Булгария стала частью Улуса Джучи.

Зелёная и тёплая Булгария была смарагдом в короне монгольского дракона. Несколько лет белокрылые юрты Батыя укрывались в тени жёлтокирпичных руин города Булгар. Потом Батый перенёс ставку вниз по Волге в новый город Сарай.

Северные славяне были холопами монголов, а булгары стали их садоводами. Булгария потихоньку возродилась. В шумных и ласковых лесах Волги, так непохожих на суровые степи монгольского Орхона, нефритовые сердца чингизидов становились нежными, как груди гурий. Булгарские князья, данники монголов, возделывали райские сады для вечных кочевников. И наконец монгольские ханы задумались: а кто же здесь бог?

**ГОРОД БУЛГАР В ТАТАРСТАНЕ СЕЙЧАС
ВОЗВОДИТСЯ ЗАНОВО: СТРОИТЕЛИ КЛАДУТ
СОВРЕМЕННЫЕ КИРПИЧИ НА ОСТАТКИ ДРЕВНИХ
ФУНДАМЕНТОВ. АРХЕОЛОГИ В УЖАСЕ, НО ДЛЯ
БЫТОВОГО СОЗНАНИЯ МУСУЛЬМАН РУИНЫ —
НЕУВАЖЕНИЕ К ПРЕДКАМ. ИЗ БУЛГАРА
СОТВОРЯТ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД-НОВОДЕЛ.
ОДНАКО ОН ПРОЯСНИТ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ОБРАЗ
ВОЛГИ: НЕ ЛУКОВКИ ЦЕРКВЕЙ И КОЛОКОЛЬНИ
С КРЕСТАМИ, А КУПОЛА МЕЧЕТЕЙ И МИНАРЕТЫ
С ПОЛУМЕСЯЦАМИ**

В 1313 году из Хорезма в Сарай приехал хан Узбек, зарезал соперника и воцарился над Золотой Ордой. Мир вне Орды мало интересовал хана, зато в Орде он заложил новую столицу — потерянный ныне город Са-

Восточный мавзолей города Булгар

рай аль-Джедид. Хан отменил баскаков и утвердил ислам: «обесерменился» — записали русские летописцы. Узбек стал зваться Султан Гийас ад-Дин Мухаммед, а на частокол Нового Сарая насадили 120 отрезанных голов чингизидов, не пожелавших веры пророка. Знать Орды поехала на обрезание к прибывшим шейхам багдадского халифа, а чернь приняла мусульманство от мулл Волжской Булгарии. Булгария воспрянула духом.

Но ислам отменил Ясу — закон Чингиза, и без Ясы Золотая Орда в конце концов развалилась на части в междоусобной войне между разными ханами и улусами. На Куликовом поле русские разбили темника Мамай, потом хан Тохтамыш взял Москву и разбил русских, а потом Тохтамыша в сече на речке Кондурче разбил Тамерлан.

Кондурча, на которой редела великая битва, протекает недалеко от города Булгар — былого и современного. Армия Тамерлана прошла от Волги до Яика и вытоп-

тала всю Булгарию. Булгар был разрушен и превратился в тихую деревню погорельцев на окраине огромного скопища развалин. Но израненная Волжская Булгария избавилась от Орды — и выжила земледелием.

БАШНЯ СЮЮМБИКЕ

История не заметила, как ордынцы-скотоводы вдруг превратились в татар-земледельцев. А их породил брак побеждённых булгар и победителей-монголов. Татары и русские как нации оказались братьями по отцу-ордынцу.

Под ударом Тамерлана Орда раскололась на куски — на татарские ханства. Татары средней Волги, считавшие себя наследниками булгар, ушли подальше от беспокойной Великой Степи — за Каму, где стоял небольшой и надёжный городок Казан. Но вернуть к власти потомков булгарских эльтеберов казанским татарам не удалось: в 1438 году ханский престол в Казани захватил ордынец и чингизид Улу-Мухаммед.

Татары — люди хозяйственные и работающие. Казанское ханство быстро окрепло и подчинило себе земли окрестных инородцев — эрзи, мокши, чувашей, черемисов и вотяков. С Москвой Казань не ссорилась, пока в игру не вступил Крым. Крымское ханство отделилось от Улуса Джучи ещё до походов Тамерлана и общего развала. Уйти из Золотой Орды крымских татар подначивали многие: и генуэзцы, которые понастроили в Крыму крепостей, и турки, которые точили ятаганы

на богатства генуэзцев. Крымские татары основали своё ханство, но не удержали свободы после развала Орды.

БАШНЯ СЮЮМБИКЕ — «СИМВОЛИЧЕСКИЙ АМОРТИЗАТОР». ТАКИЕ ФЕНОМЕНЫ, КАК ЭТА БАШНЯ, И ТАКИЕ МИФЫ, КАК МИФ О ЦАРИЦЕ СЮЮМ, ПОЗВОЛЯЮТ НАРОДУ ПРИНЯТЬ НОВЫЕ ПРАВИЛА ЖИЗНИ, НЕ ЧУВСТВУЯ СЕБЯ ПРЕДАТЕЛЕМ ИДЕНТИЧНОСТИ. ПОТОМУ ЧТО НАРОД НЕ ПРЕДАЁТ СВОЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ, А ПРОСТО МЕНЯЕТ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Турция столетиями спорила с Русью за северные побережья Чёрного моря и Каспия. В 1475 году Османская империя переправила войска через Керченский пролив и овладела Крымом. Генуэзцы бросили крепости и отступили, а Крымское ханство со столицей в Бахчисарае попало в кабалу Турции — Блистательной Порты. Султаны посадили в Бахчисарае верных ханов из династии Гиреев и начали приглядываться к Казани. В 1521 году османы наконец-то дотянулись до средней Волги: руками крымцев они свергли в Казани ордынскую династию Улу-Мухаммеда и возвели на престол крымскую династию Гиреев. После этого начались серьёзные стычки между русскими и татарами. Но шайтан этого раздора прятался в Крыму.

Конец интригам положил Иван Грозный. Русские начали готовиться к большой войне. Летом 1551 года на островке под боком у Казани за четыре недели русские скатали из брёвен крепость Свияжск: базу для штурма татарской столицы. На следующий год русская

Башня Сююмбике

армия под командованием самого царя собралась идти на Казань. Однако крымский хан задумал повернуть русских с полпути обратно и направил своё войско на Москву, рассчитывая застать её пустой. Но русские, как водится, долго запрягали, а крымчаки слишком спешили: войско крымского хана напоролось сразу на всю московскую рать. Хан потерпел поражение и укатился в Бахчисарай.

Под прикрытием Свияжска русские переправились за Волгу, разбили войско татар и осадили крепость Ка-

зани. Ставка Грозного располагалась на Арском поле: через 222 года здесь встанет и Пугачёв. Осада велась по всем правилам военного искусства. Против башен татарской крепости русские построили свои осадные башни — туры, рвы завалили землёй, под стены подвели подкопы. 30 сентября 1552 года в подкопе взорвали мощную мину. Стена казанской крепости обвалилась. Армия Грозного пошла на штурм. Командовал штурмом князь Андрей Курбский.

В осеннем небе над ревущей Казанью красноперый московский кречет бился с крылатым белым барсом татар. Русские прорубились через пролом и ворвались в крепость. И крепость стала кратером вулкана, который извергался кровью. Ханская гвардия с кривыми саблями сражалась на грудах мертвецов. В гаремах наложницы убивали друг друга кинжалами. В мечети засверкали мечи имама Кул-Шарифа и его юных учеников — шакирдов. Израненный барс рухнул с небес в Волгу. Казань пала.

Потом в память о Казанском взятии зодчий Постник Яковлев построит собор на Красной площади в Москве, а в Казани на руинах крепости он возведёт кремль. Этот кремль станут бомбардировать батареи Пугачёва, и в дымах пожаров мятежники будут видеть острый шпиль башни Сююмбике — лебединой песни казанского непокорства.

Реальная ханша Сююмбике прожила вполне благополучную жизнь, но татары знают правду. Царь Грозный был пленён красотой ханши и решил жениться, но царица Сююм сказала ему: сначала построй за семь дней башню. И Грозный за неделю воздвиг семиярусную ша-

тровую громаду. А Сююм взошла на самый верх и сбросилась с высоты. Она разбилась о Казань, как лебедь о скалу, потому что татары не хотели быть русскими. И не захотят, пока в Казани стоит башня Сююмбике.

ВОЛГА — НЕРУССКАЯ РЕКА

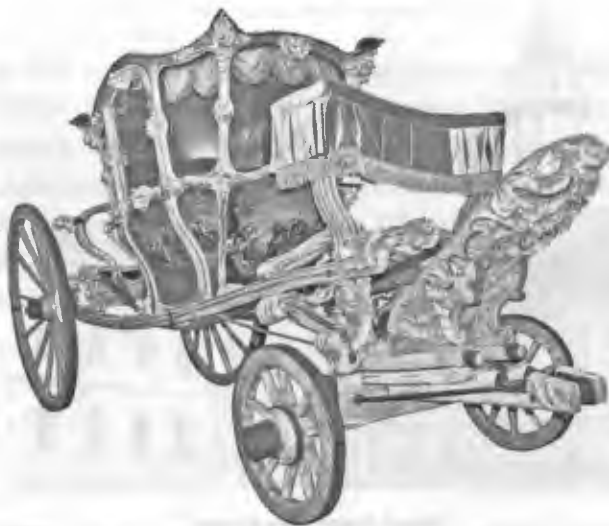
Казанское ханство было наследием булгар: это их ценности земледелия отформатировали обломки развалившейся Орды в осёдлое государство пахарей, садоводов, торговцев и ремесленников. А ядро Улуса Джучи — Волжская, она же Большая Орда, — без булгарской традиции деградировало обратно к кочевью, как при Джучи. Волжские ханы не собрали державу из степной пыли и сразу попали в цепкие лапы Крыма. В 1459 году из Большой Орды убежал хан Махмуд. В солончаковых низовьях Волги, на курганах давно погибшей Хазарии, он основал маленькое Астраханское ханство. Но и оно тоже вскоре угодило в зависимость от хозяев Бахчисарая. Крым контролировал Волгу от устья русской Оки до камышовых пустошей дельты.

Какое, казалось бы, дело далёкому Крыму до Волги? А дело было в борьбе за моря — Чёрное, Азовское и Каспийское. Турки не хотели пускать сюда русских. И они использовали ордынское родство татар: руками Бахчисарая Турция нацелила в спину Руси пушки волжских ханств. Если Русь сунется к морям — пушки выпалят. Поэтому, сказавши «Казань», Грозному надо

было говорить «Астрахань». И в 1556 году небольшой русский отряд приблизился к Астрахани, чтобы вступить в переговоры. Однако хан Дервиш-Али, перепуганный разгромом Казани, принял отряд за целую армию и удрал в Азов к туркам. Астрахань стала русской без боя. Иван Грозный отнял у крымцев всю Волгу до устья — отсёк руки Турции.

Но всё равно даже во времена Пугачёва никакой поэт не воскликнул бы: «Волга — русская река!». Волга была рекой инородцев: вотяков, черемисов, эрзи, мокши, чувашей, татар, калмыков. Конечно, русских здесь тоже было немало, да и сами инородцы во многом обрусели, однако к русским Пугачёв бы не пошёл. Он пошёл к татарам. Волга помнила яростные бунты татар времён покорения Грозным. Пугачёв посчитал, что татары до сих пор не растратили свою ярость, как не растратили её башкиры, потому что все они оставались мусульманами. Казань была такой же русской крепостью в землях инородцев, как Уфа и Оренбург. Под Казанью Пугачёв надеялся найти такой же гневный народ, как в Башкирии.

Однако в Поволжье была своя история веры. Государство пошло в поход на иноверцев в 1731 году, когда в Свияжске под Казанью была учреждена Комиссия новокрещенных дел — имперская крестильная машина. Она перемалывала всех: и мусульман, и язычников. Потом чиновники Комиссии отчитывались, что обратили в православие 400 тысяч человек. По масштабам Большое Крещение XVIII века не уступало Большому Террору XX века. И всё это аукнулось в пугачёвщину.

Карета Екатерины из музея в Казани

Крестоносцы шли по Волге с огнём и мечом. Они сжигали священные рощи язычников и мечети мусульман, брали в заложники детей, волокли в казематы непокорных. Во главе Комиссии встал свирепый казанский епископ Лука Конашевич, а в Сибири его поддержал тобольский епископ Сильвестр Гловацкий. В Казани сопротивление крестоносцам организовал Иштерьяк-абыз. В 1741 году казанские татары выбросили русских солдат из своей слободы за озеро Нижний Кабан. Тогда епископ Лука нанял воров, и они запалили Казанскую семинарию. Пожар сожрал половину Казани, но не тронул татарскую слободу, и епископ обвинил в поджоге татар. Императрица Елизавета приказала снести все мечети до последней. За два года из 536 мечетей Поволжья Конашевич разрушил 418.

Первыми не выдержали, конечно, башкиры. Рвение Конашевича и Гловацкого закончилось бунтом

Мечеть Марджани в Казани

Батырши. Российские власти, одумавшись, стащили фанатиков с кафедр, но Комиссия продолжала бурлить проектами. Этот пыл остудила Екатерина: в 1764 году она упразднила Комиссию. Однако всё Поволжье уже наполнили озлобленные «новокрещены».

В 1767 году к причалу Адмиралтейской слободы Казани пришвартовалась многовёсельная галера «Тверь» с косыми «латинскими» парусами. Это государыня Екатерина плыла по Волге, как плавал и Пётр I, чтобы познакомиться с жизнью подданных. Подданные на руках донесли золочёную карету государыни до особняка купца Михляева: в этом доме останавливался и Пётр. Потом и Пугачёв надумает занять этот дом, но опоздает — добры молодцы мятежники уже разграбят царские покои.

В Казани Екатерина встретилась с делегацией местных «махометан» — и увидела не бритоголовых бородатых разбойников в полосатых халатах, а добродетельных боголюбивых мужей с рукописными книга-

ми. Изумлённая арабской учёностью и красочной восточной лестью, Екатерина дозволила татарам снова строить мечети. И казанские татары тотчас заложили новую мечеть на берегу озера Нижний Кабан. В XIX веке её назовут именем мудреца Шигабутдина Марджани. А в XVIII веке эта мечеть поставила крест на исламе как на двигателе пугачёвского бунта.

«ЗАСТУПЛЕНИЕ БОЖЬЕ»

В конце июня 1774 года мятежники Пугачёва подожгли разорённый Ижевский завод и двинулись дальше по Казанскому тракту. Пугачёв был весел: непонятные угрюмые заводы остались позади, а впереди была знакомая Емельяну Казань, где однажды он уже сумел переломить свою судьбу. Сладкий розовый воздух Татарии расpirал богатырскую грудь.

В селе Агрыз Пугачёв отпраздновал своё тезоименитство, то есть именины царя Петра Фёдорыча. Войско перепилось татарской бузы, а Емельян в угаре щедрости расшвырял товарищам все деньги из казны. Потом в селе Терси, в вотчине казнённого башкирами Юсуфа Тевкелева, хмельной Пугачёв приглядел себе новую жёнку — краснощёкую крепостную девку Юсуфа. Емельян оставил её на десерт: отослал на пристань Котловку, где рассчитывал встречать свой флот.

С того загула окрестные места будут славиться пугачёвскими кладами. Те купцы Вятки и Елабуги, чьи

Камень с пугачёвского клада
из музея города Киров

начальные капиталы ковались кистенём на лесной дороге, как один станут клясться, что нашли пугачёвский клад и с него завели своё дело. А Пугачёв летним утром 1774 года чесал пятернёй трещавшую с бодуна башку и размышлял, как же ему пополнить казну, лихо растраченную в удалой гульбе?

Впереди на Казанском тракте стояло большое и богатое село Елабуга. Надо его ограбить: откуда же ещё взять деньги-то? Село защищала старенькая, но вполне надёжная крепостица, однако для мятежников она не была препятствием. Препятствием было то, что село считалось дворцовым. Елабуга принадлежала государыне Екатерине — то есть и государю Петру Фёдоровичу тоже. Грабить своё же добро Пугачёв никак не мог: это означало бы, что он не хозяин, а самозванец.

Мятежники разбили лагерь неподалёку от Елабуги, и Пугачёв послал в село ультиматум: вы мне — деньги, я вам — безопасность. Жители покряхтели, поскребли бороды в задумчивости и полезли в подклеты откапывать спрятанные кубышки. Емельян был доволен выкупом и своё обещание сдержал. «Злодей орда», гомоня, без разбоя протекла сквозь крепость Елабуги по главной улочке и укатилась дальше на Казань.

Но за такие расчёты с ворами начальство спустило бы с жителей три шкуры. Ведь ещё полгода назад жите-

ли Елабуги, стреляя с поленниц как с баррикад, отбили 12 приступов местных бунтовщиков. Толпы крестьян, вооружённых косами, вилами и увесистыми цепами, два месяца кружили по снегам вокруг Елабуги. В схватках с воинскими командами в мягкие татарские сугробы легла тысяча мятежников. А сейчас, значит, такая бравая и верная престолу Елабуга малодушно сдалась? И купцы-хитрецы придумали себе оправдание: «заступленье божье».

За околицей Елабуги на высоком мысу над Камой стояли руины древней болгарской цитадели — Чёртово городище. При Пугачёве там возвышались ещё три башни. Татары верили, что эту твердыню воздвиг сам Искандер Зулъ-Корнеин, то есть Александр Македонский. Разрушил её, конечно, беспощадный Тамерлан. А русские рассказывали предание, что Иван Грозный, взяв Казань, поплыл по Волге и Каме в Соликамск, остановился поглядеть на Чёртово городище и вдруг разболелся так, что слёг. Якобы от того царского стана под болгарскими руинами и пошла русская Елабуга. Царя же исцелил образ Трёх Святителей. Иоанн повернул обратно в Москву, а чудесную икону даровал Елабуге. Икона хранилась в Покровской церкви.

К середине XIX века от трёх болгарских башен останется только стенка из плитняка. Елабужский купец Иван Шишкин, отец великого художника Ивана Шишкина, восстановит одну башню древней цитадели,строив в неё эту уцелевшую стенку. В таком виде этот памятник дойдёт и до XXI века.

А чудесная икона Ивана Грозного спасла Елабугу в 1708 году, когда батыр Алдар перевёл башкир через

Башня «Чёртова городища» в Елабуге

Каму и направился захватывать Казань. Войско Алдара окружило селение. Но вдруг над крепостью поднялись клубы чёрного дыма, хотя ничего в Елабуге не горело, и ветер бросил дым на башкир. Испуганный Алдар отступился от Елабуги.

И вот нынеча, — пылко рассказывали елабужцы царским следователям, когда с пугачёвщиной было покончено, — икона опять явила чудо! Емелька Пугачёв, вор и антихрист, подошёл к Елабуге, обратил «кровожадные свои взоры» на село — но «невзвидел его»! Ослеп начисто. Потому его орда и прошла сквозь Елабугу, не заметив города. А откупных денег никаких ниhto самозванцу не платил, этого ни-ни! Опровергнуть Трёх Святителей власть не осмелилась. Икона-то есть? Есть. Чудотворная? Чудотворная. Получается, всё так и было. Заначка и смекалка, крестьянские доблести, уберegli Елабугу и от разорения мятежников, и от кары властей.

ТРИЖДЫ МЯТЕЖНЫЙ

У Елабуги был двойник: дворцовое село Сарапул. Оно стояло на Каме в сотне вёрст выше по течению, в сосновых борах, где тогда водились сказочные белые белки. Жить уделом государыни было вполне сытно: бунтовать село и не думало. Но, как назло, мятеж протащил сквозь Сарапул чуть ли не всех своих вожаков.

В декабре 1773 года Каму по тонкому льду преодолел отряд полковника Караная Муратова. Бревенчатая крепостица Сарапула не смогла бы отстреляться от башкир из трёх пушчонок, поэтому начальство сбежало, а жители открыли ворота и сняли шапки. Каранай въехал в крепость, мрачно оглядел народ с седла и велел грузить пушки в сани, однако никакого другого вреда жителям не причинил.

Но Сарапул напрасно перевёл дух. Едва бураны замели следы башкир на камском льду, с другой стороны явились мятежники во главе с попом Данилой Шитовым. Данила служил в селе Николо-Берёзовка в том храме, где стояла икона Николая Чудотворца, которая двести лет назад окликнула барку Строгановых, а потом «просила» Ивана Грозного вернуть её обратно. Поп Данила сам захотел разобраться, что за бунт вздыбил державу, и осенью 1773 года со своего амвона ушёл под Уфу к Ваньке Чике. Чика растолковал попу, где правда. Данила вернулся в Николо-Берёзовку, собрал войско и двинулся по окрестным сёлам насаждать божью волю. Он чистил ряды христиан: раскольников прогонял обратно в раскол, с новокрещенов срывал кресты, наде-

тые силой, и, конечно, принимал от народа присягу Пугачёву. За отказ от присяги Шитов едва не казнил собственного брата, но помешала храбрая племянница: девка бросилась на дядюшку с ржавой саблей.

От такого чуда, как поп-бунтовщик, Сарапул обомлел и сдался мятежникам во второй раз. Шитов оставил в селе гарнизон атамана Власова и отправился дальше. В щедром и богатом селе атаман Власов не устоял перед бабами, брагой и чужим добром. Притихшие жители Сарапула сквозь щели в заборах смотрели на загулы Власова, а потом, когда атаман отправился в баньку, подпёрли дверь баньки батошкой и заткнули трубу тряпкой. Власов угорел и уронил голову в кадушку.

Шитов примчался разбираться с погубителями, а Сарапул поднял бунт против бунтовщиков. Попа стащили с коня, повязали кушаками и кинули в подвал церкви. Из Казани в Сарапул пришла команда подполковника Алексея Обернибесова. По дороге Обернибесов разгромил мятежников у Елабуги. Пленного попа Данилу подполковник отправил на суд в Казань. Через пару недель конвой привёз бунтовщика Шитова обратно в Сарапул с указанием повесить. И попа повесили над селом на Старцевой горе.

Впрочем, бунт не оставлял Сарапул в покое. В начале марта 1774 года на камском льду снова показались башкиры. Это был отряд Салавата Юлаева. Обернибесов занял оборону. Карабинеры и гусары дважды сшибались с батырами на околице Сарапула, и Салават отступил. За спасение Сарапула Обернибесова произвели в полковники. Потом его отправили в Башкирию, но он ещё вернётся к Сарапулу.

Грозовым летом 1774 года неподалёку от Сарапула прошумело войско Пугачёва. Емельян не пожелал свернуть с Казанского тракта и послал в Сарапул атамана Сухарева. Атаман потребовал, чтобы его встретили с хлебом-солью. Сарапул в третий раз подчинился бунту. Крестьянский здравый смысл нашёптывал жителям: не прите на рожон, авось пронесёт тучу мороком. Но не пронесло.

**СТАРЫЙ САРАПУЛ ЗАСТРОЕН ПРЕКРАСНЫМИ
ОСОБНЯКАМИ В СТИЛЕ МОДЕРН, НО ВСЕ ОНИ
ИЗУРОДОВАНЫ РАЗРУХОЙ. МОДЕРН —
НЕ СТОЛЬКО МОДА, СКОЛЬКО АМБИЦИЯ.
ЖЕЛАНИЕ ХОЗЯИНА ПОКАЗАТЬ, ЧТО ЕГО
ОБРАЗОВАННОСТЬ И ПРОГРЕССИВНОСТЬ
НЕ УСТУПАЮТ ЕГО КАПИТАЛАМ. ПОЭТОМУ
МОДЕРНУ РАЗРУХА СТРАШНЕЕ ВДВОЙНЕ: ЭТО НЕ
ТОЛЬКО БЕДНОСТЬ, НО ЕЩЁ И ПОТЕРЯ МОРАЛИ**

Варнаки Сухарева отыскиали в селе тех, кто морил в бане атамана Власова и вязал попа Данилу Шитова. Пленников вытолкали на Старцеву гору и повесили. Висельники на Старцевой горе заменили Сарапулу флаги победителей. Но Сухарев угодил в ту же западню сладкой жизни богатого села, что и Власов. И вскоре новый атаман пил, рылся в чужих сундуках и лапал девок. Жители Сарапула уже готовили батожок, чтобы снова подпереть дверь у баньки. Их остановил пугачёвский флот, который грозно проплыл по Каме мимо Сарапула.

На помощь Сарапулу из глубин Башкирии спешил полковник Обернибесов. Он форсировал Каму и возле

деревни Бедьки сцепился с пугачёвским флотом. С камского яра полетели ядра из пушек Обернибесова, перед мятежными барками поперёк реки вырос частокол водяных столбов. Пугачёвские бурлаки затопили свои барки. А в Сарапуле жители услышали канонаду и кинулись на пьяного атамана Сухарева. Его потащили, конечно же, на Старцеву гору — и подняли на виселицу. Когда из Казани прибыли войска, их встретили благовестом. И командир отряда отрапортовал в Казань, что «злодейский начальник издох». Трижды мятежный Сарапул, избежав разорения, выкрутился из всех передрыг.

МЕСТЬ И КОРЫСТЬ

Из Елабути Пугачёв шёл в Казань. На Казанском тракте в селе Мамадыш у храма толпился народ, ожидая самозванца. Пономарь трезвонил с колокольни, а поп приготовил распятье, чтобы благословить Пугачёва. Тихую и широкую реку Вятку огромная толпа мятежников переплыла на лодках, на плотах и попросту саженками.

Село Мамадыш стояло на землях кряшен. Это был странный народ — татары-христиане. Кряшены ревниво отделяли себя от похожих нагайбаков, потому что православие приняли очень-очень давно: ещё в Булгарии, ещё до Золотой Орды. На речке Кирмень неподалёку от Мамадыша кряшены почитали древний «хан-нар зират» — ханское кладбище. Здесь под камнями,

покрытыми арабской вязью, спали болгарские эльтеберы, которые привели кряшен ко Христу во времена князя Владимира.

На молебне в храме Мамадыша Емельян разглядывал лица кряшен, смуглые и нерусские, и думал, что зря он рассчитывал на татар. Татары не заменят ему башкир. Татары давно уже стали земледельцами и ныне ничем не отличаются от русских крестьян. Эти вот даже хрещёные. Дело не в нации и не в вере, а в образе жизни.

По образу жизни башкиры походили на своих врагов казаков, поэтому борьба башкир за веру и традицию оказалась единой с борьбой казаков за равенство и справедливость. Ценности башкир легко конвертировались в ценности казаков — и наоборот. Мятеж породил казаков и башкир ненавистью к общему врагу, который попирает эти ценности, — к Российской империи. Скотоводство башкир не нуждалось в Российской империи, так как не нуждалось в границах и в рабах. Скотоводству хватило бы Улуса Джучи.

А земледелие было немыслимо без империи: она защищала границы полей и принуждала рабов к работе. И главными ценностями земледелия стали власть и собственность. Собственность означала право на поля, а власть означала право на рабов. Этих ценностей держались все земледельцы — и дворяне, и крестьяне. И все они нуждались в Российской империи, где эти ценности стояли во главе угла и были защищены всей силой державы.

Пугачёв понимал: против государства крестьяне не пойдут. Но они пойдут против дворян, в пользу кото-

«Ханнан зират» близ города Мамадыш — кладбище эльтеберов

рых государство перераспределило собственность и власть. Крестьяне убьют барина — ради ценности власти, и ограбят барское имение — ради ценности собственности. Но потом они остановятся: всё, цель достигнута. Под Мамадышем Пугачёв понял, что жители Поволжья — земледельцы. Не важно, русские они или инородцы, крещёные или нет, — они крестьяне. Они бунтуют, чтобы ограбить барина, и от барских закров далеко не отлучаются. Им нет дела до общего царя, их интерес — личная месть и личная корысть.

Кряшенам эту истину предъявил здешний бунтовщик Гаврила Лихачёв. Он подался в разбой ещё весною, но потом сообразил: в одиночку его удел — тощие деревни по Вятке, а вот с войском Пугачёва он прорвётся напрямик к амбарам толстопузой Казани. Гаврила с бандой явился в Мамадыш, дождался мятежников и присягнул самозванцу, чтобы Емельян взял его в поход на Казань. Пугачёв взял Лихачёва и не обманул его: отдал Казань на грабёж своему воинству. А вот Гаврила обманул Еме

льяна: не пошёл вместе с царём от Казани дальше за Волгу, а сбежал обратно домой. Мятеж за пределами своей округи крестьянам был непонятен и не нужен.

Гаврила Лихачёв и его поделщики вовсе не были трусами. Когда Казань оправилась и выслала на Мамадыш драгунскую команду майора Неклюдова, Гаврила заступил майору дорогу на поле возле Рыбной Слободы. Паля из двух пушек, четыре сотни лихачёвцев напали на команду майора. Драгуны ответили контратакой и вмяли в пашню 70 мужиков — только тогда мятежники разбежались.

**НЫНЕШНИМ ПОТОМКАМ БУЛГАР ДРЕВНОСТЬ
ИХ РОДА ВАЖНЕЙ ЕГО СУТИ, ПОЭТОМУ ОНИ ВСЁ
СМЕШИВАЮТ ВОЕДИНО: ПРАВОСЛАВНЫЕ
ЦЕРКВИ КРЯШЕН, МИНАРЕТЫ НАД
СВЯЩЕННЫМИ ИСТОЧНИКАМИ И ЯЗЫЧЕСКОЕ
ПОЧИТАНИЕ ДЕРЕВЬЕВ НА «ХАННАР ЗИРАТЕ» —
КЛАДБИЩЕ ЭЛЬТЕБЕРОВ**

Но Гаврила не утихомирился. Он укрылся в лесах за Вяткой и начал собирать новый отряд. Разгром Емельяна Гаврилу ничуть не смутил. У Пугачёва своё поле, у Лихачёва — своё, и друг другу они — сторона. Так рассуждали все крестьяне. Для казаков и башкир бунт был как военный поход: все вместе идут куда смогут. А для крестьян бунт был как жатва: каждый идёт один до конца своей борозды.

Уржумский майор Еленёв выследил, где угнездился разбойник Гаврила, гроза вятских деревень. Августовской ночью команда Еленёва пробралась опушкой со-

снового бора и обрушилась на стан мятежников. Гаврила не успел сбежать: пуля свалила его в угли костра. Майор вывез труп Лихачёва к Казанскому тракту и повесил на дереве в назидание проезжающим.

В пугачёвщину таких историй случилось много. Отряды мятежных крестьян охотились за своей корыстью, а потому перестали отличаться от разбойничьих шаек. И заканчивали они по-разбойничьи: на придорожных берёзах.

ПОЖАР КАЗАНИ

На вершине лета 1774 года 20-тысячная орда Пугачёва прямой наводкой двигалась на Казань. Этот час всё-таки пробил. Уфа, Оренбург, Екатеринбург, Челябинка, Троицк — далёкие окраины, а вот Казань... Она воочию видела государей. Емельян прорвался к ней сквозь беды, бураны и артогонь. И теперь спор с империей пошёл уже глаза в глаза.

В тридцати верстах от Казани дорогу мятежникам попыталась преградить команда полковника Толстова. У деревни Высокие Горы 150 солдат полковника столпились вокруг единственной пушки, но Пугачёв снёс этот заслон, даже не заметив его.

Огромная и богатая Казань давно была городом русским, а не татарским. После Ивана Грозного татар отселили за озеро Нижний Кабан в Старо-Татарскую слободу. На высоком мысу, за которым речка Казанка

впадает в Волгу, на руинах ханской твердыни встал могучий многобашенный русский кремль. От кремля веером раскинулся город, распяленный на трёх осях: речка Казанка, Арская дорога и цепочка длинных озёр.

Старая Казань читается по улицам XXI века, будто судьба по линиям ладони. Казань столична сразу по-московски и по-питерски. Ряды высоких старых домов плотно сдвинуты, а длинные набережные — словно «перспективы» Петербурга. Но холмы и фигурные храмы — точно в Москве. Выразительность Казани изысканная, мавританская, колониальная. Декор её причудлив и непрерывен, как арабская вязь, и песней муэдзина звучит эпичный древнерусский кремль, неожиданно проросший острыми вертикалями тонких минаретов мечети Кул-Шариф. Это самый причудливый кремль России, он похож на сказочный город Леденец.

Губернская Казань, подавляя мятежи, рассылала войска по всему Заволжью, а вот защитить себя саму ей оказалось нечем. Губернатор Яков фон Брант, старый бюрократ, не знал, как обратить перья в пушки, а чернила в порох. Князь Фёдор Щербатов, который после смерти генерала Бибикова командовал всеми войсками, собранными против Пугачёва, неожиданно для себя обнаружил, что никем и ничем он не командует.

Оборону города возглавил 30-летний генерал Павел Потёмкин, троюродный брат великого фаворита. Он прибыл в Казань руководить Секретной комиссией, которую учредили, чтобы судить мятежников, но первым делом ему пришлось спасти город от своих будущих подсудимых. Потом Потёмкин ещё будет приводить

в русское подданство Крым и Грузию, но сейчас он приготовился к гибели и написал письмо-завещание. По всей Казани против полчищ Пугачёва Потёмкин наскрёб только десять пушек и две тысячи защитников: солдат-«инвалидов», корабельщиков с верфи, туберкулёзных рабочих суконной мануфактуры и гимназистов.

На заставах Казани защитники наскоро соорудили четыре земляных редута с батареями, но армия Пугачёва просто сдвинула их в сторону. Тысячи разбойников вошли в огромный город. Кто из жителей не надеялся уцелеть дома, те убежали в кремль. Остальных ждали грабежи и поругания. Крестьяне дорвались до чужих амбаров, но бывалые мятежники, уже познавшие победы и беды, не отягощали себя громоздкой добычей: они взламывали винные погреба, срывали с икон жемчужные цаты и насиловали баб. Казань загорелась сразу с нескольких концов.

Пугачёвский пожар Казани 1774 года не уступает наполеоновскому пожару Москвы 1812 года. Европа вздрогнула, когда над Россией вдруг поднялся такой столб пламени. Неужели этот Везувий разжёт не титан, а простой казак? А простой казак ехал на коне вокруг казанского кремля — последнего оплота обороны. Андрей Овчинников, «граф Панин», верный друг Пугачёва, уже впустую постоял у Спасской башни с ультиматумом: казаки кричали и стреляли по воротам из пистолетов, но защитники кремля отказались обсуждать вопрос о капитуляции. Теперь Пугачёв намечал направления штурмовых ударов своих войсковых колонн.

Казанским кремлём, словно задвинутым в небо, бунтовщики собирались овладеть с приступа. Над дым

Спасская башня Казанского кремля

ным озером Казани поднимались лишь колокольни храмов. Шатры кремлёвских башен облепили люди, которые ползли вверх за воздухом. Пугачёв и его атаманы кашляли, вытирая мокрые рожи бараньими шапками. Нет, надо было подождать, пока город выгорит. Брать крепость в таком пекле невозможно.

Пугачёв скомандовал войску отход. Он, конечно, не знал, что промедление, вызванное пожаром, спасёт защитников Казани и погубит его самого, как через 38 лет пожар Москвы погубит Наполеона. Пугачёв вернулся на стан у речки Ноксы. Точнее, на стан от стен казанского кремля вернулся государь Пётр Фёдорович.

И здесь его ожидало потрясение. Возле его царского шатра стояла простая телега, а в телеге сидели две девочки, мальчик и перепуганная баба. Это были найденные мятежниками в Казани жена и дети донского казака Емельяна Пугачёва.

ЮНОСТЬ ПЕТРА ФЁДОРЫЧА

Сотни глаз смотрели на самозванца и казачку в телеге. Как Емельян выкрутится? Неужто отречётся? И Емельян нашёл выход. Он не отрёкся от жены и детей — он отрёкся от себя. Он сказал, что вот эта баба, Софья, — жена донца Емельяна Пугачёва, а донец Пугачёв, царство ему небесное, принял мученическую смерть за него, за царя Петра Фёдорыча. Если глядеть из будущего, то Пугачёв сказал чистую правду.

Емельян Пугачёв родился в 1742 году на Дону, в станице Зимовейской, в семье казака Ивана Пугачёва. Пугачами называли филинов. У Емельяна были сёстры Ульяна и Федосья и брат Дементий. Во время бунта власти арестуют Дементия, перетряхнут его жизнь, проверяя, не связан ли он с мятежниками, — и отпустят на волю, но прикажут носить фамилию Иванов.

В 17 лет Емельян ушёл служить в армию, как и положено казаку. Он воевал в Пруссии в войсках графа Чернышёва и на Балканах в войсках графа Панина. Имена и титулы своих командиров Пугачёв потом даст своим сподвижникам — Ваньке Чике и Андрею Овчин-

никову. Казак Емельян был в меру умным и в меру храбрым: ничем не отличался от других таких же донских вояк, стриженных «под горшок».

В 1762 году, когда Емельян был в отпуске, отец присмотрел ему жену — казачку Соню Недюжеву из соседней станицы. Емельян не спорил, женился. Вскоре у него родился сын Трофим, а потом — дочери Аграфена и Христина.

Иван Пугачёв умер, Софья Пугачёва жила в доме свёкра вместе с детьми и свекровью. Когда черти собьют Емельяна с пути, обедневшая Софья продаст мужнину хату. Новые хозяева раскатят её на брёвна и увезут из Зимовейской. Но в декабре 1773 года власти выкупят эти брёвна, привезут в станицу обратно, отстроят дом Пугачёвых заново — и сожгут. Потом прикажут перепахать двор Пугачёвых, огородить тыном и оставить в наизидание потомкам навеки пустырьём. Империя была жестока, но моральна, и ей очень важны были такие символические акты возмездия.

С той же воспитательной целью власти зимой 1773 года арестуют Софью с детьми, отправят в Казань и поселят на хорошей квартире под умеренным присмотром. Пускай все люди видят семью бунтовщика — и разносят слух, что Пугачёв не Пётр III.

От горящей Казани Пугачёв увезёт свою семью в обозе, и будет возить, пока не потеряет при последнем разгроме. Ни в чём не повинную Софью и детей Пугачёва власти отправят в заключение в крепость Корела, и Софья будет делить каземат с Устиньей Кузнецовой, яицкой женой своего мужа. А из Корелы не выйдет уже никто. Последней в 1833 году тихо скончается

старушка Христина Пугачёва, которая проживёт в тюрьме 58 лет.

Царские следователи будут рыться в судьбе Пугачёва, пытаясь найти корни его самозванства, но так ничего и не отыщут. Казак Пугачёв на службе прошёл от Одера до Бендер и «насмотрелся порядку»: узнал, как и чем живут люди в Европе и Азии. Но Российская империя в целом и казачий Дон в частности не были самым печальным зрелищем мира, даже наоборот — превосходили многие другие области и страны по уровню жизни. С чего же тогда случилось озверение Пугачёва?

Он не был смутьяном и жил не бедно. Да, однажды он проворонил коня у командира, получил плетей и был разжалован из ординарцев, — но это горе не беда. Другой раз по пьянке он хвастанул, что Пётр I — его крестный отец, но хвастовство — не самозванство. За честную службу Емельян получил медаль и чин хорунжего — младшего офицера.

В 1770 году Пугачёв простыл, разболелся и решил подавать в отставку. В Зимовейской лекаря не имелось, и Емельян поехал в столицу Войска Донского — в Черкасск. Там он потолкался на атаманском подворье, расспрашивая, какая нужна бумага для увольнения по хвори, и добрые люди присоветовали поправляться у родни, а не в лазарете, где и коня замордуют. Емельян отправился на лечение не домой в Зимовейскую, а в Таганрог к сестре Федосье. Поехал бы домой — может, ничего бы и не стряслось.

Станица Зимовейская не доживёт до XXI века. В 1774 году её переименуют в Потёмкинскую, после

Дворец атаманов Войска Донского в станице Старочеркасской

Гражданской войны — в Пугачёвскую, а в 1951 году над ней сомкнулись волны Цимлянского водохранилища.

Федосья, сестра Емельяна, была замужем за бедным казаком Павловым. А Павлов задумал перебраться на Терек: тамошние казаки, по слухам, жили богато, царица их любила. Надо бы сходить на Кавказ и посмотреть, что там и как. Самая короткая дорога до Терека начиналась с донского левобережья. Емельян решил проводить шурина и перевёз его в лодке на левый берег Дона, вот и всё. И всё! Но за это в России осуждали на смерть: «ибо положена казнь таковым, кто дерзнёт переправлять кого за Дон».

«ИГНАТ-КАЗАКИ»

В 1765 году власть решила усилить казаков Терека переселенцами с Дона, так что ничего крамольного шурина Пугачёва не замышлял. Столицей Терека был Кизляр. Долгая кружная до-

рога из Черкаска вела вверх по Дону, потом волоком до Царицына, потом вниз по Волге и берегом Каспия до устья Терека, наконец — вверх по Тереку до Кизляра. Ходить напрямую было категорически запрещено, потому что прямой путь шёл через реку Кубань.

На Кубани жили кубанские казаки, заклятые враги России. Общение с ними приравнивалось к измене Родине и каралось смертью. А пугачёвский шурин всё равно попёр короткой дорогой через Кубань — авось не поймают. Это очень по-русски — совершать глупость и надеяться на авось. Но авось не сработал. Шурина поймали. И Пугачёв оказался пособником предателя.

Дурная слава Кубани началась с восстания Кондратия Булавина. В 1707 году император Пётр поправ вековой закон «с Дона выдачи нет» и отправил на Дон за беглыми холопами войско князя Долгорукого. Донцы восстали. В Черкасске новым атаманом выбрали Булавина, который предлагал Тихому Дону построить свою казачью державу от Запорожья до Азова и Саратова. Но уже через год Булавина убили заговорщики, а петровские полки разгромили отряды донских мятежников поодиночке.

Сподвижник Булавина атаман Игнат Некрасов по приказу Кондратия Афанасьевича попытался соединить мятежный Дон с мятежной Камой батыра Алдара. Но между казаками и башкирами намертво встал город Саратов. Его защитники разбили войско Игната. Возвращаться на Дон, где уже разгромили Булавина, Игнат не мог, а потому увёл своих людей на реку Кубань, которая принадлежала не России, а крымскому хану.

Под защитой крымского хана и турецкого султана казаки-некрасовцы стали жить русской казачьей республикой. Сначала они поселились на впадении в Кубань реки Лабы, потом перенесли свои станицы на Тамань, которая в те времена была островом: одним рукавом Кубань впадала в Азовское море, другим — в Чёрное.

Казаков-некрасовцев прозвали «игнат-казаками». Игнат умер в 1737 году, но оставил кубанцам свои «заветы»: набор параметров изначальной идентичности — хоть при царе, хоть при султани. Казаки должны исполнять волю одного лишь казачьего круга. Должны говорить по-русски. Должны верить в Христа по обряду отцов. На войне с русскими некрасовцы должны стрелять поверх голов. «Игнат-казакам» нельзя пахать и торговать, можно служить и заниматься ремёслами. Нельзя нанимать в работу казаков. Нельзя жениться на мусульманках. И нельзя возвращаться в Россию при царе. «Игнат-казаки» и самодержавие навсегда остались заклятыми врагами.

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ НЕ НАВИДЕЛА НЕКРАСОВЦЕВ ДО ГЛУБИНЫ ДУШИ. ИХ ПРИМЕР ОЗНАЧАЛ, ЧТО ИМПЕРИЯ — НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ ФОРМАТ, КОТОРЫЙ ГОСПОДЬ БОГ ПРИДУМАЛ ДЛЯ РОССИИ. СЛЕДОВАТЕЛЬНО, КТО ПРОТИВ ЦАРЯ — НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВОР

Опыт Некрасова оказался для Пугачёва определяющим, ведь Емельян был самозванцем, но не самоубийцей: он рассчитывал, что в случае разгрома уйдёт сам

Реконструкция казачьей крепости в городе Усть-Лабинск на Кубани

и уведёт товарищей на Кубань. Не всякий бунт против царя завершается казнями, бывает и спасение, пример тому — «игнат-казаки». На реке Иргиз среди раскольников, тайно связанных со старообрядцами-некрасовцами, Пугачёв принял решение: «итти ему некрасовским путём».

Однако Емельян сам поневоле и отрезал себе дорогу к отступлению. Екатерина так испугалась пугачёвщины, что поспешила завершить войну с Турцией: войска были нужны государыне на Волге против мятежников. Когда Пугачёв подступился к Казани, в Болгарии в деревушке Кючук-Кайнарджи граф Румянцев и визирь Мехмед Паша подписывали мирный договор, по которому Крым, Тамань и Кубань отходили России. Кубанцам надо было искать новую родину, а пугачёвцам стало просто некуда бежать.

Потом кубанцы-некрасовцы переберутся на Дунай и в Турцию, а на Кубань, умирив Башкирию после пугачёвщины, придет генерал Александр Суворов. На месте станиц «игнат-казаков» он будет строить царские «транжементы». И первой крепостью станет Усть-Ла

бинская — как раз там, где за семьдесят лет до этого обосновался Игнат Некрасов.

В Турции самая крупная община некрасовцев сложится на озере Майнос. Здесь «игнат-казаки» проживут больше ста лет. Только в 1911 году они потихоньку начнут возвращаться в Россию, но окончательно покинут Майнос лишь в 1962 году. Большинство некрасовцев по приглашению генсека Никиты Хрущёва переедет в СССР. Однако те из них, кто ни в чём не отступится от заветов Игната Некрасова, по приглашению президента Джона Кеннеди эмигрируют в США. Так вот получится, что президент Кеннеди тоже участвовал в бунте донских казаков против Петра I.

РОССИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ

Русский авось и растяпа-шурин превратили честного казака Емельяна в преступника. Он скрывался то в степи, то в «камышках», то в своём же доме. По примеру шурина, он добрался до Моздока и пытался записаться в Терское казачье войско, но его не записывали. Он хотел явиться к начальству и всё объяснить, но его не допускали до атаманов. Его хватали и сажали под замок и в Черкасске, и в Моздоке, а он убегал и этим усугублял свою вину.

В конце концов, к 1771 году Пугачёв прослыл вором бесповоротно. Его мать арестовали, чтоб не приютила беглого сына, и она в 1772 году умерла в тюрьме. Емельяну требовалось начинать жить сначала, а для

этого нужно было новое имя. В 1772 году появился законный способ выправить бумаги.

Емельян Пугачёв направился в Польшу, под Гомель, на реку Сож в раскольничий город Ветку — огромное скопище самопальных слобод и монастырей, где «живёт всякий зброд, откуда б кто ни пришол». Основали Ветку московские стрельцы, уцелевшие после разгрома их бунта молодым Петром I. В Польше Пётр не мог достать этих беглецов, а польские короли смотрели на Ветку вполне благосклонно. И вскоре Ветка разрослась, принимая всех изгнанников, в первую очередь — староверов.

**ПО БОЛЬШОМУ СЧЁТУ, ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ
БЫЛ НЕ РЕЛИГИОЗНЫМ, А ГРАЖДАНСКИМ
ЯВЛЕНИЕМ. КАНОНИЧЕСКИ РАСКОЛЬНИКИ
И НИКОНИАНЕ НЕ ОТЛИЧАЛИСЬ ДРУГ ОТ ДРУГА.
НО В СРЕДЕ РАСКОЛЬНИКОВ НЕ БЫЛО
КРЕПОСТНОГО ПРАВА И ПОМЕЩИЧЬЕГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ. ИХ ОБЩИНЫ УПРАВЛЯЛИСЬ
НЕ АРИСТОКРАТАМИ, А ГРАЖДАНСКИМИ
ЛИДЕРАМИ — ЭКОНОМИЧЕСКИМИ,
ВРОДЕ СТАРШИН, ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ,
ВРОДЕ УСТАВЩИКОВ**

Российские государыни были недовольны этим гнездом ереси и смуты. В 1735 году императрица Анна Иоанновна послала на Ветку войско. Солдаты спалили все слободы и обители и угнали в Россию 40 тысяч раскольников. Однако Ветка воскресла из пепла. Тогда в 1764 году государыня Екатерина Алексеевна снова

послала войска и опять разорила убежища. В том разгоне принимал участие и молодой казак Пугачёв. Конечно, он и предположить не мог, что ему самому придётся просить помощи у веткинских жителей.

Ветка возродилась и после разгрома 1764 года. Но через восемь лет Россия, Пруссия и Австрия захватили Польшу и разделили меж собой. Ветка досталась России. Её решили расселить. Раскольников Ветки погнали через фильтрационный пункт на Добрянском форпосте. Если раскольники выражали покорность, им выдавали документы и рассылали по городам и весям империи. Вот в этот поток и решил нырнуть Емельян Пугачёв, чтобы вынырнуть другим человеком.

В Ветке Пугачёв вошёл в параллельную Россию — в раскольничью. Здесь было своё хозяйство и дороги, свои законы и лидеры. Разветвлённый и могучий мир раскола жил под спудом империи, вездесущий и невидимый, как подземные воды. Пугачёв не был раскольником, но идеалы раскола оказались ему близки. Раскольники не признавали крепостного права, землю имели в общем владении и управляли собою сами. Ну, вылитые казаки, только не с саблями, а с крестами.

Раскольникам, выведенным с Ветки, государыня Екатерина назначила для проживания реку Иргиз в Поволжье. Старцы Ветки посоветовали Пугачёву идти на Иргиз, а для обустройства обратиться к тамошнему игумену Филарету: «он-де нам великий приятель». С Добрянского форпоста толпа веткинских раскольников пошагала под Саратов, в слободу Малыковку (нынешний город Вольск). Малыковка стояла на правом берегу

Река Иргиз в городе Пугачёв

Волги напротив устья Иргиза. В толпе раскольников шёл Емельян Пугачёв.

Из слободы Малыковки раскольникья эстафета понесла Пугачёва вверх по Иргизу в жёлтую заволжскую степь — на Каменный Сырт в Мечетную Слободу. Здесь и стоял Средне-Никольский скит игумена Филарета. Через столетие Слобода превратится в город Николаевск, а в 1918 году комбриг Василий Чапаев переименует Николаевск в город Пугачёв.

В долгих беседах при лучине игумен Филарет многое рассказал и растолковал Емельяну. Филарет объяснил про «игнат-казаков», с которыми старцы поддерживали связь как с братьями-раскольниками. Рассказал о недавнем яицком бунте против «регулярства» — от Иргиза до Яика было недалеко. И в обители Филарета Емельян впервые подумал о том, что можно совместить яицкий бунт и кубанское убежище.

Потом на следствии дознаватели попытаются представить Пугачёва орудием злых староверов, замысливших обрушить никонианскую державу. Под пытками

Пугачёв оговорит многих раскольников. Но «параллельная Россия» старообрядцев не враждовала с государством — своим гонителем.

Суд установит, что оговорённые Пугачёвым в бунте неповинны. Даже игумен Филарет в конце концов окажется Емельяну врагом и погибнет от его руки. Раскольники не подбивали Пугачёва на мятеж и не учили «похитить имя» государя. Они понимали, что России хватало Петров III и без Пугачёва.

ЦАРЯ ИГРАЮТ САМОЗВАНЦЫ

У императрицы Елизаветы, дочери Петра I, не было детей, но Елизавета мечтала продлить род Петра. И она задумала создать Петру наследника по всем правилам селекции: скрестить хорошую генеалогию с хорошим здоровьем. Государыня была уверена, что ей хватит долголетия воспитать правильного внука. Носителем хорошей генеалогии был сочтён шведский принц Карл Петер Ульрих, потомок Петра Великого по боковой линии. В 1742 году 14-летнего юнца перевезли из Германии в Россию и назвали Петром Фёдоровичем, Петром III. Когда Пётр дозрел до детородного возраста, царица Елизавета подобрала для его генеалогии хорошее здоровье: краснощёкую немецкую принцессу Софию Фредерику Августу. Ей было 16 лет. В 1745 году её тоже перевезли в Россию, назвали Екатериной Алексеевной и выдали замуж за Петра Фёдоровича.

Молодые супруги возненавидели друг друга. Они ведь были не кони, которых скрещивают для породы, а люди. Напоказ императрице Елизавете Петровне Пётр Фёдорович жил с любовницами, а Екатерина Алексеевна — с любовниками. Но Елизавета была настойчива. Не мытьём, так катаньем она выжимала из супругов дитяtkю. Наследника престола — будущего императора Павла I — Елизавета получила в 1754 году и потом отстала от молодых. Пётр Фёдорович и Екатерина Алексеевна с облегчением разошлись по разным покоям дворца и разным постелям. Они думали, что от них больше ничего не зависит: Елизавете Петровне всего 45 лет, она вырастит своего внука и отдаст ему престол, а родителям-производителям можно не беспокоиться.

Но в декабре 1761 года у Елизаветы Петровны вдруг хлынула горлом кровь, государыня уронила с колен наследника и умерла. Оторопевшая империя, не веря в случившееся, провозгласила императором Петра III. Его даже не сочли нужным короновать — лишь через 34 года, в 1796 году, император Павел I возложит корону на гроб своего несчастного отца.

Пётр III понимал, что трон — шаткий. Крепить его надо было реформами, угодными нации. Ими Пётр и занялся. Он дал купечеству новые права, а крестьян освободил от работ на монастыри и заводы. Раскольники наконец обрели «крест и бороду». В общем, у России не было причин для ропота, хотя, конечно, все изумились, когда Пётр III вдруг заключил мир с разбитой Пруссией. Этот мир лишил державу побед Семилетней войны, хотя победы были скорее обузой, чем наградой. А ещё

Пётр III отменил для дворян обязательную службу в армии, и вместо дворян в армию решил отправить блестящих дворцовых лейб-гвардейцев. Гвардейцам эти планы очень не понравились. А нравилась гвардейцам императрица Екатерина.

Серебряный ковш —
государственная награда
за борьбу с пугачёвщиной

Пётр терпеть не мог свою жену. Она была любовницей артиллерийского капитана Григория Орлова. Пётр публично назвал её дурой и намекнул на развод. Екатерина поняла, что роль вдовы — для неё самая безопасная. И Григорий Орлов устроил всё, как надо. В июне 1762 года два гвардейских полка присягнули Екатерине, а Екатерина дерзко предъявила супругу ультиматум: отрекайся от престола. Упавший духом Пётр III сдался гвардейцам Орлова и подписал отречение. Низложенного императора перевезли во дворец в Ропшу, а через неделю он скорпостижно умер. Петра III похоронили не в Петропавловском соборе, как должно было сделать с прахом государя, а в Александро-Невской лавре. «Неправильное» место погребения словно бы намекало на то, что здесь погребён не царь.

Официально было объявлено, что Пётр III скончался «от преежестоких колик». Конечно, этому никто не поверил. Смерть Петра породила разные слухи. Говорили, что по приказу Алексея Орлова царя отравил врач, что царя на пиру убил офицер Барятинский, что царя задушил поручик Шванвич. Но ещё говори-

ли, что царь сбежал, подсунув убийцам своего двойника.

Всё было странно с этим императором. Он странно царствовал и странно умер. И эта странность произвела великое множество самозванцев, которые сыграли Петра III самым добрым русским государем, погубленным злодеями. Даже царевич Димитрий не породил столько Лжедмитриев, сколько призраков породил Пётр III. Их у Петра III оказалось человек сорок.

Кем были самозванцы? Разорившимися купцами, беглыми солдатами, жуликами, сумасшедшими, проигравшимися офицерами, сектантами и пьяницами. Они затевали мелкие смуты и заканчивали, в основном, каторгой в Нерчинске. Были Петры в Курске, Чернигове, Брянске, Астрахани и Оренбурге. По три Петра шныряли вокруг Царицына и Воронежа. Петры появились в Албании, Италии и Голландии, а в Черногории фальшивый Пётр III процарствовал пять лет. Но удивительнее всего было то, что после казни на Болотной площади по России пошли самозванцы Емельяны Пугачёвы.

ВОЛГА-ЯИК-КУБАНЬ

Осенью 1772 года все мысли Пугачёва заняла идея повторить подвиг Игната Некрасова: поднять яицких казаков на бунт, а потом увести на Кубань. Зачем это надо было Емельяну? Царские следователи потом об этом у него не спрашивали, а сам он не сказал. Но, видимо, в душе любого

казака сидел бес молодечества: а вот нарушу все правила и вырвусь на простор, где никто мне не господин!.. Жизнь у Пугачёва сложилась так, что, кроме беса, другого руководства у него не сыскалось.

Емельян упросил игумена Филарета послать его на Яик с каким-нибудь делом. Филарет отправил его купить рыбы в Яицком городке, а в попутчики дал крестьянина Семёна Филиппова. Пугачёв соврал Филиппову, что он купец. По пути Филиппов предложил Пугачёву остановиться ночевать на Таловом умёте — постоялом дворе. Хозяином умёта был «пахотный солдат» Степан Оболяев по прозвищу Ерёмина Курица. С Курицей Пугачёв и разговорился об уходе яицких казаков на Кубань. Курица заверил: дело доброе, казачки будут согласные. Он подсказал, что в Яицком городке обо всех этих делах Пугачёву надо советоваться с казаком Денисом Пьяновым — участником только что подавленного бунта. Крестьянин Филиппов услышал эти пересуды и подумал: ежели два дурака треплют языками, значит, это господь посылает ему заработок. Филиппов написал донос и с оказией отправил в Маликовку. За это ему заплатят 200 рублей.

А Пугачёв добрался до Яицкого городка и остановился в доме казака Дениса Пьянова, раскольника. Емельян умел разбалтывать собеседника, и ночью Пьянов и Пугачёв уже обсуждали побег на Кубань. Пьянов пояснял: казаки Яика и рады бы уйти, да нет денег на обустройство на новом месте. А Пугачёв ответил: денег даст «турский султан». «С какой стати?» — удивился Пьянов. «А с такой, что я — царь Пётр Фёдорыч», — брякнул Пугачёв. Это был его решающий шаг к бунту.

После гибели императора прошло десять лет, но умершие не старятся, и Пугачёв оказался ровесником Петра III. Он уговорился с Пьяновым, что призывать казаков он придёт на багренье в Рождество. А Пьянов пусть готовит новую смуту: распускает слух, что у него был царь Пётр Фёдорович.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ БЫЛ ЧЕМ-ТО ВРОДЕ ПРИКРЫТИЯ ДЛЯ МАЛЫКОВСКИХ КУПЦОВ-РАСКОЛЬНИКОВ. ОНИ ПРЕВРАТИЛИ СЛОБОДУ В БОЙКОЕ ТОРЖИЩЕ, ГДЕ КОВАЛИ КАПИТАЛЫ, ПРОДАВАЯ ХЛЕБ И РЫБУ С ИРГИЗА. ПОСЛЕ ПУГАЧЁВЩИНЫ МАЛЫКОВКА СТАЛА ГОРОДОМ ВОЛЬСКОМ, А В XIX ВЕКЕ ЗАСТРОИЛАСЬ ПРЕКРАСНЫМИ ХРАМАМИ И ОСОБНЯКАМИ. ВОЛЬСК И СЕЙЧАС — ГОРОДОК БЕЗ ШУМИХИ, НО С ТОЛСТЫМ КОШЕЛЁМ. БОГАТСТВО И СКРЫТНОСТЬ ЗАВЕЩАЛИ ВОЛЬСКУ ОТЦЫ-СТАРООБРЯДЦЫ

Пугачёв доставил игумену Филарету воз с рыбой, за которой ездил на Яик, и вернулся в Малыковку. Эта слобода принадлежала князю Александру Вяземскому – будущему председателю особого суда, который станет судить изловленного бунтовщика Пугачёва. Умножая богатства князя, генерал-прокурора Сената, власть селится в Малыковке раскольников, выведенных из Польши. В контору по делам этих переселенцев и прилетел донос Семёна Филиппова. Пугачёва сцапали. Управитель «шол» его «подозрительным человеком» и отправил в Симбирск. Оттуда Пугачёва переслали в Казань.

А в Яицком городке Денис Пьянов будет рассказывать, что в его доме гостил царь Пётр Фёдорович. Кроме Пьянова, никто не будет знать, что царь и Пугачёв — один и тот же человек. Едва до Пьянова дойдёт весть об аресте Пугачёва, казак поймёт, что начальство ухватило за хвост новую крамолу, и тотчас даст дёру. Он укроется на Узеньях и просидит там в скитах целый год: не выйдет к Пугачёву, когда тот окружит Оренбург, и не выйдет к властям, когда те разгромят Пугачёва. Он попадётся карателям лишь весной 1774 года, когда армия Пугачёва будет прорубаться через горные заводы к Волге, и умрёт в оренбургской тюрьме ещё до разгрома бунта.

Дело казака Пугачёва в Казани разобрали в январе 1773 года. Склонение к побегу на Кубань считалось государственной изменой, и такие грехи рассматривал сам губернатор Яков фон Брант. Сначала он решил, что Пугачёв — лютый злодей. Губернатора смутила спина Пугачёва, покрытая рубцами. Если рубцы оставил кнут, значит, Пугачёв — государственный преступник. Правда, сам Пугачёв клялся, что спину ему украсил командир, у которого Емельян упустил лошадь. Фон Бранту пришлось вызывать консультанта — палача. Палач осмотрел спину узника и как эксперт подтвердил: рубцы не от кнута, а от казачьей плети. Выходит, Пугачёв не рецидивист. То есть, казнить сразу его не следует, а надо ждать указа сверху.

Губернатор расслабился. Донесение о Пугачёве он послал в Сенат в марте. 3 июня 1773 года пришёл ответ от государыни: казака Емельку «как бродягу и привыкшего к продёрской жизни» сослать навечно в острог Пелым на северный Урал. Эта кара была даже почёт-

ной: в Пелыме полгода сидел Бирон и двадцать лет — Миних. Но Пугачёва в казанской тюрьме уже не было. Губернатор проворонил бурю.

МЕРТВЕЦ ОБЩЕГО СЫРТА

В тюрьме Пугачёв заболел, оковами ему «обломило руки и ноги». Емельяну заменили тяжёлые кандалы на лёгкие. С ними можно было ходить. Весной 1773 года в паре с другим заключённым — с купцом Дружининым — Пугачёва начали посылать на улицы Казани христарadniчать: так держава кормила своих арестантов. Охраняли попрошайек два солдата. Неугомонный Пугачёв сразу организовал заговор.

Дружинина в тюрьме подкармливал сын. Емельян поручил парню купить для побега кибитку, а деньги на покупку Пугачёв вытряс из тюремной кружки для милостыни. В заговор Емельян втянул и одного из солдат конвоя: служивый оказался не прочь свинтить с опостылевшей службы домой.

31 мая 1773 года в Казани два кандальника и два охранника припёрлись в гости к попу пропивать милостыню. Всё было подстроено, чтобы накачать второго конвоира: батюшка был кумом Дружинину. Сын Дружинина подогнал к дому попа кибитку и влез на козлы. Заговорщики вытащили пьяного солдата из-за стола, запихали в повозку и полетели прочь из Казани. За городской заставой пьяный солдат очухался и удивился,

что колымага едет до тюрьмы так долго. «Кривой дорогой везут», — засмеялся Пугачёв, блестя в темноте зубами, и турнул солдата из кибитки. Солдат упал в канаву, а кибитка растаяла в ночи.

Беглецы отъехали подальше и поскорей расстались. Солдат, помогавший в побеге, ушёл домой в Малороссию. Отец и сын Дружинины в кибитке укатили в родное село Алат, а Пугачёва они направили в село Сарсаз, где жил старообрядец Кандалинцов — хранитель тайной дороги раскольников.

БЫЛОЙ ТАЛОВЫЙ УМЁТ, О КОТОРОМ ПИСАЛИ ПУШКИН И ЕСЕНИН, — НЫНЕ САМОЕ ОБЫЧНОЕ СТЕПНОЕ СЕЛО ТАЛОВОЕ В КАЗАХСТАНЕ, НА ГРАНИЦЕ С РОССИЕЙ. ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ БЕДНОСТЬ И ПРИВЫЧНАЯ РАЗРУХА. ЗДЕСЬ НЕТ НИКАКОГО НАПОМИНАНИЯ О НАЧАЛЕ ВЕЛИКОГО БУНТА, И НИКТО УЖЕ НЕ ПОМНИТ НИ О ПУГАЧЁВЕ, НИ О ПУШКИНЕ С ЕСЕНИНЫМ

Недоверчивый Кандалинцов три недели держал Емельяна в овине: наводил справки и пережидал суматоху, вызванную побегом. А потом запряг коня и по татарским урманам повёз Пугачёва с Камы в Яицкий городок к Денису Пьянову. Но Пьянова дома уже не было — он с зимы прятался на Узенях. Тогда Пугачёв упросил вожатого доставить его к Ерёминой Курице на Таловый умёт. Кандалинцов и тут не бросил Пугачёва: доставил на умёт. Через год власти найдут раскольника Кандалинцова и за помощь беглому каторжнику повесят.

В августе 1773 года из красно-сизого заката, что дымил над Общим Сыртом, на Таловый умёт вкатилась чёрная кибитка Емельяна Пугачёва. Ерёмина Курица уже знал, что в прошлый год у Дениса Пьянова Пугачёв назвал себя анпиратором. Курица принял Емельяна и разослал знакомым казакам призыв приходить к нему на умёт, где объявится царь.

Пока казаки собираются, Курица и Пугач решили съездить в Мечетную слободу к игумену Филарету. Пусть игумен даст писаря, без которого неграмотному царю «неможно». Заговорщики прикатили в скит, но игумену не нужна была смертельно опасная дружба с вором и самозванцем. Филарет свистнул по обители братию, и в трапезной чернецы набросились на Курицу и Пугачёва. Курица попался — а вот орёл улетел.

Судьба посмеётся над Курицей и Филаретом. Солдата Степана Оболяева по прозвищу Ерёмина Курица за помощь самозванцу сошлют в Кольский острог. Там мятежник благополучно проживёт ещё 29 лет. А вот раскольникового игумена Филарета, который первым попытался остановить Пугачёва, отправят на дознание в Казань. Начальство не успеет разобрать дело игумена: летом 1774 года бунтовщики захватят город. Филарета, который сидел в каземате, мятежники сочтут за своего и с почестями отведут к Пугачёву. Тут и настанет игумену конец.

А осенью 1773 года после предательства Филарета Пугачёв прибежал на Таловый умёт один. Здесь, на опустевшем умёте, он встретил казаков, что приехали на зов уже арестованного Оболяева. Казаков было всего-то четверо. Они ждали, что им объявится царь.

И Пугачёв объявился. Он сказал: «Теперь я пешей силой орёл, подправьте орлу крылья». И казак Ванька Зарубин по прозвищу Чика отдал Емельяну спасённое знамя бунта.

Казаки Яика напрасно решили, что Пугачёв — жалкий изгнанник. Да, он был один, но в империи не было человека опаснее, чем Пугачёв. Он был точно диверсант. Он знал, как живут и воюют европейцы, азиаты и русские. Знал силу и слабости регулярной армии и казачьих войск. Знал тайную Россию раскольников и заграничную Россию Кубани и Ветки. Знал, как рубиться на саблях и как стрелять из пушки. Знал, как можно победить, и знал, как можно спастись при поражении. Он знал, как поднять бунт — самозванством. Знал, как перестроить Россию — на казачий лад. Знал, кто начнёт борьбу — обиженные яицкие казаки. Он ничего не боялся, и пути назад ему не было. Для империи он стал в одном лице и человеком, и Страшным Судом: убитый царь, оживший мертвец Общего Сырта.

ПОДЛЕЦ СТРАШНЕЕ ПОЛЧИЩ

После того побега прошёл год. И теперь Пугачёв снова был в Казани, но уже не узником, а командиром армии. И его артиллерия громила кремль. От Гостиного двора, в казематах которого Емельян сидел в кандалах, одна батарея мятежников обстреливала ворота многоярусной Спасской башни. Другая батарея крушила стену кремля

Тайницкая башня Казанского кремля

между Восточной и Консисторской башнями. Этой батареей командовал подпоручик Фёдор Минеев.

Усадьба помещиков Минеевых стояла в той же деревне Казанской губернии, что и усадьба помещиков Державиных. В конце 1773 года сама государыня назвала себя казанской помещицей и призвала защитить Казань от Пугачёва. Дворяне, воодушевлённые призывом, кинулись записываться в ополчение. Вступили в него и молодые офицеры: Фёдор Минеев — 27 лет, и Гаврила Державин — 30 лет. Но служба у них сложилась по-разному.

Минеев состоял в отряде секунд-майора Скрипицына. Отряд bravо лупцевал крестьянские толпы под Сарапулом и Елабугой, но в июне 1774 года вдруг попал в ловушку в крепости Оса. Запертого в крепости Скрипицына окружили полчища самого Пугачёва. Майор

подумал-подумал — и сдал свой отряд в плен. Потом офицеры опомнились и затеяли заговор: решили ударить Пугачёву в тыл. Они написали губернатору фон Бранту письмо. А подпоручик Минеев испугался этого послания. Если его покажут Пугачёву, то Пугачёв повесит всех, кто писал злосчастное донесение, — конечно, кроме того человека, кто принесёт письмо. Минеев взял письмо и отнёс самозванцу. Офицеров и Скрипицына Пугачёв повесил над Камой, а Минеева поставил командовать полком вместо секунд-майора. И Минеев оказался на стезе Шванвича — только Шванвич не предавал своих товарищей.

**БАШНИ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ — ВОВСЕ НЕ
СВИДЕТЕЛИ ЛЕГЕНДАРНОГО ШТУРМА ВОЙСКАМИ
ИВАНА ГРОЗНОГО. НЫНЕШНИЙ КРЕМЛЬ
ПОСТРОЕН ПОЗДНЕЕ «КАЗАНСКОГО ВЗЯТИЯ».
ГЛАВНЫЙ РАТНЫЙ ПОДВИГ ЭТОГО КРЕМЛЯ —
ОБОРОНА ОТ ПУГАЧЁВА**

Минеев знал Казань лучше Пугачёва. Он провёл полк берегом реки Казанки и занял девичий монастырь. Отсюда удобно было стрелять по кремлю прямой наводкой. Однако на защиту храма против полка в одиночку бросился старик Нефёд Кудрявцев, столетний генерал казанского Адмиралтейства. Комиссаром на волжские верфи Кудрявцева назначил ещё Пётр I. Кудрявцев строил корабли и ходил в походы на Крым и Пруссию. Одрахлев, он опекал монастырский храм, в алтаре которого тихо сияла великая святыня России — икона Богоматери Казанской. Семь лет назад Кудряв-

цев под ручку подводил к этой иконе государыню Екатерину, а теперь кинулся на мятежников с клюкой. Удар сабли свалил старика-генерала. Подпоручик Минеев приказал вкатить пушки на окровавленную паперть. В тёмном алтаре с иконы капнула слеза Богородицы.

Девичий монастырь стоял на месте подворья стрельца Онучина. Оно сгорело в 1579 году. На пепелище стрелецкой дочке девочке Матрёше явилась Богоматерь и велела освободить из земли свой древний образ. Погорельцы выкопали из-под печки завёрнутую в рукав кафтана икону Богородицы. Её чудотворность сразу осознал казанский архиерей Гермоген и унёс находку в собор. Много позже Гермоген станет патриархом и в 1612 году в Московском кремле примет смерть от поляков, не покорившись захватчикам. А прогонит поляков ополчение Минина и Пожарского, которое будет держать над собой чудесную икону Казанской Богоматери.

Икона всегда жила в девичьем монастыре, построенном на месте обретения. Но Богородица Казанская, как и сестра её Богородица Табынская, никаким чудом не отзывалась на пугачёвщину, хотя мятежники толпились прямо под образами. Видимо, за бунтовщиками была своя жестокая правда. И святые они не трогали.

Страшнее бунтовских полчищ для казанской иконы окажется подлец. В 1904 году вор Варфоломей Чайкин выкрадет образ из храма ради драгоценного оклада. Золото и жемчуга Чайкин обдерёт, а икону порубит топором и бестрепетно спалит в печке — уничтожит улику. Власти изловят Чайкина, и вор, проклятый народом, сгниёт на каторге.

А пушки подпоручика Минеева не смогут разбить старинную толстую стену казанского кремля. Пугачёв потерпит поражение и отступит от Казани, а Минеев останется в городе и сдастся властям. Однако на что ему было надеяться, если он предал офицеров, присягнул самозванцу и стрелял по кремлю из-под чудотворного образа девы Марии? Суд установит, что «сей нечестивец обещал злодею свои услуги», и присудит Минееву лишение дворянства и 12 тысяч ударов шпицрутенами: этого хватило бы на пять смертей. 10 января 1775 года в Москве на Болотной площади возле плахи, где только что казнили Пугачёва, солдаты забьют офицера Фёдора Минеева. А в Казани, наверное, о погубленной душе опять будет плакать Богородица.

НА АРСКОМ ПОЛЕ

Стены кремля устояли под первой бомбардировкой мятежников, но второго обстрела они бы не выдержали. Казалось, Казань обречена. Вечером 12 июля Пугачёв отвёл свои силы за околицу города на Арское поле. Однако в пыли Арской дороги показались треуголки деташемента Михельсона.

Пугачёв знал, что Михельсон вышел из Уфы и спешит за ним вдогонку. Задержать деташемент должен был Бахтияр Канкаев. Бахтияр явился к Пугачёву в Мамадыше и теперь охранял арьергард армии мятежников.

Бахтияр примкнул к Емельяну, потому что больше ему было не к кому идти. Он поссорился с Салаватом,

когда выхватил из его рук победу над Бирском. Потом он не пожелал подчиниться Караная Муратову, который на Агидели собирал войско для похода на Уфу. Бахтияру с его самолюбием оставалось только покинуть Башкирию. Но гонор подвёл Бахтияра и у Пугачёва. Оставленный в заслоне, он увидел на тракте каре Михельсона и понял, что такой противник его победит. Надменный Бахтияр не желал терпеть поражение — и уклонился от боя, пропустив деташемент к Казани.

Отряд Бахтияра, конечно, проиграл бы деташементу, но бой задержал бы Михельсона. Этой форы Пугачёву вполне хватило бы, чтобы снова атаковать и занять казанский кремль. А в кремле никакой деташемент мятежникам был не страшен. Если бы Пугачёв взял казанский кремль, то ещё неизвестно, в какую сторону бунт повернул бы оглобли.

Потом, уже после разгрома Пугачёва, Бахтияр надменно побрезгует помощью разбойника Гаврилы Лихачёва и у села Зюри будет разбит майором Неклюдовым. Бахтияр убежит через Каму в Башкирию, а там просто исчезнет без следа. Получится, что личную славу и общее дело Бахтияр Канкаев принёс в жертву своей гордыне.

20-тысячная орда Пугачёва стояла под Казанью на Арском поле — на лугах между речками Ноксой и Казанкой. Вдали дымил горящий город, а здесь мятежники пили добытое вино и закусывали казанскими разносолами, делили награбленное добро и примеряли обновы. Деташемент Михельсона врезался в эту идиллию, как страшное возмездие.

Пугачёвцы воевать не умели, но и не были пугливым стадом. Каждый хватал оружие, какое подворачивалось, — саблю, жердину, топор. Солдаты и драгуны Михельсона дрались с мужиками и казаками Пугачёва, как волки с собачьими сворами. По Арскому полю покатались колёса взорванных телег, полетели клочья растерзанных шатров. Закат угас, на поле стемнело. Под июльскими звездопадами тысячи смятённых бунтовщиков, путая своих и чужих, перебирались на правый берег речки Казанки, чтобы охладнуть и разобраться, что стряслось и кто посмел напасть.

А утром оказалось, что Михельсон отбил у Пугачёва Арское поле и тем самым загородил собою Казань. Емельян был в бешенстве. Он сгрёбал свои разбежавшиеся войска по всей округе, чтобы атаковать деташемент Михельсона и снова пробиться к Казани. А из кремля Михельсону прислали пополнение: лишь бы деташемент выстоял.

Казань XXI века бережлива к своему былому, но вот Арское поле она как-то потеряла. Там, где Грозный готовил полки для штурма ханской крепости, где Михельсон грудью закрыл израненный город от полчищ мятежников, теперь обычные улицы, дома, скверы, супермаркеты. Ярость былых оборон дышит лишь в пунцовых татарских закатах, страшных европейцу, как заклание барана на Курбан-байрам.

За два дня Пугачёв собрал за Казанкой 25 тысяч мятежников. 15 июля он перевёл войско через речку на Арское поле и ударил по деташементу Михельсона. «Наступали с таким отчаяньем, коего в лутчих войсках

Варваринская церковь на Арском поле в Казани — свидетель битвы Пугачёва с Михельсоном

найти», — записал Михельсон в своём походном журнале.

В самой серёдке лета в самой середине России запыхала самая большая народная битва. Пушки трескались от жара. Перекалённые кремни крошились в ружейных замках. Сабли ломались о зубья вил. В кровавой слякоти раскисали лапти. За штыками волочились человеческие кишки. С неба падали оглушённые жаворонки.

Пугачёв почти смял detachment, но в последнюю минуту полусотня рослых гренадеров начала швырять в мятежников гранаты. Драгуны ударили во фланг, и бунтовщики не выдержали: начали отступать, а потом побежали.

На Арском поле полегло две тысячи человек. Пугачёв потерял все пушки и 17 знамён. Погиб Иван Грязнов. Пропал Иван Белобородов. А в Казани, зажжённой пугачёвцами, сгорело 2200 домов. В общем, от города

остался только кремль. Возмущённая до глубины души, Екатерина отправила губернатора Якова фон Бранта в отставку, и через три недели фон Брант умер от горя. А Михельсон был произведён в полковники.

ПУГАЧЁВСКОЕ ЛУКОМОРЬЕ

С кровавого Арского поля вместе с Пугачёвым ушли всего пять сотен казаков. Это были почти те же бойцы, что уходили за Емельяном после разгрома под Татищевой крепостью, после разгрома под Сакмарским городком, после разгрома под Троицкой крепостью... Всё повторялось.

Пугачёв отступил от Казани по Царёво-Кокшайской дороге, которая вела на Нижний Новгород и Москву. Погоня Михельсона отвязалась от беглецов лишь через тридцать вёрст, когда вокруг зашумели светлые, но дремучие рощи и дубравы черемисов.

Черемисами русские называли марийцев — волжских финно-угров. На левом берегу Волги жили луговые черемисы, на правом — горные. Тех и других кормили промыслы леса. Черемисы не поменяли таинственных богов своих чаш на Христа пахарей или Аллаха скотоводов. Пашни у черемисов были небольшие, а потому их народ не окрестянился и не смешался с другими земледельческими народами.

Тихие и причудливые черемисские княжества мирно платили дань булгарам, потом ордынцам, а потом татарам. Когда Иван Грозный ополчился на Казань,

горные черемисы помогли русским ратникам строить крепость Свияжск и постановили, что теперь они — подданные Московской Руси. А луговые черемисы подождали, пока Казань рухнет, и князь Мамич-Бердей вдруг объявил на волжском левобережье собственное лесное государство.

Мамич-Бердей надел доспехи из лосиных рогов, собрал войско, выстроил крепостицу на реке Меше и призвал из степи ногайцев, чтобы помогли отбиться от русских. Ногайцы не пришли, а русские пришли. Их полки разбили по лесам отряды Бердея и сожгли крепость на Меше. Бердея обманом взяли в плен, увезли в Москву и казнили.

**ЕСТЬ ДВА «ПУГАЧЁВСКИХ ДУБА»:
В НАЦИОНАЛЬНОМ ПАРКЕ «МАРИЙ ЧОДРА»
И В ГОРОДЕ ДУБОВКА НА ВОЛГЕ. НО ПОЧИТАЮТ
ЛИШЬ ДУБ В «МАРИЙ ЧОДРА». ПОЧЕМУ?
ПОТОМУ ЧТО ВОЛЖСКИЕ КАЗАКИ ИЗ ДУБОВКИ
БЫЛИ ПРАВОСЛАВНЫМИ,
А МАРИЙЦЫ-ЧЕРЕМИСЫ — ЯЗЫЧНИКАМИ**

Луговые черемисы не унялись. Сын Бердея князь Качак снёсся с крымским ханом Девлет Гиреем и сибирским ханом Кучумом, и ханы пообещали поддержку. Но ханы были далеко, а Иван Грозный — близко. Русские снова проутюжили заповедные чашобы мариЙцев и на берегу Волги, в устье реки Кокшаги, возвели крепость Кокшайск.

Под защитой Кокшайска воеводы начали собирать с инородцев ясак. Луговые черемисы восстали в третий

Дуб Пугачёва в Национальном парке «Марий Чодра»

раз. Теперь ими командовал внук Мамич-Бердея князь Джан-Гали, принявший ислам, чтобы задружиться с врагами Москвы. Джан-Гали почти отложил земли луговых черемисов от Руси, но всё же не сдюжил. Русские полки в третий раз прочесали марийскую глухомань. Джан-Гали бежал в Башкирию. Земли луговых черемисов московские воеводы приколотили к Руси на крепкий гвоздь Царёво-Кокшайской крепости, нынешнего

города Йошкар-Ола. И марийцы больше не вспоминали о мечте Бердеева рода иметь свою державу. Войны утихли.

К Пугачёву под Казань пришло немало черемисов в войлочных шляпах с полями и в рубахах, подпоясанных длинными полотенцами. Через эти полотенца язычники-марийцы спускали зло из своих душ в землю, как электричество по громоотводам. И вот теперь, отступая по этим лесам, Пугачёв гадал: соберут ли черемисы для него такое же войско, как для Мамич-Бердеев? С высоты седла Пугачёв рассматривал бедные деревушки и тощие поля меж осинников и понимал, что черемисы — не сила. Их мало. Им, людям Великого Леса, не понять казачью державу Великой Степи. Черемисы хотят, чтобы от них отцепились попы и помещики, а Москва им не нужна. В марийских лесах к Пугачёву присоединилось лишь пять сотен всадников.

У большого дуба дорога раздваивалась. Направо — на Царёво-Кокшайск, Нижний Новгород и Москву. В Нижнем Новгороде власти уже метались в панике, губернатор закрыл Макарьевскую ярмарку и собирал ополчение для отпора мятежникам. Но у Пугачёва не хватало войска, чтобы атаковать даже небольшой Царёво-Кокшайск, что уж говорить про штурм кремля Нижнего Новгорода. Идти на Москву Емельяну было пока не с кем. И он повернул налево — на Кокшайск и дальше через Волгу: к инородцам за подкреплением.

До XXI века марийцы останутся тихим лесным народом — единственным в Европе народом-язычником. Никому не мешая, шаманы-карды черемисов и сейчас проводят радения в молёбных рощах. И дуб, под кото-

рым раздумывал Пугачёв, до сих пор жив и почитаем. Он стоит в национальном парке «Марий Чодра». Кусты вокруг него обвязаны ленточками, но сам дуб — не священное дерево. Он — национальный памятник чужому бунту.

Народ созидает памятники по своей идентичности. Именем Пугачёва рабочие горных заводов называли горы. Для крестьян «пугачёвскими» становились речки, деревни и урочища. У башкир имя Салавата вращалось в скалах и пещерах. А у марийцев, лесных язычников, историческую память хранит удивительный дуб на сказочном Лукоморье.

Памятный камень возле
Пугачёвского дуба

ГЕРОЙ-РАЗБОЙНИК

Вечером 17 июля отряд Пугачёва добрался до города Кокшайск на берегу Волги. Городок этот, по правде говоря, был деревня деревней: от крепости, построенной два века назад, здесь уже ничего не осталось. Власти Кокшайска удрали от Пугачёва, и мятежники всучили мятый Манифест подвернувшемуся отставному солдату Кораблёву. Из храма к Пугачёву выбежал поп с крестом для поцелуя, но Пугачёв молча проехал мимо. Лодок для переправы

в Кокшайске тоже не нашлось. Все лодки на Волге порубили правительственные команды, чтобы бунт не переметнулся на правый берег, откуда до Москвы — прямая дорога. Отряд Пугачёва бросился в огромную ночную реку без плавсредств и «опрокинулся за Волгу», уповав на господа.

**ПУГАЧЁВ ВИДЕЛ СОВСЕМ НЕ ТУ ВОЛГУ,
К КОТОРОЙ ПРИВЫКЛИ МЫ. ЕГО ВОЛГА БЫЛА
ОГРОМНОЙ РАЗБОЙНОЙ РЕКОЙ В ПОЛУДИКОМ
КРАЮ, ГДЕ РУССКИЕ ДЕРЖАЛИСЬ ПОБЛИЖЕ
К БРЕВЕНЧАТЫМ КРЕПОСТЯМ. ЗДЕСЬ
НА ПРИЗЫВНЫЙ СВИСТ ИЗ ШУМНЫХ ЛЕСОВ
ВЫХОДИЛИ ИНОРОДЦЫ С РОГАТИНАМИ,
ЛИХОДЕИ С КИСТЕНЯМИ И РАЗНАЯ ЧАЩОБНАЯ
НЕЧИСТЬ**

Кого бог помиловал, те выбрались на высокий крутой, который сейчас зовут Пугачёвским взвозом. Замерзшие на стрежне мятежники наскоро отжали портки, влезли на коней и поскакали к ближайшему большому селу Сундырь. Им было уже не до хлеба-соли. Разбив погребов купцов, пугачёвцы выкатили бочки с вином и подожгли церковь: кому пожар, кому погреться. Водка взбодрила. Огонь от храма и солнышко, взошедшее над Государевой горой, высушили одежду. К Емельяну привели сержанта Чижова и шестерых солдат, которые рубили лодки на Волге, и Пугачёв приказал повесить служивых. Зато он помиловал Сундырь, хотя село не исполнило приказа поставить в войско Петра Фёдорыча 500 крестьян. Бог с ними, другие будут.

Пугачёв решал, куда идти дальше. Можно было двинуться на крупный город Чебоксары. Однако, по слухам, сейчас туда из Казани направлялся Михельсон, думая перехватить разбойников. К тому же год назад по Чебоксарам прокатился пожар, и поживиться там было нечем. И Пугачёв повернул на город Цивильск.

Здесь, на правобережье Волги, были плодородные земли чувашей. Чуваши как народ — дети булгар и марийцев. От булгар они унаследовали земледелие. Орда легко покорила чувашские княжества, а потом дань с чувашей собирала Казань. Когда татары и русские рассорились, чувашаи восстали против казанских ханов и приняли подданство московских царей. Это произошло ещё до взятия Казани Грозным.

На землях чувашей русские построили свои крепости — Васильсурск, Ядрин, Чебоксары, Цивильск, Козьмодемьянск, Курмыш. Здесь, в междуречье Суры, Волги и Свияги, всего было если не в избытке, то в достатке: лесов, рек и лугов, лета и зимы, воли и неволи. И чувашаи-земледельцы потихоньку превратились в обычных крестьян, которые от русских отличались разве что язычеством.

На мысу у слияния рек Большой и Малый Цивиль ещё в древности стоял городок Сюрп, где жил чуваш-

Обелиск в память о Пугачёве
близ города Кокшайск

ский «сотенный князь». В 1589 году на его месте русские возвели крепость Цивильск. За столетие до Пугачёва её осаждали ватаги Степана Разина. За Волгой Пугачёв попал в мир, где главным героем был Стенька. От лиходеев Разина Цивильск уберегла икона Тихвинской Богоматери. Она заговорила. «Не сдавайтесь, — сказала икона защитникам города, — и Стенька непременно отступится». Так и вышло. В память о том, как Богоматерь укрепила дух горожан, жители Цивильска возвели Вознесенский монастырь. Там и хранилась чудотворная икона.

Пугачёв не стал входить в Цивильск. Он не любил жить в захваченных крепостях и городах, предпочитал простор и шатёр, как хан. В Цивильск Емельян послал казаков. Казаки повесили цивильского воеводу, разгромили Троицкий собор, лавки и питейный дом и раздали народу найденные запасы соли. Из Вознесенской обители они привезли Емельяну откуп — казну монастыря. Обитель благоразумно предпочла убыток разорению.

Признаваться в сделке с мятежником монахи, конечно, не захотят, и сочинят сказку о чуде. Якобы Богоматерь, чей образ заговорил во время разинской осады, встретила Емельяна на околице Цивильска и поразила слепотой. Прозрел Пугачёв только тогда, когда ушёл прочь от города. Монахи Цивильска поступят так же, как жители Елабуги. Но в Елабуге сказка уподобляла Емельяна башкиру-мятежнику, чужому и непонятному, а в Цивильске — родному и любимому герою-разбойнику.

Стенька — он грабил богатых, дарил свободу и вообще был молодец. Емельян казался повторением

Троицкий собор в городе Цивильск — свидетель пугачёвщины

Стеньки. Это прибавляло бунту Пугачёва народных симпатий и привлекало крестьян, но разрушало организацию, размывало смысл мятежа. За Волгой миф об удахом Стеньке вытеснял старательно выстроенный Пугачёвым миф о справедливом царе Петре Фёдорыче и активировал совсем не те надежды.

ПУГАЧЁВЩИНА БЕЗ ПУГАЧЁВА

Мятеж в Поволжье историки назовут «пугачёвщиной без Пугачёва». Бунты чувашей вспыхнули в четырёх десятках сёл от Волги до Суры, но вожаки народных бунтов и не подумали ехать к Емельяну за чинами полковников. Чуваши не нуждались в одобрении Пугачёва, потому что решали свои проблемы, а не пугачёвские. И бунтовали они против своих хозяев, а не против общих порядков империи. Самозванство Пугачёва их не удивляло: чувашам, недавним общинникам, оно казалось полностью «законным». У кого войско, тот и князь. По-русски — царь.

Орда Пугачёва пересекала Чувашию, окружённая гудящим роем местных бунтовщиков. Земли чувашей были хлебородны, и пахари здесь жили не бедно. Крестьян-богатеев называли коштанами. Чуваши знали: все нормальные коштаны хранят свои деньжищи в сорокаведёрных бочках, а выносят из дома на улицу в ореховых чашах. По мнению чувашей, Пугачёв умел находить клады, замурованные коштанами в печах: он простукивал печи так, что золото отзывалось звоном.

Конечно, богачей ненавидели, но не настолько, чтобы истреблять под корень всех коштанов поголовно. И классовая борьба в Чувашии больше походила на молодечество. Побеждал не правый, а brave. Всех восхитил коштан Парпузан из деревни Ванькино. Его хотели казнить, а он попросил повесить его, когда накормит войско Пугачёва пельменями. Войско было большое — но и пельмени у Парпузана всё не иссякали.

Камень на берегу реки Суры в память о переправе пугачёвцев

Пугачёв не дождался конца угощения, прыгнул в седло и, хохоча, ускакал, пощадив толстосу́ма.

К реке Суре Пугачёв вышел в селе Ильина Гора. По легенде, у околицы села его встретил бабий отряд крепостной актрисы Настасьи Хлоповой. Неизвестно, существовала ли Настасья Хлопова в действительности, или она — просто крик народной души. Однако едва Пугачёв уподобился Стеньке, так сразу и превратился в романтического героя, который не может обойтись без страсти. Вот и возникло предание об актрисе Настасье. А кто такая крепостная актриса? Душа королевы, тело богини, участь рабыни. Настасья явилась Емельяну с пылающими очами и с кинжалом в руке: в Ильиной Горе она зарезала приказчика Якушкина и собрала баб бить бар. Вечером 19 июля 1774 года в церкви Ильиной Горы поп обвенчал Емельяна Пугачёва и Настасью Хлопову, казака и актрису, «императора Петра III

и княгиню Владимирскую». Попа Емельян обещал произвести в «главные протопопы».

А утром после свадьбы мятежников потянуло окунуться с похмелья. Войнство разделось до исподнего и поплыло через реку Суру: на другом берегу за рощами белели колокольни большого села Курмыш. Его гарнизон, разинув рты, глазел на плывущих пугачёвцев, не думая отражать супостата. Потом граф Панин будет расследовать сдачу Курмыша мятежникам, но махнёт рукой на местных простаков и просто прикажет их вину «прикрыть знаменем» — то есть предать забвению «от греха подальше».

**ЕСЛИ В МИРЕ ЕСТЬ «ГОРОДА-ПРИЗРАКИ»,
ТО В РОССИИ — БЫВШИЕ ГОРОДА. АЛБАЗИН,
ПОВЕНЕЦ, КАЙГОРОД, ТУРУХАНСК, РАДОНЕЖ,
КОЛЫВАНЬ — КАЖДОЕ ИМЯ ОТЗЫВАЕТСЯ
ИСТОРИЧЕСКИМ ЭХОМ. В ОТЗВУКЕ КУРМЫША —
ГУЛ ПУГАЧЁВСКОГО КУРАЖА**

Курмыш был основан во времена Дмитрия Донского как крепость, опорный русский пункт в Поволжье. В 1445 году хан Улу-Мухаммед, основатель Казанского ханства, взял Курмыш и держал здесь в плену Великого князя Василия. Когда же на Суре появились крепости Алатырь и Ядрин, Курмыш превратился в обычное большое село.

Здесь у храма Пугачёв сел мокрым задом в комендантское кресло и начал суд над богатеями, которых согнали на площадь. Среди обречённых стоял старый помещик Бобоедов — смутьяны только что выкололи

Покровская церковь в бывшем городе Курмыш — свидетель пугачёвщины

ему глаза. При нём Пугачёв увидел внучонка — и приказал ему сплясать народу для потехи. Забренчала бандура. Зарёванный испуганный мальчишка заплясал, лишь бы спасти дедушку. И это оказалось совсем не весело. Пугачёв, ругаясь, встал с кресла и приказал разогнать всех пленников по домам.

Пугачёв быстро осознал, что чуваши — те же крестьяне, с которыми, увы, ему каши не сварить. Они встречали бунт с ликованием, но искали в бунте лишь месть и корысть. Казачья держава им была ни к чему. Уже в Курмыше Емельян понял, что ему надо стремиться на нижнюю Волгу, где казаки.

А чуваши бунтовали до осени 1774 года. Они даже не заметили, что Пугачёв ушёл. Они были уверены, что Емельян где-то тут: живёт по избам казнённых богатеёв — переходит из дома в дом, когда все деньги растратит, потому и нет его на одном месте. В Чувашии сохра-

нилось множество древних курганов, которые пугачёвцы якобы насыпали для своих батарей или над могилами убитых товарищей. Местные жители показывают пугачёвские урочища и овраги. Конечно, пугачёвщина оставила тут немало кладов. В Чувашии даже было дерево, на котором Пугач жил как соловей-разбойник.

Зачастую рассказы о подвигах Пугача в Чувашии — не сказки. Просто чуваша называли Пугачами всех своих бунтовщиков, а их были толпы.

ХРАМ И КЕРЕМЕТЬ

Войско Пугачёва направилось в городок с былинным именем Алатырь. Атаманом Курмыша Пугачёв оставил чуваша Ивана Яковлева. Яковлев нацепил саблю, собрал в Курмыше «толпу» и повёл её вниз по Суре брать городок Ядрин. Ядринскую крепость построили в 1590 году на впадении в Суру речки Урги. Ко времени пугачёвщины от крепости ничего не осталось, но горожане решили защищаться. Оборону Ядрина возглавили комиссар Лихутин и купец Василий Засыпкин. Их ополчение вышло на берег Суры и, паля из разномастных ружей, кто во что горазд, отбило мятежников, которые пытались форсировать реку на плотах и сажёнками.

Потом появится легенда, что купцы Ядрина победили хитростью. Будто бы они изъявили покорность и принялись помалу перевозить мятежников на лодках. А в городке их без шума душили, пока не передушили

Алексеевская церковь в городе Ядрин — свидетель пугачёвщины

столько народу, что Яковлев приказал отступить. Государыня наградит шестерых купцов Ядрина серебряными ковшами, а Засыпкина — дворянством.

Однако Яковлев не отцепился от Ядрина: он засел в кустах на правом берегу Суры напротив городка. А в городок вошёл отряд секунд-майора Карла Меллина. Майор воевал в деташементе Михельсона. Михельсон из Чебоксар двинулся в Арзамас, чтобы преградить Пугачёву дорогу на Москву, а Меллина командировал на выручку Ядрина. Майор без рассуждений переправил свою команду из городка через Суру на правый берег.

Меллин атаковал бунтовщиков, погнал, и у деревни Сормы его драгуны схватили самого Ивана Яковлева. Майор не церемонился и сразу вздёрнул разбойника на дереве. Взлетая в петле, Яковлев крикнул: пусть перелесок, где он умирает, будет кереметью. И чуваш

потом выполнили волю атамана. Перелесок Яковлева объявили божьим. Уже два с лишним века на праздник солнцеворота в Сорминскую кереметь чувашаи приносят печёных лошадок.

Керемети — священные рощи язычников. Огороженные заборчиками, они шумели почти у каждой чувашской деревушки. В середине XVIII века Комиссия новокрещенных дел подняла на них топор: крестоносцы вырубили множество рощ, а вместо них построили около сотни церквей. Чувашаи этого не простили. И пугачёвщина в Чувашии превратилась в войну за веру. Бунтовщики сжигали храмы и топили в болотах колокола. Казнённых священников оказалось вшестеро больше, чем казнённых дворян и коштанов. Чаще всего чувашаи вешали попов на деревьях — так в кереметях развешивали на ветвях шкуры жертвенных баранов. Надевая петли на шеи попам, чувашаи говорили: «Теперь прими нашу веру». Ещё два века после бунта чувашаи почитали у деревни Тогач «дуб двенадцати попов».

**ТИХАЯ СУРА ТЕЧЁТ СРЕДИ ЛЕСОВ, ЛУГОВ
И ОБЛАКОВ, И ЗДЕСЬ ПУГАЧЁВЩИНА ОЧЕНЬ
ФАКТУРНО ПРЕДСТАЁТ ПОЕДИНКОМ ВЕР.
В КАКОЙ ВЕЧНОСТИ ПРАВДА: В НЕИЗМЕННОСТИ
ХРИСТИАНСТВА ИЛИ В ИЗМЕНЧИВОСТИ
ЯЗЫЧЕСТВА? КАКАЯ ВЕРА ЛУЧШЕ ВПИСАНА
В ЛАНДШАФТ?**

В церкви села Кожваж мятежники устроили «концлагерь» для попов: их свезли сюда на общую казнь. Попы сидели и ждали смерти. Спасла их воинская коман-

Священная Сорминская кереметь

да из крепости Козьмодемьянск. Поначалу Козьмодемьянск был осаждён отрядом чуваша Михопара, но отбился силами гарнизона и чудом иконы Владимирской Богоматери. Команда из Козьмодемьянска погналась за Михопаром — и по пути освободила смертников из Кожважа.

Майор Карл Меллин, казнив Яковлева, занял село Курмыш, откуда Яковлев отправился в свой бесславный поход на Ядрин. Тотчас на Курмыш налетел отряд другого чувашского вожака — Михаила Негея. Меллин разбил это воинство, а самого Негея взял в плен и повесил.

Пугачёв тем временем вошёл в город Алатырь. Город был основан по приказу Грозного ещё во времена взятия Казани. Воевода Белокопытов бежал от Пугачёва, бросив Алатырь на старого прапорщика Сульдешева. Испуганные жители Алатыря встретили Петра Фёдорыча «с принадлежащею церемониею»: с благовестом и слезами, на коленях и с хлебом-солью.

Пугачёв назначил Сульдешева полковником. Старый хрыч принял присягу, но смолчал, что прячет в лесу

огромную казну: 24 тыщи рублёв серебром. Деньги потерял воевода Белокопытов, а Сульдешев подобрал их и сберёг, не позарившись и на копейку. В Алатыре Пугачёв «вверг в ров погибели» два десятка местных дворян. Бунтовщики приволокли их в тюрьму к Сульдешеву, а старик ночью тихонько выпустил несчастных. За спасение дворян царский суд потом простит Сульдешеву присягу самозванцу.

В Алатыре Пугачёв решил наградить своих отличившихся бойцов, и местные мастера серебряных дел из монет с Петром I понаделали медалей. Заодно мастера попробовали сделать деньги с портретом Пугачёва. Для этого они использовали вышедшие из обращения медные монетки — шелеги. Получилось, что ко всем своим грехам в придачу Пугачёв оказался ещё и фальшивомонетчиком. Это в Российской империи каралось смертной казнью, и на следствии Пугачёв будет отпираться: «Манет никаких с своею мерскою харею никому делать не приказывал и оных не давал».

Отдохнув пару дней в Алатыре, Пугачёв повёл своё войско на Саранск.

ПУГАЧЁВСКАЯ ПАЛАТКА

Семитысячная орда бунтовщиков, гомоня, валила по тракту от Алатыря к городу Саранску. За рекой Сурой кончались земли чувашей и начинались земли другого финно-угорского народа Поволжья — эрзи.

Эрзянское княжество было современником Булгарии. Столица его находилась сначала в Рязани — Эрзяни, потом в Арзамасе — Эрзамасе. Князья эрзи назывались инязорами. Инязор Пургас потерпел поражение от русских, и эрзя потеряли свою государственность. На реке Инсар, притоке Алатыря, в 1641 году русские возвели Саранский острог. Ко времени Пугачёва Саранск был бойким торговым и ремесленным городком.

Эрзяне почитали Христа, однако их православие было дремучим, как их леса: с причудливыми суевериями, с наследием язычества, с выдумками раскольников. Лесной гений эрзи не воевал с христианством, а бурно преображал его. Эрзянами были легендарные отцы раскола — патриарх Никон и протопоп Аввакум. Мальчонкой увидел пугачёвщину эрзя «Кузька-бог» — мужицкий пророк Кузьма Пиляндин. В конце XVIII века он соединит обряды кереметей с обрядами храмов и создаст в Поволжье новую религию, в которую ухнут тысячи крестьян. Власть, ошалевшая от такой дерзости, в 1810 году сошлёт еретика «Кузьку-бога» в Сибирь.

Когда Пугачёв нацелился на Саранск, знать бежала из города и спряталась в Большом Мокшанском лесу. Простые жители встретили самозванца хлебом-солью у моста через реку Инсар. Пугачёв вступил в город 27 июля «в силе и славе». В Саранске ему досталось семь пушек и тридцать тысяч рублей: деньги Пугачёв щедро раскидал народу. Ему привели дворян — 62 человека, и Пугачёв без колебаний «произвёл подобные своему зверству варварствы»: отправил пленников на виселицу.

Пугачёвская Палатка в городе Саранск

В Саранске Емельян повёл себя как свинья. Он решил поселиться не в шатре за околицей, как обычно, а в городе, и выбрал дом воеводской вдовы Авдотьи Каменецкой. Хозяйке приказали устроить пир. На пиру Пугачёв упился и покидал в окно всю посуду. Когда на хозяйку нажаловалась служанка, Емельян повелел повесить вдову Авдотью на воротах её подворья. Бабу повесили. А Пугачёв на другой день куражился уже на обеде у архимандрита Александра: сам он сыпал деньги «на обитель», а его молодцы, заставив дворню петь тропари, грабили жилище иерея.

Небольшой каменный дом казнённой вдовы Авдотьи Каменецкой жители Саранска прозовут Пугачёвской Палаткой. С крыльца этой Палатки и прогремел главный указ Емельяна Пугачёва: именем царя Петра III отныне в Российской державе всем крестьянам — воля, всем дворянам — смерть!

Угроза гибели, разумеется, пугала дворян, однако второе страшнее была угроза свободы для всего народа. В могучей империи даже всесильные фавориты не владели своей жизнью и своей судьбой, а тут какой-то мужик в каком-то Саранске крикнул такую обжигающую дерзость!..

Пугачёв крепился девять месяцев бунта — не дарил народу свободу. Свободой он награждал только тех, кто шёл за него воевать: таких верстали в казаки. Но в Саранске Пугачёва прижало. Он увяз в Поволжье накрепко. Иностранцы не заменили ему башкир, потому что сплошь окрестьянились. А крестьяне не заменили ему казаков, потому что из бунта они выколачивали выгоду, а вовсе не боролись за свои права. И что делать?

Из ловушки Саранска имелся единственный выход: поднять на бунт всех крестьян. Но жадным и расчётливым мужикам для бунта требовалась самая соблазнительная приманка. Мотивы типа «земля — крестьянам» или «Кубань — казакам» тогда ещё не работали. Расплатиться за бунт с мужиками Пугачёв мог только закланием дворян. Грабь любого. Всё — твоё.

Дворян Пугачёв, конечно, не жалел. Его проект переустройства державы подразумевал замену дворянства новой элитой — казаками. Но казак отличался от мужика не столько саблей, сколько свободой. Обречь всех дворян на истребление означало обречь всех крестьян на свободу. И Пугачёв швырнул её народу. Свобода во все не была целью пугачёвского бунта, как борода — не цель церковного раскола. Свобода была способом войны, потому что давала крестьянам доступ к собственно-

сти дворян. А собственность — главная ценность крестьянской идентичности.

Манифест о свободе стал самым страшным указом Пугачёва. Читать его вслух было запрещено даже тем прокурорам, которые требовали у судей смертных приговоров для пугачёвцев. На полях сражений солдаты рылись в карманах убитых бунтовщиков не в поисках денег, а в поисках этого проклятого листка. Но причина страха перед манифестом была не в слове «свобода», от которого императрице якобы делалось дурно. Не делалось. Власть не поверила в вольтерьянство казака и легко считала корыстный смысл призыва: Пугачёв «обольщал крестьян описанными в скверных его бумагах выгодами, думая, что такие больше прилепят их к его богомерской роже». Речь шла о точном политическом расчёте самозванца, а вовсе не о правах человека.

КАРСУНСКАЯ ЛИНИЯ

Укрыльца Пугачёвской Палатки в Саранске манифест о свободе, разинув рот, выслушал крестьянин Фирс Иванов, который привёл отряд из села Сурали. Потом Фирс протолкался через толпу, чтобы поговорить с царём-батюшкой. Государь собирался опохмелиться и вести своё войско на Пензу, а Фирс считал, что царю обязательно надо побить бар в Симбирске. Емельян не стал спорить: вручил Фирсу указ взять Симбирск и дал «два возу денег» для платы добровольцам. После Симбирска Фирс должен был

идти на соединение с Емельяном в город Камышин. Ободрённый доверием, Фирс двинул свой отряд от Саранска к Симбирску по старой Карсунской линии.

Эту засечную черту почти полтора века назад соорудил воевода Богдан Хитрово. От Суры до Волги он протянул полосу непроходимых лесных завалов, которые прикрыли от ногайских набегов русские селения на землях эрзи и чувашей. Ко времени Пугачёва вместо срубленных деревьев давно уже вырос новый лес, но рвы и насыпи сохранились. Засечная черта завершалась крепостью Симбирск, которою воевода Хитрово возвёл на перешейке между Волгой и Свиягой, на древнем городище болгарского князя Сенбера. В засечную черту были встроены семь бревенчатых острожков. Главным считался Карсунский острог, оберегавший броды через речку Барыш.

**ПОСЁЛОК КАРСУН — ОН ИЗ ЧИСЛА МНОГИХ
СКРОМНЫХ ГЕРОЕВ РОССИИ. ОН НЕ ГРЕМЕЛ,
ОТБИВАЯСЬ ОТ ВРАГА, И НЕГРОМКО ПОГИБ БЫ
В ОБОРОНЕ, ДА ГОСПОДЬ ЕГО УПАС.
НО ПОДЛИННОЕ ВЕЛИЧИЕ НАЧИНАЕТСЯ
С ГОТОВНОСТИ УМЕРЕТЬ ВО ИМЯ ДОЛГА
БЕЗ ВСЯКИХ ПОЧЕСТЕЙ**

Гарнизон обветшало-го острожка решил обороняться. Солдаты зарядили ружья и вычистили допотопные затинные пищали. Когда Фирсово воинство заполонило улочки Карсуна, крепостица с зелёными замшелыми кровлями вдруг огрызнулась выстрелами из бойниц. Над трухлявыми шатрами башен реяло знамя с вензе-

лем государыни. Крестьянское воинство потопталось на откосе рва, в котором среди ряски квакали лягушки, и Фирс решил, что овладеть богатым Симбирском важнее, чем тихим Карсуном.

По Карсунской линии Фирс Иванов повёл свою толпу к Симбирску, а ему навстречу из Симбирска решительно шагала команда коменданта Андрея Рычкова. Полковнику Рычкову было 34 года, и он был сыном академика Петра Рычкова. 27 августа в золотых рощах Заволжья команда Рычкова столкнулась с толпой Фирса. Мужики не заробели. Пальбой опустошив пульницы, мужики бросились в атаку с вилами наперевес. Солдаты подняли руки. Офицеров, которые махали шпагами, лапотники закололи. Вилы вонзились в грудь командира Рычкова. Убитых Фирс велел свалить в телегу и увезти на кладбище в Карсун, а сам направился дальше на Симбирск.

Город, полный сбежавших из своих усадеб дворян, трепетал. Старый деревянный кремль с пятью покосившимися башнями помнил штурмы Стеньки Разина и сейчас не выдержал бы осады. Да что там осада: в пугачёвщину Симбирск потерял уже двух комендантов, хотя враг ещё даже не подступался к городу!

Первым погибшим комендантом Симбирска был полковник Чернышёв. В октябре 1773 года он увёл в Оренбург отряд в 1100 солдат с 15 пушками, но попал в засаду мятежников под горой Маяк и вместе с офицерами умер на виселице в Бёрдах. Вместо Чернышёва Симбирску назначили комендантом Рычкова. После гибели Рычкова оборону города возглавил полковник Обернибесов, защитник Елабуги и Сарапула. Оберни-

бесов решительно вывел гарнизон на околицу Симбирска и умело разбил Фирсовы толпы. Солдаты прогнали мужичьё в расписные леса на Карсунской линии.

Но крестьянин Фирс Иванов не переживал о разгроме: он же не был казаком, которому поражение позорно. Отброшенный от Симбирска, Фирс не пошёл ни в какой Камышин ни к какому царю: Фирсу и здесь была добрая добыча. Целый месяц его шайки хищничали по осенним рощам Карсунской линии между Барышем и Свягой, а 10 октября Фирс всё же попал в плен. Через день в Симбирск в клетке привезли и пленного Емельяна Пугачёва.

Пугачёва посадили в подвал и продержали в городе три недели. Здесь на самозванца с кулаками набросился старенький академик Пётр Рычков. Генералы вели допросы, а местному художнику приказали намалевать патрет Пугача, но только настоящий — не парадный, как у вельмож, и не парсунный. И художник зорко всматривался в лицо прикованного к стене мятежника: рисовал портрет тщательно и безыскусно, будто географическую карту.

По легенде, в это время какие-то заговорщики рыли ход к подвалу, где сидел Емельян, чтобы освободить узника, но чуть-чуть не успели. Через столетие остатки этого подземного хода будет искать гимназист Володя Ульянов. Потом Владимир Ульянов станет главой нового государства, и это государство переименует Симбирск в Ульяновск.

А осенью 1774 года, пока Пугачёва били на допросах, бунтовщика и вора Фирса Иванова привезли в городок Карсун, положили на бревно и разрубили на куски.

Симбирский портрет Пугачёва в музее Ульяновска

Голову его в мешке отослали на устрашение в родное село Сурали.

КОРОНОВАННЫЕ

Для Российской империи Пугачёв стал опаснее турецкого султана, а мятеж стал главной заботой державы. 22 июля в Петербурге собрался государственный совет. Блистая орденами, вельможи принялись обсуждать меры по защите Мо-

сквы от Пугачёва. Самой Москвы!.. Такой угрозы не было со времён Лжедмитриев, но и тогда враг был орудием Речи Посполитой, а не голи перекатной. Государыня взяла перо и написала воззвание к москвичам: не отступайтесь от присяги!

Пожар Казани показал, что князь Фёдор Щербатов — командир армии, собранной против Пугачёва, — с порученным ему делом не справляется. «В жестоком сострадании о печальной сиюдбине города Казани» Екатерина удалила князя Щербатова из войска, а вместо него командующим назначила генерала графа Петра Панина. Четыре года назад у крепости Бендеры под началом графа отважно сражался казак Емельян Пугачёв.

Графу Панину собрали новую армию: 18 полков, 18 гарнизонных батальонов, 11 эскадронов, 9 полевых команд и два дворянских корпуса. С турецкого фронта прибыл непобедимый генерал Александр Суворов. Граф Панин, раздухарившись, сообщил государыне, что он с радостью приемлет грех «пролития проклятой крови на себя и на чад своих».

Однако на театре военных действий всё обстояло не так благополучно, как в кабинетах. Отважный и самоотверженный Михельсон занял Арзамас и загородил путь на Москву. Пугачёв знал, что сквозь деташемент ему не прорваться, и пошёл из Саранска на Пензу. Михельсон двинулся из Арзамаса на Саранск, а из Курмыша на Пензу устремился секунд-майор Меллин.

Михельсон и Меллин гнались персонально за Пугачёвым, но они были не в силах справиться с бунтом в целом. Бунт принял чудовищные размеры: зачитанный в Саранске манифест взорвал крестьянский мир.

Отряды восставших мужиков насчитывали тысячи бойцов с ружьями и пушками.

Власть не сразу осознала, в чём дело, какая сила бушует на Волге. В бою под городом Верхним Ломовым был убит один из мужицких атаманов, и в кармане его кафтана нашли манифест Пугачёва о всеобщей вольности крестьян и поголовном истреблении дворян. Дерзость целей мятежников и точность их ударов поразили власть как громом. Граф Панин назвал этот манифест «сильным и обласкательной подлости возмущением».

**БОЕВАЯ УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КЕРЕНСКЕ
ПОТЕРЯЛА И КОРОНУ, И КОЛОКОЛЬНЮ.
А САМ НЕПОКОРНЫЙ КЕРЕНСК ПОТЕРЯЛ
И СТАТУС ГОРОДА, И НАЗВАНИЕ. ТАК НЕЛЬЗЯ.
ЭТО ХУЖЕ ПУГАЧЁВЩИНЫ. ТАК НЕЛЬЗЯ**

Манифест Пугачёва запустил цепную реакцию восстания: Пугачёв уже ушёл из Саранска, а бунт только разгорался всё ярче. В городке Инсар дворовый чело-
век Пётр Евстафьев тоже сам себя короновал и объявил ещё одним Петром III. Вокруг нового самозванца сплотилась армия в три тысячи человек с десятком ору-
дий. Армия второго Петра Третьего друг за другом бра-
ла мелкие городишки в полях от Саранска до Пензы: Краснослободск, Наровчат, Троицк, Темников. В ав-
густе 1774 года самозванец Евстафьев осадил неболь-
шую Керенскую крепость.

Крепостица была построена в середине XVII века на впадении речки Керенки в речку Вад. Жители Керенска решили защищаться от самозванца. Оборону острожка

Перестроенная церковь в селе Вадинск, бывшем городе Керенск

возглавили Иван Енгальчев, предводитель дворянства, и Иван Персигов, «товарищ воеводы». Горожане подлатали укрепления и втащили на колокольню Успенской церкви две пушки.

Может быть, жители Керенска думали, что им хватит пары выстрелов, дабы отогнать мятежников Евстафьева, но всё получилось по-настоящему. Самокоронованный царь три раза водил свою армию на приступ острожка. Атакующие подожгли башни крепостицы. Защитники расковали цепи только что пригнанных плененных турок и заставили пленников сражаться на стенах рядом с собою. Маленький острожек пылал и грохотал, сотрясая землю.

Корона керенской
церкви в музее
Пензы

Потом государыня Екатерина отблагодарит Керенск честью: шатёр боевой колокольни увенчают большой золочёной короной. Успенская церковь простоит коронованной до прихода советской власти. Комсомольцы скинут корону, а город переименуют в Вадинск, чтобы не напоминал об Александре Керенском, премьер-министре Временного правительства.

В пугачёвщину в пензенской округе Керенская крепость единственная не сдалась бунтовщикам, но спасти её пришлось самому графу Панину, главнокомандующему: он привёл под Керенск свою армию. Мятежники Ефстафьева бежали к Царицыну на соединение с Пугачёвым. А граф Панин превратил крестьянские тракты Поволжья в «аппиевы дороги»: на десятки вёрст по обочинам тянулись ряды виселиц с казнёнными.

ЮРЬЕВ ДЕНЬ ДЛЯ ЕМЕЛЬЯНА

От Саранска Пугачёв направился к Пензе. Пенза тогда напоминала Кунгур. Оба этих городка основали в 1663 году как крепости на границе с инородцами. В Пензе на берегу реки Суры стоял ветхий бревенчатый кремль, как и в Кунгуре на

берегу Сылвы. В Пензе тоже службу нёс гарнизон, а жили купцы и ремесленники. Однако в пугачёвщину судьбы Пензы и Кунгура сложились по-разному. На Кунгур наступали чужаки-башкиры, а на Пензу — свои-русские, да ещё и во главе с самим Пугачёвым. В Кунгуре воевода сбежал, а купцы решили защищаться, в Пензе — наоборот: купцы задумали сдать город, а воевода не согласился капитулировать.

Воеводой был князь Андрей Всеволожский. Он знал, что Пугачёв взял за образец Игната Некрасова, а Пенза в 1717 году еле пережила «кубанский погром». Тогда «игнат-казаки» и крымские татары прорвались вглубь России. Воевода князь Мещерский едва отбил Пензу. И теперь Всеволожский следовал примеру Мещерского, как Пугачёв — примеру Некрасова.

Лучшие граждане Пензы — бургомистр Елизаров, командир гарнизона секунд-майор Герасимов и купец Кознов — встречали Пугачёва с народом под хоругвями. Пока Емельян принимал присягу, его атаманы штурмовали воеводский дом, откуда из окон отстреливался воевода Всеволожский с дюжиной дворян. Воеводский дом не сдался, и мятежники сожгли его к чёрту вместе с защитниками.

Пугачёв был доволен Пензой: он взял шесть пушек и тринадцать тысяч в медной монете. Бочки с деньгами заняли сорок телег. 1 августа купец Кознов устроил торжественный обед в честь Пугачёва. Загребая ложкой толчёный чеснок под уксусом, Емельян объявил, что в Пензе отныне все — казаки, но могут заниматься прежними делами. С паперти Преображенской церкви глашатаи Пугачёва читали манифест о свободе народа,

«Пугачёвский камень» в городе Пенза

а в это время купец Кознов от имени Петра III накарбал указ, что все батраки, которые работали у него по найму, теперь становятся евонными, купца Кознова, крепостными. Так купеческий, то есть крестьянский разум конвертировал чужую свободу в свою наживу. Вот тебе, Емельян, и Юрьев день.

Пензенские крестьяне привели к Пугачёву на суд молодую помещицу, и Емельян забрал красивую бабу себе в обоз. Но Андрей Овчинников, старый друг Пугачёва, вытащил бабу из обоза и кнутом засёк насмерть. От имени всех мятежников он гневно обратился к Емельяну: «Мы-де не хотим на свете жить, чтоб ты наших злодеев, кои нас разоряли, с собою возил!». Оробевший Пугачёв развёл руками и поклонился.

В Пензе Емельян не задержался: он спешил на понизовую Волгу, к казакам. Гарнизонный командир Герасимов успел поверстать в войско Пугачёва двести

новобранцев, и мятежники ушли, а через день в город вступил отряд майора Карла Меллина. Майор арестовал командира Герасимова и купца Кознова, которых Пугачёв произвёл в пензенские градоначальники. Герасимова суд потом разжалует, а вот как начальству наказать Кознова? Его публично объявят «недостойным гражданином».

В Пензе у Пугачёва случилась необычная встреча. К нему пробился молодой иконописец Иван Родионов и подарил своеручно написанный образ Богоматери. Растроганный Пугачёв произвёл иконописца в полковники — а богомаз оказался ярым воякой. Вместе с собой Иван увлёк и брата Ефима.

На бунт богомаза Ивана Родионова толкнуло обнищание монастырей. Оно началось в 1763 году после указа Екатерины о секуляризации монастырских имений. Свои дела Родионов решил поправить грабежом. Это, конечно, грех, однако на то и обитель, чтобы грехи отмаливать. Практичный крестьянский ум легко свёл веру и разбой.

Братья Родионовы быстро набрали войско в пять тысяч мужиков при пятнадцати пушках. Это войско с колокольным звоном принял к себе Казанский монастырь под Пензой, и к благословению Пугачёва братья присовокупили благословение архимандрита.

Отчаянные братья разорят городки Верхний и Нижний Ломовы, а потом под селом Загоскиным будут храбро биться с армией самого графа Панина. Разбитые, братья прибегут к Пугачёву в Саратов, и Емельян отрядит им ещё три сотни всадников. Родионовы вернутся под Пензу, наберут новую «толпу» и дважды попрубу-

ют взять Пензу приступом, а потом уйдут под Воронеж партизанить. Братьев изловят лишь в конце октября. Следователи даже не поверят, что один из лиходеев — иконописец. Суд приговорит бунтовщиков к четвертованию, но граф Панин заменит топор кнутом. В феврале 1775 года, через месяц после казни Пугачёва, на площади в Казани палачи кнутами забьют пензенских братьев-мятежников.

«НАРОД НЕ ВОИН»

Бунт становился однообразным. Все городишки похожи друг на друга: церковки с луковками и шатровыми колокольнями, пыльные площади, лавки, липы, старый мост через реку. Подлость присягающих купцов и ужас дворян, которых тащат на виселицу. Пугачёв видел, как ликует народ, которому кидают медяки, но понимал, что уже скоро сюда явятся царские войска и без усилий восстановят прежний порядок. Бунт словно бы крутился вхолостую.

Умножаясь крестьянами, армия Пугачёва превращалась в орду. На марше она выжирала всё вокруг, будто саранча. А в бою неопытный боец мог побежать от врага и увлечь за собой других — так, что лавина бегства снесла бы даже тех, кто готов был сражаться. Емельяна, человека военного, всё это стало раздражать. Потом он с презрением скажет: «русский народ не воин».

Пугачёв имел в виду не русских как нацию, потому что сам он был и русским, и воином. Он имел в виду

крестьян. Пеших мужиков-мятежников, которые хотели влиться в его войско, Пугачёв начал прогонять домой. А при поражениях он уже бросал крестьян без всяких колебаний и уходил от преследователей с одними казаками.

Он рвался к нижней Волге, где жили казаки и калмыки: вот им-то нужна казачья держава. 4 августа 1774 года Пугачёв вышел к речке Медведице, которая впадала в Дон. Казачий мир был совсем близко, рукой подать.

На Медведице стоял городок Петровск, основанный по указу Петра I в 1698 году. Здешняя крепость охраняла переправу на тракте от Царицына к Москве. По кудрявым лиственным чащам вдоль тихой и ласковой речки шарились неугомонные разбойники, и восемь дубовых башен крепости держали брод через Медведицу под прицелом батарей.

В Петровске опять всё повторилось. Комендант крепости подполковник Зиминский сбежал. Солдаты открыли ворота мятежникам. В плен попал помощник воеводы майор Буткевич, он отказался присягать — и его казнили: разрубили на части. Повесили несколько изловленных бар, а вместе с ними — верных слуг и какого-то мальчонку. Казнь у пугачёвцев давно не считалась грехом: дворян истребляли с корнями. Это был принцип монголов — у врагов вырезать всех, кто выше колеса арбы.

Петровск находился недалеко от Саратова, крупного узла обороны. Саратов мог прислать отряд для защиты Петровска от Пугачёва, но саратовский комендант Бошняк решил не распылять силы своего гарнизона.

Однако в Саратове в это время оказалась казачья команда гвардии поручика Гаврилы Державина, отправленная для защиты Малыковки. Рьяный молодой поручик уговаривал мудрого пожилого коменданта вывести гарнизон на тракт, ведущий к Петровску, и ударить по мятежникам. Комендант посоветовал поручику пойти на Волгу искупаться и остудить головушку.

Тогда Державин поскакал на Пугачёва в Петровск в одиночку, точнее, с казачьей сотней, и с разбега загнал свой отряд прямо в лапы мятежникам. Казаки остановились, окружённые пугачёвцами. Оробев, они сняли шапки и поклонились Пугачёву, который молча рассматривал это странное явление — не атаку и не капитуляцию. К своей гибели Державин не проявил того «поэтического любопытства», с каким он минувшей зимой вешал мужиков, а потому повернул коня и, бросив свой отряд, полетел обратно в Саратов. Но и там он тоже не задержался: увидев орду Пугачёва, будущий поэт решил созерцать битву за город с безопасного расстояния.

**МИРНАЯ РЕЧКА МЕДВЕДИЦА С ЛОПУХАМИ
И РЯСКОЙ. КУПОЛА ХРАМОВ НАД ТИХИМИ
РОЩАМИ ГОРОДА ПЕТРОВСКА.
ПЫЛЬНЫЕ УЛИЦЫ. ВСЯ РОССИЯ ТАКАЯ —
И ПОТОМУ ПОЧТИ НЕВООБРАЗИМА: НЕВОЗМОЖНО
ПОВЕРИТЬ, ЧТО НА ЭТИХ ПАСТОРАЛЯХ БУШЕВАЛИ
ДИКИЕ СТРАСТИ**

В Петровске Пугачёву достались девять пушек и всего 41 рубль казны. В крепости к Емельяну прико-
вылял старый прапорщик Иван Юматов. Он был в

Речка Медведица в городе Петровск

мундире и со шпагой, в трясущейся руке он держал рапорт о состоянии крепости. Рапорт был написан на имя государя Петра Фёдорыча. Прапорщик Юматов выжил из ума и действовал как автомат, по программе: прибыл государь — значит, надо отпрапортовать; казнили старших офицеров — значит, надо командовать самому. Пугачёв произвёл Юматова в полковники, поручил ему заботы о крепости и увёл армию в Саратов.

Через день в Петровск вступил detachment секунд-майора Меллина. Прапорщик Юматов, старый дурень, и для Меллина тоже написал отчёт, под которым подписался полковником — так назначил Пугачёв. Карл Меллин всыпал хрычу плетей и посадил под стражу до суда. Ивана Юматова будут судить в день казни Пугачёва — 10 января 1775 года. Но приговор ему вынесут очень мягкий: «за гнусную по чину офицерскому робость, хотя строжайшего достоин наказания, за старостию лет, уменьшая оное, лишить его чинов». И всё. Власть не мстила до колеса арбы.

САМАРСКАЯ ЛИНИЯ

После казанского разгрома Пугачёв передвигался по правому берегу Волги. Самару и Самарскую Луку он обошёл далеко стороной, хотя именно в Самаре его бунт одержал одну из самых важных побед. Правда, летом 1774 года для Пугачёва в Самаре уже всё закончилось.

Река Самара впадает в Волгу напротив Жигулёвских гор, и тамошние места с незапамятных времён давали убежище разному разбойному люду. Самарская Лука была русской Тортугой речных пиратов. По легенде, головорезы построили здесь собственный острог. Но митрополит Алексей — тот самый, что явился казакам Яика у острова Камынь, — предрёк лиходеям, что на месте пиратского укрепления будет стоять большая царская твердыня. Так и случилось. В 1586 году царские воеводы заложили на устье Самары мощную многобашенную крепость. Она была нужна для контроля над важнейшим речным путём державы — от Казани до Астрахани.

В 1736 году командир Оренбургской экспедиции Иван Кирилов основал на реке Самаре девять крепостей Самарской линии. Это казалось прорывом от Волги к Яику, а на самом деле было бегством Кирилова с дикого Яика в какую-никакую, но цивилизацию. От верхней крепости Самарской линии — Переволоцкой — через волок дорога протянулась к Татищевой крепости. Волга и Яик, Самара и Оренбург оказались связаны трактом. В пугачёвщину по нему прокатил лавину огня крестьянский генерал Илья Арапов.

Он был крепостным крестьянином, который осознал, что бунт — это не грабёж своего барина. Арапов был человеком, который дорос до понимания масштаба и смысла великого мятежа. В крестьянской среде Арапов оказался исключением, хотя кажется нормой. Но мужиков, подобных Илье Арапову, у Пугачёва больше не нашлось.

Вообще-то Арапов — это фамилия оренбургского помещика, хозяина Ильи. В 1771 году, в возрасте 33 лет, Илья Арапов, как Илья Муромец, слез с печи: забрал жену с тремя детьми и ушёл от барина неизвестно куда — лишь бы на волю. В конце ноября 1773 года он явился к Пугачёву в Бёрды и потребовал какого-нибудь поручения. Емельян дал ему несколько казаков, велел поехать в крепость Бузулук и добыть фураж. Арапов уехал. Этот мужик оказался решительнее любого казака: он сформировал собственный отряд и рванул по крепостям Самарской линии ни много ни мало — к Волге. 25 декабря атаману Илье Арапову сдалась сама Самара.

Падение Самары потрянуло империю больше, чем осада Оренбурга. Оренбург и Уфа — они далеко, а Илья Арапов распахнул бунту дверь туда, где чтили Стеньку Разина, — в пороховой погреб державы. Против дерзкого мужика вышел отряд премьер-майора Карла Муфеля. Перейдя Волгу по льду, солдаты и драгуны Муфеля ворвались в крепость Самары. Батареи стреляли вдоль улиц, сшибая крыши с домов, кони гусар прыгали через заборы. Порубив сотни мятежников, команда Муфеля выбила Арапова из города.

Но Арапов не думал бежать в Оренбург, он решил оборонять Самарскую линию. Отряд Карла Муфеля на-

ступал вверх по реке Самаре, и крестьянский генерал сражался с ним за каждый «транжемент», оставляя драгунам лишь дымящиеся развалины. Премьер-майор еле дотянул мужика до Переволоцкой крепости. Здесь мятежники прекратили сопротивление и ушли в недалёкую Татищеву крепость, где Пугачёв собирал силы для решающей битвы.

После пугачёвщины государыня озаботится тем, что на Самарской линии у державы слишком мало войск, и в 1780 году возле Тоцкой крепости будут учреждены «военные лагеря» — казармы и полигон XVIII века. Эти лагеря доживут до наших дней.

В 1954 году правительство СССР выберет Тоцкие лагеря для испытания атомной бомбы в условиях наземной войны. Сюда свезут 50 000 солдат и огромное количество военной техники. Войска начнут учения, а в воздухе над ними взорвут атомную бомбу по имени «Татьяна». Чудовищный гриб вырастет на высоту десяти километров. Сквозь него пролетят триста самолётов. По остекленевшей плещи радиоактивного эпицентра, рокоча дизелями, проедут шестьсот танков и шестьсот бронемашин. В окопах вокруг места взрыва будут стоять привезённые для опыта полусгоревшие, но живые коровы и лошади с вытекшими глазами. Не зная об ужасах облучения, с балкона наблюдательной башни на страшный взрыв в полевые бинокли будут смотреть маршалы Жуков, Будённый, Василевский, Рокоссовский и Конев, академики Курчатов и Харитон. Здесь, в пугачёвских степях, они увидят сатану, которого сами и вызвали из преисподней, — плазменный шар с давлением в триллионы атмосфер и температурой в 25 тысяч градусов.

А в далёком XVIII веке, 22 марта 1774 года, в битве под Татищевой крепостью отважный крестьянин Илья Арапов сложил буйну голову за государя Петра Фёдоровича.

СТЕПАН И ЕМЕЛЬЯН

Самарская Лука — огромная излучина Волги. Здесь река ударяется в стену Жигулёвских гор и потом огибает вздыбленный кряж длинным путём с восточной стороны. Длина Луки 250 вёрст, а ширина перешейка — всего 2—3 версты. Лука — вековая вотчина волжских разбойников, казаков, чьим героем навеки стал Стенька Разин. По Стеньке будут мерить и Емельку, и даже Пушкин скажет, что Пугачёв — это Разин своей эпохи.

А общего у Степана и Емельяна и вправду немало. Оба они родились на Дону в станице Зимовейской, оба умерли на плахе на Болотной площади в Москве. Но разгульный Степан вплыл в историю России на расписном челне и с молодецким посвистом, а грозный Емельян вломился с канонадой повстанческих батарей. Емельян до самозванства был никем и ничем, а Стенька уже в двадцать лет надел шапку атамана. Гонора, спеси и самоуверенности у Степана Разина было куда больше, чем у Емельяна Пугачёва.

В 1665 году казачий Дон совсем разбуянился, позабыв, кто на Руси хозяин, и усмирять донскую вольницу царь Алексей Михайлович прислал войско воеводы

князя Юрия Долгорукова. В долгие руки князя попал атаман Иван Разин, старший брат Стеньки. Иван Разин потерял голову, а Степан — веру в державу. Он не простил России гибель брата.

Самым отчаянным народом на Дону была «голытьба» — недавние беглые с Руси. В казаки их уже приняли, а хозяйством они ещё не обзавелись. Эти молодцы добывали добро в походах «за зипунами» — в грабительских набегах на купцов или врагов царя: турок, ляхов и калмыков. Но царские думные дьяки посчитали, что почём, и донесли государю: утешать тех, кого обидели казаки, царю выходит дороже, чем прекратить походы «за зипунами». И царь запретил казачьей «голытьбе» этот лихой промысел.

**У СТАРИННОГО РУССКОГО НАРОДОВЛАСТИЯ ЕСТЬ
НЕСКОЛЬКО ОБРАЗОВ. ВЕЧЕВАЯ РЕСПУБЛИКА,
КАК В НОВГОРОДЕ И ПСКОВЕ. КАЗАЧИЙ КРУГ,
КАК НА ДОНУ И ЯИКЕ. ИЛИ РАЗБОЙНИЧЬЯ
ВОЛЬНИЦА, КАК НА ВОЛГЕ. ЖИГУЛЁВСКИЕ ГОРЫ
БЫЛИ КРЕПОСТНОЙ СТЕНОЙ ЭТОЙ ВОЛЬНИЦЫ,
А МОЛОДЕЦКИЙ КУРГАН — ЦИТАДЕЛЮ**

А Стенька Разин плевал на заботы государя. В 1667 году он возглавил ватаги «голытьбы» и повёл лихоимцев на Волгу. Сарынь побежала на кичку от белокаменных лесистых круч Самарской Луки до сухих камышей Ахтубы. Войдя в раж, разбойники вытрясли добро из ладей самого патриарха Иоасафа, который плыл по Волге, и вот тогда московский царь осерчал всерьёз.

Молодецкий курган в Жигулёвских горах

Карать воров явился воевода Беклемишев, но воры поймали и казнили его самого, а потом сбежали с Волги на Яик в город Гурьев с толстопузым кирпичным кремлём. Перерезав гарнизон крепости, казаки зазимовали в Гурьеве. Весной под Гурьев пришли царские стрельцы. Стенькины ватаги прорубились от кремля к Яику, прыгнули в лодки-чайки и унеслись через Каспий к персам. Всё лето 1668 года Разин провёл в Персии и зазимовал во взятом городе Фарабаде. Но тут на казаков осерчал уже персидский шах.

Летом 1669 года застеленные коврами корабли Стеньки, волоча по волнам золотые кисти, поплыли по морю Хвалынскому из Персии в Россию. Возле города Баку у Свиного острова дорогу русским перегородил флот персидского шаха. Персы сковали свои суда цепями, чтобы окружить, сгрести в кучу и взять в плен Стенькины посудины. А хитрый Стенька велел атаковать флагманский корабль персов: флагман пошёл ко дну — и цепями потянул за собой весь флот. После такого позорного разгрома назревала полномасштабная война России и Персии. Казаки Стеньки — от греха по-

Оковы Степана Разина в Войсковом соборе донских казаков

далее — сбежали с моря в Астрахань, где наврали с три короба воеводе Прозоровскому, чтобы пропустил их, и утекли домой на Дон.

Стеньке такая жизнь понравилась больше казачьей службы, и в 1670 году он снова повёл огромную армию «голытьбы» на Волгу. Он кричал, что защищает царя, что с ним царевич и патриарх Никон. Бояре и воеводы — изменники царю: их, значит, надо грабить и резать. Буйные Стенькины полчища взяли Саратов и Самару, Астрахань и Царицын. Осечка вышла осенью под Симбирском: город отбился, а Стеньку ранили. Казаки вернулись домой на Дон и засели в Кагальницком городке.

Старшины Дона поняли, что им придётся расплачиваться за Стенькины художества, а потому собрали войско, штурмовали городок и схватили Стеньку. 6 июня 1671 года Разина четвертовали в Москве на Болотной площади, а его буйные друзья отбивались в Астрахани ещё до поздней осени.

И всё же между Разиным и Пугачёвым сходство только внешнее. Разин тоже казнил бояр, отменял неволю и вводил казачье самоуправление, но он принимал законы своего мира: его роль разбойника хотя и марги-

нальна, однако необходима для укрепления державы. Лихой Разин действовал внутри российского уклада и не покушался на общий порядок. А свирепый Пугачёв действовал вопреки всем законам. Так ведут себя захватчики, Лжедмитрии. Но Пугачёв не был и оккупантом. В истории России Пугачёву можно отыскать подобию, но нет аналога. Точнее, не было до большевиков.

ПОБОИЩЕ И ПЕПЕЛИЩЕ

Э то место приглянулось ещё ордынцам: они заложили здесь город Увек. Его растоптали войска Тамерлана, и долина, окружённая холмами, опустела. Под глиняными развалинами лежали бередяные грамоты, написанные по-уйгурски. В 1590 году на заросших травой кирпичных россыпях князь Засекин выстроил русскую бревенчатую крепость — город Саратов. Саратов — от «Сары-тау», «Жёлтой горы»: так татары называли Соколовую гору.

Боевитый городок охранял степные промыслы: караваны чумаков — возчиков соли, кожевни при скотобойнях, рыбные торги и копильни. У причалов качалась на привязях флотилия судов с пушками. Всякий мятеж волжской понизовой вольницы набрасывался на Саратов, как пьяница на вяленую воблу. Саратов жил бодро, без долгой тоски хлебопашцев.

Саратов и сейчас сохраняет эту бодрость. Непричесанный, босой, как бурлак, он живёт на копейки и щурится на простор Волги. Его зелёные улицы покато

сбегают к набережной, а облупленные особняки и «хрущёвки» покрыты горячей степной пылью. Саратов словно ждёт, почёсываясь сквозь дырявую тельняшку, когда же ему найдётся работа по призванию.

Пугачёв подошёл к Саратову 6 августа 1774 года. Города, в общем, не было: неделю назад его уничтожил пожар. Чтобы не сражаться за пепелища, жители отрядили к Пугачёву купца Фёдора Кобякова — договориться, как сдать город. Но Иван Бошняк, комендант погибшей крепости, не желал капитуляции. У Бошняка было три сотни солдат, одиннадцать закопчённых пушек и прозвище «пречестные усы». Он разорвал пугачёвский манифест, который принёс Кобяков, и приказал вместо крепостной куртины и вала укреплять рогатками склон Глебучева оврага.

С Соколовой горы ударили восемь пушек мятежников. Над чёрными островами печей, уцелевших от сгоревших домов, за клубились тучи пепла. Пугачёвцы поскакали со склона с воплями и гиканьем. Солдаты и канониры Бошняка побросали ружья и орудийные фитили и подняли руки, упав на колени. Толстый Бошняк ругался и колотил трусов ножнами сабли. Только 66 человек из его гарнизона воткнули в дула мушкетов штыки, окружили командира и начали ретираду к Волге. Они пробились сквозь сумятицу к пристани, сели в судно и отчалили от саратовского берега.

Возле обгорелой колокольни Троицкого собора Пугачёв принял от горожан присягу. В сундуке в подвале колокольни казаки нашли казну Бошняка: 25 тысяч рублей. Мятежникам достались пять пушек, которые не успел заклепать комендант. В толпе городских жите-

Троицкий собор в Саратове — свидетель пугачёвщины

лей Емельян увидел давнего знакомого — отставного казака Якова Уфимцева. Прошлой осенью Пугачёв ограбил его на Яике: Уфимцев купил триста лошадей для гарнизона Саратова, а Емельян забрал их, но пообещал расплатиться, когда придёт в Саратов. Обещал он просто так, не думая выполнять обещанное. А теперь получилось красиво: Пугачёв по-барски отсыпал Уфимцеву три тыщи из казны Бошняка и произвёл Уфимцева в атаманы «Саратовской станицы».

Пугачёву нечего было делать в сгоревшем городе, да ещё на хвосте висел деташемент Михельсона. 9 августа Пугачёв скоординировал выступление. Полчища мятежников потекли по берегу Волги прочь от Саратова. Параллельно войску по Волге плыли две барки — второй флот Емельяна.

Одна барка принадлежала конторе немецких колонистов, а другая — конторе соляных дел. Бурлаки с этих барок переметнулись на сторону бунта. Пугачёв посадил на суда экипажи и поставил пушки. Эти барки, плавучие батареи, крепко помогут Емельяну в перестрелке с крепостью Царицына, и Михельсон вынужден будет направить против них свои брандвахты. Суда Михельсона блокируют пугачёвский флот и вынудят к сдаче. В трюме одной из барок солдаты обнаружат шесть дворянских дочерей, которых спрятал здесь от расправы Пугачёва саратовский атаман Яков Уфимцев.

Уфимцев не стал спорить с бунтовщиками и согласился быть атаманом. Мятежники отыскиали в городе и повесили почти сотню дворян, но кое-кого старый Уфимцев ухитрился укрыть и спасти. Когда Пугачёв ушёл, Уфимцев выставил караулы возле уцелевших складов, сжёг указ самозванца о своём назначении и сбежал на дальние хутора. Там он подождёт, пока законные власти заменят на виселицах Саратова дворян на мужиков, и тогда вернётся. Его будут судить и приговорят к смерти, но потом вспомнят о его добрых делах и пересудят: дадут 25 кнутов и отрежут ухо.

ОДИН ЗА ВСЕХ

Стены и башни были нужны Саратову для защиты от калмыков, которые были опасными соседями, вечно падкими на всякие измены. В октябре 1773 года к калмыкам попал манифест Пу-

гачёва: его тайком читали в крепости Ставрополь. Это был не нынешний город Ставрополь. Нынешний, второй «город креста», основан возле Кубани в 1777 году. А на Волге напротив Жигулёвских гор в 1737 году Татищев заложил первый Ставрополь — центр калмыцкого казачьего войска.

Этот город не доживёт до XXI века. В 1953 году волжскую пойму затопят воды строящегося Куйбышевского водохранилища, и Ставрополь перенесут на высокое место по соседству: город утратит историческую площадку. В 1964 году его переименуют в Тольятти — в честь лидера итальянских коммунистов, который имел несчастье помереть во время визита в СССР в пионерском лагере «Артек». Город утратит историческое имя. В 1966 году в Тольятти начнут возводить завод-гигант АвтоВАЗ, и город утратит исторический характер. А криминальные войны создадут городу новую легенду и сотрут из памяти старый Ставрополь-на-Волге.

Воззвание Пугачёва потрясло офицера Фёдора Дербетева. Дербетев был из рода калмыцких князей Дондуковых. С 17 лет он служил в калмыцком войске, созданном из крещёных степняков, и храбро воевал в Европе. Во время пугачёвщины Фёдору Дербетеву было 33 года.

Собрав три сотни товарищей, Дербетев увёл их из-под Ставрополя в Бёрды к Пугачёву. А Пугачёв поговорил с калмыком и отправил обратно — поднимать на бунт единородцев. В январе 1774 года Дербетев с отрядами вернулся на Волгу. В Самаре, захваченной Ильёй Араповым, он соединился с войском крестьянского генерала. Самара и Ставрополь стояли неподалёку, пото-

Памятник Татищеву в городе Тольятти

му русские и калмыки, Арапов и Дербетев, действовали сообща.

Одним из отрядов Фёдора Дербетева командовала его «злая мать» — тайша Анна. Она сидела в седле, как ведьма на помеле, и наводила ужас на врагов и на друзей. Все, кроме сына, боялись этой скуластой надменной женщины в длинной красной безрукавке цэрдэг, надетой поверх кольчуги, и в квадратной меховой шапке халмаг с алой кистью и с околышем из соболя. Тонкой сильной рукой, все пальцы которой блистали сере-

бряными кольцами, тайша Анна легко поднимала тяжёлый пистолет, стреляющий гранёной алмазной пулей прямо в сердце врагу.

Из Самары Арапова и Дербетева выбила команда премьер-майора Карла Муфеля. Но атаманы отступили только до первого «транжемента» Самарской линии. Здесь Дербетев уговорил Арапова предпринять обманный маневр, чтобы разорить Ставрополь.

В Ставрополе стоял гарнизон подполковника Аршеневского. Арапов повёл своё войско в притворную атаку на Самару, отбитую Муфелем, Аршеневский с командой бросился на подмогу премьер-майору, а Дербетев помчался к Ставрополю и ворвался в город. Это было 20 января 1774 года. Калмыки пронеслись по Ставрополю как Бич Божий: в петлях взвились 47 офицеров и чиновников. Закатив в сани шесть пушек, калмыки подожгли цейхгаузы и, не задерживаясь, ускакали в снежную степь.

**СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД ТОЛЬЯТТИ —
НЕ ПРАВОПРЕЕМНИК СТАРОГО СТАВРОПОЛЯ-НА-
ВОЛГЕ. УТРАЧЕНО ВСЁ: И МЕСТО, И НАЗВАНИЕ,
И ОБРАЗ. «ПОРВАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН».
У ТОЛЬЯТТИ СВОЯ ИСТОРИЯ И СВОЙ МИФ,
И ДАЖЕ МЕСТНЫЕ БАНДЮГАНЫ
НЕ ПЕРЕКЛИКАЮТСЯ С ПУГАЧЁВЦАМИ**

Но эта победа уже ничего не меняла. В Самару пришла бригада генерала Павла Мансурова и двинулась в наступление вверх по Самарской линии. Калмыки Дербетева дрались вместе с мужиками Арапова. Мя-

тежные «транжementы» не сдавались — они погибали один за другим.

В Сорочинской крепости бригада Мансурова слилась с корпусом князя Голицына, который наступал из Бугульмы. Бунтовщики попробовали зацепиться за деревню Пронкину под Сорочинской крепостью, но их прогнали. Они убежали в Татищеву крепость. Здесь Пугачёв собирал все силы для отпора. 22 марта грянул бой под Татищевой. Голицын, Мансуров и Фрейман, ломая ноги, разорвали войско бунтовщиков на куски. Илья Арапов погиб на рубеже. Пугачёв откатился под Оренбург.

Дербетев увёл остатки своего отряда в дебри Общего Сырта и два месяца укрывался по умётам меж Иргом и Волгой. Потом казачья эстафета принесла ему приказ Пугачёва идти на соединение в Башкирию. Калмыки двинулись с Иргиза на Агидель — и возле крепости Бузулук нарвались на команду поручика Байкова. Его солдаты разбили измотанных калмыков в схватке на речке Грязнухе. Тайша Анна ускакала и исчезла в цветущих степях, а тяжело раненный Фёдор Дербетев попал в плен. Он не дал властям удовольствия казнить себя: отвернулся к стене тюрьмы и умер.

Фёдор Дербетев уверенно рифмуется с Салаватом Юлаевым. Оба молоды, оба свободны и богаты. Даже «злая мать» тайша Анна похожа на «злого отца» бая Юлая. А калмыки были таким же могучим и неистовым народом, как и башкиры. Но Пугачёв не успел разобратся и начать верную политику, а калмыцкого Кинзи рядом не нашлось. Под Татищевой крепостью Емельяни опрометчиво рискнул Дербетевым — и в результате потерял для бунта не только человека, но и весь его народ.

МОНГОЛЫ БЕЗ ИГА

Калмыки были теми же монголами. Во времена Ивана Грозного из Монголии вышла огромная конная орда кочевников и двинулась на северо-запад. Одна часть блуждающей орды осела в Джунгарской пустыне на границе китайских гор и казахских степей и образовала здесь Джунгарское ханство. Другая часть орды заняла верховья Иртыша. Этих пришельцев сибирские татары называли калмыками — «отделившимися».

Иртыш калмыкам вскоре разонравился. Они расселись по кибиткам и поехали дальше на запад. Казалось, что калмыков ведёт призрак Батыя. Кочевники прошли Барабинскими степями, преодолели Tobol, прошли степями Зауралья и по Яику выбрались на Общий Сырт. Около 1640 года контайша Хо-Урлюк вывел свой народ к Волге в районе Саратова. Так в XVII века в России внезапно случилось второе нашествие монголов.

В 1615 году калмыки приняли буддизм и душами теперь были в Лхасе, в послушании у Далай-ламы. Мудрец Зая-Пандита создал для калмыков «тодо бичиг» — «ясное письмо»: алфавит и письменность. Не исторические обиды, а вера и язык резко отделили калмыков от народов-соседей. Калмыки жили чужеродным анклавом и цапались со всеми — с Хивой и Бухарой, с татарами и башкирами, с казахами и русскими, с горцами Кавказа и казаками Дона.

Хо-Урлюк сплотил волжских калмыков в кочевое Торгоутское ханство, которое перемещалось туда-сюда через Волгу от турецкой Кубани до гиблых ногайских

Калмыцкий Хошеутовский хурул на нижней Волге. 1818 год

Рын-песков. На российской земле стояла священная калмыцкая гора Богдо, но гордые калмыки и не думали подчиняться русским царям.

Чтобы цари отвязались, калмыки несколько раз принимали шерть — присягу, но об этом помнили только сами цари. Единственной настоящей клятвой калмыки считали шерть великого тайши Аюки, который в 1722 году встречался с Петром I и уговорился на дружбу. Хотя даже шертью Аюки калмыки особенно не заботились. Если была польза, они дружили хоть с кем: с Джунгарией или с Персией, с Китаем или с Оттоманской Портой.

Непостоянные, как ветер, калмыки сами решали за себя, как жить. В 1771 году тайша Убуши и князь Банбур задумали увести свой народ в опустевшую по-

сле разгрома Джунгарию. Калмыков подгоняли голод и бескормица. Две трети народа — 170 тысяч человек — сели в тридцать тысяч кибиток и поехали с Волги через Богдо, Узени, Общий Сырт и Яик в степи Казахстана и дальше к долине Джунгарские Ворота в горной цепи Алатау.

В те времена российской власти были нужны любые подданные, даже такие проблемные, как калмыки. Пресечь исход калмыков, загородить им переправы через Яик, власть обязала яицких казаков. А казаки увидели, что они нужны именно здесь и сейчас, и устроили начальству шантаж: или убирай ненавистное «регулярство», или не пойдём ловить калмыков. В итоге калмыки через пустую границу ушли в степи, а на Яик явились карательные войска генерала Фреймана. Грохот тех боёв и приманил Пугачёва.

Конечно, с бегством Убуши и Банбура калмыки в России не иссякли. К XIX веку их народ возродится. В 1822 году калмыки найдут способ ужиться с Россией: они выработают законы, по которым их кочевое ханство сможет существовать внутри вполне европейской империи. В результате Россия переведёт отношения с калмыками из Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел.

А при Пугачёве волжские степи оказались малолюдны. Поредевший народ калмыков возглавлял тогда Цэндэн-Доржа. В Саратове, где начинались кочевья калмыков, Пугачёв надел голубую калмыцкую шапку с красной кистью и отправил к Цэндэну казака-башкира Идеркая Баймекова — своего «министра международных отношений».

В жилах Цэндэна взыграла кровь степных грабителей. Цэндэн-Доржа охотно поддержал мятеж. Калмыки целовали Пугачёву «его мерскую руку, обнадёживая в верности». Цэндэн послал к бунтовщикам большой отряд полковника Дондукова. Хитрый Дондуков с трёхтысячным отрядом явился к станице Дубовке и вроде бы как влился в силы правительственного заслона, стоящего перед станицей на речке Пролейке. Но когда началось сражение, калмыки вероломно бросили свой рубеж обороны, и Пугачёв разметал по степи царские войска, преданные калмыками Дондукова.

Вместе с Пугачёвым калмыки дошли до Царицына, а оттуда Емельян отослал Дондукова обратно — сказать, чтобы Цэндэн по своим аймакам собирал новое войско. Но Пугачёву оно уже не пригодилось: через три дня мятежников разгромили в пух и прах, а Емельян бежал. Получилось, что настоящие монголы не смогли оказать значимую поддержку «новым монголам» — казачьему улусу Пугачёва.

КАЗАКИ-РАЗБОЙНИКИ

От Саратова Пугачёв шёл берегом Волги и прошёл через большое село Золотое. Здесь местный мальчик в честь царя-батюшки ударил в колокола, и Пугачёв одарил сообразительного парнишку алым шёлковым кушаком. 11 августа орда Емельяна добралась до города Камышина.

Городок на речке Камышинке возник благодаря Стеньке. Камышинка, приток Волги, в верховьях близко сходится с рекой Иловлей, притоком Дона. Через перешеек пролегал казачий волок с Дона на Волгу. В 1667 году по этому волоку «за зипунами» пробрались разинцы. Власть решила поймать Стеньку на обратном пути и возвела у волока острожек, но Разин вернулся на Дон другой дорогой. А острожек со временем стал городом Камышином.

В Камышине дважды побывал Пётр I: он планировал прокопать по волоку канал — предтечу нынешнего Волгодона. Мятежным летом 1774 года на трассе задуманного канала астроном Георг Ловиц по заданию Академии наук будет вычислять координаты опорных точек. Учёного немца поймают бунтовщики Пугачёва. Неграмотный Емельян расценит работу Ловица как барскую придурь и прикажет повесить астронома «поближе к звёздам».

А для Камышина счастливые времена наступили в 1747 году, когда началась добыча соли на озере Эльтон. В городок пришли деньги богатых и щедрых соле-торговцев. В 1768 году рачительный комендант Каспар Меллин соорудил в Камышине новый «транжемент» и занялся благоустройством города: вымостил улицы и спуски к пристаням на Волге.

Полковнику Меллину и выпало защищать Камышин от бунтовщиков. Пугачёв приказал готовить штурм. Жители города перепугались и решили сдаться. Они послали к Емельяну депутацию сержанта Абызова. Старый полковник Меллин написал астраханскому губер-

Оттиск печати Пугачёва
в музее города Камышин

натору последнее грустное донесение: «Я остаюсь во обороне вовсе безнадёжен».

На подмогу гарнизону Меллина прискакала команда волжских казаков атамана Попова. Но казаки вдруг передумали драться. И в казачьем городке Камышине всё получилось, как на казачьем Яике:

солдаты на бастионах заряжают пушки, а казаки открывают врагу ворота. Мятежники ворвались в «транжемент» и перекололи весь гарнизон пиками. Комендант Меллин погиб. Атаман Попов присягнул самозванцу.

В Камышине мятежники вылили в канавы сотню бочек водки. Ошалевшие казаки черпали шапками из луж, «пили нападкой» и в угаре разнесли городишко. А пугачёвцы уходили — их за пятки хватал деташемент Михельсона. Сержанта Абызова Пугачёв оставил комендантом залитого водкой и кровью Камышина, но сержант убежал и пристроился в арьергарде мятежников, где поспокойнее. Здесь уже был и трусоватый казачий атаман Попов. Потом оба изменника — атамана и сержанта — всё равно попадут в плен: атамана повесят, а сержанта отдадут в солдаты.

Пугачёв добился своего: он добрался до казачьих земель, где ожидал найти новые силы для борьбы. Вот он идёт к Дубовке, столице волжского казачества. Но удовлетворения не было. Волжские казаки встречали Еме-

льяна с ликованием, но сами мятежей не поднимали. В чём причина?

Причина была в том, что небольшое волжское войско морально разложилось. Ратного дела ему не нашлось: враги нападали редко. Казаки поливали бахчи и потихоньку пропитались крестьянскими ценностями: главное — богатство. А сытым и вольным мужикам с ружьями и пиками богатство проще всего добыть грабежом. И волжское войско занялось мелким рэккетом на бойких торговых дорогах Понизовья.

Кушак Пугачёва из села
Золотое в музее Саратова

Волжские казаки встречали Пугачёва не как вождя огромного восстания, а как славного разбойничьего атамана, с которым «не приходится тужить». Для такого атамана не надо бить в набат и поднимать мятежи по станицам.

Пугачёв — не знал казаков-разбойников Волги, а власть знала их и не верила им. Поэтому в заслон перед Дубовкой был выставлен не волжский, а донской казачий полк полковника Фёдора Кутейникова в 350 сабель. Донцов поддерживала лёгкая полевая команда майора фон Дица в 500 штыков и трёхтысячный калмыцкий отряд полковника Дондукова.

16 августа на речке Пролейке близ Балыклеевской станицы заслон из царских войск остановил 20-тысяч-

ную армию Пугачёва. Едва загремел бой, изменники-калмыки отлетели в сторону, и мятежники ударили заслону в оголённый фланг. Майор фон Диц и его солдаты погибли в обороне, не отступив ни на шаг, а донские казаки дунули прочь от Пугачёва и удирали целые сутки, проскакав сто вёрст до самого Дона.

НЕ ТОТ ФЕДОТ

Станица Дубовка на Волге появилась благодаря «игнат-казакам».

В 1717 году крымский сераскир Бахты-Гирей занял поход на Россию. Орду крымцев, ногайцев и черкесов повели беглые кубанские казаки Игната Некрасова. Орда прошла по волгодонскому волоку и вторглась вглубь России вверх по Волге на тысячу вёрст — о таком дерзком и глубоком прорыве не мог мечтать даже Карл XII. Набег крымцев разбился о стены маленького Рамзайского острожка — забытого ныне города-героя. Острожек Рамзай не сдался врагу и погиб в бою вместе со всеми своими жителями: так при Батые, поразив монголов, погиб «злой город» Козельск.

На Волге этот набег прозвали «Кубанским погромом». Были разорены все селения от Астрахани до Пензы. На невольничьи рынки Бахчисарая и Кафы ушли 18 тысяч русских пленников. Чтобы такого не повторилось, Пётр I приказал вдоль волгодонского волока вместо канала строить Царицынскую линию крепостей. Она состояла из «Петрова вала» длиной 60 вёрст,

План Царицынской линии на мемориале «Петрова вала»

а в этот вал были вкопаны четыре мощных «транше-мента» и 23 редута. «Петров вал» остановил кубанские набеги. Как военно-инженерное сооружение, «Петров вал» послужил и XX веку: прикрываясь им, в Гражданскую войну красные сражались с белыми, а в Отечественную — русские с немцами.

«Петрову валу» нужны были защитники. В 1732 году императрица Анна Иоанновна переселила в крепости Царицынской линии команды донских казаков и объявила их Волжским казачьим войском. Первым атаманом стал казак Макар Персидский. В 1734 году он подыскал место для столицы своего войска. Атаману приглянулась дубрава на волжском яру неподалёку от Водянского городища — заросших полынью курганов и насыпей ордынского города Бельджамен. Дубрава дала новой станице имя Дубовка.

За сорок лет правления клан Персидских обнаглел и заворовался. Это с ними, с ворами Персидскими, рассорится казак Фёдор Дубовский, которого за прав-

долюбие обвинят в поклёпе и навечно сошлют на Яик. В Илецком городке старик Дубовский увидит Пугачёва и узнает в нём Петра Фёдорыча, а Пугачёв сделает Дубовского атаманом Сакмарского городка. А на Волге, под вороватыми атаманами Персидскими расшалились и казаки.

За два года до Пугачёва они уже имели одного анциратора. Царём назвался тогда Федот Богомолов — беглый крепостной графа Воронцова. На реке Иловле он записался в волжское войско, поднял бучу и призвал казаков к походу на Дубовку. Власти быстро скрутили Богомолова и привезли в Царицын, но волжские молодцы пронюхали, где держат Федота, и кинулись его освобождать. Комендант Царицына полковник Цыплетев приказал солдатам палить в смутьянов из ружей. Когда горячие головы поостыли, на площади Царицына Федота высекли кнутом, а потом, вырвав ноздри и заклеив, сослали самозванца в Сибирь. В дороге Федот помер.

НА УРОВНЕ ВУЛЬГАРНОГО КАЗЁННОГО ПАФОСА ИСТОРИЮ РОССИИ ПОНИМАЮТ КАК ЧЕРЕДУ ВОЙН РУССКИХ С ИНОЗЕМЦАМИ — МОНГОЛАМИ, НЕМЦАМИ, ПОЛЯКАМИ, ШВЕДАМИ, ФРАНЦУЗАМИ, ТУРКАМИ, ЯПОНЦАМИ... НО ПОДЛИННАЯ, ГЛУБИННАЯ, СОКРОВЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ — ЭТО ВОЙНЫ РУССКИХ С РУССКИМИ

Про Богомолова Пугачёв узнал в Яицком городке, когда объявил себя Петром III казаку Денису Пьянову.

Пугачёвский дуб в городе Дубовка

Пьянов припомнил слух про Федота из Царицына — а Пугачёв тотчас охотно подтвердил: да, это был я, только я утёк, а не скончался. Так для казаков-разбойников Волги Емельян стал новым Федотом: вторым шансом распотрошить дворян, купцов и собственных богатеев. Пугачёв, понятно, не возражал против грабежа, но бунт он затеял не для этого. Грабёж — доблесть мужика, а не казака.

Атаман Персидский не стал совать башку под топор пугачёвщины: когда Пугачёв приблизился, Персидский поручил оборону Дубовки старшине Полякову и сбежал в Царицын. Но волжские казаки плевали на приказы Полякова. Старшина хотел поставить пушки в воротах станичной крепости — ему не дали. Хотел утопить порох в Волге — ему не позволили. Он послал Пугачёву письмо: дескать, в станице нет ни казаков, ни

казны, ступай с богом мимо. Но казаки выехали к Пугачёву со знамёнами и зазвали к себе.

17 августа Пугачёв въехал в Дубовку и занял большой двухэтажный дом Персидских. Здесь, в Дубовке, всё казалось Емельяну родным: такие же, как на Дону, тополя, такие же пыльные улочки, плетни, подсолнухи, рыбацьи сети на вешалах. И эти облака над Волгой, и томное лето, и жёлтая степь... На площади станицы Пугачёв принял присягу. Казаки заставили поклониться самозванцу и старшину Полякова, однако Пугачёв не смягчился и отправил старшину на виселицу. В Дубовке в войско Емельяна вступили 250 волжских казаков. Из них Пугачёв сформировал Дубовский полк. Но волжане разбегутся в первом же бою. А для Емельяна тот бой станет последним.

Уняв пугачёвщину, Екатерина упразднит бесполезное казачье войско Волги, а станичников зашлёт к свирепым горцам на непокорный Кавказ.

ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ВОЛЬНИЦ

Чудовищная Сталинградская битва так перепахала бывлой город Царицын, что от старины здесь ничего не осталось. Да и прежнее название города вытеснено громадой имени «Сталинград». Но всё равно нынешний мегаполис Волгоград — это ещё немножко и про Пугачёва.

Со времён Орды здесь было селение при перевозе, а перевоз устроили с передышкой на песчаной отмели

посреди Волги. Татары называли отмель Жёлтым островом — Сары-Син. В 1589 году русские воеводы возвели на переправе острожек, названный по созвучию Царицын, хотя никаких цариц в этом острожке сроду не бывало. Но трижды бывал царь — Пётр I. В 1722 году он сам распланировал в Царицыне новый «транжемент», а жителям города подарил свой картуз и свою трость. Крепость, начерченная императором, будет защищать горожан от пугачёвцев.

Картуз и трость Петра I
в музее Волгограда

Для бунта Царицын был воротами на Дон. Екатерина не верила, что казаки Волги удержат эти ворота, и потому в октябре 1773 года в Царицын пришли два донских полка. А летом 1774 года стало куда горячее. Власть перевела на Волгу ещё восемь донских полков. Чтобы донцы не забунтовали вместе с Пугачёвым, государыня переместила на Дон войска с закрытого турецкого фронта: семьи стали заложниками тех донских казаков, что на Волге охраняли Царицын. В Войске Донском сместили атамана Ефремова и поставила более надёжного атамана Сулина.

Донские казаки были самыми старшими и самыми авторитетными казаками России. Свою официальную

историю они отсчитывали с 1570 года. История была трудной: с мятежами и битвами. Последней ссорой с Россией было восстание Кондратия Булавина. Но времена великих вольниц прошли. Империя нуждалась в казаках Дона, которые сдерживали Турцию и были большой силой при войнах в Европе.

Дон замирился с Петербургом: выторговал себе небывалые льготы и отстоял казачьи ценности. Но помогать другим казачьим войскам — вроде Яицкого — Дон не спешил. Идея Пугача была понятна: сделать всю Россию такой, какова Область Войска Донского. Но в чём же тогда будут привилегии Дона? В этом случае Дон уравниется с Россией. Казачья ценность равенства на деле подразумевала уравнивание в правах с теми, кому лучше, а не с теми, кому хуже. Поэтому Тихому Дону Пугачёв был не нужен.

Донцы не хотели победы пугачёвцев, но сражаться с братьями-казаками тоже не хотели. Перед Царицыном несколько донских полков неохотно вышли на бой с мятежниками, получили от них по мордасам и тотчас ретировались в крепость с чувством исполненного долга. В плен к Пугачёву попал полковник Фёдор Кутейников.

В лагере бунтовщиков донские казаки Фёдор и Емельян сели в шатре за стол. Емельян свистнул жене Софье принести выпивку и закусь. Казаки потолковали начистоту. И Фёдор сказал, что от Дона бунту не будет ни войны, ни мира. На рассвете Емельян кликнул стражу и приказал полегоньку расстрелять друга Фёдю. Стража увела Кутейникова в соловьиный овраг. Выстрел оцарапал Кутейникову руку, а потом полковник

влез в седло, опохмелился и ускакал в Царицын. А Емельян распрощался с мечтой о Доне.

21 августа 1774 года орда Пугачёва вошла в Царицын и окружила крепость. Защитники на бастионах «транжемента» лишь посмеивались. «Здорово, Емельян!» — весело крикнул Пугачёву кто-то из старых знакомых. Мятежники и казаки лихо перестреливались из пушек шесть часов, положив друг у друга немало народу. Но лазутчики шепнули Емельяну, что к Царицыну, пыля степным трактом, шагает упрямый деташемент Михельсона, и Пугачёв скомандовал уходить из Царицына.

В Сталинградскую битву от бомб Люфтваффе осыплется береговая круча Волги, а из неё вывалятся чугунные пушки, набитые старинным золотом. Конечно, бойцам Сталинграда будет не до этих нелепых сокровищ. Но останется легенда о том, что немец выбил из земли даже пугачёвские клады, но не сумел выбить русских солдат. А клады, скорее всего, были не пугачёвские, а стенькиной понизовой вольницы. Весной 1670 года в Царицыне целый месяц сидели молодцы Стеньки Разина.

Отступая от Царицына, пугачёвцы поймали и присоединили к себе несколько заплутавших команд донских казаков, но «на первом ночлеге донцы все человек по человеку ушли». За отречение от Пугачёва Войско Донское получит от властей щедрую награду: казачьи звания на Дону приравняют к офицерским. Отныне в Войске Донском чин полковника будет давать право на потомственное дворянство. Любому казаку Дона откроется прямой и свободный путь в элиту государства Российского.

«САКСОНЫ»

Пугачёв отступил от Царицына на 30 вёрст и без боя занял небольшую, но ладную крепость с библейским названием Сарепта. В «транжементе» с шестью бастионами под защитой дюжины пушек стояли аккуратные дома, ратуша и новенькая кирха. Подобные городки Пугачёв уже видел в Европе.

На Волге ниже Саратова было немало таких пригожих селений. В них жили колонисты. В 1762 году государыня Екатерина призвала европейцев переезжать в её державу. Приехало 25 тысяч переселенцев: датчан, чехов, голландцев, немцев, шведов. Русские их всех называли немцами, как всех азиатов называли татарами. Власть дала «немцам» богатые земли по Волге и необычайные льготы, лишь бы гости остались насовсем. Так появилась сотня селений-колоний со своими администрациями, хозяйством, верой и языком.

**МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ КАЖЕТСЯ
БЕСКОНЕЧНЫМ. В СЛОБОДЕ САРЕПТЕ — СЕЙЧАС
ОНА В ЧЕРТЕ ВОЛГОГРАДА — ЯСНО,
ЧТО ГЕРМАНИЯ — ТОЖЕ НЕМНОЖКО РОССИЯ**

Жить в России колонистам окажется так комфортно, что за полтора века их число увеличится в 16 раз — до 400 тысяч. В 1918 году немцы Поволжья создадут свою Автономную область с центром в городе Маркс. Страшной осенью 1941 года, когда загрохочет Великая Отечественная война, Сталин подло обвинит «русских

Кирха в колонии Сарепта. 1772 год

немцев» в измене и вышвырнет с Волги в Казахстан, в Сибирь и на Алтай.

Пугачёв называл колонистов «саксонами». Для них у Емельяна сыскался толмач — поляк Ян Гомулка, бывший конфедерат, а потом слуга Державина. Под Петровском, когда Державин бросил своих казаков, его слуга попал в руки мятежников. Ян Гомулка перевёл манифест Пугачёва на немецкий язык и поехал по колониям оповещать о целях русского бунта.

Немецкие колонии были идеальными сельскими предприятиями XVIII века. Увы: создавая идеал, Екатерина не подумала о механизме его защиты — о спосо-

бе протестовать. Рядовым колонистам некуда было жаловаться: их прагматичные начальники сразу скупили чиновников саратовского управления колониями. Для протеста работникам оставался только бунт.

Трудолюбивые немецкие парни бережно убрали мотыги в амбары, умылись и организованно явились к самозванцу герр Пугатчофф, хотя не собирались становиться казаками. Но справедливость — юбер аллес.

Потом царские следователи никак не смогут понять, что же общего было у цивилизованных европейских колонистов и русских дикарей. Изумлённо качая головами в париках, следователи запишут про Пугачёва: «по выходе из Саратова пошел он колонистами, но оные драки с ево толпою не делали». А Пугачёв впервые столкнулся с тем, что казачья ценность справедливости оказалась и главной ценностью крестьян, ведь «саксоны» были крестьянами. Это объяснялось тем, что «саксоны» были лично свободными. Свободные «саксоны» требовали справедливости так же, как свободные казаки.

Пугачёв понял: правильно он сделал в Саранске, когда объявил свободу всем мужикам, а не только тем, кто уже вступил в его войско. Жаль только, что трёх недель от Саранска до Сарепты не хватило, чтобы крестьянство всё поголовно поставило справедливость выше выгоды — то есть сменило свои двухвековые ценности, выстраданные рабами на пашнях.

Сарепту Пугачёв занял 17 августа 1774 года и простоял здесь сутки.

Эту колонию в 1765 году основали «моравские братья» старшины Петера Конрада Фриза. «Братья» испо-

ведовали непротивление злу насилием и блюли евангельские идеалы. Речка Сарпа под Царицыном напомнила им ливанскую Сарепту, и «братья» назвали колонию именем из Ветхого Завета.

Когда пришёл Навуходоносор-Пугачёв, жители Сарепты спрятали нажитые богатства в подземельях под кирхой и ратушей: там их до сих пор ищут дигтеры. Женщин, детей и стариков «братья» отправили на барке по Волге в Астрахань, а мужчины ушли пешком. Они благоразумно двигались степью, в стороне от тракта, и погоня бунтовщиков не изловила беженцев.

Пугачёв смотрел на новенькую кирху Сарепты и думал, чего он уже только не видел: скиты, кремли, калмыцкие хурулы, мечети, «транжементы», мавзолеи, заводы, чувашские керемети, остроги, караван-сарай, усадьбы... Всё это бесконечное многообразие невозможно отформатировать по единому казачьему образцу. Казачьи ценности прекрасны для всех, но казачий образ жизни годится только для казаков. И Пугачёв отдал Сарепту на грабёж.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Орда Пугачёва уходила вниз по Волге, и было ясно, что это отступление. Бунт себя исчерпал. Как дурную бесконечность, его нельзя было завершить — можно только прекратить. И Пугачёв рвался к Астрахани, к Каспию и на Кубань. А преследовал Пугачёва один лишь деташемент Михельсона.

Самодельный пугачёвский
орден из музея Уфы

Посреди огромной приволжской степи Пугачёв и Михельсон наконец нашли друг друга. Им надо было ответить на тот вопрос, который был задан ещё на далёком Урале, на Лунной реке: кто кого? И судьба словно бы освободила пространство для ответа, для главной битвы.

Пугачёв остановился за оврагом в трёх верстах от села Солодники. Здесь у царицынского купца Солёникова находилась «ватага» — рыбные ловы с кошами рыбаков. Эти рыбацкие лачуги и стали свидетелями последнего яростного спора империи и свободы.

У Емельяна было около 15 тысяч бойцов. Под сочным закатом он собрал войско на круг. Полковники объявили, как в битве надо действовать пехоте и коннице, артиллерии и обозу. А потом Емельян достал ворох орденов — снятых с убитых дворян или самодельных — и принялся награждать своих сподвижников. Андрей Овчинников превратился в «генерал-фельдмаршала и всех орденов кавалера». Казак Фёдор Чумаков, который был с Пугачёвым с первых дней бунта, стал «генерал-фельдцейхмейстер и обоих орденов кавалер». Ивана Творогова, что примкнул к бунту в Илецком городке, Пугачёв произвёл в «генерал-поручики». Орденами и чинами Пугачёв осыпал едва ли не всех своих товарищей. На берегу Волги толпилось оборванное и бородатое войско разбойников — а блеск был словно в Зимнем дворце. Но чем причудливее зву-

чали звания и титулы, тем отчаяннее звенела немая просьба Емельяна: «Не предайте, братцы!».

Его предали.

Верность сохранили только Андрей Овчинников и Кинзя Арсланов. А девять яицких казаков во главе с полковниками Ванькой Твороговым и Федькой Чумаковым задумали сдать Емельяна властям и этим выкупить прощение. Ночью Чумаков набрал беремя дров и ушёл в тёмноту, чтобы забить поленьями стволы пушек и лишить войско артиллерии.

Пугачёв звериным чутьём догадался: быть беде. В ночь перед битвой в своём шатре, прощаясь, Емельян надел на Дуняшу Невзорову, «маленькую разбойницу», пояс с золотыми червонцами и приказал девчущке наутро бежать домой, на Урал, в завод Сатку.

Утром 24 августа 1774 года вооружённая орда Пугачёва столпилась за цепочкой из 25 пушек. Через овраг в атаку на мятежников пошёл detaшемент Михельсона: Чугуевский гусарский полк справа, Изюмский казачий полк слева, пехота в центре. У Михельсона было столько же пушек, сколько и у Пугачёва, но людей вдвое меньше — пять тысяч.

Пугачёв мог бы победить, если бы его канониры скосили атакующих залпами картечи. Но пушки мятежников молчали. Емельян ждал грохота стрельбы, сжимал рукоять сабли, гусары Михельсона приближались, а пушки молчали. Изюмские казаки в синих бешметах и чугуевские гусары в пернатых шлемах промчались сквозь умолкшие батареи и врубались в ряды бунтовщиков. Началась бойня. Мятежники не выдержали и побежали из-под вражеских сабель и пик. Ан-

дрей Овчинников, верный друг Емельяна, с горсткой казаков ринулся на конницу Михельсона и упал, убитый. В белёсых к осени ковылях у Солёниковой ватаги полегло семь тысяч мужиков. Обоз раскатился по степи, а шесть тысяч мятежников сдались в плен.

Вечером в мирный городишко Чёрный Яр, оторвавшись от погони, прискакала сотня уцелевших беглецов, в их числе — Пугачёв и яицкие казаки-изменники. Изменники хотели сдать властям Пугачёва, но пока ещё не могли вылучить момент и скрутить его: Емельян умел держать саблю — отмахался бы, да и рядом с ним всегда был твёрдый, как булат, Кинзя Арсланов. Поэтому заговорщики не проявили себя и выжидали.

**ПОЛЕ ТОЙ БИТВЫ НЕ ОТМЕЧЕНО НИ КУРГАНОМ,
НИ ОБЕЛИСКОМ. НАЦИЯ ОДЕРЖАЛА ЗДЕСЬ
ПОБЕДУ ИЛИ ЖЕ, НАОБОРОТ, ПОТЕРПЕЛА
ПОРАЖЕНИЕ? ПРАВЫ ИЛИ НЕ ПРАВЫ БЫЛИ
ПОБЕДИТЕЛИ? ДАЖЕ ВОЛГА ЭТОГО НЕ ЗНАЕТ.
И ПОКА НЕТ ОТВЕТА, ПОЛЕ БУДЕТ ПУСТЫМ
И БЕЗЫМЯННЫМ**

Город Чёрный Яр Пугачёву не был нужен, нужны были лодки. Лодки нашлись. Ночью мятежники переправилась на калмыцкий берег Волги. С Емельяном были жена Софья и сын Трофим, а дочки достались Михельсону вместе с обозом. Бунтовщики потеряли и казну, и артиллерию, и даже телеги с «царицками» — походный гарем. Весь день беглецы пробирались по камышам через бесчисленные тёплые ерики, потом пе-

Поле последнего сражения Пугачёва и Михельсона

реплыли Ахтубу — двойник Волги, — а потом через пески Шкили ускакали на восток.

1 сентября 1774 года в Царицын с войском вошёл генерал Суворов. Он опоздал к разгрому бунта — и слава богу. Суворов написал в донесении: «ежели все были как господин Михельсон, разнеслось бы давно всё, как метеор». Честь победить Пугачёва по праву принадлежала Михельсону. А честь непобедимого Суворова заключалась в том, чтобы уклониться от победы над Пугачёвым.

ОСЕНЬЮ НА УЗЕНЕ

Сотня беглецов затерялась среди пожелтевших степей за Ахтубой. В Заволжье мятежники находились уже в безопасности. Пушки отгремели, пули отсвистели, топот погони утих, и теперь только степные жаворонки заливались в пустом синем небе. Беглецы добрались до багровой горы Богдо, священной горы калмыков. На ветру гора пела и курлыкала свирелями бесчисленных пещер. Впереди лежали пустыни Рын-песков.

Пугачёв думал, куда ему теперь идти. Можно в Казахстан к Аблай-хану. Можно в Джунгарию к калмыкам князя Банбура. Можно вернуться к башкирским шиханам, как звал Кинзя Арсланов. Можно в Персию, в Крым, в Турцию. Можно в Запорожскую Сечь. Можно в Сибирь. Но всё равно речь шла уже о спасении, а не о продолжении бунта.

Он проиграл. Хотя вовсе не потому, что казачья держава — химера. Победить можно и с химерой, была бы сила. А сила порождается суммой разных сообществ России, разных миров. Были казачий, рабочий, крестьянский миры. Были миры инородцев — татар, башкир, черемисов, чувашей, эрзи, калмыков, «саксонов». Были миры маргиналов — раскольников, нагайбаков, кряшен. Чтобы обрести силу, необходимую для победы, надо объединить эти миры общей ценностью.

Пугачёв яростно искал общую ценность для разных идентичностей России. Он думал, что возможность жить по идентичности и есть эта общая ценность. Но идентичности только разъединяли. А объединяла, увы, только идея империи, которая вне любой идентичности.

Былые мятежники определились: они уходят на Яик. Пугачёв возвращал казаков туда, откуда взял. Только так он мог избежать предательства. О заговоре он догадался, когда в последнем бою промолчали его пушки.

Идти на Яик от Богдо через гибельные Рын-пески было немыслимо. Беглецы решили выйти на дорогу. Они вернулись к Волге и, скрываясь, по левому берегу поднялись вверх до станицы, стоящей напротив Камышина. Здесь они раздобыли провиант и телеги, потому что даже Софья Пугачёва ехала верхом. Дальше тракт

Река Большой Узень в селе Александров-Гай

уводил на восток к Яику вдоль северного края солёного озера Эльтон. Белые солевые поля побережья растаяли в мареве за правым плечом. Впереди лежали реки Узени — Малый и Большой. Круг бунта замыкался. Опять Узени, опять яицкие казаки, и опять Емельян в их власти...

Отряд форсировал Малый Узень и остановился на берегу Большого Узеня. Разведчик перебрался на левую сторону реки и закричал, что видит скит с бахчой. Емельян решил тоже сплавать за арбузами. В охрану ему вызвались казаки из числа заговорщиков. Пугачёв их не заподозрил — иначе бы и не доверился. Основной отряд и надёжный Кинзя остались на правом берегу Большого Узеня. На этих берегах — на правом и на левом — сейчас стоит село Александров-Гай.

Пугачёв и заговорщики переплыли реку, держа коней в поводу, вылезли на отмель, залезли в сёдла... Тропка до бахчи была протоптана в камышах. Двигались без спешки. И вдруг казак Федульев завопил: «Хватай Емелю!». Казак Бурнов, ехавший рядом с Пугачёвым, прыгнул на Емельяна и выбил из седла. Еме-

льян упал, выронив саблю. Несколько казаков рухнули на него сверху, но Пугачёв расшвырял их, вырвался, взлетел на коня и поскакал вглубь камышей, надеясь укрыться. Казаки помчались на перехват. Они догнали Пугачёва, опять вышибли из седла на землю и связали.

Заговорщики побоялись возвращаться к своему отряду. Тем, кто остался на правом берегу Большого Узенья, они через реку прокричали, что связали Емельяна и повезут его в Яицкий городок, что бунт окончен, и они едут сдаваться, кто хочет — нехай догоняет. И многие из отряда потом догнали изменников. Но не все. Не предав друга, исчез в степях Кинзя Арсланов.

ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ НИЖНЕЙ ВОЛГОЙ И НИЖНИМ ЯИКОМ ФАНТАСТИЧНЫ, КАК НА ВЕНЕРЕ. ПОЧТИ ПУСТЫНИ, ОНИ ВСЕГДА БЫЛИ ОБИТАЕМЫ. ЗДЕСЬ НАД ТАКЫРАМИ МЕРЦАЮТ ПРИЗРАКИ БЫЛЫХ ГОСУДАРСТВ: ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА И НОГАЙСКОЙ ОРДЫ, АСТРАХАНСКОГО ХАНСТВА ТАТАР И ТОРГОУТСКОГО ХАНСТВА КАЛМЫКОВ, БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ КАЗАХОВ... И ВСЕМ ИМ ЗАУНЫВНО ПОЁТ ВЕТРАМИ СВЯЩЕННАЯ ГОРА БОЛЬШОЙ БОГДО

Империя не обманет тех, кто обманул Пугачёва. Их не казнят, а лишь сошлют в Прибалтику, и они тихо доживут свой век, кому сколько суждено.

По осенним степям Общего Сырта от Узенья к Яику бывшие мятежники везли обречённого Емельяна Пугачёва. Его не связывали, а держали в плену по-степно-

му, по-казацки: сажали только на усталых лошадях. На изнурённой лошади никуда не ускочишь, а пешком по степи не ходят.

14 сентября 1774 года на Бударинский форпост въехала толпа бородатых и оборванных казаков. Вместе с ними, точно равен им и свободен, в седле ехал и Емельян. Дозору заговорщики сказали, что Пугачёв ими «пойман и ведётся». А Емельян молча смотрел, как по небу над Яиком улетают на юг вольные птицы.

ДОЗНАНИЕ

В Яицком городке Пугачёва допрашивал чиновник секретной комиссии капитан-поручик Савва Маврин. Поначалу он относился к Пугачёву как к выродку, а потом вслушался в слова Пугачёва — и был поражён. Он написал Екатерине донесение, где сказал напрямую, что в бунте виноват вовсе не Пугачёв, а дворяне. Маврин первым увидел в пугачёвщине ту тропку, по которой до конца первым пройдёт Пушкин.

18 сентября в Яицкий городок из Царицына прибыл генерал Суворов, чтобы конвоировать арестованного Пугачёва в Симбирск. Пугачёву надели кандалы и посадили его, словно зверя, в железную клетку. Клетка, качаясь, стояла в телеге, а Суворов подолгу ехал рядом на коне и разговаривал с пленником. Суворов хотел понять, что за буран прокатился по его родине. Конвой Пугачёва состоял из 750 человек: гусар и гренадеров Суворова и казаков Мартемьяна Бородина. У конвоя было пять пушек.

Государыня не хотела поручать борьбу с бунтом знаменитому Суворову: это показало бы, что империя в панике и обращается к последним средствам. Суворов поехал на Волгу, когда бунт уже погибал. Послать Суворова «под занавес» было мудрым решением: Суворов знает, что такое война, и не польстится на дешёвую славу покорителя мужиков. Он будет милостив.

Так и получится. Страну, взрытую мятежом, Суворов будет успокаивать, а не усмирять. Поздней осенью 1774 года он прикатит в Уфу, выдаст себя за собственного адъютанта, чтобы избежать фанфар, и поселится в доме заводчика Демидова. Целый год Суворов будет налаживать дела в Башкирии, а потом поедет на Кубань, отданную турками, и примется сооружать «транжементы» вместо крепостей ушедших «игнат-казаков».

**ВОЗМОЖНО, ПУГАЧЁВ НИКОГДА НЕ СИДЕЛ
В ПУГАЧЁВСКОЙ БАШНЕ БУТЫРСКОГО ЗАМКА.
НО ЛЮДСКАЯ МОЛВА НЕ МОГЛА НЕ СВЕСТИ
ПУГАЧА И БУТЫРКУ. ОЧЕНЬ УЖ
МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНО РАСПОРЯДИЛАСЬ
ИСТОРИЯ, СДЕЛАВ РОВЕСНИКАМИ
ГЛАВНЫЙ БУНТ ДЕРЖАВЫ И ГЛАВНУЮ ТЮРЬМУ
ДЕРЖАВЫ**

В Симбирске Пугачёв попал к графу Петру Панину, командующему войсками, которые были собраны против мятежников. Граф изволил своей ручкой выдрать вору полбороды. Потом на площади Симбирска Пугачёва заставили каяться перед горожанами. Крепостной живописец нарисовал душераздирающую картину

Пугачёвская башня Бутырской тюрьмы

«Пугачёв устрaшённый»: на ней к трепещущему и плачущему Пугачу из клубов дыма тянул руки дьявол.

Допрашивал Пугачёва генерал Потёмкин, начальник Секретной комиссии из Казани. Пугачёва секли кнутами, и он под диктовку Потёмкина оговорил немало безвинных людей, особенно раскольников. Павел Потёмкин отказался увидеть в мятеже смысл и расчёт: «Всё производимо было случайно, по остервенению». Предвзятые выводы Потёмкина потом придётся проверять московским следователям.

Через три недели по снежному первопутку сани с клеткой Пугачёва поехали из Симбирска в Москву. В Москве Пугачёва сначала посадили на цепь в Монетном дворе на Охотном ряду, затем перевели в недостроенный Бутырский тюремный замок. Здесь его допрашивал сам Степан Шешковский, обер-секретарь Сената. У Шешковского было прозвище «кнутобойца», и государыня предупредила ретивого слугу, что Пугачёв должен дожить до суда: с пытками надо аккуратнее. Екатерина хотела «досконально узнать все кроющиеся плутни». Емельяну приказали, чтобы он «исторически говорил с начала». «Кнутобойца» сел за стол рядом с прикованным к стене Пугачёвым и собственноручно «писал день и ночь злодеев историю». Протоколы донесли слова Емельяна, но никакие «допросные листы» не донесут мёртвую тишину бутырских казематов, которая сменила живой гул Великой Степи.

Тех, кого Пугачёв оболгал под кнутом Потёмкина, доставили на очные ставки в Москву, расспросили и потом освободили с «оправдательным билетом». А вот на очных ставках с Ванькой Чикой и Максимом Шигаевым получилось нехорошо. Емельян, Ванька и Максим бесстыже сваливали вину друг на друга. Казаки врали, что верили, будто Пугачёв царь, а Пугачёв врал, что во всём был игрушкой в лапах у казаков. Что ж: мятежники тоже были не из булата откованы и очень хотели спастись от плахи.

Больше всего следователи боялись, что Емельян Пугачёв окажется наймитом иностранных держав. Дело в том, что в Париже бывший волжский колонист Ламер сообщил священнику русской миссии, будто Пу-

гачёв — житель Очакова, который собирался поднять бунт колонистов и польских конфедератов в Царицыне и Саратове ещё в 1770 году. Якобы агент Пугачёва некий француз Каро вёл тайные переговоры в Италии, Голландии и Франции о военной поддержке бунта из-за рубежа. Эти страхи оказались напрасными. Следствие с облегчением установило, что Емельян не входил в сношения с чужими державами. Следовательно заключил о Пугачёве: «Помощи ж и надежды ни на кого он, кроме его сволочи, не имел».

СМЕРТЬ СТЕПНОГО ЗВЕРЯ

Суд над Пугачёвым начал заседать 31 декабря 1774 года. Это был честный суд, потому что преступлений подсудимого и так хватало на любой приговор. Судьями были 14 сенаторов, 11 вельмож, 6 министров и 4 члена Синода. Пугачёва привозили на заседания в кандалах и ставили перед судьями на колени. Руководил процессом князь Александр Вяземский. Связь с Екатериной была через князя Михаила Волконского.

Конечно, приговор Пугачёву вынесла императрица, и вынесла задолго до суда и даже до окончательного разгрома бунта. Екатерина присылала судьям свои указания, но потом эти письма были тщательно изъяты из всех архивов. Государыня сама боялась суда — суда Истории.

В смертном приговоре Пугачёву никто не сомневался. Екатерина сожалела лишь о том, что эта казнь во

мнении Европы уравнивает её Россию с Русью Ивана Грозного: «такова честь, которой мы удостоимся вследствие этой выходки преступного мальчишки». Единственным спорным вопросом был способ казни. Судьи решили: четвертовать Пугачёва. «Примеров такому наказанию ещё не было», — оторопело сообщил государыне князь Вяземский.

9 января 1775 года суд торжественно огласил приговор: казака Емельяна Пугачёва четвертовать, голову его насадить на кол, части тела разнести по городским заставам и положить на колёса, потом всё сжечь, а пепел развеять. Государыня смиренно поясняла: «В теперешнем случае казнь нужна, по несчастию, для блага империи». Члены Синода не подписали приговор — не по-христиански всё это, а церковь сняла с Пугачёва анафему, чтобы Емельян исповедался и причастился. Известие о казни Пугачёв встретил мужественно.

10 января, в тусклый зимний день, Москва собралась на Болотной площади. Здесь в окружении солдатского строя стоял новенький дощатый эшафот. Толпа во все глаза смотрела, как с Большого Москворецкого моста свернул длинный санный поезд. На огромных санях везли обычного мужика в тулупе. Стрижен в кружок, с короткой бородой... Неужели это — тот самый дьявол, который из пекла вознёсся едва ли не до небес?

Тот сатанаил, что возгордился пред государыней и господом?

Екатерина не хотела для вора ореола мученика и тайно распорядилась сначала отсечь Пугачёву голову, а потом рубить те-

Кандалы Пугачёва
в Историческом музее

ло. Емельян и несколько мятежников друг за другом поднялись на эшафот. Стиснув в кулаках горящие свечи, бунтовщики выслушали приговор. Крестьясь на все стороны, Пугачёв простился с народом. Конвоиры потащили его и повалили на плаху. Удар топора — и палач поднял за волосы голову Емельяна с вытаращенными глазами. На палача с руганью набросился московский обер-полицмейстер Архаров: голову надо было отсекать в последнюю очередь! Но это негодование было разыграно. И потом «пошла стукотня на прочих плахах».

Вслед за Емельяном четвертовали Афанасия Перфильева: казака-«ворона», которого граф Орлов подослал убить Пугачёва. Затем повесили Максима Шигаева, самого жалостливого из всех пугачёвцев. Повесили Казачьего сотника Тимофея Подурова, которого Емельян не выручил под Оренбургом, и «персиянина» Василия Торнова. Рядом с эшафотом были вкопаны столбы, к которым привязали осуждённых на кнут. Палачи до полусмерти избили 22 человека, в том числе Канзафара Усаева и жулика Афанасия Долгополова. Под шпицрутенами умер офицер Фёдор Минеев. На казни товарищей были обречены смотреть Ванька Чика и Каранай Муратов.

Клетка Пугачёва
в Историческом музее

На следующий день останки Пугачёва и других казнённых, а также их плаха и сани, в которых их привезли на казнь, были сожжены дотла.

Но власти не были кровожадны. В целом, в России в пугачёвщину бунтовало сто тысяч человек. Погибло больше двух тысяч дворян. Но к смертной казни присудили всего 324 мятежника, и около восьми тысяч были высечены плетью. 17 марта 1775 года Екатерина издала Указ, по которому всем, кого ещё не успели покарать, «убавили» наказание на порядок. А бунт и Емельяна Пугачёва предали «вечному забвению».

**МОСКВА — ВЕЛИКАЯ МЕЧТА И ЖИВОТНЫЙ
УЖАС ЛЮБОГО РУССКОГО МЯТЕЖНИКА.
СВОБОДНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ ПУГАЧЁВ В МОСКВЕ
НЕ БЫВАЛ. СТАВ ПЛЕННИКОМ, ОН ИСПЫТАЛ
НА СЕБЕ, ЧТО ОЗНАЧАЕТ «УВИДЕТЬ МОСКВУ
И УМЕРЕТЬ»**

Над современной Болотной площадью в Москве, где ничто уже не напоминает о былых казнях, в гомоне мегаполиса и в шуме XXI века по-прежнему беззвучно содрогается последний отчаянный крик Емельяна Пугачёва: «Прости, народ православный!». В чём каялся великий русский грешник? В своей дерзости? Или в своём поражении?

Он больше ничего не сказал, и тайну его покаяния до сих пор не знает никто. Что он думал, ведомо только степным бураам, вечно бегущим по Общему Сырту.

Догони и спроси.

ЭПИЛОГ

ДЕВОЧКА ИЗ ТАТИЩЕВО

В 1910 году в городе Самаре умер нелюдимый и слепой старик Лаврентий Ефимов. Об этой смерти сообщила не самарская, а почему-то петрозаводская газета «Олонецкие губернские ведомости». Её репортёр дознался, что Лаврентию Ефимову стукнуло 150 лет, и он — последний пугачёвец России. Якобы он попал к мятежникам в возрасте пятнадцати лет, а после бунта тридцать лет провёл на каторге в Сибири. Репортёр бодро протараторил, что Ефимов вместе с Пугачёвым осаждал Казань и Саратов, вместе с Ванькой Чикой — Уфу, вместе с Ильёй Араповым — Самару, вместе с Фирсом Ивановым — Симбирск. Короче, участвовал во всём.

Уже не узнать, был или не был Лаврентий Ефимов пугачёвцем, да это и не важно. Мелкая заметка в разделе «Смесь» в провинциальной газете означала, что нация полностью изжила травму бунта. Последний мятежник похоронен с богом. Боли больше нет. Есть только восторг перед грандиозной панорамой былого бунта — и вечная русская загадка: отчего же у нас не по-

лучается?.. Ведь Пугачёва — по большому счёту — одолели не пушки Михельсона и не ловушки предателей. Его одолела идея империи.

Империя — сложная динамическая конструкция, а не корсет, который всем придаёт одинаковую осанку. Империя всегда объединяет разные идентичности. Но чем? Тем, что в империи ценности по идентичности всегда важнее свободы.

Для казаков равенство и справедливость важнее свободы.

Для крестьян власть и собственность важнее свободы.

Для рабочих дело и труд важнее свободы.

Для инородцев вера и традиция важнее свободы.

ПУГАЧЁВЩИНА ПРОШЛА СКВОЗЬ ДЕСЯТКИ ГОРОДОВ И СОТНИ СЁЛ, НО ПАМЯТНИК ПУГАЧЁВУ — ЕМЕЛЬЯНУ ПУГАЧЁВУ, А НЕ ВЕЛИКОМУ БУНТУ — СТОИТ ЛИШЬ В ГОРОДЕ САРАНСКЕ. МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ПОТОМУ, ЧТО ИМЕННО В САРАНСКЕ ЖЕСТОКИЙ И ОТВАЖНЫЙ КАЗАК ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЁВ ПЕРВЫМ В ИСТОРИИ УРАВНЯЛ РОССИЮ И СВОБОДУ

В империи все идентичности несвободны по-своему. Империя скреплена разницей несвобод. Каждому запрещено своё, и борьба с запретами разделяет борцов, а не консолидирует. Бунт против империи оборачивается междоусобицей бунтовщиков, как в пугачёвщину крестьяне сцепились с рабочими, а башкир

Памятник Пугачёву в Саранске

и казаков вожди удерживали на расстоянии друг от друга. В несвободном обществе идентичности губят порывы к свободе.

Емельян сделал ставку на идентичность: хотел дать каждому своё. Казакам — круг, раскольникам — бороду, башкирам — горы. Но от этого армия Пугачёва рассыпалась на несвязанные отряды и банды.

Емельян успел понять, в чём роковая причина разброда. Из Саранска он объявил свободным любого че-

ловека в России. И символично, что памятник Емельяну Пугачёву стоит только в Саранске. Именно Емельяну Пугачёву, а не великому русскому бунту. Но в Саранске было уже поздно. Инерция идентичностей пронесла бунт Пугачёва мимо победы.

Идентичности — не зло и не добро. Это данность. А добро и зло — это свобода и неволя. В империи идентичность закрепощает человека: она предлагает ему один-единственный метод социализации. А в свободном мире идентичности раскрепощают: дают человеку конкурентные преимущества. В неволе идентичность — традиция, на свободе — компетенция.

Конечно, Пугачёв ни о чём таком не думал. У него были свои уроки, и за них он заплатил сполна. Стране, которую любил, и державе, которую ненавидел, он принёс страшные бедствия. Но истоки зла были вне Пугачёва. Поэтому «проклясть Пугачёва» и «простить Пугачёва» означает теперь, в общем, одно и то же.

...Татищева крепость ныне превратилась в просторное и тихое степное село с памятником Пушкину. Битвы здесь отгремели давным-давно. История отступила от села, похоже — навсегда, и река Урал тоже ушла в сторону, а ложбина её заросла тополями. Там, где были бастионы «транжемент», установлены небольшие «краеугольные камни» с надписью «Угол крепости».

Мне, автору этой книги, эти камни показывала маленькая девочка, наверное, первоклассница. «Угол крепости», — старательно прочитала она мне по слогам: вдруг я неграмотный, всякое бывает.

«А какая тут крепость была?» — коварно спросил я.

«Краеугольный камень» в селе Татищево

Девочка таращила глазёнки. Что она ответит? Вопрос-то не детский. «Старая крепость»? «Царская»? «Казачья»? Или может даже «пугачёвская»? И девочка ответила мне так, что небо стало очень синим, а земля огромной и прекрасной.

— Наша, — сказала девочка из Татищево.

Оглавление

Пролог. История и территория	7
------------------------------------	---

Часть первая
«...БОРОДАМИ И МОЯМИ...»
Казачи против казаков

Великая степь	12
Улус Пугачёва	16
Летописец бурана	19
Сарацины для русских	23
«Орлы брадастые»	26
Хива: казачий армагеддон	30
«Бедные родственники»	34
«Меньшие братья»	38
Первый гром	41
«Набеглый царь»	45
Берег утопии	48
Крестный дозор	51
Воцарение в Илеце	54
Маленькие трагедии «транжементов»	58
Татищева крепость	62
Капитанская дочка	65
Оренбуржье: казачья Россия	69
Манифест «Разбойничьей партии»	73
Осень в Оренбурге	75

Из грязи в князи	79
Из князи в грязи	82
Бёрды: казачья Москва	85
Невольники чести	89
Оборона Челябинска	93
Подполковник-грубиян	96
Атаманская дочка	100
Осада Оренбурга	103
Оренбургский Фауст	107
«Узкая дверка»	111
Разгром	114
Сила слова	118
Вся королевская рать	121
Емельян и Мартеньян	125

Часть вторая

«...Всякими вольностями...»

Крестьяне против рабочих

Арабской вязью	129
Уральские атланты	132
«Злодейское литьё»	136
Иго работы	139
Две машины	142
Казнокрад	145
Горнозаводская держава	149
Сын Никиты, внук Никиты	153
Насильно мил	157
Компанейщики	160
Копи царя-самозванца	164
Медный бунт	167
Горнозаводский рейдер	171

На Щелкунской дороге	175
Меж двух цариц	179
Дубинщина	183
Стены обителю	186
Вера в сказки	191
Страшнее Пугачёва	195
Новое небо и новая земля	199
«Самый бедный человек»	202
Тропы каторжан	206
«Вечное зрение»	209
Воистину воскрес	212
Живущие неубого	216
Гроза в начале мая	219
Отставной канонир	223
Польза «крапивного семени»	226
Сержантская дочка	229
Вотчины зверя	232
«Под тоё крепость грудью шли»	236
Деташемент	241
Навеки здесь	245
Касатка с завода Сатка	249
Златоуст	252
Битвы на луне	255
Поворот	258
Ассессор и агрессор	262
Заводы Камы	265
Прощальный пожар	269
Неоплошные	274

Часть третья
«...Подобны степным зверям...»
Башкиры против государства

Люди-волки	278
Четыре даруги	282
Мерген и Садир	286
Два мавзолея	290
Южная война	294
Табынская богоматерь	298
Черемшанская линия	301
Исетская линия	305
Сеянтус: башкирская Хатынь	309
«Бичура»	313
Напрасная пристань	317
Война всё спишет	320
Самовар для Страшного Суда	324
Изверги	328
Восток — дело тонкое	332
Хан ниоткуда	336
«Путь будет!»	340
Перо и полумесяц	344
Кинзя	348
Оборона Уфы	353
Нагайбак: башкирский Вавилон	356
Под конём	361
Человек-клич	365
Честь майора	369
«Храбрым предкам»	374
Опыт поражений	378
За неправду и Сеянтус	382
«Избранный»	386
«Город мал и зол»	389

Осада Осы	394
Уфа по плечу	398
«Находиться в беспокойстве»	402
Коктемир — невидимый Пугачёв	406
Чужое далёкое море	410
После бури	414

Часть четвёртая
«...ЛОВИТЬ, КАЗНИТЬ И ВЕШАТЬ...»
Каждый за себя

Великий жулик	419
Булгария	422
Башня Сююмбике	427
Волга — нерусская река	431
«Заступление божье»	435
Трижды мятежный	439
Мсть и корысть	442
Пожар Казани	446
Юность Петра Фёдоровича	450
«Игнат-казаки»	453
Россия параллельная	457
Царя играют самозванцы	461
Волга-Яик-Кубань	464
Мертвец Общего Сырта	468
Подлец страшнее полчищ	471
На Арском поле	475
Пугачёвское лукоморье	479
Герой-разбойник	483
Пугачёвщина без Пугачёва	488
Храм и кереметь	492
Пугачёвская Палатка	496
Карсунская линия	500

Коронованные	504
Юрьев день для Емельяна	508
«Народ не воин»	512
Самарская линия	516
Степан и Емельян	519
Побоище и пепелище	523
Один за всех	526
Монголы без ига	531
Казачи-разбойники	534
Не тот Федот	538
Времена великих вольниц	542
«Саксоны»	546
Последний бой	549
Осенью на Узене	553
Дознание	557
Смерть степного зверя	561
Эпилог. Девочка из Татищево	565

Иванов Алексей Викторович

ВИЛЫ

Заведующая редакцией Елена Шубина

Редактор Алексей Портнов

Корректор Любовь Отдельнова

Художественный редактор Константин Парсаданян

Компьютерная вёрстка Константина Москалёва

<http://facebook.com/shublnabooks>

<http://vk.com/shublnabooks>

Подписано в печать 18.07.2016. Формат 84x108/32
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 3000 экз. Заказ № 2185/16

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО "Издательство АСТ",
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

16+

"Баспа Аста" деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлім
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:
123317 г. Москва Пресненская наб. д. 6 стр. 2 БЦ "Империya" а/я № 5
Тел.: (499) 951 60 00 доб. 574

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі "РДЦ-Алматы" ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3"а", литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімінің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А, www.pareto-print.ru

«Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный», — написал Пушкин в «Капитанской дочке»... и убрал из романа главу с этими словами. Слова прекрасные, но неверные. Русский бунт вовсе не бессмысленный. Далеко не всегда беспощадный. И увидеть его — впечатление жестокое, но для разума и души очистительное.

Бунт Емельяна Пугачёва сотрясал Российскую империю в 1773–1775 годах. Для России это было время абсолютизма и мирового лидерства. Но как Эпоха Просвещения породила ордынские требования восставших? В пугачёвщине всё очень сложно. Она имела весьма причудливые причины и была неоднородна до фантастичности. Книга Алексея Иванова «Вилы» — поиск ответа на вопрос «что такое пугачёвщина?».

Этот вопрос можно сформулировать иначе: «а какова Россия изнутри?». Автор предлагает свою методику ответа: «наложить историю на территорию». Пройти сейчас, в XXI веке, старинными дорогами великого бунта и попробовать понять, кто мы такие на этой земле.

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ISBN 978-5-17-097944-8

9 785170 979448